Ярослав БУТАКОВ

ВА

БРЕСТСКИЙ МИР: ловушка Ленина для кайзеровской Германии

Военный Архив

Ярослав
БУТАКОВ

БРЕСТСКИЙ МИР:

ловушка Ленина для кайзеровской Германии

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Я.А. Бутаков

БРЕСТСКИЙ МИР
Ловушка Ленина для кайзеровской Германии

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 6-6
Б93

Бутаков, Я.А.

Б93 Брестский мир. Ловушка Ленина для кайзеровской Германии / Я.А. Бутаков. — М.: Вече, 2012. — 448 с. : ил. — (Военный архив).

Знак информационной продукции 18+

ISBN 978-5-9533-6333-4

Книга представляет собой оригинальную версию событий Первой мировой войны и иностранной интервенции в России, которые автор рассматривает как единую Вторую Отечественную войну России 1914—1920 гг.

Основная сюжетная линия — возникновение, ход и итог революции 1917 года на фоне всемирной катастрофы. Автор ярко показывает политическую изоляцию Николая II в государственной элите Российской империи. Обосновывается тезис о том, что Гражданская война в России стала неизбежной задолго до прихода большевиков к власти, по причине близорукой и эгоистичной политики либеральной элиты, устранившей царя.

В книге разоблачаются домыслы о Брестском мире как о якобы добровольной уступке Ленина немецкому кайзеру Вильгельму II. В обстановке развала государства и армии любое российское правительство, оказавшееся на месте большевиков, тоже было бы вынуждено заключить сепаратный мир с Германией.

Убедительно раскрыто влияние Брестского мира на последующие события. Для России он не имел долгих пагубных последствий. Зато благодаря нему русская революция бумерангом ударила по кайзеровской Германии. Революционное разложение немецкой армии, оккупировавшей западные области России, значительно ускорило падение кайзеровского режима и поражение Германии в Первой мировой войне.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2) 6-6

ISBN 978-5-9533-6333-4

Введение

КАК ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА ПРЕВРАТИЛАСЬ В «ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ» И ГРАЖДАНСКУЮ?

Летом 1914 года вспыхнула война, по масштабам и числу жертв не имевшая прецедента в истории человечества — Первая мировая. Во многих странах Европы стоят памятники ее солдатам. В России же как-то не было принято вспоминать о ней. А если и вспоминали, то обычно в связи с другими событиями, наложившимися на нее, — революцией 1917 года и Гражданской войной. В памяти многих поколений наших соотечественников к этой войне оказался прочно приклеен ярлык «империалистической».

Между тем война 1914 года была поначалу воспринята в российском обществе как Отечественная. Вторая Отечественная война. Это в ее первые дни Николай Гумилев написал известные вдохновенные строки:

...И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.
Тружеников, медленно идущих
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови...

И пошел добровольцем на фронт.

«В грозный час испытаний да будут забыты внутренние распри. Да укрепится еще теснее единение Царя с Его народом и да отразит Россия, поднявшись как один человек, дерзкий натиск врага», — набатом разносились по стране слова царского манифеста от 20 июля 1914 г.[1], на следующий день после объявления Германией войны России.

Ведь никогда прежде, даже в приснопамятный год нашествия Наполеона, столь грозная и необоримая сила не надвигалась на Россию с Запада.

Призывные пункты в городах осаждались студентами и лицами интеллигентных профессий, имевшими бронь от службы в армии. Чиновники Военного министерства Российской империи изумлялись: явка призывников превысила запланированную на 15 %[2]! Дело в том, что, учитывая широко разлитые антиправительственные настроения в обществе, оборонное ведомство в своих расчетах исходило из ожидания большого некомплекта при проведении мобилизации.

Патриотические настроения даже перехлестнули через край. Толпы возбужденных подданных русского царя разгромили посольство Германии в Петербурге. Справедливости ради нужно отметить, что это произошло уже после отъезда германского посла и только после того, как культурные бюргеры едва не растерзали уезжающего русского посла на улицах Берлина. Сам Петербург из-за его «немецкого» названия был переименован на русский лад в Петроград.

На время проведения мобилизации был объявлен «сухой закон»: христолюбивому воинству подобало идти на поле брани с трезвыми помыслами и с молитвой в сердце…

Почему же спустя три года те же самые воины, все это время изумлявшие мир своими героическими подвигами, стали массами дезертировать с фронта? «Штык в землю!», «До нас, тамбовских (курских, рязанских), немец не дойдет!» — такие

---

[1] Здесь и далее по старому стилю, отстающему от нового на 13 дней (в скобках иногда указывается дата по новому стилю), указываются все даты до 31 января (13 февраля) 1918 года включительно.

[2] *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1999. С. 494.

настроения стали преобладать у тех, кто совсем недавно был готов отдать свою жизнь за православную веру, царя и Отечество. Правда, царя не стало, вера поколебалась, но как быть с Отечеством, которое, как известно, не выбирают?..

Произошедшая с русским народом внешняя метаморфоза настолько поразила современников, что многие из них отказывались признавать в этом народе свою плоть от плоти и кровь от крови. «Какие мерзкие даже и по цвету лица, желтые и мышиные волосы! ...Сколько лиц бледных, скуластых, с разительно асимметричными чертами среди этих красноармейцев и вообще среди русского простонародья — сколько их, этих атавистических особей», — таким виделся народ в эти «окаянные дни» писателю Ивану Бунину. Народ платил таким, как он, той же монетой, время от времени воплощая призывы «вспарывать животы буржуям» в конкретные действия...

Тем, кто ждет от автора чего-то вроде саги о гибели святой Руси от рук вражеских наймитов-большевиков, рекомендую закрыть книгу, ибо дальше их ждет разочарование. Точно так же будут разочарованы и те, кто хотел бы в событиях 1917—1918 гг. видеть одно лишь справедливое восстание угнетенных против многовековой эксплуатации. Была и гибель ценностей, на которых столетиями зиждилась Россия. Было и восстание бедных классов населения — «кто был ничем», хотел «стать всем». Но самое главное в тех событиях — что Россия осталась жить. Что русский народ — главное действующее лицо нашей истории — отстоял и отстроил заново это государство. Это несмотря на то, что опасность, грозившая самому существованию России, была в те годы самой сильной в XX веке. Сильнее даже, чем в 1941—1942 гг.

Понимания этой сути происходившего недостает многим пишущим ныне о российской революции. Между тем именно это должно представляться самой главной загадкой — не то, как Россия в 1917—1918 гг. очутилась в пропасти, но то, как она выкарабкалась из нее. И не просто выкарабкалась, но и в течение XX века достигла небывалого прежде развития производительных сил, внутреннего благосостояния и внешнего могущества. Правда, современному читателю все эти эпитеты

в отношении России могут казаться издевкой над ее нынешним положением. Но это быль, и лет 25—30 назад мало кто усомнился бы в справедливости вышеприведенной оценки.

Феномен России XX века невозможно понять, не уяснив феномена российской революции во всей его сложности и многообразии.

До сих пор именно революция 1917 г. не позволяет многим, причем по разным основаниям, считать Первую мировую войну Отечественной для России. После 1945 г. мы усвоили, что Отечественная война обязательно должна заканчиваться триумфальным вступлением наших войск в столицу поверженного противника. Но давайте представим на минуту, что в 1812 г. русское воинство, изгнав Наполеона за пределы нашего Отечества, остановилось бы на границе (как и советовал мудрый старец Кутузов), а не погналось за ним дальше по всей Европе. Разве от этого война 1812 года перестала бы быть для нас Отечественной войной?!

Наши казаки еще напоят своих коней водами Шпрее и Голубого Дуная в 1945 г.! Тогда же, в 1914—1918 гг., этот исторический момент оказался просто отсрочен. А то, что в итоге над рейхстагом взвилось не бело-сине-красное полотнище с двуглавым орлом, а красное знамя с серпом и молотом — не повод посыпать себе голову пеплом даже русскому монархисту, если он прежде всего русский патриот!

Да и верна ли та схема, в которой мы привыкли рассматривать события Первой мировой войны? Брестский мир, который назвали «похабным» сами же подписавшие его большевики, они же расценили как «революционный выход России из империалистической войны». Но так ли это на самом деле? Ведь с подписанием Брестского мира 3 марта 1918 г. война России с внешними врагами не закончилась! Сфера оккупации России войсками Германии и ее союзников продолжала расширяться вплоть до осени 1918 г. А зимой 1918/19 г. уже Красная армия шла на Запад, гоня перед собой разложившиеся германские войска! А интервенция в России ее бывших союзников по Антанте? Ведь это — тоже логическое продолжение Мировой

войны, глобального геополитического противоборства! А война с Пилсудским — ставленником двух кайзеров (германского и австрийского)? Ведь он ставил целью завоевание Польшей Белоруссии и пол-Украины. Разве мы не вправе рассматривать эту войну как часть той же Отечественной? Она закончилась, таким образом, только осенью 1920 г., длившись в общей сложности шесть лет и три месяца.

Брестский мир считается кульминационным моментом, выразившим отношение пришедших к власти большевиков к национальным интересам России. Если судить по внешним формальным признакам, это отношение оказалось сугубо отрицательным. Россия потеряла значительную территорию и уплатила врагу крупную контрибуцию. Эти факты общеизвестны. Но достаточно ли их, чтобы делать вывод о враждебности политики большевиков интересам России, тем более — о «национальном предательстве» большевиков?

Часто повторяют пущенную кем-то фразу: «История не имеет сослагательного наклонения». Но никто так и не сумел пока убедительно объяснить: а почему, собственно?.. Между тем мы имеем мнения двух авторитетных представителей русской мысли, которые считали метод исторических альтернатив допустимым методом познания истории.

Александр Иванович Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851) писал: «Мы не видим причины, оставаясь в пределах свершившихся фактов, отбрасывать без рассмотрения все, что кажется нам правдоподобным... Ход истории далеко не так предопределен, как обычно думают»[3]. Василий Осипович Ключевский записал в дневник (25 февраля 1903): «Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и эдак, и по-третьему, т.е. случайно»[4].

Метод исторических альтернатив позволяет объективно оценить, чтó на самом деле человечество выиграло и проиграло в результате тех или иных событий. Он не раз пригодится

[3] *Герцен А.И.* Соч. в 30 т. М., 1956. Т.7. С. 160—161.

[4] *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 325.

нам в этой книге. А сейчас позволительно задать вопрос критикам большевиков в связи с подписанием теми Брестского договора: какие у них были реальные альтернативы этому шагу?

Испокон веков повелось: страна, побежденная в войне, вынуждена заключать мир ценой уступок. Это аксиома. Точно так же она верна для страны, действующая армия которой по каким-то причинам утратила боеспособность. В этих условиях продолжение войны может стать для страны более гибельным, чем заключение мира любой ценой. Ибо во втором случае страна теряет только часть территории и суверенитета. В первом же — теряет жизни людей, не спасая в конечном итоге территорию и суверенитет.

Суровые обличители большевиков в «национальном предательстве» исходят, очевидно, из того, что в 1918 г. Русская армия, разложенная либеральными экспериментами Временного правительства, деморализованная раздававшимися с марта 1917 г. обещаниями скорого мира, могла продолжать войну. Такой взгляд трудно назвать мягче, чем слепым. Для человека, который попытается добросовестно вникнуть в обстановку того времени, не останется сомнений, что, если бы осенью 1917 года большевики не пришли к власти, любому российскому правительству на их месте тоже пришлось бы заключать «похабный» мир с врагом.

Эти же обличители, вероятно, считают, что если бы Россия каким-то образом удержалась в числе формально воюющих стран до победы союзников, последние допустили бы Россию к участию в мирной конференции в качестве полноправной победительницы и удовлетворили все ее притязания. Анализ всей политики держав Антанты по отношению к России в 1914—1919 гг. не позволяет этого предполагать. Позиции государств на послевоенной конференции определялись их реальным соотношением сил. Ослабленная Россия была бы допущена к «пиру победителей» в лучшем случае на правах третьестепенного члена Антанты — как Китай, Португалия или Греция (ниже даже, чем Сербия и Румыния, не говоря уже об Италии и Японии!).

Не принято предварять книгу какими-то определенными выводами. Обычно они следуют в конце как итог рассуждений. Однако про Брестский мир сложено столько историографических мифов, высказано столько предвзятых мнений, что необходимо уже в самом начале внести ясность по ряду вопросов.

Во-первых, действие Брестского мира оказалось крайне ограниченным во времени и не имело далеко идущих геополитических последствий для России. 11 ноября 1918 г. Германия, в которой разразилась революция, подписала капитуляцию на Западном фронте, а 13 ноября, всего через восемь месяцев после заключения Брестского договора, ВЦИК[5] Советов аннулировал его действие. В результате событий Гражданской войны и иностранной интервенции 1918—1920 гг. Россия утратила часть территорий на западе. Но эти территории достались отнюдь не Германии и ее прежним союзникам, а новым независимым государствам, образовавшимся на окраинах Российской империи с помощью держав Антанты, то есть бывших союзников России.

Во-вторых, Советская Россия не соблюдала ряд существенных положений Брестского договора. Прежде всего, это относится к обязательству провести полную демобилизацию своих вооруженных сил, установленному 5-й статьей Брестского договора. Понятно, что Германия смотрела сквозь пальцы на существование Красной армии, так как последняя в каком-то смысле служила буфером на Востоке между Германией и интервенционистскими войсками Антанты в России. Тем не менее это было серьезным отступлением от буквы мирного соглашения. Точно так же Советская Россия очевидно для всех нарушала 2-ю статью Брестского договора, запрещавшую сторонам вести всякую агитацию и пропаганду друг против друга. Большевики ни на одну секунду не отказывались от намерения разжечь пламя революции в Германии, в чем и преуспели. В нарушении Брестского договора в указанном смысле публично признавался сам Ленин[6].

[5] Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

[6] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 150.

В-третьих, Брестский договор провозглашал отказ от всяких контрибуций и репараций (статья 9 договора). Контрибуция явилась следствием новых политических условий, возникших летом 1918 г. и вынудивших Советскую Россию срочно предотвращать угрозу германского вторжения. Таким предотвращением и стало соглашение о контрибуции. В счет ее большевики, однако, до падения кайзеровского режима в Германии, успели выплатить лишь незначительную часть. Подробнее этот вопрос будет освещен в соответствующем месте книги.

С началом Первой мировой войны Ленин призывал рабочих и солдат превратить войну «империалистическую» в войну гражданскую. Это тоже якобы «уличает» вождя большевиков в «национальной измене». Однако давайте сразу учтем то, что он призывал к этому рабочих и солдат не одной лишь России, но всех воевавших стран. А его прогноз о том, что мировая война будет иметь своим весьма вероятным следствием гражданскую войну в России, как мы увидим, в своих важнейших чертах не отличался от предсказания такого консервативного политического деятеля, как бывший царский министр Петр Николаевич Дурново! Однако пока никто не додумался обвинять задним числом в государственной измене П.Н. Дурново.

Вообще же, в том, что касается девальвации в массе русского народа в 1917 г. патриотических ценностей, необходимо иметь в виду два важных момента. Первый — в сознании элитных групп российского общества эти ценности были девальвированы ничуть не меньше. Свидетельств этому читатель найдет достаточно на страницах этой книги. Второй — в том, что российская элита (как власть предержащие слуги государевы, так и либеральные «властители дум») за три года так и не сумела внушить своему народу сознание патриотического характера войны, виновата лишь сама эта элита и никто кроме нее.

Первая мировая война стала серьезным испытанием старой российской элиты на соответствие национальным зада-

чам. И она, элита, этот исторический экзамен с треском провалила.

Этот очевиднейший факт, который, можно сказать, вопиет о себе буквально в каждом событии Первой мировой войны, связанном с Россией, должно делать отправной точкой всех исследований и рассуждений о данной эпохе. Иначе приступать к ее изучению нет никакого смысла — понять в ней что-либо будет решительно невозможно.

Глава первая

РОССИЯ В ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ

Так начиналась война

Почти неизбежная угроза большой войны, в которую так или иначе окажутся втянуты все великие державы, довлела над сознанием европейских политиков с конца XIX столетия. Про грянувшую летом 1914 г. войну (ее почти сразу окрестили Великой во всех странах) можно уверенно сказать, что в том виде, в каком она разразилась, ее не хотел никто. Тем не менее то, чего все так долго опасались, в одночасье стало свершившимся фактом.

Стержнем трагических для всего человечества событий первой половины XX века стало то, что две крупнейшие европейские нации — русская и немецкая — дважды схлестнулись между собой в смертельной схватке. И вряд ли случайно то обстоятельство, что в обоих случаях это произошло, когда во главе германского правительства стояли канцлеры-англофилы: в первом — Теобальд Бетман-Гольвег, во втором — Адольф Гитлер.

Первой мировой войне предшествовал совершенно уникальный столетний период мира на западных границах России. После изгнания армии Наполеона из России в 1812 г. внешний враг не переходил их. Непосредственное соседство России с двумя великими немецкими государствами — Пруссией (с 1871 г. — Германской империей) и Австрией (с 1867 г. — Австро-Венгрией) — было важным фактором сохранения геопо-

литического равновесия и стабильности в Европе. Отношения между тремя континентальными империями бывали далеки от безоблачных, но на границах между ними мир не нарушался целых сто лет! Тем более страшен оказался контраст между тем, что было, и тем, что стало…

Первая мировая война разразилась именно в тот момент, когда Россия как сухопутная держава оказалась изолирована от всех своих союзников, и это вряд ли стало случайным совпадением. Исходя из этого факта, можно было бы оценивать как неудачную всю внешнюю политику русского царя Николая II. Однако была ли у него объективная возможность альтернативной политики? В этой книге не ставится задача ответить на этот вопрос в общем — это предмет отдельного исследования. Что же касается конкретных обстоятельств вовлечения России в войну, то у Николая II просто не оставалось другого выхода.

Однако уже более 90 лет в школах и университетах Германии подается четкая схема начала Первой мировой войны. Она, как заправский инквизиционный процесс, строго основана на системе формальных доказательств. Согласно ей, мировую бойню развязали Сербия и Россия. Почему? Неважно, что Австро-Венгрия первой объявила войну Сербии, а Германия России. Со стороны немецких империй это были акты самозащиты. Ведь кто первая объявила всеобщую мобилизацию — Германия или Россия? Верно, Россия. Против Австро-Венгрии. Германия была должна защитить свою союзницу. Россия оправдывалась тем, что защищает Сербию от Австро-Венгрии. Однако на самом деле это Сербия угрожала безопасности Австро-Венгрии. Ведь наследник австрийского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит сербским террористом. Все четко.

Не исключено, что в 2014 г., когда будет отмечаться столетие начала войны, эта схема будет превращена в политическое оружие. Ведь в преддверии 70-летия начала Второй мировой войны, в 2009 г., ПАСЕ приняла резолюцию, согласно которой «сталинский» режим был объявлен таким же виновником этой войны, как и режим гитлеровский. Ну а на кого возложить ответственность за развязывание Первой мировой войны?

Теперь, разумеется, на Западе уже не вспомнят, что именно английский премьер-министр лорд Герберт Асквит собирался предать германского кайзера Вильгельма II суду Гаагского трибунала (созданного в 1907 году, кстати, по инициативе русского царя Николая II) за нарушение нейтралитета Бельгии, газовые атаки, «неограниченную подводную войну», убийства пленных и другие военные преступления. Не вспомнят и об агрессивных целях кайзеровской Германии в отношении России.

Между тем пангерманисты с 80-х гг. XIX века строили планы расчленения России. Геополитик Э. Гартманн, писавший в журнале «Die Gegenwart», предлагал выделить из России «Балтийское» и «Киевское» «королевства». Их очертания удивительно напоминают рейхскомиссариаты Остланд и Украина, созданные нацистами в 1942 г. В 1914 г. кайзеру Вильгельму II был представлен т.н. меморандум Класса — Гугенберга[7], который рекомендовал очистить от туземного населения Прибалтику, Белоруссию и Великороссию к западу от линии Петроград — Смоленск для расселения там немцев. Летом 1915 г. 1347 немецких профессоров различных политических убеждений — от правоконсервативных до социал-демократических — на съезде в Берлине подписали меморандум правительству, в котором обосновывалась программа территориальных захватов, оттеснения России на восток аж за Урал (!), немецкой колонизации на захваченных русских землях[8]. Разве мы не имеем права назвать их идейными предтечами Гитлера в кайзеровской Германии?!

За считанные месяцы до начала Первой мировой войны ее будущий прославленный русский полководец Алексей Брусилов отдыхал на курорте Бад-Киссинген в Северной Баварии. В один из дней его поразила такая картина:

«Весь парк и окрестные горы были великолепно убраны флагами, гирляндами, транспарантами. Музыка гремела со всех сторон. Центральная же площадь, окруженная цветника-

---

[7] *Нотович Ф.И.* Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914—1918 гг. М., 1947. С. 20—21.

[8] *Яковлев Н.Н.* 1 августа 1914. М., 1993. С. 175.

ми, была застроена прекрасными декорациями, изображавшими московский Кремль, его церкви, стены и башни. На первом плане возвышался Василий Блаженный... Начался грандиозный фейерверк с пальбой и ракетами под звуки нескольких оркестров, игравших "Боже, царя храни" и "Коль славен"[9]... Вскоре масса искр и огней с треском, напоминавшим пушечную пальбу, рассыпаясь со всех гор на центральную площадь парка, подожгла все постройки и сооружения Кремля. Перед нами было зрелище настоящего громадного пожара. Дым, чад, грохот и шум рушившихся стен. Колокольни и кресты церквей накренялись и валились наземь. Все горело под торжественные звуки увертюры Чайковского "12-й год"... Немецкая толпа аплодировала, кричала, вопила от восторга, и неистовству ее не стало пределов, когда музыка сразу при падении последней стены над пеплом наших дворцов и церквей, под грохот апофеоза фейерверка, загремела немецкий национальный гимн»[10].

Разве все это не сродни факельным шествиям нацистов? Бывший в 1914 г. министром иностранных дел России С.Д. Сазонов предупреждал: «Невероятная способность самообольщения, которою обладает германский народ и от которой его не спасает высокая степень культурного развития, должна быть, очевидно, поставлена на счет его особой психологии, являющейся первостепенным политическим фактором, с которым и впредь будут вынуждены считаться его соседи во всех своих сношениях с Германией и которому до сих пор не придавали должного внимания»[11]. Через шесть лет после того, как были написаны эти строки, к власти в Германии пришел Гитлер...

Но нет, «виновники войны», как обычно, будут найдены на другой стороне Европы! При этом не исключено, что устроите-

---

[9] Популярный в старой России гимн «Коль славен наш Господь в Сионе». Куранты Спасской башни Московского Кремля играли его до весны 1918 года.

[10] *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. Минск, 2003. С. 56—57.

[11] *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927 (репринт: М., 1991). С. 263.

ли очередной резолюции ПАСЕ вытащат на свет изжеванный тезис о царской России как о «тюрьме народов». Империю Габсбургов же объявят этаким прототипом нынешнего Евросоюза, а Сербию — тогдашним «гнездом международного терроризма». «Кровавым тоталитарным диктатором», угрожавшим всему миру, огласят, конечно же, русского царя Николая II. Благо «прогрессивная историография» за 100 лет подготовила для этого богатую почву.

Однако было бы неверно представлять дело и так, что Россия в 1914 г. подверглась неспровоцированному «вероломному» нападению. Слов нет, российские власти сделали все, чтобы предотвратить войну без урона для чести и достоинства государства. Но что означают сии понятия? Их рамки всегда расплывчаты.

Проявления шовинизма перед войной были нередкими и в России. Под высочайшим покровительством выпускались квазиисторические труды, в которых красной нитью проходила идея о «германстве» как «вековом враге славянства»[12]. Уже 13 июля 1914 г., когда стало известно о неприемлемом для Сербии ультиматуме, предъявленном ей Австро-Венгрией, многотысячная толпа запрудила улицы Петербурга. Всюду превалировал лозунг «Да здравствует война!»[13] На следующий день восторженную статью об этой манифестации и грядущей войне писал официоз «Новое Время». Нет, язык не повернется назвать эту столичную русскую публику миролюбивой! А могла ли власть при таких общественных настроениях принимать только разумные и взвешенные решения?!

Когда нападение Австро-Венгрии на Сербию стало фактом, Николай II недолго выбирал между всеобщей и частичной мобилизацией Русской армии. Частичная мобилизация путала разработанные военные планы, поэтому военный министр В.А. Сухомлинов и начальник Главного штаба Н.Н. Янушкевич

---

[12] См., напр.: *Нечволодов А.* Сказания о Русской земле. В 4 кн. М., 1913.

[13] *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. В 2 т. Белград, 1939 (реприит: М., 1992). Т. 2. С.145.

настаивали на объявлении всеобщей мобилизации. Было бы, однако, неверно приписывать окончательное решение государя только влиянию военных специалистов. Николай II был, похоже, прав, если рассудил, что и частичная мобилизация может быть воспринята Германией как желательный casus belli в отношении России, а откладывание всеобщей мобилизации только ухудшит стратегическое положение России в надвигающейся войне.

За полгода до этого, в феврале 1914 г. бывший министр П.Н. Дурново направил царю памятную записку, в которой откровенно высказал свой взгляд на то, чем грозит России участие в большой европейской войне. В литературе нередко приводят ту часть этой записки, которая прямо-таки потрясает своим почти совершенно точным пророчеством всего того, что случилось с Россией впоследствии:

«Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам. Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием на Берлин. Неизбежны и военные неудачи, ...неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение. Начнется с того, что все неудачи будут приписывать правительству. В законодательных учреждениях начнется кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, ...сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ... Армия, лишившаяся за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка... Лишенные действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия

будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению...»[14].

Помнил ли Николай II о предостережениях Дурново? Всегда. Мог ли он в июле 1914 г. поступить иначе? На этот вопрос, по всей совокупности данных, ответ однозначно отрицательный.

Предположим, что царь не вступился бы за Сербию, угрожаемую Австро-Венгрией. Что было бы тогда? Нетрудно представить, что это сразу вызвало бы волну общественного негодования, разжигаемого врагами режима под благопристойными патриотическими лозунгами. В роли тарана против самодержавия, как и в 1905 г., выступил бы рабочий класс. А здесь необходимо учесть то, что он в 1914 г. находился на пороге новой революции! За первое полугодие 1914 г. в России бастовало под политическими лозунгами больше рабочих, чем за тот же период революционного 1905 г.! В июле 1914 года в Петербурге уже возводились баррикады. Недалеко было и до вооруженного восстания. Обстановка была крайне накалена.

И чтобы в этих условиях власть подала для общественного недовольства повод, перед которым померк бы позор сдачи Порт-Артура в декабре 1904 г.?! Летом 1914 г. война должна была представляться элите Российской империи средством спасения от надвигающейся новой революции. Нет, имперская элита не забыла предостережений своих дальновидных представителей (П.А. Столыпин ещё в 1909 г. выдвигал необходимым условием успешного преобразования России «20 лет покоя»). Однако летом 1914 г. нужно было срочно спасать горящее здание монархии. Перенаправить общественную энергию с внутреннего врага — самодержавия — на внешнего казалось единственным выходом в сложившейся политической обстановке. Тогда угроза революции временно отодвигалась, становилась неактуальной. Тем более что война начиналась как патриотическая, Отечественная.

---

[14] Цит. по: *Кожинов В.В.* Россия. Век XX. 1901—1939. М., 1999. С. 30.

«Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство, целость России и положение ее среди великих держав. Мы непоколебимо верим, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно встанут все Наши подданные», — говорилось в царском манифесте от 20 июля. И свершилось чудо! Баррикады с улиц столицы исчезли, рабочие встали к станкам, студенты сменили красные флаги на бело-сине-красные и, вместо драк с полицией, ринулись записываться добровольцами на фронт.

Если бы не война, 1914 г. мог стать последним для самодержавия. Николай II совершенно сознательно принял вызов на войну, потому что этот шаг в тот момент представлялся единственно возможным для монархии. Ближайшие последствия показали правильность этого шага. Прочие же последствия должны были сказаться не сразу. А потом — как знать? Быть может, Господь дарует русским знаменам победу, как бывало уже много раз? Ведь русское воинство бьется за правое дело… И тогда самодержавие увенчает себя ореолом победы в самой большой войне, какую когда-либо вела Россия, и станет трудно уязвимым для внутренних врагов.

Наличие мощных союзников — Англии и Франции — позволяло уверенно рассчитывать на то, что война не будет проиграна. 23 августа (5 сентября) три державы Согласия (Антанты) подписали соглашение, по которому обязались не вести сепаратных мирных переговоров. Правда, Россия не имела со своими союзниками прямой связи. Кратчайший путь вел через проливы Босфор и Дарданеллы, но он был вскоре перекрыт врагами. Германия и Австро-Венгрия составляли единое геополитическое целое, а затем к нему примкнула и Турция. Нейтральные (пока) Румыния и Болгария отрезали Сербию от России, поэтому непосредственной помощи своей балканской союзнице Россия оказать не могла, как и не могла через нее поддерживать связь с союзниками.

На суше у России было три врага — Германия, Австро-Венгрия и Турция, тогда как на Западе у Франции и Англии вместе

взятых была лишь одна Германия. Это с самого начала придало коалиционной войне Антанты асимметричный облик, невыгодный для России.

Без поражений не бывает побед

В августе 1914 г. Россия пережила нечто непостижимое, подобного чему она не испытывала больше двух столетий со времен Нарвской «конфузии» 1700 г.! Под Танненбергом в Восточной Пруссии были окружены и пленены два русских корпуса.

Великая Российская держава была веками приучена к победам. Неудача в войне с Наполеоном в 1805—1807 гг. была с лихвой искуплена громкими победами над ним в 1812—1814 гг. Поражения в Крымской (1853—1856) и Японской (1904—1905) войнах воспринимались как неслыханный национальный позор и имели самые крутые последствия для внутренней жизни России. Армия Российской империи почти всегда воевала малой кровью где-то на чужой территории. К этому в России привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся.

В отличие от России, ни одна великая европейская держава (кроме островной Англии) не избежала в XIX веке крупных военных поражений, сопровождавшихся потерей суверенитета и вражеской оккупацией. Франция была полностью оккупирована врагами в 1814—1818 гг. В 1870—1871 гг. значительная часть ее территории снова была оккупирована, и Франция была вынуждена заключить мир ценой уступки очень важных областей. Пруссия была разгромлена и целиком оккупирована врагом в 1806—1813 гг. Австрия пять раз в XIX веке была полностью сокрушена на поле боя: в 1800, 1805, 1809, 1859, 1866 гг.[15]. При этом победоносные армии врагов дважды вступали в Вену. Поэтому и врагам, и союзникам России было легче, чем ей, настроиться на долгую войну, в которой неизбежны неудачи.

---

[15] Можно добавить сюда еще 1848—1849 гг., когда австрийская армия была неоднократно бита венгерскими инсургентами. Австрия была спасена от распада только интервенцией русских войск по приглашению австрийского императора.

Согласно секретной договоренности между французским и русским Главными штабами, Русская армия должна была перейти в наступление против Германии не позднее 15 дней после объявления войны. Принимая на себя такое обязательство, русские военные руководители должны были отдавать себе отчет в том, что такое наступление будет проводиться армией, еще недостаточно отмобилизованной и с необеспеченными тылами. После Первой мировой войны и до сих пор нет недостатка в упреках русскому Верховному командованию, которое, согласившись на требования французского командования, обрекло тем самым русские войска на поражение.

Однако эти упреки необоснованны. Чтобы отсутствие альтернатив у русского командования стало наглядным, давайте проанализируем обстановку, сложившуюся на фронтах в первый же месяц Мировой войны.

Германия, обоснованно считавшая, что не выдержит долгой войны на два фронта — сразу против Франции и против России, — делала ставку на молниеносный разгром Франции. Почему именно Франции, а не России? Потому что это казалось легче. Трудность (если не невозможность) полного разгрома России была доказана кампанией Наполеона. Во всяком случае, из-за огромных расстояний кампания против России должна была растянуться не на один месяц.

Совсем иное дело — Франция. Маленькие европейские расстояния, на которых к тому же проложены превосходные европейские дороги. В 1870 г. прусская армия уже доходила до Парижа. Тогда на разгром французской армии и преодоление расстояния от границы потребовалось всего полтора месяца. Теперь железных дорог стало больше, сами они сделались лучше, вдобавок появились автомобили, поэтому германские стратеги рассчитывали совершить фланговый марш-маневр через незащищенную территорию Бельгии и выйти к Парижу еще быстрее.

План Шлиффена (начальника германского Генштаба в 1891—1906 гг., разработавшего этот план) осуществлялся с немецкой методичностью. Пройдя Бельгию и разгромив в Арденском сражении французскую армию, германские войска

победным маршем шли на Париж, своим правым крылом охватывая весь французский фронт. Между правым стратегическим флангом немцев и морем не оставалось французских войск, и немцы могли вести охватывающие действия сколь угодно широко. Французское правительство переехало из Парижа в Бордо. Английский экспедиционный корпус во Франции готовился к эвакуации на Британские острова. Положение грозило катастрофой.

Нет необходимости долго объяснять, чем обернулась бы для России капитуляция Франции. Германия получила бы возможность беспрепятственно наращивать свои силы на Восточном фронте, и разгром России становился в этих условиях лишь вопросом времени.

Но разве не было возможности двинуть русские войска в наступление против более слабого противника — Австро-Венгрии, тем самым заставив Германию перебросить свои войска на помощь своему союзнику и ослабить натиск на Францию? Нет, при всем желании Русская армия не могла представлять для Австро-Венгрии опасности, сравнимой с той, что грозила Франции от Германии. Ведь чтобы дойти до Вены или хотя бы до Будапешта, русским войскам надо было занять Галицию, преодолеть Карпаты и Венгерскую равнину. За это время германские войска успели бы несколько раз взять Париж! Этого простого соображения достаточно для объяснения, почему Германия всю войну была далеко не так чувствительна к просьбам Австрии, как Россия — к просьбам Франции. Кажущаяся зависимость русского командования от французского в данном случае — следствие объективных факторов стратегии.

Поэтому решение двинуть Русскую армию в наступление прямо на территорию Германии выглядит единственно оправданным в тот момент с точки зрения как коалиционной стратегии, так и интересов России. А поражение русских войск в Восточной Пруссии нельзя односторонне расценивать только как нашу неудачу, в отрыве от битвы на Марне, завершившейся победой англо-французских войск и крахом германского блицкрига на Западе. Это был несомненный успех для всех союзников, не исключая России.

3 (16) августа 1914 г., точно в срок, две русские армии (1-я под командованием генерала от кавалерии П.К. Ренненкампфа и 2-я под командованием генерала от кавалерии А.В. Самсонова) перешли границу. Высшее руководство осуществляли: главнокомандующий Северо-Западного фронта генерал от кавалерии Я.Г. Жилинский, Верховный главнокомандующий великий князь (двоюродный дядя государя) Николай Николаевич и начальник его штаба генерал от инфантерии Н.Н. Янушкевич. В сражении у Гумбиннена (ныне Гусев Калининградской области РФ) 7 (20) августа 1914 г. 1-я армия разбила и отбросила противостоявшие ей силы 8-й германской армии.

Перипетии Восточно-Прусской операции многократно анализировались в специальной литературе. Почти все авторы отмечают, что у русских войск была полная возможность овладеть всей Восточной Пруссией. Тем более что командующий 8-й германской армией генерал Притвиц уже отдал приказ об эвакуации этой важной области! Однако, видя пассивность 1-й русской армии, не преследовавшей разгромленных немцев, главнокомандующий Восточного фронта генерал Гинденбург и его начальник штаба Людендорф решили перехватить инициативу и разбить русские армии, действия которых не были между собой согласованы, по частям.

Несмотря на то что общие силы русских в Восточной Пруссии примерно в полтора раза превышали немецкие, Гинденбургу удалось стянуть превосходящие силы против 2-й армии Самсонова. Два ее корпуса — 13-й и 15-й — были окружены (16 августа) под Танненбергом (ныне Стембарк в Польше) и после трехдневных ожесточенных боев разгромлены. Генерал Самсонов застрелился. Немцы объявили о взятии 90 тысяч пленных, по нашим источникам потери пленными 2-й армии составили около 60 тысяч. Главная вина за поражение падает, конечно, на высшее командование, не обеспечившее должного взаимодействия обеих армий. Но поскольку великий князь был вне критики, поплатился один лишь главком Северо-Западного фронта Жилинский, в «наказание» посланный пред-

ставителем России в штаб французского верховного командования. Впрочем, общественное мнение тут же нашло еще одного виновника неудачи — Ренненкампфа (из-за его немецкой фамилии), якобы умышленно не подавшего помощь гибнувшей армии Самсонова. До конца 1914 г. он был тоже отстранен от командования.

Когда русские войска вторглись в Восточную Пруссию, германское командование отправило туда с Западного фронта два с половиной корпуса (они прибыли в Восточную Пруссию уже после завершения боев у Танненберга). Не представляется возможным доказать, что отсутствие именно этих войск стало решающим для исхода битвы на Марне, развернувшейся с 23 по 30 августа (с 5 по 12 сентября н.ст.) 1914 г. В ходе нее германские войска были отброшены от Парижа. Шлиффеновский блицкриг был сорван. Восточно-Прусская операция и битва на Марне — две неразрывные части общей стратегической победы Антанты.

По сути, уже тогда окончательное поражение Германии было предрешено. Но понимание значения совершившегося пришло позднее. А в тот момент Россия была шокирована известиями с фронта. Успех союзной стратегии сыграл с Россией еще одну злую шутку. От России впоследствии стали требовать подобных жертв и тогда, когда общая обстановка их совсем не оправдывала!

Впрочем, довольно скоро победа русского Юго-Западного фронта (главнокомандующий — генерал от артиллерии Н.И. Иванов) в Галицийской битве, длившейся весь август 1914 г., немного смягчила горечь неудачи в Восточной Пруссии. Наши войска заняли древнюю Червонную Русь с ее столицей Львовом. В этих боях противник потерял 336 тысяч человек, наши — 233 тысячи[16]. Австро-венгерская армия была надломлена. Отныне и до конца войны ее стойкость определялась степенью ее усиления германскими частями.

А осенью 1914 г. у России возник еще один фронт.

---

[16] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 521.

«Крест на святую Софию!»

По сложившейся у нас традиции, Османскую империю, существовавшую больше пяти веков, принято представлять некой «империей зла». Россия, начиная с XVII века, много раз воевала с Турцией за избавление своих православных единоверцев и славянских единоплеменников от жестокой власти мусульманских султанов-халифов. В основе русской политики в отношении Турции лежало благородное стремление возвратить древнюю столицу Византии — Царьград-Константинополь, переименованный басурманами в Стамбул, — под скипетр православных государей. Так это веками виделось отсюда.

Османская империя всегда признавала право на свободу вероисповедания всех ее подданных — мусульман, христиан различных церквей, иудеев. Во всех русско-турецких войнах Россия всегда выступала нападающей стороной. Россия активно участвовала во всех международных сговорах, имевших целью расчленение и уничтожение Османской империи. Россия поддерживала сепаратистские движения в Османской империи. Так это не может не видеться оттуда, с турецкого берега.

Понятно, что практически любой из существующих взглядов на историю русско-турецких отношений субъективен. Отметим, однако, такие несомненные объективные факты.

Первый — граница европейских владений Османской империи являлась конфессиональной границей не между исламом и христианством, а между православием и католичеством. Второй — из всех государств позднего Средневековья именно Османская империя в наибольшей степени может считаться новым Римом, геополитическим преемником древней Римской империи. Османская империя включала в себя почти все те территории, что и Римская (за исключением Западной Европы и Марокко). Третий — Османская империя, как и Рим, и Арабский халифат (и в отличие от Византии), сохраняла конфессиональное и культурное разнообразие своей территории. Четвертый факт — именно Россия в течение веков захватила у Османской империи значительную часть территории, причем никогда ра-

нее России не принадлежавшую, а не наоборот. Объяснение и оценка этих фактов выходят за рамки книги.

С XIV века Венеция, озабоченная проникновением на рынки Востока, строила планы общеевропейского крестового похода против турок. После того как на первый план в Западной Европе выдвинулись, вместо Венеции, другие державы, идея колонизаторского движения католического Запада на Восток, проявившаяся еще в первых Крестовых походах, продолжала жить. Вдохновителем и организатором этих замыслов выступал Ватикан, всегда стремившийся подчинить восточные христианские церкви.

В качестве тарана, военной силой сокрушающего мощь Турции, вначале выдвигалась Польша, но с конца XVII века им становится Россия. Идеологии Третьего Рима, изначально означавшей национальное Русское православное царство, где сохранятся истинная вера, в царствование Алексея Михайловича (1645—1676) с ловкой подачи иезуитов была придана экспансионистская направленность. Русскому царю предстояло стать не духовным, а материальным, геополитическим наследником византийских императоров, объединить под своей рукой все православные народы. Так во внешней политике России возник «восточный вопрос».

С XVIII века Россия неизменно участвовала в различных международных антитурецких коалициях. Строились планы отторжения от Османской империи европейских и левантийских территорий и создания там христианских государств под протекторатом тех или иных европейских держав. В XIX веке на Турции начали отрабатываться механизмы постепенной десуверенизации, включавшие реализацию принципа «самоопределения», «ограниченный контроль» и международную оккупацию, столь хорошо известные нам теперь по практике США и их союзников в разных частях мира. «Международное сообщество» неоднократно предписывало Турции проведение тех или иных реформ, постоянно вмешиваясь во внутренние дела этого государства. Ни одна европейская держава такого обращения с собой не потерпела бы! В создании подобных ме-

ханизмов и распространении двойных стандартов в международной политике в XIX столетии самое активное и непосредственное участие принимала Российская империя.

Россия стала главной военной силой, сокрушившей могущество Турции в Европе. После Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Балканский полуостров покрылся сетью независимых национальных государств. Это было торжеством традиционной российской политики в «восточном вопросе», но оно обратилось в ее фиаско. Ни одно из освобожденных Россией государств не ориентировалось в своей внешней политике целиком и полностью на Россию. Все они лавировали между разными мировыми центрами силы, преследуя собственные выгоды и постоянно враждуя между собой.

Новые «варварские королевства» уже в 1885 г. вступили в борьбу за передел имперского наследства (болгаро-сербская война). В 1912—1913 гг. разразились подряд две Балканские войны. В ходе первой Турция была почти лишена последних своих владений в Европе. В ходе второй бывшие союзники напали на Болгарию. Россия, поддержавшая антитурецкую коалицию, оказалась не в состоянии быть арбитром для ее поссорившихся участников.

Выдающийся русский философ Константин Николаевич Леонтьев (1830—1891), долгое время проработавший русским консулом в балканской части Османской империи, предупреждал еще в 1875 г.: «Существование Турции... выгодно и нам, и большинству наших единоверцев на Балканах»[17]. Но нет пророка в своем Отечестве... Несложный геополитический анализ позволяет увидеть, что, в случае конфликта России одновременно с Германией и Австро-Венгрией, Турция, пока она обладала крупными владениями в Европе, могла быть самым ценным сухопутным союзником России. Другими словами, если бы Россия не изгнала Турцию из Европы, то Первая мировая война вообще могла бы не начаться. Или началась бы в иной

---

[17] *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство. В кн.: *Леонтьев К.Н.* Поздняя осень России. М., 2000. С. 154.

геополитической комбинации, гораздо более благоприятной для России.

События начала XX века наглядно продемонстрировали ненужность векового стремления России «водрузить крест на св. Софии». Об истинном отношении православных «братушек» к России свидетельствует хотя бы то, что при получении в начале 1905 г. известия о взятии Порт-Артура японцами монастырская гора Афон была иллюминована[18] в честь этой победы языческой азиатской страны над православным Русским царством! ...Но русское государственное руководство не могло или не хотело преодолеть вековую инерцию. Оно подошло к Первой мировой войне с теми же опровергнутыми жизнью догматическими установками о роли России в «восточном вопросе».

Антиосманская позиция Петербурга побуждала Турцию к сближению с врагами России. Долгое время это была Англия, но в преддверии Первой мировой войны им стала Германия. Осенью 1913 г. в Турцию прибыла большая группа германских военных советников во главе с генералом Лиманом фон Зандерсом, фактически назначенных на высокие посты в турецкой армии. Все эти шаги, хотя и вызывали формальные протесты Петербурга, воспринимались там явно с удовлетворением, так как участие Турции в войне против России позволяло последней захватить Константинополь на «законных» основаниях.

Турецкие правители боялись войны и всячески старались ее избежать. Боялись России, которая больше двух веков неизменно била Турцию. 20 июля (2 августа) 1914 года военный министр и фактический правитель Турции Энвер-паша через посла России в Стамбуле М.Н. Гирса направил в Петербург формальное предложение военного союза! Естественно, при условии гарантирования обладания Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы (далее — просто Проливы) за

---

[18] *Успенский Ф.И.* Восточный вопрос и Великая европейская война. В кн: *Ф.И. Успенский*. История Византийской империи [Т.3]. Восточный вопрос. М., 1997. С. 742.

Турцией. Но этих-то гарантий русское правительство не пожелало дать! Это был отказ, недвусмысленно показавший истинные намерения правящих кругов России в отношении Турции. Неудивительно, что уже через два дня был заключен германо-турецкий военный союз. У Энвер-паши просто не осталось иной возможности обеспечить безопасность Турции.

В Петербурге не скрывали ликования по этому поводу. Самыми рьяными вдохновителями захвата Проливов выступали либеральные круги. Особенно витийствовал вождь крупнейшей партии либеральной оппозиции — конституционно-демократической (кадетов) — П.Н. Милюков, которого за это даже прозвали «Милюков-Дарданелльский». Он доказывал, что без обладания Проливами российская экономика задохнется. Весь последующий XX век показал, что Россия может вполне успешно развиваться и без Проливов, что совсем «не нужен нам берег турецкий». Обладание Проливами было нужно для увеличения прибылей от экспорта зерна и других видов сырья, то есть компрадорской прослойке русской буржуазии.

Монархический историк Русского Зарубежья справедливо писал о чуждости этих целей элиты понятиям народа: «Целей войны народ не знал. Сами "господа", по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путано "писали в книжку" про какие-то проливы — надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимостью расставаться с жизнью в сыром полесском окопе — никто не мог себе уяснить»[19].

Турцию, ценой отказа от намерения захватить Проливы, следовало удержать от вступления в войну, дабы не множить и без того немалое число врагов России. Предоставляя же Турции достаточно поводов для враждебности, русская власть, согласно известному афоризму, совершала «больше, чем преступление, — ошибку».

Ничуть, впрочем, не снимая ответственности с российской элиты того времени, справедливости ради нужно отметить и

---

[19] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 716.

«вклад» наших союзников в провоцирование Турции. Для Франции и особенно Англии тоже казалось более выгодным иметь Турцию в числе открытых врагов. Это позволяло захватить владения Османской империи. Возможно, инцидент с немецкими крейсерами «Гебен» и «Бреслау» даст ключ к роли союзников в вовлечении Турции в войну.

В августе 1914 г. Германия, желая спасти от уничтожения английским флотом свои названные крейсера, которых начало войны застало в Средиземном море, продала их нейтральной пока Турции. Англичане имели полную возможность перехватить эти корабли на пути в Дарданеллы, однако по неизвестным причинам (на этот счет высказано немало нелестных для Англии предположений) не сделали этого. Как знать, быть может, не получив эти первоклассные крейсера с опытными немецкими командами, Турция бы все-таки не решилась напасть на Россию. А так — 16 (29) октября 1914 г. новые «турецкие» корабли без объявления войны бомбардировали русские черноморские порты.

Присоединение Турции к врагам России существенно ухудшало стратегическую обстановку для нашей страны. Последний прямой путь для связи с западными союзниками — через Проливы в Средиземное море — оказался перехвачен. Между тем значение этого пути для военного снабжения России было громадным.

Россия, как показывала практика, не могла воевать без материальной помощи со стороны союзников. Из 60 тысяч пулеметов, состоявших на вооружении Русской армии в 1914—1917 гг., 32 тысячи были произведены за границей. Две трети снарядов, выпущенных русскими артиллеристами по врагу, тоже были иностранного производства[20]. Потребности Русской армии в автомобильном транспорте приходилось удовлетворять почти целиком за счет внешних поставок, при этом явно недостаточных. Не хватало России и собственных пушек, вин-

---

[20] *Зайончковский А.М.* Первая мировая война. СПб., 2000. С. 836.; *Уткин А.И.* Забытая трагедия. Россия в Первой мировой войне. Смоленск, 2000. С. 23—24.

товок, патронов, противогазов, медикаментов, перевязочных материалов.

В силу того, что путь через Проливы оказался перекрыт, транспорты союзников в 1915—1917 гг. шли во Владивосток, в Архангельск, а с 1916 г. еще и в Мурманск, куда к тому времени была проведена железная дорога. Можно себе представить, какой кружный путь проделывало оружие из западных стран, чтобы достичь русского фронта! А от каждого из этих портов, к тому же, вглубь России вело всего лишь по одной железной дороге. Неудивительно, что и в 1918 г. большая часть грузов, поставленных союзниками, лежала не распакованной в этих портах.

Если бы этот путь оказался открыт, транспорты союзников прибывали бы в Одессу, Николаев, Херсон, Новороссийск, Севастополь, Керчь, Таганрог... Все это — порты, связанные сетью, а не отдельными ниточками, железных дорог с остальной Россией. От них до фронта — не тысячи, а всего сотни километров. Поставленное союзниками оружие не лежало бы мертвым грузом, а быстро доставлялось бы к войскам. Нетрудно представить, что это существенно подняло бы как боеспособность, так и дух Русской армии.

Проливы были ключевой стратегической позицией нового Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Турции). Но они же становились и самой уязвимой их позицией. Османская империя была важным источником продовольствия и сырья для Германии. Отрезав ее, союзники лишили бы Германию возможности пользоваться ее богатыми ресурсами. Конечно, это еще не приводило сразу к поражению австро-германской коалиции. Но ее истощение происходило бы быстрее. Силы же России, напротив, истощались бы медленнее.

Своевременное овладение Проливами открывало перед всей Антантой, но прежде всего — перед Россией, ошеломляющие стратегические перспективы. Одной из самых трагических загадок Второй Отечественной войны всегда будет оставаться то, почему эта очевидная истина почти никак не отразилась на ведении Россией военных действий. Ни в чем так явно не проявлялось единство цели и средства, как в овладении Босфором!

Ключ к победе всю войну лежал под стенами Царьграда, но Россия так и не удосужилась поднять его и отперсть им врата победы!

Одна лишь русская дипломатия проявляла активность в этой связи. 7 (20) марта 1915 г. было подписано секретное англо-русское соглашение, по которому Британия признала право России на обладание Проливами по итогам войны. К этому соглашению вскоре присоединилась Франция.

Одной из причин, почему Россия не предприняла усилий по захвату Проливов, выставляется то, что в начале 1915 г. Англия и Франция сами начали Дарданелльскую операцию. После длительных бомбардировок с моря турецких укреплений в Дарданеллах союзники 12 (25) апреля 1915 г. приступили к высадке десанта на Галлиполийский полуостров. Однако за несколько месяцев ожесточенных боев высадившиеся части захватили лишь крохотный плацдарм шириной в 4 км и глубиной в 5 км. В январе 1916 г. последние десантники из состава австралийско-новозеландского корпуса были эвакуированы.

Россия якобы не помогла своим союзникам высадкой собственного десанта на Босфоре потому, что хотела на будущее приберечь этот приз целиком и только для себя. Такая точка зрения противоречит логике. Конечно, весьма возможно, что русская власть и в этом случае совершала ту ошибку, которая хуже преступления, расценивая выгоды от взятия Константинополя исключительно в плане того, кому он будет принадлежать после войны. Но ведь, помимо того, что был уже заключен соответствующий договор с союзниками, присутствие русских войск на Босфоре стало бы тем реальным фактом, который заставил бы Англию и Францию считаться с русскими интересами в этом районе. Кроме того, такое объяснение игнорирует факт конкретных военных приготовлений России к десантной операции в Проливах.

Весной 1915 г. Николай II повелел готовить десант на берега Босфора. Для этого в районе Одессы формировалась 7-я армия в составе двух корпусов под общим командованием генерала

от артиллерии В.Н. Никитина. Однако 19 апреля (2 мая) произошел прорыв немцами нашего фронта в Галиции. И в результате войска, предназначенные для овладения Царьградом, пришлось использовать для спасения положения на главном фронте. Таково другое объяснение отмены атаки Константинополя.

Если данная версия верна, то Верховный главнокомандующий великий князь совершил преступное стратегическое расточительство, расформировав десантную армию и бросив ее по частям латать дыры во фронте. Выгоды от овладения Проливами, как стратегические, так и, особенно, морально-политические, многократно перевесили бы потерю Галиции, Польши и ряда западных губерний. Как справедливо образно выразился по этому поводу наш военный историк, «в апреле 1915 года Россия была поставлена перед дилеммой: Царьград или Дрыщув. И Ставка выбрала Дрыщув»[21].

Наконец, третье объяснение сводится к тому, что Россия все равно была не в состоянии провести успешную десантную операцию такого рода, в подтверждение чему ссылаются на неудачу Галлиполийской операции союзников. На взгляд автора, аналогии здесь не очень уместны. Турки вплоть до 1918 года успешно сражались против англичан на всех фронтах своей империи, а русскими были постоянно биты. К тому же одновременный удар Русской армии на Босфоре и союзников в Дарданеллах намного повысил бы шансы операции на успех.

Николай II верил как в необходимость, так и в способность Русской армии и Русского флота овладеть Константинополем. Эта вера не была следствием ослепления, как часто необоснованно считают, лозунгом «креста на св. Софии». Она была продиктована пониманием исключительной стратегической важности Проливов для выигрыша войны Россией. Всю войну Николай II настаивал на проведении операции по захвату Проливов. Но с этим своим убеждением он оставался одинок в элите Империи. И весьма вероятно, что причина этого одиночества крылась отнюдь не в стратегических лишь разногласиях царя с большинством своего генералитета. Это вопрос будет

[21] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 558.

подробнее рассматриваться в главе о политическом и стратегическом руководстве последнего русского самодержца.

Если российская элита ставила решение вопроса о захвате Константинополя в зависимость только от того, будет он после войны принадлежать России или нет, то она проявляла непонимание характера ведущейся войны как Отечественной. Ведь в такой войне на первом месте должна стоять защита своего Отечества, а не захват чужих земель. Элита подменяла цель средством. Не победа над Германией должна была стать ключом к обладанию Босфором и Дарданеллами после войны, а взятие их в ходе войны открывало кратчайший путь к конечной победе над Германией...

Военная активность России против Турции проявилась только на Кавказском фронте, где наши войска всю войну постоянно продвигались вперед, особенно активно в 1916 г. В январе 1917 г. приказом великого князя Николая Николаевича (в это время — наместника на Кавказе) было учреждено... Евфратское казачье войско![22] Отметим этот факт как историко-геополитический курьез...

На Берлин?

Возможно, никогда в XX веке Русская армия (что царская, что советская) не вступала в войну на такой высокой степени профессиональной готовности своего личного состава, как это было в 1914 г. Никогда после она не достигала такого качественного уровня, который позволял ей поистине воевать не числом, а умением[23], с самой, по всеобщему признанию, технически оснащенной и организованной армией мира.

«В иных ротах в рядовых ходило до двух десятков закаленных в японской войне и на службе унтер-офицеров. Фатальная ошибка, порожденная желанием выступить немедленно во всеоружии! Они и разделили судьбу рядовых — легли в первых боях. У противника была иная практика — значительная часть

---

[22] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 692.

[23] См. Приложение 1 в конце книги. Таблица 1.

кадрового унтер-офицерского состава оставалась в тылу для подготовки развертывавшейся армии»[24].

Впрочем, такая ли уж и ошибка? Русскую стратегию 1914 г. пронизывало нигде прямо не высказанное, но сквозившее в любом ее шаге стремление добиться молниеносного сокрушения противника. У Германии на Западе был свой блицкриг, а у нас должен был быть свой! И такую, во многом инстинктивную, стратегию русского командования приходится считать если не единственно правильной, то вполне оправданной поначалу.

Вообще, главные штабы всех воюющих держав планировали военную кампанию с максимальным напряжением сил на 6—8 месяцев. По истечении этого срока боевые запасы должны были оказаться исчерпанными. Понятно, что способность пополнить боезапасы для более долгой войны была прямо пропорциональна промышленной мощности страны. В этом смысле в лучшем положении находилась Германия, за ней Англия, потом Франция и Россия примерно в одинаковой мере. Так и произошло.

По истечении кампании 1914 г. во всех воевавших странах начали проявляться симптомы кризиса со снабжением армий снарядами и патронами. Слабее всего они сказались и быстрее всего с ними справились в Германии. Британская сухопутная армия пока еще не развернулась в полную мощь и не вела интенсивных боевых действий, поэтому кризис на ней тоже почти не отразился. Французская армия, фронт которой с осени 1914 г. надолго стабилизировался, перешла к режиму строжайшей экономии боеприпасов. В худшем положении оказалась Русская армия. Ситуация осложнялась тем, что Русская армия в 1914—1915 гг. постоянно вела маневренные действия, которые приводили к интенсивному расходу небогатых боевых припасов.

Стремление добиться быстрой победы диктовалось не только слабостью русской военной промышленности. Если Германия опасалась длительной войны потому, что та велась на

---

[24] *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 31.

два фронта, то Россия — главным образом по отмеченным ранее политическим причинам. Как летом 1914 г. обстановка не оставляла русскому правящему классу иного выхода, кроме как ввязаться в войну с сомнительным исходом, так, после начала войны, только быстрая победа в ней избавляла его от политических опасностей, связанных с ее долгим ведением и ясно обозначенных в меморандуме Дурново.

Однако четкого понимания, каким образом можно добиться этой победы, в русской Ставке Верховного Главнокомандования (ВГК) в 1914 — начале 1915 гг. не было. Поэтому стратегические замыслы не раз менялись, противоречa один другому, и так и не вылились в конкретный план, подобный плану Шлиффена германского командования на Западном фронте. Вероятно, аналог такого плана для России был объективно невозможен.

Выгоды оперативной конфигурации русской западной границы могли быть легко обращены в невыгоды, и наоборот. Польский выступ мог послужить плацдармом для вторжения вглубь как Германии, так и Австрии. Одновременно он же мог превратиться в оперативный мешок для сосредоточенных там русских армий в случае одновременного удара врага по его флангам со стороны как Восточной Пруссии, так и Галиции. Колебаниями между опасением таких фланговых ударов и стремлением использовать выгоды польского выступа во многом и определялись метания русской Ставки в указанный период.

В директиве Ставки ВГК от 18 сентября (1 октября) 1914 г. в первый раз говорилось о предстоящем вторжении «в сердце Германии» и о том, что предпринимаемые операции должны иметь целью подготовку необходимых условий для этого вторжения. 28 октября (10 ноября) была издана новая директива, предписывавшая занять выгодное исходное положение для «глубокого вторжения в пределы Германской империи» через Верхнюю Силезию. Наконец, 3 (16) января 1915 г. Верховный главнокомандующий утвердил разработанный генерал-квартирмейстером Ставки генералом от инфантерии Ю.Н. Данило-

вым план операций на 1915 г. Согласно ему, главный удар должен был наноситься на Берлин, а необходимой предпосылкой его осуществления выдвигалось предварительное овладение Восточной Пруссией.

Постоянная смена направления главного удара показывает, что все эти планы оставались во многом чисто теоретическими построениями. Русские армии в кампанию 1914 г. ни разу не приблизились к тому, чтобы занять позицию, позволявшую приступить к практической реализации таких замыслов. Не в последней степени это, конечно, объяснялось противодействием врага. Но не будем строги к русскому командованию: его противник в 1914 г. вообще не имел никаких далеко идущих планов ведения войны на Восточном фронте! Действия германского командования в этот период не выходили за рамки активной маневренной обороны и срыва русских замыслов.

Сочетание оперативных мероприятий той и другой стороны привело в 1914 г. к двум крупным сражениям на территории русской части Польши: Варшавско-Ивангородскому (29 сентября — 26 октября) и Лодзинскому (29 октября — 15 ноября). И оба завершились тактическими победами наших войск. В последнем сражении немцы, стремясь охватить сразу две русские армии, сами попали в окружение полутора своими корпусами. Только благодаря нерасторопности русского командования, не ожидавшего то ли такой оплошности немцев, то ли такой удачи для себя самого, немцам удалось выйти из окружения. Правда, они потеряли при этом до 40 тысяч человек[25]. Однако перевести эти тактические успехи в стратегические русскому командованию не хватило сил или умения.

Одновременно продолжались в целом удачные для русских войск бои в Галиции. В конце года наши завязали борьбу за Карпатские перевалы. В крепости Перемышль была блокирована 140-тысячная австрийская армия (сдалась в марте 1915 г.).

В целом стратегические итоги кампании 1914 г. были более благоприятны для России, чем для ее противников. Русские войска, выровняв линию фронта, оставили крайние западные

[25] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 306.

районы Царства Польского, но заняли всю Галицию и часть Буковины у австрийцев, а на северном фланге вновь вступили в приграничные районы Восточной Пруссии. Однако это был пик успехов Русской армии.

Восточный фронт занимал все больше места в оперативных планах германского командования. Активные действия Русской армии не позволяли немцам наращивать свои силы на Западном фронте. Если в августе 1914 г. на Западном фронте находилось 80 германских дивизий, а на Восточном — только 42 (из них 14 германских и 28 австрийских), то в декабре 1914 г. на Западном фронте стояла 81 германская дивизия, а на Восточном — 36 германских и 41 австрийская, т.е. всего 77 дивизий. В феврале 1915 г. число дивизий Тройственного союза на Востоке (91, в том числе 46 германских) впервые превысило их число на Западе (87). Планы германского командования на Востоке начинали обретать логичность и стройность: главный удар срединных империй должен был теперь обрушиться на Россию.

Тревожный набат для России еще раз прозвучал в феврале 1915 г. 20-й корпус 10-й русской армии был окружен немцами в лесах под Августовом и разделил участь 13-го и 15-го корпусов под Танненбергом. А командующий армией генерал от инфантерии Ф.В. Сиверс вскоре застрелился, как и Самсонов. Русские войска теперь окончательно оставили Восточную Пруссию, чтобы вернуться туда спустя лишь 30 лет.

Тем временем русское командование, не отказавшись от планов повторного похода в Восточную Пруссию, а оттуда на Берлин, пыталось угнаться сразу «за двумя зайцами». Утвердив план генерала Данилова, великий князь, однако, одобрил и замысел главкома Юго-Западного фронта генерала Иванова, заключавшийся в переходе через Карпаты на Венгерскую равнину. Причину этому можно усмотреть лишь в том, что Ставка любой ценой цеплялась за последний шанс нанести врагу чувствительное поражение. Выбор удара вглубь Австро-Венгрии не в последнюю очередь определялся политическими соображениями (вернее, иллюзиями), о которых будет сказано дальше.

Разбрасывание русских сил на нескольких направлениях облегчало врагу парирование наших ударов. Возможно, что их сосредоточение в каком-то одном месте, наиболее уязвимом для противника, привело бы к более ощутимым результатам. Но такое направление надо было суметь правильно избрать. Меньше всего мишенью главного удара мог служить географический пункт, будь то Берлин, Краков или Кёнигсберг. Еще Карл Клаузевиц в начале XIX столетия учил, что объектом военных операций должна быть армия, живая сила противника. Можно сказать, что германский фронт не имел таких очевидных уязвимых мест.

Наступательные операции Русской армии в начале 1915 г. только истощали ее боевые запасы, не приближая к победе. Стратегия русской Ставки в этот период была поведением зарвавшегося игрока. Давно было ясно (но только не великому князю и начальнику его штаба!), что до начала летней кампании сокрушить противника уже не удастся. А раз так, то Русской армии придется вести стратегическую оборону при хронической нехватке боеприпасов. Германское командование отчетливо видело этот приближающийся кризис нашего фронта и намеревалось сполна им воспользоваться.

Рухнувшая надежда на «братьев-славян»

Колебания русского Верховного командования в 1914 — начале 1915 гг. в вопросе о том, кому наносить главный удар — Германии или Австро-Венгрии, вызывались не только стратегическим недомыслием, но и политическими иллюзиями.

Надежды вывести из войны Австро-Венгрию отдельно от Германии были несостоятельны. То, что в конце войны Австро-Венгрия подписала перемирие на восемь дней раньше Германии, вызывалось совершенно новыми условиями, а именно революцией в обеих этих странах. Но революция, подобная происшедшей там осенью 1918 г., была совершенно невозможна в 1914—1915 гг. Тем более немыслимо, чтобы катализатором такой революции стала царская Россия.

Военный разгром Австро-Венгрии отдельно от Германии был неосуществим. Аналогия с Францией и Россией, которые могли быть разбиты отдельно друг от друга, тут совершенно не проходит. Обе немецкие империи составляли одно геополитическое целое в центре Европе (их и называли часто блоком Центральных держав или срединных монархий). Германские войска, пока их самих не коснулось революционное разложение, в любой момент могли эффективно «подпереть» фронт своего союзника, что они и делали до 1918 г.

Политические иллюзии русской Ставки были навеяны почти столетием существования панславистской доктрины. Надо заметить, что долгое время панславизм имел главным образом либеральное и даже революционное содержание и потому не пользовался благосклонностью русской монархии. Отношение царского двора к этой доктрине всегда оставалось более, чем сдержанным. Однако с началом Первой мировой войны самодержавие решило осторожно использовать это идейное оружие из арсенала своих внутренних противников, благо те объявили «единение с властью до конца войны». Эта трансформация панславизма совершилась, впрочем, не в одночасье, но здесь нет возможности подробно рассмотреть эволюцию данной доктрины.

Применительно к реалиям Первой мировой войны иллюзия панславизма означала, что славянские народы Австро-Венгрии — чехи, словаки, русины, поляки Галиции, хорваты, словены, сербы Воеводины и Баната — восстанут против власти династии Габсбургов при первых же неудачах ее армии. И с восторгом встретят армию русского царя как свою освободительницу. Такая иллюзия не учитывала того, что для католических народов — чехов, словаков, хорватов, словен — православная Россия была более чужой и непонятной страной, чем католическая Австрия, а поляков и вовсе разделяла с русскими многовековая вражда.

Более реальные надежды могли быть связаны с использованием национальных доктрин самих славянских народов. В ту пору среди них были популярными идеи образования федера-

тивных славянских государств — Югославии и Чехословакии. Они и осуществились по итогам Первой мировой войны. Однако Российская империя ни разу не высказала своего официального отношения к этим доктринам.

От проявления симпатий к России славян Австро-Венгрии удерживало знание о том, что все местные славянские языки, кроме русского (т.е. польский и украинский; последний официально именовался даже не языком, а лишь «малороссийским наречием»), находились в Российской империи под фактическим запретом. Славянские области Австро-Венгрии обладали той или иной степенью автономии, и их жители могли сравнивать свое положение с унитарным централизованным устройством Российской империи. Словом, Российская империя в отношении к «своим» славянам ничем не отличалась в лучшую сторону от Австрийской империи, и народам последней это было хорошо известно.

Однако в пределах, допускаемых необходимостью сохранения единства собственной империи, русская монархия делала многое, чтобы привлечь на свою сторону западных и южных славян. Так, благосклонное отношение к югославской и чехословацкой национальным идеям проявилось в создании соответствующих частей в составе Русской армии.

Формирование чешских национальных дружин из эмигрантов, живших в России, началось ещё в конце 1914 г. Военные действия, в ходе которых в русский плен попало немало военнослужащих чешской и словацкой национальностей, предоставили широкий контингент для вербовки добровольцев. Но на фронт 1-я Чехословацкая бригада (под командованием русского полковника А.П. Троянова) попала уже только после Февральской революции 1917 г. Ее полки назывались по именам прославленных деятелей чешской истории: св. Вацлава (позднее — Яна Гуса), короля Иржи из Подебрад и Яна Жижки. Интересно, что в ее первом бою 19 июня (2 июля) 1917 г. под Зборовом ей с другой стороны противостояла тоже главным образом чешская по своему составу 19-я пехотная дивизия австрийской армии.

Еще более примечательно то, что в этом бою с обеих сторон приняли участие два будущих руководителя социалистической Чехословакии — солдат Клемент Готвальд (с австрийской) и командир роты Людвиг Свобода (с русской). Готвальд недолгое время спустя после этого боя перебежал на русскую сторону и вскоре стал большевиком, а вот судьба Л. Свободы складывалась иначе. Он вместе с Чехословацким корпусом оказался в Белом движении, а в Советскую Россию попал снова только осенью 1939 г., будучи задержан чекистами на бывшей польской территории, где с группой таких же офицеров бывшей чехословацкой армии пытался развернуть подпольное сопротивление гитлеровской оккупации...

В конце 1917 г. чехословацкие части в России насчитывали более 50 тысяч человек и были развернуты в корпус. Однако активные боевые действия на Восточном фронте к тому моменту уже завершились. Чехословацкий корпус в 1918 г. принял активное участие в Гражданской войне на стороне Белого движения.

1 (14) сентября 1916 г. боевое крещение на Русском фронте получила Югославянская дивизия. Показательно, что ее непосредственным противником в том первом бою стали болгары. Будущий руководитель коммунистической Югославии, австрийский солдат Йосип Броз Тито, оказавшийся в русском плену весной 1915 г., предпочел оставаться в лагере... К концу 1917 г. югославянские части в России также достигли размеров корпуса. В дальнейшем они были раскиданы по России событиями Гражданской войны. 1-й Югославянский полк «Матия Губец» (в честь хорватского национального героя борьбы против венгров в XVI веке) в 1919 г. охранял белогвардейского «верховного правителя России» А.В. Колчака.

Особняком стоял польский вопрос. Польша была разделена между тремя государствами — Россией, Австрией и Германией. 1 (14) августа 1914 г. Николай II огласил декларацию, где обещал воссоединение Польши после войны. Однако об ее государственной независимости ничего не говорилось.

С первых дней войны обе стороны стремились привлечь к себе симпатии поляков. Великий князь Николай Николаевич, направляя наши войска в печальный поход в Восточную Пруссию, одновременно пытался зажечь поляков воззванием, напоминавшим об их победе над тевтонами под Грюнвальдом в 1410 г. ... Но вскоре Польша оказалась полностью оккупирована войсками Центральных держав. Однако и после этого поляки в Русской армии долго продолжали оставаться в составе тех соединений, в которые они были призваны в начале войны.

Австрийские власти уже в августе 1914 г. сформировали два польских легиона — в Западной Галиции и отдельно в Кракове. В этой затее им активно помогал лидер «Польской партии социалистичной» (ППС) Юзеф Пилсудский. Однако в первых же боях эти части понесли серьезные потери, причем легион, набранный в Галиции, просто исчез как боевая сила, после чего и краковский легион был расформирован.

23 октября (5 ноября) 1916 г. оба кайзера — германский Вильгельм II и австрийский Франц-Иосиф I — выступили с совместной декларацией, в которой провозгласили создание независимого Королевства Польского в российской части Польши. Ничего не было сказано о включении в его состав польских земель, находившихся под властью Германии и Австрии. Как бы ответом на эту декларацию в приказе Николая II по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. прозвучало «создание свободной Польши из всех ее ныне разрозненных областей». Однако эпитет «свободной» допускал разные трактовки.

Временное правительство России 16 (29) марта 1917 г. провозгласило, что его целью является создание «независимого Польского государства, образованного из всех земель, населенных в большинстве польским народом». Формирование польских национальных частей в Русской армии ускорилось. В конце лета 1917 г. был развернут 1-й польский корпус. К концу 1917 г. он включал три полнокровные дивизии. Тогда же был сформирован 2-й корпус.

Формирование войсковых частей марионеточного Королевства Польского, временно управляемого «регенцийной радой»,

назначенной оккупантами, происходило значительно более медленными темпами. До конца 1918 г. в этой армии под командованием Владислава Сикорского насчитывалось всего 5 тысяч человек!

Наиболее успешно шло создание польской национальной армии под знаменами союзников на Западном фронте. К окончанию военных действий на нем (в конце 1918 г.) т.н. «голубая армия» (названная так по цвету формы), составленная из поляков, живших в разных странах мира (главным образом в США), под командованием Юзефа Галлера, насчитывала более 80 тысяч солдат. С 1919 г. она приняла активное участие в событиях польско-русской войны.

Русская элита привычно воспринимала украинцев как малорусов, в том числе и живших в австрийской Галиции и Угорской (Закарпатской) Руси, т.е. в Западной Украине. Последних обычно называли русинами. Большинство русин в начале XX века действительно продолжали отождествлять себя с русскими. Однако в это время, при поддержке австрийских властей, среди них усиленно формировалось новое, украинское самосознание.

С началом Первой мировой войны австрийские власти развернули бешеную травлю русин, не желавших признавать себя украинцами. Их называли «москвофилами» и заведомо скопом записали в русские шпионы. В Червонной Руси развернулся настоящий террор против русинской интеллигенции. За донос на русина-учителя или русина-священника платили больше, чем за донос на простого крестьянина-русина. В выявлении «москвофилов» самое активное участие приняли украинские националисты. В отношении заподозренных применялось «ускоренное судопроизводство». Местечки Западной Украины перед приходом туда русских войск осенью 1914 г. не раз «украшались» трупами расстрелянных и повешенных «москвофилов».

Местечко Талергоф в Штирии приобрело печальную известность благодаря концентрационному лагерю, созданному там осенью 1914 г. австрийскими властями для арестованных и

свезенных туда русинов. Через лагерь прошло не менее 30 тысяч человек обоего пола и разного возраста — от грудных младенцев до глубоких стариков. От жестокого обращения и нечеловеческих условий содержания около трех тысяч узников лагеря умерли до конца 1914 г.[26] В начале 1917 г. вступивший на австрийский престол новый кайзер Карл I освободил всех заключенных лагеря без рассмотрения вины, косвенно признав, таким образом, необоснованность репрессий против них.

В ходе военных действий до конца 1914 г. русские войска заняли всю Червонную Русь. Она стала управляться на общих основаниях с Российской империей с поправкой на условия театра военных действий. Были образованы четыре губернии — Львовская, Тернопольская, Черновицкая и Перемышльская. Вероятно, планировалась и пятая губерния — Ужгородская (Закарпатская), но туда русские войска не дошли. Униатские приходы переводились под юрисдикцию Русской православной церкви.

В апреле 1915 г., после взятия Перемышля, новые русские губернии посетили Николай II с Верховным главнокомандующим. Вопреки старому международному праву, по которому окончательное государственное устроение завоеванной территории начиналось только после заключения мира, Российская империя своими мероприятиями заранее объявляла о включении этих коронных австрийских земель в свой состав. Правда, уже летом 1915 г. Русская армия была вынуждена уйти с большинства из них. Вместе с отступающей Русской армией уходили уцелевшие от австрийского террора русины, оставляя родную землю для носителей «украинской национальной идеи».

Власти Габсбургов пытались использовать «украинскую идею» для разжигания сепаратистских настроений в России. В Галиции с первых дней войны создавался легион «січових стрільців», название которого должно было пробудить в украинцах какие-то ностальгические воспоминания о временах Запорожской Руси. Но из этой затеи ровно ничего не вышло.

---

[26] *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX—XX вв. М., 2007. С. 105—110.

Сами «сечевики» оказались париями в австрийской армии. Командование реально оценивало их боевые качества. Значительно лучше «сечевикам» удавалась жандармская служба против своих соотечественников-«москвофилов». Из «сечевиков», сдавшихся Русской армии, в 1917 г. пытались создать карпато-русские части. Но это дело тоже не заладилось.

В целом же «славянскую карту» не удалось разыграть ни той, ни другой стороне. Но если для Центральных держав ее использование могло быть лишь ограниченным (в Польше и Украине), то для России иначе как разочарованием не обернулось то, что славянские подданные Габсбургов и Гогенцоллернов вовсе не спешили перейти под знамена Романовых (до 1917 г.) или «свободной России» (в 1917 г.). Еще более сильным разочарованием стало поведение Болгарии.

Когда осенью 1915 г. Болгария объявила войну Сербии и помогла австрийской и германской армиям оккупировать эту страну, в России это было расценено как предательство в «семье славян». Но в Болгарии привыкли смотреть на Сербию как на страну, более всего мешавшую национальным чаяниям болгар. Македония, включенная Сербией в свой состав по итогам двух Балканских войн 1912—1913 гг., в Болгарии всегда воспринималась как колыбель болгарской государственности (Охридская архиепископия). И неудивительно, что в Первой мировой войне Болгария встала на сторону врагов Сербии.

Поначалу казалось, что русские и болгарские войска не столкнутся между собой на поле боя. Однако летом 1916 г., когда в войну на стороне Антанты вступила Румыния (тоже обидчица Болгарии в 1913 г.), русские войска вошли в Румынию, чтобы спасти ее от разгрома. И встретились там с болгарами. Надежды на то, что болгары не станут стрелять в русских «братушек», улетучились в один миг. Болгары, как и русские, до поры оставались верны своему царю.

Наиболее конфузный эпизод произошел осенью 1916 года на Балканском фронте союзников, куда были посланы две русские бригады. В боях за город Битоль (Монастир) в Македонии 2-я

русская бригада была поставлена командованием союзников на направление главного удара против болгарских войск. По-прежнему надеялись на моральный эффект появления русских перед болгарами... Однако незадолго перед этим Николай II, по просьбе сербского королевича Александра, дал согласие на оперативное подчинение обеих русских бригад командованию сербской армии. В лице русских болгары увидели перед собой все тех же извечных врагов — сербов. Битоль был взят, но 2-я русская бригада потеряла в этих боях свыше трети своего состава...

Однако, говоря о болгарах в Первой мировой войне, нельзя умолчать о судьбе болгарина на русской службе, генерала Радко-Дмитриева[27]. В 1914 г. он состоял послом Болгарии в Петербурге. Неслыханное дело в истории дипломатии Нового времени, чтобы посол пошел воевать за ту страну, в которой находился, когда над ней нависла угроза. Но именно так поступил Радко-Дмитриев, для которого Россия стала второй родиной. Он получил чин генерала от инфантерии и в 1915 г. командовал 3-й русской армией, оказавшейся на острие главного удара немцев. Армия понесла большие потери, и на Радко-Дмитриева как на болгарина пало подозрение в пособничестве врагу. Суда не состоялось, но Радко-Дмитриева понизили в должности — назначили командиром корпуса. В дальнейшем он снова командовал армией (12-й), вышел в отставку в 1917 г., а осенью 1918 г. был убит во время «красного террора»...

Первая мировая война оправдала ожидания некоторых славянских народов. По ее итогам возникли новые независимые славянские государства — Польша, Югославия, Чехословакия. Но права многих славянских народов оказались при этом ущемлены. Так, Украина была разделена между четырьмя государствами. Бóльшая ее часть стала советской, но разные районы Западной Украины были включены в состав Польши,

---

[27] Псевдоним из имени и отчества, составленный им самим в юности, когда он в составе народного ополчения воевал за освобождение Болгарии от турок.

Чехословакии и Румынии. При этом только чехословацкая часть (Закарпатская Украина) получила некоторую автономию. Хорватов и словен никто не спросил, хотят ли они после войны жить в одном государстве с сербами. Остался «замороженным» конфликт между Польшей и Чехословакией из-за города Тешин. Новые территориальные потери понесла Болгария. Все это сказалось потом, в преддверии и в начале Второй мировой войны.

На полях сражений Первой мировой войны, с обеих сторон обильно политых славянской кровью, разлетелись в прах мечты о единстве и братстве всех славян. Славянский мир вышел из войны еще более разобщенным, чем был до нее, полным взаимных обид и претензий.

Великое отступление

Вернемся на Восточный фронт в весну 1915 г. Здесь и тогда развернулись важнейшие события Первой мировой войны в кампанию 1915 г.

13 (26) апреля германские войска начали демонстративное наступление на северном крыле фронта в направлении Либавы (ныне Лиепая в Латвии). 19 апреля (2 мая) германские и австрийские войска под командованием фельдмаршала Макензена прорвали русский фронт в районе Горлице в Галиции. 9 (22) июня австрийцы снова заняли Львов. Русские были вытеснены почти из всей Галиции и из значительной части Царства Польского.

Потери русских войск были необычно велики. Они могли быть меньше, если бы Ставка не пыталась любой ценой сохранить пространство. Именно тогда впервые прозвучали столь знаменитые по другой войне слова: «Ни шагу назад!». Именно тогда появились в Русской армии первые заградительные отряды.

«Для малодушных, оставляющих строй или сдающихся в плен, не должно быть пощады; по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулеметный, и орудийный огонь,

хотя бы даже и с прекращением огня по неприятелю; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом... Слабодушным нет места между нами, и они должны быть истреблены»[28] — гласил приказ, изданный командующим 8-й армией генералом от кавалерии А.А. Брусиловым.

Участились случаи сдачи в плен целых войсковых частей. Так, в первые дни Горлицкого прорыва сдалась в плен 48-я пехотная дивизия во главе со своим начальником генерал-лейтенантом Л.Г. Корниловым. В июне 1915 г. Николай II по докладу Верховного главнокомандующего великого князя одобрил предложенные им две меры. Первая касалась семей военнослужащих, добровольно сдавшихся в плен, — эти семьи лишались продовольственного пайка за взятого в армию кормильца. Вторая мера предусматривала ссылку таких пленных, по окончании войны, на поселение в Сибирь[29].

Но ни героизмом солдат, ни заградотрядами, ни угрозами репрессий против сдающихся в плен и их родных нельзя было исправить положение, созданное катастрофической нехваткой снарядов и патронов и неумелыми стратегическими распоряжениями высшего командования.

Вышеприведенными фразами обычно иллюстрируют печальные для нашей Родины события начального этапа Великой Отечественной войны. Так вот, происходившее с Русской армией в 1915 г. имеет полную типовую аналогию с тем, что происходило с Красной армией летом—осенью 1941 г. и летом 1942 г. Разница только в масштабах.

Размеры трагедии Русской армии в 1915 г. намного уступали трагедии Красной армии и всего нашего народа в 1941—1942 гг. Летом 1915 г. наши войска оставили Западную Украину, Польшу, Западную Белоруссию, часть Прибалтики. На этой территории проживало примерно 12—13 млн человек, что составляло меньше 8 % населения Российской империи.

---

[28] Цит. по: *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 202.

[29] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 311.

В 1941—1942 гг. под пятой врага оказалась территория, на которой до войны проживало около 80 млн человек — более 40 % предвоенного населения Советского Союза.

Размеры потерь в обоих этих случаях трудно сопоставимы. Доля временно уступленных Россией в 1915 г. областей в населении и экономике нашей страны была сравнима с долей французских территорий, оккупированных Германией в 1914 г., в населении и экономике Франции. Это была чувствительная, но не фатальная потеря. Она еще не ставила под угрозу существование самого государства.

То же самое нужно сказать и о людских потерях России в Первой мировой войне. С августа 1914 г. до конца 1915 г., т.е. за 17 месяцев войны, Русская армия потеряла убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести в сумме 4,7 млн человек[30]. Это даже как-то неловко сравнивать с первым периодом Великой Отечественной войны (тоже 17 месяцев, 22 июня 1941—18 ноября 1942 гг.), в течение которого также убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести Красная армия потеряла в общей сложности 11,2 млн человек[31].

В абсолютных цифрах Россия за всю Первую мировую войну потеряла больше, чем любая другая страна. Сопоставление данных различных источников[32] приводит нас к цифре 2,25 млн погибших, включая сюда умерших от ран и в плену. По другим основным воевавшим странам мы имеем такое число погибших[33]: Германия — 2,05 млн, Австро-Венгрия — 1,4 млн, Франция (без колоний) — 1,3 млн, Англия (без колоний и доминионов) — 700 тыс., Италия — 600 тыс.

---

[30] *Головин Н.Н.* Ук. соч. С. 142—143.

[31] Гриф секретности снят! Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 152, 157.

[32] *Урланис Б.* Войны и народонаселение Европы. М., 1960. Ч. II, гл. 3, § 2; *Головин Н.Н.* Ук. соч. Гл.V; Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. С. 100.

[33] Подробнее см. Приложение 2 в конце книги.

Однако в относительных величинах это будет выглядеть несколько иначе. В России погиб 1 человек из каждых 69 человек населения[34], тогда как в Англии — 1 из 64, в Италии — 1 из 62, в Австро-Венгрии — 1 из 38, в Германии — 1 из 35, а во Франции — 1 из 30 человек.

Итак, Россия несла меньшие, относительно масштабов и ресурсов страны, материальные потери, чем остальные главные участники Первой мировой войны. Тем более — чем терял впоследствии Советский Союз в Великую Отечественную войну.

Однако необходимо подчеркнуть субъективный момент восприятия войны в России, которая, как мы уже отмечали, за предыдущие два века привыкла, что ее армия воюет малой кровью где-то на чужой территории. Да, потери России в Первую мировую войну не были фатальными. Но они были беспрецедентными для страны. Смутное время начала XVII века, а тем более монголо-татарское нашествие были известны лишь по туманным преданиям, а в Отечественную войну 1812 г. потери и разрушения России были неизмеримо меньше, чем в 1915-м. Правда, тогда противник занял даже Москву, но область, затронутая войной и разорением, в 1812 г. была сравнительно небольшой — по сути, лишь полоса вдоль дороги Ковно — Москва. А в 1915-м фронт боевых действий был сплошной — от Балтийского моря до Карпат.

Что же касается русского военного командования в Первую мировую войну, то оно издавна служило объектом резких нареканий.

«Русская армия выступила на войну с хорошими полками, с посредственными дивизиями и корпусами и с плохими армиями и фронтами, понимая эту оценку в широком смысле подготовки, а не личных качеств»[35]. «Стратегический обзор

[34] На территории Царства Польского мобилизационные мероприятия не удалось провести в полном объеме, в Финляндии мобилизации не было. Без них население России к 1914 г. составляло 155,4 млн.. См.: *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813—1913). М., 1956. С. 25, 27.

[35] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 15.

Мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям Русской армии. Безмерно строг этот обвинительный акт... Вынеся свой приговор, история изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что Русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!»[36]

Эти оценки даны в 20—30-е гг. прошлого века, в промежутке между двумя мировыми войнами. Одна исходит от советского военного историка (бывшего царского генерала), другая от эмигранта-монархиста. Обе, различаясь лишь в тоне, полностью совпадают по содержанию. Обе уничтожающе критические.

Великая Отечественная война смягчила негативную оценку русского командования Первой мировой войны или сделала ее неактуальной. Стало ясным, что можно руководить войсками гораздо хуже, однако, несмотря на это, в конце концов выигрывать войну.

Сравним эффективность действий воевавших армий. Говорят, что цифры скучны, но это лишь тому, кому безразлична истина. Для историка нет ничего красноречивее точных цифр.

Число умерших в плену в данном случае — не показатель, поэтому его надо вычесть из общего числа погибших. Хотя реальное количество умерших в германском и австрийском плену русских солдат до сих пор точно неизвестно (имеющиеся оценки расходятся от 27 тыс.[37] до 500 тыс.[38]), возьмем как бы средний показатель в 190 тыс.[39] Получается, что в боевых действиях Первой мировой войны в Русской армии погибло 2,1 млн (погибших от небоевых причин мы считаем вместе с погибшими от огня противника, так как чем армия эффективнее организована, тем ниже доля потерь от небоевых причин, и наоборот), в армиях всех ее врагов, вместе взятых — 1,4 млн[40]. Соотноше-

---

[36] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С.675—676.

[37] *Головин Н.Н.* Ук. соч. С. 134.

[38] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 833.

[39] Россия и СССР в войнах XX века... С. 100.

[40] См. Приложение 2.

ние получается 1,5:1 не в нашу пользу. Так как взятые в плен — тоже свидетельство эффективности армии, посчитаем вместе с ними, хотя здесь данные менее точны. Русская армия потеряла пленными 2,4 млн[41], взяла пленных 2,2 млн[42]. Следовательно, безвозвратных потерь наша армия понесла 4,5 млн, враги же — 3,6 млн, т.е. в 1,25 раза меньше, чем мы.

Если судить лишь по цифрам, они однозначно свидетельствуют в пользу того, что наши враги воевали лучше. Однако не будем поспешны в выводах. Сравним эти же показатели с аналогичными для Великой Отечественной войны. В ней Красная армия потеряла погибшими в военных действиях и от небоевых причин 7 млн человек[43], уничтожив при этом 4,8 млн военнослужащих противника[44]. Вместе с пленными наши вооруженные силы безвозвратно потеряли в Великую Отечественную войну 11,4 млн человек[45], противник — 8,6 млн[46]. Таким образом, в Великую Отечественную войну соотношения потерь были точно такими же (небольшую разницу отнесем на счет статистических погрешностей), что и в Первую мировую войну.

Любопытно, что совершенно такие же пропорции устанавливаются и для Западного фронта Первой мировой войны. Причем и там германские войска, судя по цифровым показателям,

---

[41] *Головин Н.Н.* Ук. соч. С. 137.

[42] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 666. Обращает на себя внимание, что в Русской армии соотношение пленных и погибших было почти одинаковым (на семерых погибших восемь сдавшихся в плен), а во вражеских армиях на семерых погибших приходилось одиннадцать сдавшихся в плен! Это может означать одно из трех: или стойкость русских войск была в целом выше, чем у противника; или русские в той войне все-таки чаще одерживали победы, чем терпели поражения; или то и другое вместе!

[43] Подсчитано по: Великая Отечественная война 1941—1945. М., 1999. Кн. 4. С. 286; Гриф секретности снят!.. С. 338.

[44] Подсчитано по: Гриф секретности снят!.. С. 391.

[45] Всероссийская Книга Памяти, 1941—1945. Обзорный том. М., 1995. С. 411.

[46] Великая Отечественная война 1941—1945. Кн. 4. С. 292.

воевали эффективнее своих противников. В 1914—1918 гг. армии Антанты на Западноевропейском театре потеряли погибшими 2,3 млн человек (Франция с колониями — 1,4 млн, Британская империя — 0,8 млн, Бельгия — 38 тыс., США — 37 тыс.), Германия — 1,6 млн Вместе с попавшими в плен армии Антанты потеряли там же 2,9 млн, Германия — 2,3 млн[47].

О чем это свидетельствует? Конечно, меньше всего о том, «кто есть лучший солдат» — русский, немец или француз. Ведь эти цифры не способны учесть технических аспектов вооружения сторон. Выводы, из них следующие, ограничены, но для нас очень важны. Приведенные показатели означают прежде всего то, что перед лицом противника Русская армия в Первую мировую войну выглядела ничуть не хуже, чем Красная армия в Великую Отечественную, если брать в целом как неудачный для нас, так и успешный периоды последней. Если в Великую Отечественную войну такие периоды четко разделяются между собой, то ход Первой мировой войны для России был более ровным. Учет этого и позволяет утверждать, что в ходе нее в целом руководство Русской армии было более эффективным, чем руководство РККА в начальный период Великой Отечественной.

Далее, что также показательно, Русская армия Первой мировой войны несла относительно своих врагов такие же потери, как армии наших западных союзников — относительно своих. Иными словами, Русская армия была подготовлена к встрече с врагом ничуть не хуже, чем французская и английская армии. Все это заставляет признать несостоятельность заезженного тезиса о неготовности Русской армии к Первой мировой войне по части военного профессионализма. И это касается всей армии, то есть и ее высшего стратегического руководства. Его даже в первую очередь.

Летняя кампания 1915 г. дала блестящий образец организованного отхода крупных войсковых масс, осуществленного русским командованием. Северо-Западный фронт под командованием генерала от инфантерии М.В. Алексеева был своев-

[47] *Урланис Б.* Ук. соч. Ч. II, гл.3, § 2. См. тж. Приложение 2.

ременно выведен из образовывавшегося в Польше оперативного «мешка», который готовило для него германское командование. Во время этого отхода с июля по сентябрь 1915 г. ни одно крупное соединение нашей полевой армии не попало в окружение. Опять невольно напрашивается сравнение с летним отступлением 1941 г. Красной армии — не в пользу последней. Правда, у Гинденбурга не было танковых дивизий, способных проходить до 100 км в сутки. С другой стороны, в 1941 г. танки-то были не только у немцев...

Германское командование напрягало все силы, стремясь нанести решающее поражение России. В августе 1915 г. число дивизий Центральных держав на Восточном фронте достигло максимума с начала войны — 107 (больше будет только через год), из них 65 германских. На Западном фронте в это время находилось только 90 дивизий (правда, все германские). Но своих целей противник не достиг. Уже в сентябре 1915 г. общее число его войск на Востоке было сокращено до 102 дивизий. Это означало признание провала планов вывести Россию из войны в 1915 г.

Западные союзники не оказали в этот период помощи Русской армии своими активными действиями. В мае и июне (н.ст.) 1915 г. они предприняли две незначительные попытки локального наступления, но они оказались безрезультатными. Летом 1915 г. немцы не отправили ни одной дивизии с Восточного фронта на Запад, наоборот, все переброски шли в обратном направлении! Более серьезная попытка наступления была предпринята союзниками только 12 (25) сентября 1915 г. и длилась четыре недели. Она не имела серьезных результатов, кроме того, что германское командование на этот раз перебросило с Востока на Запад 11 дивизий. Но это было следствием не столько французских действий, сколько признания бесперспективным дальнейшего наступления на Востоке.

Вряд ли следует, как это иногда делают, считать эти французские атаки предпринятыми лишь для отвода глаз русскому командованию. Союзникам действительно не хватало умения рвать укрепленные полосы обороны противника. И все-таки о

том, что их боевая помощь Русской армии могла быть в тот период более значительной, свидетельствует характерное признание не кого-нибудь, а министра военного снабжения (впоследствии премьер-министра) Англии Дэвида Ллойд-Джорджа: «История предъявит счет военному командованию Франции и Англии, которое в своем эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе»[48]. Снова уместна аналогия с первым этапом Великой Отечественной войны, когда нашим войскам так не хватало помощи реального второго фронта.

Россия, фактически предоставленная самой себе, выдержала напор вражеских полчищ! В конце сентября 1915 г. Восточный фронт стабилизировался. При этом русские войска нанесли противнику ряд чувствительных контрударов на Юго-Западном фронте. На Западном фронте Русской армии[49] (созданном разделением Северо-Западного фронта на Северный и Западный) был ликвидирован прорыв германской кавалерии под Свенцянами. Там противнику удалось на время перерезать железную дорогу Минск — Москва в 30 верстах восточнее Минска. Но немцам пришлось быстро ретироваться, пока наши войска не успели захлопнуть «форточку», через которую те пытались прорваться на наши тылы.

В этих боях осенью 1915 г. Русская армия показала, что полностью оправилась от понесенных поражений, что военно-технический ее потенциал восстановлен, а боевой дух по-прежнему высок. Самый чувствительный урон немецкое наступление нанесло не ей, а русскому обществу.

Неадекватная реакция

Как мы уже видели, потери, понесенные Россией в 1914—1915 гг., не были фатальными. Они не позволяли объективно считать войну проигранной. Они не давали достаточных при-

---

[48] *Ллойд-Джордж Д.* Военные мемуары (пер. с англ.). М., 1934. Т. 1—2. С. 317.

[49] Не путать с немецким Западным фронтом во Франции!

чин для упреков русскому командованию и всему государственному руководству в ее бездарном ведении. Тяготы, переносимые Россией, были не так велики, как у той же Франции и особенно Германии, где с начала войны жизненный уровень населения резко снизился. В России он снижался намного медленнее. Мобилизации тоже меньше затрагивали русский народ, чем народы Западной Европы. В России за все время войны было призвано в вооруженные силы 15,4 млн человек[50], однако это составляло всего 9,9 % населения страны[51]. Для сравнения: в Англии было мобилизовано 10,7 %, в Италии 15 %, в Австро-Венгрии и Франции по 17 %, а в Германии 20 % всего населения страны! [52]

Однако, как мы тоже отметили, Россия никогда прежде не несла таких потерь за столь короткое время и ей не приходилось прилагать таких усилий для борьбы с врагом. А победа все не приходила. Русским людям, поколение за поколением воспитанным в понятиях непобедимости своей Империи, было извинительно видеть во всем этом результат деятельности каких-то скрытых враждебных сил. У них просто не укладывался в голове тот простой факт, что Русская держава на поверку оказалась не так сильна, как привыкли считать! Естественно было искать во всем этом происки шпионов, благо людей с немецкими фамилиями в России было немало. «С помощью услужливой печати, которой всюду мерещились переодетые прусские ротмистры, серьезное и всенародное дело защиты России превращалось в уголовный роман»[53].

Ни одна страна, воевавшая в Первой мировой войне, не избежала болезненных приступов шпиономании. Вражеских агентов искали и находили повсюду, особенно там, где их не было (знаменитая Мата Хари, как теперь склонны считать, вряд ли сознательно работала на германскую разведку). Но, по-

[50] Россия и СССР в войнах XX века... С. 91.

[51] Без Польши и Финляндии — см. выше.

[52] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 836.

[53] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 495.

жалуй, только в России того периода «охота на ведьм» сыграла такую огромную и зловещую политическую роль.

Наряду с этим даже у лиц, лояльных к власти, росли сомнения в дееспособности государственного строя Российской империи. По аналогии с действиями командного состава на поле боя, мы вправе заключить, что правительственный аппарат России справлялся с трудностями военного времени ничуть не хуже, чем его коллеги в западноевропейских странах. С поправкой, вероятно, на инфраструктурное отставание России, которое, однако, нельзя было ликвидировать в одночасье. Но более низкая эффективность русской государственной машины ставилась обществом в вину не ее низкой технической вооруженности, а ее устройству.

Это, как и желание видеть во всех неудачах результат тайных вражеских козней, было заведомо неверно, зато удобно. Вместо необходимости трудиться по принципу «Все для фронта, все для победы!», как это было потом в Великую Отечественную войну, обществом нагнеталась иллюзия легкого, политического решения тяжелых проблем, объективно стоявших перед Россией.

Раскрутка грандиозного шпионского скандала началась с дела жандармского полковника Сергея Мясоедова. Вина его не была доказана, но Верховный главнокомандующий великий князь приказал военному суду повесить Мясоедова независимо от наличия улик. Однако Молох общественного мнения не был этим удовлетворен. Всем казалось, что такое ничтожное лицо, как полковник, не могло быть центром всей изменнической деятельности. Так потянулась новая ниточка расследований, довольно быстро приведшая к отставке и аресту генерала от кавалерии Владимира Сухомлинова, военного министра.

Дело Сухомлинова сильно дискредитировало русскую власть, тем более что обвинение в измене было шито белыми нитками. «Ну и храброе же у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра!»[54], — изумленно заявил летом 1916 г. британский министр иностран-

---

[54] *Курлов П.Г.* Гибель императорской России. М., 1992. С. 200.

ных дел Эдуард Грей руководителю русской парламентской делегации А.Д. Протопопову. Николай II, выдав своего министра на заклание, не спас, однако, себя от участи Карла I Стюарта, но Сухомлинов оказался счастливее Страффорда[55].

Судили бывшего военного министра уже после Февральской революции. «Либеральный и демократичный» режим Временного правительства попрал в этом процессе все нормы права и законности. Никаких фактов, уличающих Сухомлинова в связях с врагом, обнаружено не было. Тогда суд приговорил царского министра «за служебную халатность»... к пожизненной каторге! Ни одна статья Уголовного уложения не предусматривала такого сурового наказания за такое преступление. Большевики, придя к власти, помиловали пожилого больного генерала и дали ему возможность выехать за границу.

Любопытный материал для суждения о психологии русской элиты даст недавно опубликованный дневник консервативного публициста Льва Тихомирова[56]. Автор дневника, как показывают записи, имел доступ к некоторым тайнам текущей политики, например, к эксклюзивной информации о ходе секретных переговоров с Англией и Францией по вопросу о Проливах. Тем более примечательно, что Тихомиров постоянно на протяжении 1915—1916 гг. демонстрирует уверенность в неблагоприятном исходе войны для России, ссылаясь на господствующие мнения в элитных кругах русского общества. Причем всю вину за этот исход он заведомо возлагает на государственное руководство.

Общее настроение, которым пронизаны записи публициста, — паническое, но исполненное обвинительного пафоса по

---

[55] Томас Страффорд — государственный деятель Англии при короле Карле (Чарльзе) I. В 1641 году король, по требованию оппозиции, согласился предать Страффорда суду по обвинению в злоупотреблении властью. Тем самым король надеялся отвести гнев оппозиции на фаворита. На приближенных короля его поступок произвел тяжкое впечатление. Страффорд был казнен, однако это в итоге не уберегло от плахи голову самого короля.

[56] *Тихомиров Л.А.* Дневник. 1915—1917 / Сост. и комм. А.В. Репников. М., 2008.

отношению к власть предержащим. Это записки не мыслителя, искушенного в тайнах государственной политики, а испуганного, выбитого из колеи обывателя. Хотя временами его опасения смотрятся мрачными пророчествами, как у Дурново, правомерен вопрос: быть может, «старый мир» не в последнюю очередь рухнул потому, что его сторонники заранее пали духом перед трудностями и сочли свое дело проигранным?... Подчеркиваю, что речь идет не об оппозиционере, а об идеологе русской монархии, об образованном человеке, лояльном к власти. Чего можно было ждать в той обстановке от людей необразованных, или, еще хуже, от образованных оппозиционеров?

10 февраля 1915 г. он, упоминая о начавшейся англо-французской операции по овладению Дарданеллами, пишет: «Это будет огромный успех, но не для нас[57]. Мы после этого не получим ничего, ни одного пролива. Это полный исторический разгром». Четырьмя месяцами позднее выяснилось, что эти опасения были совершенно беспочвенны — союзники гарантировали России обладание Проливами, но Тихомиров, отметив данный факт, уже и не вспомнил про ту свою февральскую запись.

Страницы дневника наполнены рефлексией подобного рода. 20 апреля 1915 г.: «У нас нет плана, нет умения исполнять планы, и мы ведем войну по указке неприятеля». 26 апреля: «Ни правительство, ни военачальники не находятся на высоте положения». 13 июня: «Война ведется без умного плана, по-маньчжурски[58]». 27 июня: «Наш генеральский состав очень плох». 7 июля: «Где пределы успехов немцев? Будут ли они в Москве?»

По мере развертывания Великого отступления картина рисуется все мрачнее. 6 августа: «Частное известие (приезжий священник) сообщает, что Ставка Верховного Главнокомандующего переносится в Смоленск![59]...Дело, значит, подходит и

[57] Здесь и далее — подчеркнуто автором цитат.

[58] Имеется в виду — как во время Русско-японской войны 1904—1905 гг., закончившейся поражением России.

[59] Ничего подобного не планировалось. Летом 1915 года Ставка ВГК была перенесена из Барановичей, угрожаемых неприятелем, в Могилев, где и пребыла до заключения перемирия в декабре 1917 г.

к Москве... И как быстро начался наш развал на фронте и в тылу». 7 августа: «Мы рассыпаемся с поразительной быстротой... В 2 месяца (57 дней) произошел такой переворот, после которого можно ждать движения на Вильно и, м.б., Смоленск и Москву. До осени и зимы остается еще 2—3 месяца. Сумеют ли наши войска сопротивляться еще два месяца?.. Перед нами какая-то черная пропасть, и ничто не может нас спасти». 15 августа: «Россия рассыпается. Не понимаю, что может нас спасти!» 4 сентября: «Увы, кажется, война безвозвратно проиграна». 6 сентября: «Несчастная Россия! Погибшая страна. Никуда не годна».

Опасение, что враг возьмет Москву, хотя война идет еще где-то в Белоруссии, делается навязчивым. 7 сентября: «Становится весьма вероятно, что немцы дойдут и до Москвы». 8 сентября: «Так немцы дойдут и до Москвы... О победе над немцами я уже и не мечтаю». 11 сентября: «Если немцы займут Москву — то Россия не в состоянии уже сопротивляться». 20 сентября: «Похоже, что наши армии имеют в виду отступать до Москвы, а может и дальше».

К началу октября 1915 г. русские войска остановили наступление врага. И наш патриот, перестав бояться скорого падения Москвы, делает такую «пророческую» запись 6 октября: «Правду сказать, я теперь уже не имею никакого сомнения в победе Германии. Вопросы могут быть лишь частные: возьмут ли немцы Москву? Возьмут ли они Петербург? Но они, конечно, победят, и наши союзники сами на мир согласятся. Немцы умны, патриотичны, имеют превосходное государство. А у нас — все скверно, и подданные, и правительство, нет ни ума, ни знаний, ни порядка, ни даже совести. Из всех же наших зол — самое ужасное — это власть, которая, вероятно, погубила бы нас даже и в том случае, если бы мы были порядочным народом».

Автор был явно не в ладах с логикой. 7 января 1916 г. он пишет: «Несчастная, погибшая страна! А ведь если бы наш правительственный слой и выращенный им командный состав армии стоили хотя бы ломаный грош, то мы могли бы быть теперь в Берлине». Вспомним то, что он писал за три месяца до

того! И как же это? Если «немцы умны, патриотичны, имеют превосходное государство», то как «ломаный грош» смог бы их победить всего за полтора года?!

Лев Тихомиров был одним из умных людей России того времени, предвидевший или предчувствовавший многое из того, что произошло с Россией затем (почему мы и уделяем ему столько внимания). Тем примечательнее, что большинство его рассуждений о войне нелепы и наивны. В частности, его замечание об «отсутствии военных дарований» у русского командования выдает его узкий обывательский горизонт. Даже во времена Наполеона дело решали «большие батальоны», как признавал сам этот великий полководец, а не таланты. В начале XX века война превратилась в войну огня и стали, в столкновение огромных человеческих масс, в борьбу на истощение математически исчисляемых единиц, перед подавляющей и всесокрушающей силой которых сникала воля полководца. Тихомирова извиняет то, что вместе с ним это непонимание природы современной войны проявляла почти вся русская элита, не исключая военных.

Примечательно, что Тихомиров на страницах своего дневника находит место для фактов оптимистических взглядов на перспективы войны, однако не спешит поддаваться их влиянию. Как правило, почти все такие воззрения исходили из среды военных или людей, близко стоящих к армии. Казалось бы, они должны быть лучше информированы, и им следует верить. Вот, например, запись от 31 августа 1915 г. По сведению одного из знакомых, «теперь произведено снарядов огромно — на заводах, организованных правительством», и это, как мы знаем сейчас, было именно так. «О настроении войска тоже пишут, что оно бодрое и у всех есть уверенность в победе». Однако тут же другой знакомый уверяет, что «война проиграна», и Тихомиров склоняется к его мнению, хотя и знает, что тот «преисполнен глубокого уважения к немцам» и «по существу оппортунист».

В дневнике Тихомирова рядом с меткими наблюдениями и точными прогнозами соседствуют непроверенные и просто

вздорные известия. Отмечая, что «народ уже обезумел, уже нервно пьян» (запись от 17 сентября 1915 г.), автор дневника нередко сам некритично повторяет народные сплетни о засилье немецких шпионов и т.п. Все вместе слагается в картину хаоса, царившего не столько в стране, сколько в головах таких людей, как Тихомиров. Это было симптомом общего явления растерянности русской элиты перед реалиями тотальной войны, к которому мы еще вернемся на страницах книги.

Попытка коренного перелома

Во время Великого отступления, 22 августа (4 сентября) 1915 г. Николай II лично занял должность Верховного главнокомандующего вместо великого князя. Вскоре после этого прекратилось отступление Русской армии. Можно отрицать всякую связь между этими двумя фактами, но смена Верховного главнокомандующего, во всяком случае, не отразилась в худшую сторону на руководстве Русской армией.

В 1915 г. произошли изменения в расстановке сил на европейской арене. 10 (23) мая в войну на стороне Антанты вступила Италия. Это долго никак не влияло на общий ход войны. Объявление же Болгарией 1 (14) октября 1915 г. войны Сербии сразу заметно усилило позиции Центральных держав. Сербия, оказавшаяся в стратегическом окружении, не смогла долго сопротивляться. В январе 1916 г. остатки ее армии были эвакуированы на остров Корфу, откуда вскоре переправлены на новый Балканский фронт, открытый союзниками в Северной Греции.

Николай II рассматривал оказание помощи Сербии как дело чести России, не забывая и об общих стратегических выгодах. Нанести непосредственный удар по Австро-Венгрии или Германии Русская армия, только что закончившая Великое отступление, не могла. Царь замыслил десантную операцию в тыл Болгарии, на ее черноморское побережье, откуда можно было бы нанести удар и по Царьграду.

Это была вторая за войну русская попытка осуществить захват Проливов. Как и первая, она не дошла до стадии реали-

зации. Новый командующий 7-й армией (теперь она состояла уже из трех корпусов) генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев приложил все усилия, чтобы убедить нового начальника штаба Верховного главнокомандующего, М.В. Алексеева, в безнадежности осуществления десантной операции. Встретившись с организованным саботажем генералитета, царь был вынужден уступить. Сербия была предоставлена собственной печальной участи.

В результате кампании 1915 г. положение Центральных держав (теперь это был, вместо Тройственного, уже Четверной союз) значительно улучшилось. С захватом территории Сербии в руках Германии и ее союзников полностью оказалась стратегическая железная дорога Берлин — Вена — Стамбул, связывавшая Центральную Европу с важной в сырьевом отношении Передней Азией. Стратегическое пространство Четверного союза расширилось и укрепилось.

Но и Антанта мобилизовала усилия, что выразилось прежде всего в попытке координировать ведение военных операций на разных фронтах. На совещании представителей штабов союзников в Шантильи (Франция) в феврале 1916 г. было принято решение, что Русская армия перейдет в наступление против германских войск не позднее 15 июня по н.ст., а англо-французские армии на своем фронте — не позднее 1 июля по н.ст. Русский представитель в Шантильи генерал Жилинский без возражений принял продиктованную ему союзниками диспозицию.

Действительность, как обычно бывает, спутала все планы. 8 (21) февраля 1916 г. германская армия начала мощные атаки на укрепленный район французов Верден. Французское командование, как стало для него привычным, обратилось к русскому с требованием немедленно воздействовать на немцев энергичным наступлением. Русские войска 5 (18) марта 1916 г. были двинуты в атаки у озера Нарочь в Белоруссии. За две недели тяжелых боев наступление захлебнулось в русской крови. Германское командование не сняло в этот период ни одной дивизии из-под Вердена.

2 (15) мая 1916 г. австрийские войска начали неожиданное наступление на Итальянском фронте, стремясь ударом из Южного Тироля отрезать итальянские войска в областях Фриуль и Венето. Внезапность этой атаки и угроза окружения испугали итальянское командование. Король Виктор-Эммануил III послал личную телеграмму Николаю II, прося ускорить переход русских войск в наступление против австрийцев. Одновременно с таким же требованием к русским обратилось французское командование.

Складывалось впечатление, что итальянское руководство может заключить с противником сепаратное перемирие, что нанесло бы сильный моральный удар по Антанте. Воздействовать на австрийцев немедленным наступлением могла только Россия. Николай II повелел начать наступление Юго-Западного фронта (главнокомандующий Брусилов) на двенадцать дней раньше намеченного срока.

Стратегическая наступательная операция русского Юго-Западного фронта в Первой мировой войне, известная как Брусиловский прорыв, продолжалась полгода — с 22 мая (4 июня) по конец ноября (начало декабря) 1916 г. Это была, по сути дела, целая кампания, состоявшая из нескольких чередовавшихся наступлений. По ее первому этапу, ознаменованному крупной русской победой под Луцком, ее иногда называют Луцким прорывом. Нередко только этот эпизод большого сражения называют Брусиловским прорывом.

В общем плане наступления Русской армии в летнюю кампанию 1916 г. Юго-Западному фронту отводилась вспомогательная роль. Между тем Брусилов был единственным из командующих фронтами, кто верил в успех и рвался в бой. Поэтому играть главную роль в наступлении пришлось в итоге ему.

Ни на одном из направлений войска Юго-Западного фронта не имели решающего превосходства над противником в живой силе и огневых средствах, а местами даже уступали ему[60]. Общее превосходство противника над русскими в количестве тяжелой артиллерии было троекратным. Тем значительнее был одержанный русскими успех.

---

[60] См. Приложение 1. Таблица 2.

Летом 1916 года Русская армия указала всем воюющим сторонам выход из тупика позиционной войны. Войска Брусилова применили принципиально новую тактику прорыва укрепленных позиций — «огневой вал». Обычно в сражениях Первой мировой войны наступление начиналось с многодневной артиллерийской подготовки. Тем самым направление удара заранее демаскировалось, и противник имел возможность подтянуть резервы к предполагаемому участку прорыва. Атакующие войска преодолевали первую полосу неприятельской обороны, подавленную артиллерийским огнем, но за ней наталкивались на нетронутые свежие силы противника, и атака глохла. Требовалось подтянуть артиллерию и снова много дней готовить прорыв следующей укрепленной полосы.

«Огневой вал» был короткой артиллерийской подготовкой. Атака начиналась не после него, а непосредственно под его прикрытием. Прижатая артиллерийским огнем пехота противника не могла оказать сопротивления. Атакующие войска врывались в первую линию траншей врага. Вслед за этим «огневой вал» переносился дальше, на вторую линию обороны, на третью и т.д. При этом атакующие войска шли четырьмя волнами. Уставшая, понесшая потери первая волна закреплялась на захваченных позициях, а дальше шла вторая волна пехоты и т.д.

Изобретенная Брусиловым тактика прорыва была широко применена обеими сторонами на Западном фронте в последний год войны — 1918-й — и привела там к выходу из тупика окопного сидения. В этом ее всемирное значение в истории военного искусства.

Стратегическая внезапность Брусиловского прорыва была достигнута тем, что направления главного удара как такового не было. Удар одновременно наносили все четыре армии Юго-Западного фронта. И все добились успеха, хоть и разного. Поэтому необходимо напомнить имена этих генералов, которые под руководством выдающегося полководца тоже показали, на что еще способна Русская армия. Это: Д.Г. Щербачев (командующий 7-й армией), А.М. Каледин (8-я армия), П.А. Лечицкий (9-я армия), К.В. Сахаров (11-я армия).

Наибольшего успеха поначалу добилась 8-я армия под Луцком. После некоторого колебания Брусилов решил, что она должна наносить главный удар, а основной задачей наступления будет взятие Ковеля. Этой цели он продолжал упорно придерживаться в последующие месяцы, хотя оперативная обстановка серьезно изменилась, и противник сумел выстроить на ковельском направлении плотную оборону. Между тем наметившийся крупный успех 9-й армии в Буковине не был в достаточной степени использован.

Наступление русского Западного фронта под командованием генерала от инфантерии А.Е. Эверта, которому в планах русской Ставки придавалось первостепенное значение, постоянно откладывалось, несмотря на благоприятное для наших войск соотношение сил. Наконец, 20 июня (3 июля) Западный фронт перешел в наступление, но оно довольно быстро захлебнулось. С большим запозданием Ставка поняла, что ждать активных действий от инертного командующего фронтом не приходится, и согласилась усилить армии Брусилова. Но время было упущено.

1 июля н.ст. — ни одним днем раньше срока! — в наступление перешли англо-французские войска. Развернулось сражение на реке Сомме. За четыре с половиной месяца боев союзники продвинулись на фронте 45 км в глубину на 10 км. Войска нашего Юго-Западного фронта за два с половиной месяца в полосе шириной 400 км имели продвижение в глубину от 60 до 120 км. Все лето 1916 г. германское командование непрерывно усиливало свои войска на Восточном фронте за счет Западного.

Между кампаниями 1914 и 1918 гг. наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 г. было наиболее успешной стратегической операцией войск Антанты на всех европейских театрах военных действий (ТВД). Австро-венгерская армия была разгромлена, одними пленными потеряв более полумиллиона человек. Главнокомандующий генерал Конрад, готовившийся праздновать триумф над итальянцами, был отрешен от должности за то, что просмотрел подготовку русских к наступлению. Австрийский фронт спешно подпирался германскими

войсками. Однако и русские потери были значительными — вряд ли меньше потерь противника. Особенно много наших полегло в кровопролитных атаках на реке Стоход, продолжавшихся с июня по сентябрь 1916 г.

Русская армия не достигла всех тех целей, на которые рассчитывал Брусилов. В своих мемуарах он обвинял в этом лично государя и его начальника штаба генерала Алексеева, не предоставивших ему достаточно сил. Брусилов даже утверждал, что в 1916 г. можно было закончить войну окончательным разгромом Австро-Венгрии и Германии, если бы царь как Верховный главнокомандующий и его начальник штаба соответствовали своим должностям. Это, конечно, явное преувеличение. Но очевидно, что возможности Русской армии не были использованы в максимальной степени. Особенно это касается отсутствия согласованных действий фронтов. Здесь сказалось отсутствие в Русской императорской армии беспрекословного повиновения военачальников Верховному главнокомандующему.

А.А. Керсновский, один из наиболее дотошных историков военных действий Русской армии в 1914—1917 гг., так оценивал этот спор:

«Волевого начальника ген. Брусилова следует поставить гораздо выше ген. Алексеева. Он громил неприятельские армии, одерживал блестящие победы, которыми ген. Алексеев совершенно не умел пользоваться... Ген. Брусилову удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному вождю союзных армий — прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Брусилова обвиняют в том, что произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Использовать прорыв было делом не главнокомандующего Ю.-З. фронтом, ...а Ставки»[61].

14 (27) августа 1916 г. в войну на стороне России вступила Румыния. Случись это месяцем-двумя раньше, когда австрийская армия была в глубоком шоке, последствия могли быть более благоприятными для Антанты. Но Румыния откладывала этот шаг до окончательной распродажи своего хлеба урожая

---

[61] *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 632—633.

1915 г.. Германии и Австрии. К тому времени противник справился с кризисом. Тем не менее 3 (16) сентября 1916 г. русские войска снова двинулись вперед, но имели лишь незначительный успех. Наступательные операции Юго-Западного фронта неоднократно возобновлялись и впоследствии, затихнув лишь в конце ноября 1916 г., когда основные события переместились в Румынию, где русским пришлось спасать своего незадачливого нового союзника. Так возник Румынский фронт Русской армии, протянувшийся еще на 450 км — до Черного моря.

Военные операции 1916 г. показали, что наступательный потенциал Центральных держав исчерпывается и стратегическая инициатива повсюду переходит к армиям Антанты. Русское общество не смогло этого своевременно и должным образом оценить. Даже Брусиловский прорыв не внес перелома в настроение. Лев Тихомиров в те дни записывал в дневник:

«Разве есть сомнение, что это малейшее и эфемерное движение, которое тотчас сменится полным бездействием, ...если только не чем-нибудь хуже?» (24 мая). «Годовое стояние на позициях убило всякую веру в наступление» (25 мая). «Победа Брусилова совершенно не производит в публике никакого особенного впечатления... В головы народа проникло тяжкое мнение, что мы не способны разбить немцев» (29 мая).

Между тем «снарядный» и «патронный» голод, переживавшийся Русской армией летом 1915 г., давно был преодолен. «Если бы судьба войны зависела теперь от снарядов и орудий, танков[62] и броневиков, самолетов и отравляющих веществ, то Русская армия выиграла бы войну вместе с союзными армиями... Главным препятствием к победе стали теперь не материальные недостатки (вооружение и снабжение, военная техника), а внутреннее состояние самого общества»[63], — справедливо утверждает историк В.И. Старцев.

---

[62] Танки появились в 1916 г. в армиях союзников, а в 1918 г. в германской армии. В Русской армии их, даже заграничных, в те годы не было.

[63] История СССР. 1861—1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. М., 1989. С. 375—377.

Как очевидное признание слабости Германии был воспринят Антантой ее призыв к переговорам о всеобщем перемирии и мире, прозвучавший 29 ноября (12 декабря) с трибуны рейхстага из уст канцлера Бетмана-Гольвега. Тем более, что в нем ничего не говорилось об оставлении войсками Германии и ее союзников оккупированных территорий Сербии, Бельгии, Румынии, Франции и России. Державы Антанты обоснованно считали, что в состоянии добиться военной победы, чтобы вести переговоры о мире в лучшей стратегической обстановке. 12 (25) декабря 1916 г. Николай II отдал приказ по армии и флоту, в котором, в частности, заявлял:

«Среди глубокого мира, более двух лет тому назад, Германия… внезапно напала на Россию и ее верную союзницу Францию … Под натиском германских войск, до чрезвычайности сильных своими техническими средствами, Россия, равно как и Франция, вынуждены были в первый год войны уступить врагу часть своих пределов… Путем напряжения всех сил государства разница в наших и германских технических средствах постепенно сглаживалась… Еще с осени минувшего 1915 года враг наш уже не мог завладеть ни пядью Русской Земли, а весной и летом текущего года испытал ряд жестоких поражений и перешел на всем нашем фронте от нападения к обороне.

Силы его, видимо, истощаются, а мощь России и ее доблестных союзников продолжает неуклонно расти. Германия чувствует, что близок час ее окончательного поражения, близок час возмездия за все содеянные ею правонарушения и жестокости… Чувствуя свое ослабление, она внезапно предлагает объединившимся против нее в одно неразрывное целое союзным державам вступить в переговоры о мире. Естественно, желает она начать эти переговоры до полного выяснения ее слабости … Но если Германия имела возможность объявить войну и напасть на Россию и ее союзницу Францию в наиболее неблагоприятное для них время, то ныне окрепшие за время войны союзники… в свою очередь имеют возможность приступить к мирным переговорам в то время, которое они найдут для себя благоприятным…

Я не сомневаюсь, что всякий верный сын Святой Руси, как с оружием в руках вступивший в ряды славных Моих войск, так равно и работающий внутри страны на усиление ее боевой мощи или творящий свой мирный труд, проникнут сознанием, что мир может быть дан врагу лишь после изгнания его из наших пределов, только тогда, когда окончательно сломленный, он даст нам и нашим верным союзникам прочные доказательства невозможности повторения предательского нападения и твердую уверенность, что самой силой вещей он вынужден будет к сохранению тех обязательств, которые он на себя примет по мирному договору...»

Однако к тому времени идеи коалиционной войны и союзнического долга были сильно дискредитированы в сознании русского народа.

Антанта и Россия

Русская военная стратегия в 1914—1917 гг. во многом оказалась подчинена интересам западных союзников. Такое положение, возмутительное в любом случае, делалось нетерпимым в войне, бывшей для России Отечественной войной.

Хотя всех нюансов политики народная масса на фронте и в тылу не знала, в ней все больше укоренялось подспудное ощущение, что Россия несет основную тяжесть коалиционной войны, будучи поставлена в неравноправное положение перед союзниками своими же власть предержащими. Общее убеждение было таково: «Союзники не помогают России так, как могли бы!» И по прошествии времени стало очевидно, что это спонтанное народное убеждение отражало истинное положение дел. Выше мы приводили признание английского министра Д. Ллойд-Джорджа на этот счет.

Объективным фактором такого положения была зависимость России от военного снабжения извне, о чем мы уже говорили. Дело усугублялось также финансовой зависимостью России, возникшей еще до войны. Внешний долг России в 1914 г. составлял 5,4 млрд рублей (в золотом эквиваленте). За два с половиной года войны Российская империя увеличи-

ла этот долг (без учета процентов) еще на 6,3 млрд рублей, а Временное правительство за восемь месяцев своего существования в 1917 г. — на 1,8 млрд[64]. Часть внешних займов была сделана под залог российского золотого запаса. Еще в октябре 1914 г. вступило в силу англо-русское соглашение о кредитах, по которому Россия должна была перевезти в Лондон часть своего золота. В декабре 1914 г. Британия поставила окончательным условием, что золотом должно быть гарантировано не менее 40 % займов, предоставляемых России[65]. В мае 1915 года Англия окончательно взяла в свои руки дело снабжения Русской армии оружием, боеприпасами и военным снаряжением. Британский военный министр Генри Китченер был признан Россией своим официальным уполномоченным по военным закупкам в США и Англии[66]. Таким образом, уже в 1915 г. Россия утратила право самостоятельных решений в такой важной области, как военное снабжение.

Как обычно, возникает вопрос об альтернативах. Ясно, что такое положение возникло не за один-два года, а создавалось задолго до Первой мировой войны. Оно было объективным следствием промышленного и инфраструктурного отставания России от ведущих капиталистических стран. Важно учитывать, что в мировой капиталистической финансовой системе Россия не могла занять место выше того, на которое ей позволили бы встать державы, раньше ее сделавшиеся лидерами этой системы. Играя по чужим правилам, всегда будешь проигрывать. Иностранный капитал, без привлечения которого Российская империя не могла проводить индустриализацию на основе частного предпринимательства, участвовал в этом процессе в той степени, в какой обеспечивалось сохранение общего промышленного отставания России от ведущих стран Запада.

История XX века показала, что альтернатива этому у России могла быть только одна — выход из мировой капиталистиче-

---

64 *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 183; *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 264.

65 *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 111—112.

66 Там же. С. 144.

ской системы, даже противопоставление себя ей и развитие с опорой лишь на внутренние силы. Осуществить такую альтернативу могли только радикально-революционные общественные круги. Старая русская элита была слишком тесно вписана в существующую экономическую систему. Альтернатива указанного рода предполагала революцию против старой элиты. Логично ли будет упрекать последнего русского царя в том, что он не оказался революционером на троне?..

Временное правительство, сменившее царское в 1917 г., тоже пыталось компенсировать отсутствие массовой социальной поддержки внутри страны опорой на финансовую и дипломатическую помощь Запада. Именно в те восемь месяцев 1917 г., когда страной правили буржуазные временщики, зависимость российской политики от держав Антанты достигла максимума. Иностранное давление на внутренние дела России совершалось тогда наиболее беспардонным образом за всю войну. В дальнейшем то же самое отсутствие прочной и широкой поддержки населения побудило вождей российской буржуазии непосредственно опереться на иностранные штыки, что придало масштабный и затяжной характер Гражданской войне. Неимение иной опоры в самой России, кроме архаичного госаппарата, унаследованного от прошлого и совершенно неприспособленного к задачам современной тотальной войны, заставляло и самодержавие опираться на внешние силы — на тех же западных союзников. Это и обусловливало чрезмерную «чуткость» Царского Села и Могилева к запросам и требованиям, шедшим из Парижа и Лондона.

Помимо объективных были и субъективные факторы. Русская элита уже два столетия сама себя ставила ниже Западной Европы. В Европе привыкли к самоуничижению России. И поэтому редкие попытки российских официальных лиц ставить свою страну на одну доску с западными державами, позиционировать себя как равных среди равных могли встретить и встречали со стороны союзников по Антанте лишь недоумение и неприязнь.

Алексеев посылал Жилинскому такие инструкции по поведению с союзниками: «Спокойная, внушительная отповедь,

решительная по тону, на все подобные выходки[67] и стратегические нелепости, безусловно, необходима. Хуже того, что есть, в отношениях не будет. Но мы им очень нужны; на словах они могут храбриться, но на деле на такое поведение не решатся. За все нами получаемое они снимают с нас последнюю рубашку. Это ведь не условие, а очень выгодная сделка, но выгоды должны быть хоть немного обоюдны, а не односторонни»[68].

Приведя эту выдержку из письма, историк далее справедливо отметил: «Посылая эти мудрые советы, безвольный Алексеев не отдавал себе отчета в том, что "внушительная отповедь" союзникам — его дело как ответственного главнокомандующего и отнюдь не дело ген. Жилинского — инстанции подчиненной».

Однако когда Жилинский попробовал было действовать по такой инструкции, заявив, что «он не французский генерал, а представитель русского императора»[69], это тут же вызвало бурный протест французского главнокомандующего генерала Жоффра. Он в резких выражениях потребовал отозвания русского представителя, что и было Николаем II исполнено (ноябрь 1916 г.).

В негласной иерархии Антанты Россия стояла ниже не только Франции и Англии, но и Италии и Японии. Третирование России как второсортной державы было характерным для отношения к ней союзников. Последние при этом не чурались прибегать к изощренной софистике, чтобы оправдать свои беспардонные претензии. Так, французский посол Морис Палеолог заявил 19 марта (1 апреля) 1916 г. Б.В. Штюрмеру, председателю российского Совета министров, «что Россия могла бы сделать для войны втрое или вчетверо больше». На возражение российского премьера о том, что Россия потеряла уже около

---

[67] Угрозу Франции прервать поставки оружия в Россию, если Русская армия не будет наступать там и тогда, где и когда ей укажет французское командование.

[68] Цит. по: *Керсновский А.А.* Ук. соч. С. 594.

[69] Предисловие издательства к кн.: *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции (Дневник посла) (пер. с фр.). М., 1991 (репринт 1923 г.). С. 7.

миллиона человек, посол ответил, что Франция, относительно своей численности населения, потеряла в четыре раза больше, чем Россия.

Чисто формально, как мы уже убедились, посол был близок к истине. Оправдывала ли эта статистика его заявление? Ничуть. Дело даже не в том, что он без зазрения совести фактически требовал крови еще нескольких миллионов русских людей, принесения их в жертву «общему делу союзников». Показателен расистский тон его утверждений о более высокой ценности французов сравнительно с русскими: «При подсчете потерь обоих союзников центр тяжести не в числе, а совсем в другом. По культурности и развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран в свете: из 180 млн жителей 150 млн неграмотных[70]. Сравните с этой невежественной и бессознательной массой нашу армию... С этой точки зрения наши потери чувствительнее русских потерь»[71].

Палеолог со своими рассуждениями вовсе не был оригинален на фоне русской элиты. Его высказывания вполне могли (на что и были рассчитаны) найти сочувственный отклик у любого русского барина с его взглядом на русский народ как на рабочую скотинку, стоящую по всем понятиям ниже любого западноевропейца. Посол Франции всего лишь воспроизводил то отношение к русскому народу, которое давно уже стало как бы визитной карточкой русской элиты в «цивилизованном мире». Его заниженная оценка культурного уровня русских также происходила из мифов, веками создававшихся российским правящим классом. Вспомним, как за сто с небольшим лет перед этим Ш.-М. Талейран, отставленный министр иностранных дел Наполеона I, начал свои секретные переговоры с русским императором Александром I с таких характерных слов: «Русский государь цивилизован, а русский народ не цивилизован, ...французский народ цивилизован»[72].

---

[70] Совершенно неверные сведения. — *Примеч. издательства источника.*

[71] *Палеолог М.* Ук. соч. С. 93—95.

[72] *Тарле Е.В.* Наполеон. М., 1957. С. 228.

Герой повести Константина Паустовского «Романтики»[73] Максимов думал в июле 1914 г. о том, «что стоит умереть ради Москвы и Парижа — двух вечных городов, двух родин». Такое настроение в русском интеллигенте не казалось чем-то противоестественным ни ему самому, ни тем, за кого он собирался погибать, убежденным в превосходстве своей культуры. Французский посол со своим цивилизаторским пафосом и расистским снобизмом по отношению к России был всего лишь зеркалом русской элиты.

Вмешательство послов союзных держав во внутренние дела России принимало иногда такие формы, словно Россия была их колонией, а они сами — ее генерал-губернаторами. Упомянутая беседа между Палеологом и Штюрмером состоялась тогда, когда посол зашел к российскому премьеру, чтобы предъявить ему… жалобу русских промышленников на действия русской же полиции, якобы мешавшие их заводам работать на оборону.

Когда в июле 1916 г. британский премьер Герберт Асквит упомянул в парламенте о возможности привлечения германского кайзера после войны к суду за военные преступления, это вызвало критику в печати всех союзных держав. Русский консервативный публицист П. Булацель заявил на страницах журнала «Русский Гражданин» по этому поводу: «Нам вменяют в обязанность воевать не только до тех пор, пока наши упорные, храбрые и сильные враги — германцы признают себя сломленными и согласятся на почетный и выгодный для России мир, а до тех пор, пока царствующая в Германии династия Гогенцоллернов не будет низложена русским штыком… Англичане, продвинувшиеся за два года войны на своем фронте на несколько сот метров, этого не могут сделать сами»[74].

Совершенно понятны патриотические мотивы, двигавшие публицистом в этом заявлении, — это никакое не «германофильство». Но, конечно, такие открытые и резкие выпады против союзника были недопустимы в военное время. Наказание, которому подвергнулся Булацель, поражает своей нарочитой

---

[73] Отчасти автобиографической.

[74] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 2. С. 198.

оскорбительностью для русского подданного (и для России вообще). С согласия своего правительства он должен был явиться к британскому послу Джорджу Бьюкенену, выслушать от него резкий выговор и принести извинение.

Оружие, доходившее до наших войск от союзников, далеко не всегда было надлежащего качества. Летом 1917 г. председатель Временного правительства А.Ф. Керенский по результатам войсковых испытаний полученного вооружения поручил министру иностранных дел М.И. Терещенко: «Укажите соответствующим послам, что тяжелая артиллерия, присланная их правительствами, видимо, в значительной части из брака, так как 35 % [стволов] не выдержали двухдневной умеренной стрельбы»[75].

«Нашлись бы у них [союзников] и снаряды, и самолеты (и все — хорошего качества), разговаривай с ними Россия своим природным царственным языком — единственным, на котором мы должны разговаривать с Европой»[76], — писал историк, благожелательно настроенный к Николаю II. Его пожелание было неосуществимо по уже отмеченным объективным причинам, над которыми русский царь, какими бы личными качествами он ни обладал, был в тот момент не властен.

Политика Антанты в отношении России была направлена к тому, чтобы выжать из нашей страны максимум возможного для ослабления врага, после чего Россию как отработанный материал следовало отбросить в сторону. К концу войны Россия должна была сделаться слабой, чтобы с ее интересами можно было не считаться. На тот случай, если этот момент ослабления России наступит прежде достижения победы над Центральными державами, у союзников был заготовлен запасной вариант. России предстояло сыграть роль «выжатого лимона», после чего окончательная победа Антанты в войне обеспечивалась помощью со стороны США.

---

[75] Цит. по: Предисл. к кн.: *Палеолог М.* Ук. соч. С.8.

[76] *Керсновский А.А.* Мировая война. (Белград, 1939) // «Москва». 1998, № 10. С.197—198.

С 1897 г. между США, Англией и Францией существовало секретное соглашение, о котором стало известно только в 20-е гг. прошлого века. По нему западноевропейские державы обязывались не препятствовать реализации интересов США за счет третьих стран (что проявилось уже в войну США с Испанией в 1898 г.). В свою очередь, США предоставляли Франции и Англии статус наибольшего благоприятствования в случае войны тех с Германией. Договоренность не предусматривала обязательства США вступить в войну против Германии, однако такой вариант не исключался. И, действительно, весь ход событий Первой мировой войны подвел к нему.

Одним из ярких примеров отношения союзников к России стала судьба четырех русских Особых бригад, посланных Россией на другие фронты Первой мировой в 1916 г. Обычно, говоря об этих бригадах (часто неправильно называемых «русским экспедиционным корпусом»), вспоминают две бригады, воевавшие во Франции. Куда меньше вспоминают о других двух бригадах, сражавшихся на Балканах, и почти никогда — о том, как союзники поступили с большинством военнослужащих этих бригад.

Когда в декабре 1915 г. в Россию с требованием от Франции направить 400 тысяч русских солдат на зарубежные фронты прибыл французский сенатор Поль Думер, генерал Алексеев был категорически против. Он справедливо считал, что русские солдаты принесут больше пользы общесоюзному делу на своем фронте. Однако государь настоял на политическом решении данного вопроса. Правда, французское требование было урезано до семи бригад общей численностью менее 100 тысяч человек. В действительности, всего были посланы четыре Особые бригады, службу в которых за два года прошли в общей сложности около 60 тысяч человек.

1-я и 3-я бригады были отправлены во Францию, 2-я и 4-я на Балканы. Роль этих соединений была различной. Во Франции две бригады (примерно одна дивизия) были почти незаметны на общем фоне 160—170 дивизий союзников. На Балканах же воевали всего два десятка дивизий союзников (самых раз-

ных — французских, английских, сербских, итальянских, потом еще греческих). Там роль русских войск была значительнее не только количественно, но и по вкладу в боевые операции. Уже 6 (19) октября 1916 г. французский главнокомандующий генерал Саррайль в приказе по Восточной армии (так назывались международные войска союзников на Балканах) отметил храбрость русских войск в боях за город Флорина на севере Греции.

Влияние революции 1917 г. не обошло и эти наши войска за границей, однако было бы неверно сводить к нему все случившееся с ними. Известно, что хотя в советское время существовала установка всюду в революционном движении искать «руководящую роль партии большевиков», однако даже автор фундаментальной работы[77] о русских войсках во Франции не смог обнаружить там никакой большевистской организации. До русского контингента на Балканах эхо революции вообще докатывалось с огромным запозданием. Так, солдатские комитеты, учрежденные приказом Временного правительства в мае 1917 г., были образованы там только в августе, а введенные в июле «военно-революционные суды» — лишь в ноябре, уже после падения Временного правительства.

Значительно сильнее на эти войска влиял общий революционный кризис, охвативший в то время Западную Европу. Явления разложения стали отмечаться в русских бригадах во Франции уже зимой 1916/17 г. Летом 1917 г. в самой французской армии волнения происходили в 16 корпусах из 36[78]! Под их непосредственным влиянием солдаты 1-й русской бригады, расквартированные в местечке Ла-Куртин, стали требовать отправки на Родину. Силами более свежей 3-й бригады ла-куртинский мятеж в сентябре 1917 г. был подавлен. Одна русская военная часть стреляла в другую, причем по приказу французского командования, за два месяца до того, как первые выстрелы Гражданской войны раздались в самой России.

---

[77] *Лисовенко Д.У.* Их хотели лишить Родины. М., 1960.
[78] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 643.

После падения Временного правительства, 3 (16) ноября 1917 г. французский военный министр Жорж Клемансо издал приказ, согласно которому военнослужащие русских Особых бригад подлежали сортировке на три категории: желающие сражаться в рядах французской армии, согласные работать на французскую армию, несогласные делать ни то ни другое. Последняя категория подлежала отправке на каторгу. Чтобы уяснить всю «пикантность» ситуации, вспомним, что в это время Россия еще не заключила перемирия и формально числилась по-прежнему воюющей на стороне Антанты.

Среди солдат 1-й и 3-й бригад во Франции решили записаться во французскую армию 252 человека (по другим источникам 266). 11,5 тысячи записались в рабочие отряды. Около 5 тысяч предпочли всему этому каторгу в Алжире. Они присоединились к уже находившимся там примерно 8 тысячам осужденных участников ла-куртинского мятежа[79].

Эта же система «трияжа» в январе 1918 г. была применена к русским солдатам на Балканском фронте. Около 500 военнослужащих 2-й и 4-й Особых бригад завербовались во французскую армию. Примерно 1200 стали военными рабочими. Около 12 тысяч добровольно отправились на каторгу[80]. Судьба этих каторжан исследована только в одной работе[81], причем число наших соотечественников, навсегда оставшихся в песках Сахары, до сих пор неизвестно даже приблизительно.

Отметим международно-правовой аспект вопроса. Коль скоро Россия вышла из войны, то на ее военнослужащих должен был распространяться статус граждан нейтрального государства. Если Франция не нашла в себе достаточно великодушия, чтобы позволить этим солдатам после всего, что они сделали

---

[79] *Павлов А.Ю.* Русские войска во Франции в период Первой мировой войны // Новый часовой. 1994, № 2.

[80] *Павлов А.Ю.* Русские войска на Македонском фронте во время Первой мировой войны // Новый часовой. 1997, № 5.

[81] *Летнев А.Б.* Алжирская Одиссея. Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте // Мир истории. 2001, № 8; 2002, № 1, 2.

для союзников в 1916 и в начале 1917 гг., вернуться на Родину, то она обязана была, по крайней мере, уважать их права как интернированных лиц. Вместо этого Франция применила к русским подданным такие же нормы, как к завербованным солдатам своего «Иностранного легиона».

Нет смысла кичиться сравнением боевых заслуг. Нельзя утверждать, что Россия внесла наибольший вклад в коалиционную войну Антанты. Известно, что Германия — главное звено Четверного союза — большинство своих потерь в 1914—1918 гг. понесла на Западном фронте[82]. В то же время очевидно, что без помощи России Франция была бы разгромлена уже в 1914 г. Русский фронт оказывал огромное влияние на ход Первой мировой войны, в разное время притягивая на себя от одной трети до половины всех сухопутных сил Четверного союза. Даже после заключения Брестского мира в 1918 г. этот фронт фактически продолжал существовать, не говоря уже о революционном разложении, вносимом Советской Россией в стан Центральных держав. Западные союзники не имели никакого морального права упрекать Россию в «измене союзническому долгу». Ведь к подписанию «похабного» мира Россию в немалой степени подвела именно их политика в ходе войны.

[82] См. Приложение 2.

Глава вторая

САМОДЕРЖЕЦ СО СВЯЗАННЫМИ РУКАМИ

Царь и элита

Историку всегда следует быть осторожным, имея дело с суждениями современников о политически неудачных вождях. Особенно если с их падением оказалось связано крушение целых общественных классов. Вполне естественно, что представители этих классов, оказавшись «у разбитого корыта», ищут виновных своей исторической неудачи. Для русской дореволюционной элиты найти такого виновного, «козла отпущения», очень легко, коль скоро ее формальным главой на протяжении долгого времени был сам государь император.

Негативный миф о Николае II сложился при его жизни усилиями самой элиты. Николай II, с точки зрения «модернизировавшейся» элиты, жаждавшей политической конкуренции (т.е. «демократии»), свободной от служения государственным интересам, не был, с ее точки зрения, достаточно эффективным «политическим менеджером». В этом — корень внутриэлитной оппозиции царю, непрерывно усиливавшейся все время последнего царствования. Задолго до 1917 г. в элитных кругах возникли планы отстранения Николая II от власти и «мирной» замены самодержавия конституционным строем. Подразумевалось, что вся власть при этом останется в руках все той же элиты, деятели которой, однако, теперь на «вольной воле» развернут межпартийную борьбу за министерские портфели и привилегии.

В начале XX века многие представители правящего слоя Империи были тесно связаны с кругами российской буржуазии благодаря совместному участию в деловых операциях. Для предпринимательского класса это была одна из форм влияния на государственную власть и принятие политических решений. Правящая и деловая элита были тесно связаны и родственными узами. В начале XX века это был уже во многом единый класс общества.

Именно этой новой классовой самоидентификацией следует объяснять политическое поведение многих «слуг царевых» в начале XX века. Министры и губернаторы в ряде случаев прямо потворствовали действиям либеральной оппозиции, искренне полагая, что предотвратить революцию можно только расширением социально-политической опоры власти и изменением механизмов властвования. Для них парламентарная монархия становилась более важной и актуальной целью, чем сохранение прежнего самодержавия. Блок либеральных сановников и верхушки буржуазии окончательно оформился как раз во время Первой мировой войны и проявился в совместном натиске на самодержавие.

С точки зрения интересов российской элиты в целом это была в принципе разумная и дальновидная позиция, но лишь теоретически. Успеху ее практической реализации препятствовало то, что подобная трансформация неминуемо сопровождалась ослаблением вертикали власти, говоря нынешним языком. В условиях, когда «внизу» все бурлило и клокотало, политическое единство и согласие в рядах элиты оказывалось единственным средством ее самосохранения.

Но данное обстоятельство, прекрасно осознававшееся всеми в элитных слоях, парадоксальным образом подрывало почву для единства. Впрочем, давно надо бы усвоить: если нечто в истории выглядит как парадокс, значит, оно просто еще недостаточно нами понято. Сторонники самодержавия (и сам Николай II) полагали, что общая угроза в конце концов заставит элиту сплотиться вокруг своего традиционного вождя — монарха. Это был теоретически верный посыл. Но не менее логически

обоснованно либеральные элитарии считали, что эта же опасность заставит самодержавие пойти на соглашение с ними на их условиях.

В новой обстановке значительная часть правящего класса утратила традиционную этику служения монарху, пытаясь найти удовлетворение своих интересов в различных реальных и фантастических политических комбинациях. На фоне этого объективного процесса личные качества самого императора мало что могли значить и изменить.

В 1905—1906 гг. важным условием подавления революции стало лояльное к монархии поведение офицерского корпуса. Такие, как лейтенант флота П.П. Шмидт, были среди него редчайшим исключением. Можно уверенно сказать, что психология офицерского корпуса в целом не поменялась и к 1917 г., когда антимонархическая революция победила. В это время, как и в 1905 г., большинство офицеров были готовы по приказу авторитетной власти усмирять толпу. Почему же они тогда не выступили в защиту самодержавия, а высший генералитет оказался непосредственно замешанным в свержении царя? Это объясняется лишь тем, что верховный глава государства утратил в их глазах личный авторитет. Более того, многим тогда представилось, что отстранение от власти Николая II укрепит позиции элиты. Это было заблуждением, но характерным заблуждением — его разделяли очень многие и в армейских, и в штатских верхах.

Живучесть негативного мифа о Николае II объясняется многими причинами. Оказавшиеся в эмиграции осколки «старого мира» сваливали на покойного монарха собственные просчеты и собственную государственную несостоятельность. Для части монархистов казалось выгодным списывать причины падения монархии на личные качества последнего государя, ибо только так они могли защищать от нападок самый принцип самодержавия. Для бывших революционеров, казалось бы, не было необходимости поддерживать миф о «безвольном», «неспособном» Николае II. Даже наоборот — этим мифом только принижалось значение революции, ибо велика ли доблесть —

свергнуть такого царя?! Но поскольку и реабилитировать образ Николая II у революционеров не было особого резона, то не ими созданный миф перекочевал и в советскую историографию, надолго утвердившись в качестве большевистского «канона» последнего русского государя.

Серьезные историки давно доказали, что за легендами о влиянии Распутина и других «темных сил» на Николая II стоят лишь измышления политических противников государя. Эти легенды были орудием информационной войны, ведшейся против самодержавия. Здесь нет места подробно разбирать всю их аргументацию, отметим лишь как общеизвестный факт, что ныне ни один настоящий исследователь не рассматривает вышеуказанные «влияния» в качестве реальных источников политики Николая II.

Последний российский император был традиционным вождем и верховным выразителем интересов российской элиты. Он направлял свою политику в соответствии со своим пониманием этих интересов, за которыми, как он считал, стоят подлинные интересы всей России. И любые ошибки и просчеты последнего царствования — это прежде всего результат неадекватности самой российской элиты нуждам и перспективам исторического развития нашей страны.

Николай II в продолжение всего своего царствования осуществлял программу глубокой и всесторонней капиталистической модернизации России. По способности к долгосрочному планированию это был один из выдающихся монархов, которых когда-либо знала наша страна. Стратегический замысел реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина был на самом деле продиктован им. Проблема была не в том, что государь как-то их тормозил, а в том, что они лишь ограниченно отвечали объективным потребностям страны. Они в значительной степени представляли собой паллиативные меры, не решая многих актуальных задач России, а лишь отодвигая эти решения и при этом создавая новые проблемы. Историческую обреченность реформ Витте и особенно Столыпина (которые здесь нет возможности подробно разбирать) автор усматривает в том, что

они проводились исключительно в интересах узких слоев частных собственников, а не большинства народа. Более того, подталкивая развитие России по буржуазному пути, они еще больше противопоставляли элиту России ее народу.

Но была ли у Николая II альтернатива? Чтобы проводить модернизацию России на иной основе, кроме частного капитализма, он должен был сам совершить революцию против «священного права» частной собственности. Неоцененный при жизни реакционный пророк Константин Леонтьев еще в 80-е гг. XIX века видел спасение монархии лишь в одном: чтобы сам царь возглавил движение России к социализму! Можно сказать, что это действительно стало пророческим предвидением, сбывшимся, правда, уже на почве, созданной революцией (Сталин). Во времена Николая II рецепт Леонтьева был неосуществимой утопией. Во всяком случае для самого Николая II, который во всех своих делах избегал крутой ломки устоявшихся, даже отживших отношений, был убежденным сторонником эволюции.

К этой черте последнего императора можно относиться поразному. Но совершенно ясно, что уж кто-кто, а дореволюционная элита не имела никакого морального права упрекать Николая II за нее. Он делал все, от него зависевшее, чтобы при неизбежной трансформации общественно-экономического строя России группы старой элиты постепенно и безболезненно вживались в новый буржуазный порядок.

Политика Николая II была жестко детерминирована классовыми рамками. Последний царь не выходил за них и твердо блюл интересы российской элиты. Политический крах самодержавия был не его личной неудачей, а историческим поражением российских элитных классов вообще.

Однако среди современников Николая II мало кто осознавал эту роковую связь между монархией и элитой. Николай II понимал ее глубоко и отдавал себе отчет в том, что гибель старого строя будет одновременно гибелью прежней элиты. Именно этим объясняется его упорство в отстаивании прерогатив самодержавия, его, как казалось многим со стороны, «нежелание

поделиться властью». Царь был убежден, что претендующая на власть либеральная часть элиты вернее погубит себя, когда дорвется до рычагов реального управления страной, ибо не сможет с ними совладать. И разве, глядя на совершившееся, не приходится признать полную правоту его политического предвидения или чутья?!

Растиражированное политическими противниками царя мнение о «безволии» Николая II, отсутствии у него собственной позиции, его подверженности сторонним влияниям опровергается самим фактом незыблемой преданности государя идеалу самодержавия. При ближайшем же рассмотрении, во всех политических действиях царя обнаруживается наличие твердой и непреклонной воли. «Его манеры настолько скромны и он так мало проявляет внешней решимости, что легко придти к выводу об отсутствии у него сильной воли, — сообщал германский посол в России своему правительству вскоре после восшествия Николая II на престол, — но люди, его окружающие, заверяют, что у него весьма определенная воля, которую он умеет проводить в жизнь самым спокойным образом»[83].

Воля Николая II проявлялась не в импульсивных порывах и демонстративном подавлении чужого мнения, а в неуклонном следовании к поставленным целям. Он был «человеком длинной воли», как с восхищением назвал подобный тип политиков реакционный итальянский философ XX века Юлиус Эвола.

В последнее время про Николая II стала распространяться другая легенда: что его политическое поражение было обусловлено его недостаточной решительностью в борьбе с революцией. В наиболее грубой форме такая позиция выражается следующим образом: если бы царь вовремя перестрелял всех революционеров, то они не убили бы его. Эта точка зрения вообще ни на чем не основана. Она противоречит как реальным фактам, так и идеальным целям царствования.

Безусловно, что Николай II, как все душевно здоровые люди, не был излишне жестоким человеком. Но неверно полагать, что он воздерживался от репрессий в отношении по-

---

[83] Цит. по: *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 1. С. 38.

литических врагов по каким-то ложно понятым соображениям морали или религиозности. К репрессиям Николай II прибегал в меру государственной необходимости и в соответствии с царским долгом, как он сам понимал эти материи. Он без заметного колебания разрешил применить оружие против мирных манифестантов 9 января 1905 года. Впоследствии он собирался отдать приказ о введении диктатуры в октябрьские дни 1905 г. Но в тот момент его воля оказалась парализована саботажем его ближайшего же окружения, и ему пришлось пойти на политические уступки. Еще более фатально он оказался скованным своим окружением в февральские дни 1917 г., когда намеревался двинуть войска на подавление восстания в Петрограде.

Собираясь во всех этих случаях действовать решительно, не останавливаясь перед большим кровопролитием, Николай II защищал не личную власть, не личный статус. Его он в те моменты вернее всего сохранил бы соглашением с оппозиционными группами элиты. Николай II отстаивал принцип самодержавия, в котором, как он верил, заключалось благо России. И отстаивал его до конца. В последнем государе отживающий политический режим имел своего самого решительного и энергичного защитника.

Необходимо помнить, что среди политических противников самодержавия значительное место занимали элитные группы русского общества. Борясь с оппозицией в их рядах, самодержавию, по необходимости, приходилось соразмерять силу репрессий. Еще один закономерный парадокс: любые проскрипции элиты ослабляли бы социальную опору монархии. Глубинные интересы монархии и российских имущих классов были связаны неразрывно. Пусть мало кто из элитариев в начале XX века осознавал эту связь. Зато ее прекрасно осознавал сам государь. Во внутриэлитной борьбе царь, естественно, применял другие средства, чем в борьбе с революционерами. Таким образом, мнение о политической «мягкотелости» Николая II лишено всяких оснований.

Одним из мотивов фрондирования элиты в царствование Николая II стали некоторые свойства его политического менеджмента. Весьма характерным примером здесь может

служить отставка председателя Совета министров и министра финансов В.Н. Коковцова в январе 1914 г. В личном письме царь объяснил премьеру его увольнение тем, что, по сложившемуся у него убеждению, «соединение в одном лице должности председателя Совета министров с должностью министра финансов или министра внутренних дел — неправильно и неудобно», а также тем, что на этом посту должен находиться «только свежий человек»[84]. Однако вместо 60-летнего Коковцова премьером был назначен 74-летний (!) И.Л. Горемыкин, а министром финансов — лишь ненамного более «свежий» П.Л. Барк (55 лет). Впоследствии Николай II допустил совмещение поста премьера с одним из министерских постов явно «несвежим» человеком (68-летний Б.В. Штюрмер в 1916 г.), так что выдвинутые в письме причины отставки были надуманными и неискренними. Показательно и то, что царь не сообщил об истинном мотиве увольнения Коковцова — о своем намерении ввести в России «сухой закон», чему министр, по финансовым соображениям, противился.

Ну и что из того?! Да, эта черта царя вызывала недовольство, порождала толки о двуличии, о двоедушии императора. Отставленные таким путем министры охотно могли поверить слухам, будто их отставка была вызвана влиянием на царя пресловутого Распутина или кого-то еще. Легче легкого сказать, что царь мало заботился о своем имидже среди ближайшего окружения. Но ведь в XIX веке, уже и после убийства Павла I, бывали русские самодержцы с гораздо худшим характером. Однако в их времена никому не приходило в голову именно на этом основании создавать политическую оппозицию и играть в революцию. Это был надуманный предлог для недовольства царем. И он яснее всего показывает, что именно в правящей элите вчерашние «слуги царевы» в этот период, независимо от личных качеств царя, утрачивали этику государственного служения.

В этой связи можно вспомнить сцену из недописанного Н.В. Гоголем второго тома «Мертвых душ», где тяжелый по

[84] *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 2. С. 106

характеру обращения с людьми, но лично честный генерал-губернатор вразумляет подчиненных: «Все-таки скорей подчиненному следует применяться к нраву начальника, чем начальнику к нраву подчиненного. Это законней по крайней мере и легче, потому что у подчиненных один начальник, а у начальника сотни подчиненных». При любом, даже самом демократическом строе чиновники зачастую вынуждены терпеть значительно более грубые бестактности от своих начальников, чем те, которые позволял себе Николай II (если то, что он допускал, вообще повернется язык назвать бестактностями). То, что обычно (и даже больше!) терпят от мелкого столоначальника, здесь не хотели прощать царю! Ясно, что в данном случае дело заключается не в личных свойствах государя, на редкость деликатного, судя по многим, даже недоброжелательным к нему, свидетельствам, а именно в этическом перерождении правящего класса. Это был объективный процесс, остановить который было не под силу любому, кто бы ни оказался в то время на месте Николая II.

Николай II не отвечал изменившемуся мировоззрению элитных слоев лишь потому, что в самом этом мировоззрении больше не находилось места для самодержца, которому нужно служить не за страх, а за совесть, невзирая на черты его личности. Опять же, можно сказать, что такое положение требовало от царя изменить характер политических взаимоотношений с элитой. Но выше мы подробно объяснили, почему Николай II не мог в то время на это изменение пойти, имея в виду прежде всего интересы и благополучие все той же элиты.

Как всякий смертный, Николай II не был застрахован от ошибок, мешавших достижению намеченных им целей в той или иной области политики. Мы даже не будем заниматься конкретным перечислением и разбором этих ошибок, так как любой взгляд на этот предмет всегда будет субъективным, а главное — не в нем суть. Нельзя доказать, что именно цепь ошибок царя привела самодержавие к крушению, и что, действуй он в том или другом случае иначе, по-иному бы могла сложиться и судьба Империи. Во всех государствах, где существует

известное единство внутри элиты, последняя старается сгладить ошибки своего государственного вождя. В России начала XX века эти ошибки усиленно отыскивались (даже там, где их не было) и выставлялись напоказ именно представителями элиты. Любые удачные или неудачные решения и действия Николая II имели в сущности ничтожное значение на фоне более важного факта эпохи — усиливающегося расхождения между самодержавием и русской элитой по вопросу о коренных основах политического строя.

Поведение элитных классов российского общества в начале XX века можно сравнить с поведением взбесившихся пассажиров корабля, попавшего в бурю. Буря (в данном случае революция) — стихийное, неизбежное явление. Но им кажется, будто капитан (Николай II) по неумению завел их в самое сердце бури. Они насильно сводят капитана с мостика, запирают в трюм и пробуют рулить сами и отдавать команды матросам. Обреченный корабль тонет вместе с капитаном, экипажем и всеми пассажирами... Тогда как если они и могли бы спастись, то лишь продолжая слушаться во всем капитана.

Непризнанный стратег

Когда летом 1915 г. в стране разразился первый с начала войны политический кризис (о нем ниже), Николай II разрешил его очень удачным ходом — сам, без посредствующей фигуры, стал во главе Действующей армии. «Решение Николая II взять на себя верховное главнокомандование было, по-видимому, его последней попыткой сохранить монархию и положительным актом предотвратить надвигающийся шторм... Решительный шаг государя подавал какую-то надежду на восстановление традиционной связи между монархией и армией. Николай II справедливо считал, что занимая пост Верховного главнокомандующего он сможет возродить и усилить личную преданность ему генералитета, офицерства и простых солдат»[85]. Тем не менее этот шаг царя резко критиковался и тогда, и впослед-

[85] *Катков Г.М.* Февральская революция. Париж, 1984. С. 58.

ствии. Многие говорили, что данное решение государя стало фатальным для монархии. Однако никто так и не смог представить в пользу такого суждения какие-либо веские аргументы.

Во всей этой критике всегда четко просматривался один мотив: царь сместил Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича вопреки мнению «общества», то есть элитных слоев. Этим, очевидно, и исчерпывалась «фатальность» царского решения: царь противопоставил себя фрондирующим группировкам элиты, отстранив их любимца, заигрывавшего с либеральной общественностью. Вследствие чего эти группировки почувствовали себя ущемленными и с удвоенной энергией повели борьбу за дискредитацию и свержение Николая II. Но в таком случае изображение царского решения как «рокового» есть не что иное, как взваливание вины с больной головы на здоровую. Ибо кто, как не само «общество», было повинно в критике государя и в подготовке почвы для революции?

Генерал Брусилов, который, при всех своих несомненных военных дарованиях, в политической сфере был всего лишь бездумным транслятором умело инспирируемого «общественного мнения», писал про решение Николая II стать во главе армии: «Принятие на себя должности Верховного главнокомандующего было последним ударом, который нанес себе Николай II и который повлек за собой печальный конец его монархии». Однако прославленный генерал не задался трудом хотя бы пояснить: каким именно образом?

Правда, он прямо утверждает о несоответствии Николая II должности Верховного главнокомандующего: «Было общеизвестно, что Николай II в военном деле решительно ничего не понимал и что взятое им на себя звание будет только номинальным, а за него все должен будет решать его начальник штаба. Между тем, как бы начальник штаба ни был хорош, допустим даже — гениален, он не может по сути дела везде заменять своего начальника... Отсутствие в сущности настоящего Верховного главнокомандующего очень плохо сказалось во время боевых действий 1916 года, когда мы по вине верховного глав-

нокомандования не достигли тех результатов, которые могли легко повести к окончанию вполне победоносной войны и к укреплению самого монарха на колебавшемся троне»[86].

Во-первых, в не столь удачных, как хотелось бы, результатах кампании 1916 г. есть немалая вина самого Брусилова, неудачно действовавшего на следующих, после тактического прорыва, этапах Луцкой операции. Во-вторых, при том стратегическом плане, который Русская армия имела на ту кампанию, вообще невозможно говорить, что она могла бы уже в том году победно закончить войну. Но это не был план Николая II — это был план союзников и русского генералитета, совместными усилиями настоявших перед царем на его принятии.

Объективный анализ позволяет утверждать, что, вопреки всем конъюнктурным домыслам и самооправданиям современников, Николай II как военный стратег стоял не ниже большинства своих генералов.

Период самых тяжелых для России поражений пришелся на то время, когда Верховным главнокомандующим был великий князь Николай Николаевич. Вопреки распространявшейся вокруг него либеральным обществом легенде «великого полководца», он был никчемным стратегом. В частности, великий князь был непосредственно повинен во многих неудачах Русской армии, особенно в катастрофе в Галиции в мае 1915 г.

Свои стратегические идеи Николай II впервые пытался осуществить еще в начале 1915 г., до вступления в Верховное командование. Это было предложение провести высадку десанта на турецкое побережье в непосредственной близости от Стамбула и захватить Босфор совместно с союзниками, десантировавшимися у Дарданелл, или в одиночку. Повторно царь вернулся к идее десантной операции в конце того же года. О том, какая судьба постигла эти замыслы, мы упомянули в предыдущей главе.

Стратегический план кампании 1916 г. был навязан России союзниками и полностью поддержан начальником штаба царя, «одаренным» генералом Алексеевым. Перед его обсуждением

---

[86] *Брусилов А.А.* Ук. соч. С. 185—186.

в Шантильи, правда, Алексеев выдвинул свое предложение. Внешне оно выглядит близким к планам Николая II. Но сходство тут только кажущееся. Алексеев считал, что главный удар следует наносить силами появившегося у союзников нового Балканского фронта. Это действительно было слабое место обороны Четверного союза, что показали события конца 1918 г. Однако и у союзников пока не было возможности настолько усилить там свои войска, чтобы нанести противнику решающее поражение. Алексеев предлагал двинуть на этот фронт 16 русских корпусов. Однако каким образом они могли туда попасть при нейтралитете Румынии и неприятии самим Алексеевым идеи десанта против Болгарии или Турции — план Алексеева не раскрывал. В общем, этот продукт «полководческого таланта» начальника штаба Верховного как будто заранее был рассчитан на то, чтобы стратегическое планирование союзников не встретило с русской стороны достойной альтернативы.

При планировании кампании 1917 г. заместитель Алексеева генерал от кавалерии Василий Гурко и генерал-квартирмейстер штаба генерал-лейтенант А.С. Лукомский предложили наносить главный удар силами Румынского фронта с целью вывести из войны Болгарию и установить связь с Балканским фронтом союзников. Это было близко основной стратегической идее государя — искать решения войны на южных ТВД. Однако Алексеев сделал все, чтобы похоронить этот замысел. Роль Алексеева в этих событиях довольно неприглядна. Год назад он сам высказывал идеи, сходные с планом Гурко — Лукомского. Теперь же он, опираясь на мнения полных стратегических нулей — генералов Эверта и Рузского, отверг этот план еще на стадии обсуждения. Он представил государю собственный план, основанный на шаблонном повторении кампании 1916 г. с нанесением главного удара силами Юго-Западного фронта. Царь, не информированный об альтернативных предложениях, утвердил этот план Алексеева. Одновременно, однако, Николай II распорядился готовиться к десантной операции на Босфоре, которая должна была состояться в апреле 1917 г.

Но, даже если бы не было революции, нетрудно представить, что замысел такой операции, скорее всего, постигла бы та же участь, что и в 1915 г.

Анализ стратегических предположений Николая II показывает: царь неизменно указывал, что врага надо бить там, где он слабее всего, в его мягкое подбрюшье! Но большинство его генералов предпочитали вновь и вновь в лоб атаковать врага. Тяжелые потери у Нарочи и на Стоходе ничему их не научили. Впрочем, учитывая зловещую предательскую роль ряда военачальников при подготовке «дворцового переворота» и во время Февральской революции, возможно, что они сознательно саботировали планы царя, способные принести России победу. Ибо не желали делить плоды этой победы с монархом или, что то же самое, не желали победы императорской России.

Как же поступил царь? Так же, как в этой ситуации, наверное, поступил бы любой на его месте. Встречая единодушное неприятие «экспертов», он ждал до тех пор, пока жизнь не покажет их неправоту. Что же она показала? В конце 1918 г. прорывы союзников на Балканском и Палестинском фронтах привели к быстрому выводу из войны Болгарии и Турции, после чего вся геостратегическая система обороны Четверного союза в считаные дни рухнула как карточный домик. Как и предвидел Николай II. Только к тому времени уже ни царя не было в живых, ни России — среди победителей...

«Русский Царь уже не был хозяином в своей стране — не был хозяином своей вооруженной силы. Дважды он повелевал овладеть Константинополем — и дважды это повеление не было исполнено Его военачальниками (Великим князем в мае и ген. Щербачевым в ноябре 1915 г.). А когда Государь назначил в третий раз овладеть Царьградом в апреле 1917 г. — все сроки оказались безвозвратно пропущенными. Вот основной стержень русской драмы в Мировую войну»[87].

Лейтмотив неоднократно цитируемого нами историка-монархиста Антона Керсновского неизменен: Русской армии во Вторую Отечественную войну не хватало головы! Не хватало

---

[87] *Керсновский А.А.* Мировая война. С. 198.

единой командной воли помноженной на грамотную стратегию. И этому он все время находит убедительные подтверждения. Казалось бы, это прямое обвинение в адрес Николая II. Обвинение, которое Керсновский именно в силу своих монархических убеждений не может высказать прямо. Но нет, не все так просто. Тот же историк постоянно подчеркивает достоинства стратегических решений, предлагавшихся государем. Хвалит он его и за занятие должности Верховного. Как это все совместить?

Противоречие тут только кажущееся. Да, Николаю II постоянно приходилось бороться с неприятием (а не сознательной ли обструкцией?) его стратегических рецептов шаблонно мыслящими (или держащими заднюю политическую мысль?) генералами. Удивительно, но у русского самодержца не было такой власти, чтобы просто взять и приказать своим военачальникам сделать то-то и то-то вопреки их аргументам и доводам. Не было именно в силу традиции русского абсолютизма, признававшей за специалистом высший авторитет в сфере его профессиональной компетенции. А последний государь отнюдь не обладал амбициями корифея любой отрасли знаний. Николай II действительно мог чувствовать недостаточную уверенность, предлагая военным специалистам собственные планы.

Будучи одиноким со своим мнением в Ставке, что мог сделать Николай II? Сместить целую когорту высших военачальников и назначить на их место других, слепо повинующихся царскому приказу и не имеющих собственного суждения? Таким путем царь еще вернее мог привести армию и свой престол к гибели. Вся политика Николая II шла иным путем: он стремился выдвигать на высокие посты не тупых исполнителей, а компетентных профессионалов. Иначе он не мог успешно проводить модернизацию страны. Не его вина была в том, что таких людей в его время осталось мало — Николай II наследовал государственный аппарат, формировавшийся столетиями до него.

Сила Николая II — не бояться давать власть людям с самостоятельным суждением — в решающий момент обернулась слабой стороной. Дальше мы увидим, в каком состоянии на-

ходились такие люди, составлявшие Совет министров, летом 1915 г. Независимость их мнения от мнения царя на деле оказалась полной зависимостью от мнения оппозиции. Вот почему с этого времени Николай II был вынужден отойти от прежних принципов кадровой политики и заняться персональным подбором исполнителей исключительно по критерию личной преданности[88]. В условиях, когда фрондированием занялась вся верхушка общества, этот критерий приобретал наибольшую важность. Отсюда — частые смены министров, та «министерская чехарда», которая характеризовала царское правительство в конце 1916 — начале 1917 г.

Преобразуя на новых началах кадровую политику в высшем эшелоне госаппарата, Николай II просто физически не мог одновременно столь же радикально «зачистить» высший командный состав армии. К тому же это было бы чревато и с политической точки зрения: генералы в отставке благодаря своим связям могли быть не менее опасны, чем генералы в Ставке. Наоборот, не трогая их, царь резонно предполагал, что тем самым может рассчитывать на ответную лояльность и с их стороны. В чем, как мы знаем, просчитался. Но это не было результатом мнимой наивности государя.

Просто из двух реорганизаций — правительства и Ставки — Николай II решил первым делом реорганизовать правительство. Такой порядок действий был совершенно логичным. В гражданских кадровых вопросах государь, похоже, действительно разбирался лучше, чем в военных. Да и в конце концов, создать твердое преданное царю правительство было важнее, чем убедить Ставку принять военно-стратегический план царя. При наличии такого правительства победа рано или поздно достижима, а вот при его отсутствии даже победа не гарантирует сохранения режима. Поэтому пусть пока именно эти генералы воображают, что руководят армией. Кроме того, при общем фрондировании элиты, велика ли вероятность, что новый состав высшего командования будет меньше склонен к интригам, чем существующий? Такими, судя по действиям, были сооб-

---

[88] *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 2. С. 226.

ражения Николая II, легшие в основу его политики последних 20 месяцев царствования.

В генеральских обвинениях по адресу Николая II нетрудно увидеть попытку оправдания собственных просчетов и поведения в февральско-мартовские дни 1917 г. Без негодования невозможно теперь читать цитированные выше строки Брусилова про государя, который, как очевидно, обладал глубокими познаниями в военных вопросах и несомненным стратегическим талантом полководца.

Из всех аргументов о пагубности царского решения лично стать во главе армии заслуживает разбора единственно такой. В Могилеве Николай II оказался отрезан от важнейших политических событий, происходивших в столице. Информация о них до него не доходила или искажалась. В динамично, как всегда при революциях, менявшейся обстановке царь был лишен возможности принимать быстрые и адекватные решения. Подтверждение этому видят в запоздалой реакции государя на Февральский переворот. В конечном итоге царь оказался просто в плену у своих генерал-адъютантов, которые в решающий момент «почтительно приставили семь револьверных дул к вискам обожаемого монарха»[89].

Однако еще раз обратим внимание на то, что внутри страны царь боролся прежде всего с революцией, а не со своими конкурентами за власть в элитных кругах. Разрабатывая стратегию противодействия революции, он вынужденно ориентировался на опыт 1905—1907 гг., ибо другого у него не было. Этот опыт подсказывал, что глава государства может легче всего оказаться отрезанным от страны, находясь именно в столице. Революция стремится захватить первым делом географические узлы управления страной. Находясь же вне столицы, тем более — в своем военном штабе, царь мог обезопасить себя от первых ударов революции, выиграть время и собрать силы для подавления мятежа. Военная Ставка в Могилеве и должна была стать таким штабом контрреволюции!

---

[89] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М., 1997. Т. 1. С. 109.

Стратегическая обоснованность этого решения Николая II видна как из того, что после падения правительства в Петрограде царь еще несколько дней пользовался свободой действий, так и из того, что во время следующего переворота — Октябрьского — Ставка почти на месяц действительно смогла стать оплотом контрреволюции.

Николай II не смог и, очевидно, не мог предвидеть всего, что произойдет. Мог ли он предполагать, что решающий удар самодержавию будет нанесен не революционерами, а теми, в контрреволюционной мотивации которых он был уверен?! Мог ли он ожидать, что «черновую работу» революции — техническое принуждение к отречению царя от власти — сделает его же ближайшее генеральское окружение?!

Безосновательно упрекать царя в том, что он проглядел измену своих генерал-адъютантов. Ничто не дает права так утверждать. Более того, само решение Николая II перенести свое местопребывание в Ставку было вызвано вполне сознательной необходимостью лично и непосредственно следить за военной верхушкой! У государя не было «слепого доверия» ни к генералу Алексееву, ни к генералу Рузскому, ни к кому бы то ни было вообще (кроме, быть может, своей супруги, но и то, судя по письмам, он очень часто оспаривал ее мнение по политическим вопросам и поступал по-своему). Контрреволюционная стратегия Николая II зиждилась в этом случае на вполне рациональном расчете. Он обоснованно ожидал, что, несмотря на любые политические разногласия с самодержавием, военная элита Империи, в случае революции, вновь, как и в 1905 г., окажется на стороне престола — для того, чтобы справиться с общим опасным противником.

Таким образом, главный, как выяснилось уже post factum, просчет государя состоял в том, что он считал своих противников в элите людьми разумными, способными предвидеть последствия своих действий. Неадекватность элиты спутала карты не только самодержавному строю. Она, резко проявляясь и в дальнейшем, обрекла на поражение все вообще антибольшевистские силы.

Политиканствующий класс

Благодаря поэту Николаю Некрасову на века оказалась запечатлена реплика известного сановника Ф.В. Ростопчина про элитную молодежь, из которой впоследствии вышли декабристы: «В Европе сапожник, чтоб барином стать, / бунтует — понятное дело. / У нас революции делает знать. / В сапожники, что ль, захотела?» Эта ирония не выглядит ни меткой, ни глубокой. Естественно, руководители восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. собирались, в случае успеха своего выступления, стать руководителями всего Российского государства, то есть не только остаться в рядах элиты, но и повысить свой статус. Да и отмеченная революционность представителей элитных слоев населения не была чем-то исключительно русским, отличавшим нашу страну от Европы.

Многие руководители Великой французской революции или возникшей в ее результате Французской империи были выходцами из рядов дворянства или духовенства: Лафайет, Мирабо, Фуше, Талейран. Сам Наполеон Бонапарт был дворянином. Оппозиционность и даже революционность представителей привилегированных сословий была свойственна не одной лишь России. Это самое обычное явление в истории многих стран и эпох мира.

Дело не только в том, что везде и всегда находятся охотники «ловить рыбу в мутной воде». Сама потребность общества в развитии образования порождает избыток лиц интеллигентных занятий. Эта черта общественного развития особенно резко выступает в эпоху капитализма. Своей профессиональной подготовкой они предназначаются для обслуживания элиты. В то же время лишь небольшая их часть оказывается в состоянии удовлетворить все свои запросы настолько, чтобы в полной мере ощутить себя частью элиты. Причем речь тут идет не только и даже не столько о грубо материальных запросах. Характерной особенностью капитализма является перепроизводство интеллигенции. Или, говоря иначе, внутри элиты всегда есть «свои среди чужих, чужие средь своих». Всякая элита неизбежно порождает внутри себя своего двойника, этакого коллективного

doppelgänger — контрэлиту, стремящуюся уничтожить господство прежней элиты. Но при капитализме этот процесс носит стабильный, неизменный характер, что обусловливает перманентную политическую революцию, свойственную этой стадии общественного развития.

Внутриэлитная борьба, как показывает вся человеческая история, ведется с не меньшим ожесточением, чем борьба между классами. Поэтому ее участники могли прибегать к самым крайним методам, среди которых были и внешне революционные. Однако всегда необходимо отличать участие одних элитариев в революционных партиях от участия других элитариев во внутриэлитной оппозиции политическому курсу самодержавия. Хотя временами тактические действия тех и других смыкались, их мотивы и конечные цели оставались различными. Любопытно еще и то, что часть внутриэлитной оппозиции самодержавию вдохновлялась не «левыми», а «правыми» политическими принципами! Это частично относится и к тем, кого мы привыкли числить среди либералов.

Лидер праволиберального «Союза 17 октября» (партии октябристов), собравшего в своих рядах многих видных предпринимателей, А.И. Гучков приобрел политическую известность в 1905 г. своим выступлением против предоставления широкой автономии Царству Польскому. То есть, с точки зрения либеральной партии конституционных демократов (кадетов), Гучков тогда был «монархистом». Однако с 1909 г. Гучков становится центром сколачивания активной оппозиции среди крупной буржуазии, помещиков и высших военных. Понятно, что эти люди не стремились к ниспровержению социальных устоев. Наоборот, их мотивом было опасение за судьбу крупной собственности при революции, которой, по их мнению, самодержавие не могло эффективно противостоять. Нужна была, считали они, новая организация государственной власти в интересах имущих классов.

Характерный эпизод произошел в январе 1905 г., когда по велению царя министр финансов В.Н. Коковцов созвал совещание торгово-промышленных деятелей. Его целью было

наметить меры для снижения революционных настроений у рабочих. Коковцов предложил предпринимателям программу своего министерства, включавшую: законодательное ограничение рабочего дня, введение обязательного социального страхования рабочих, отмену наказаний за стачки с чисто экономическими требованиями[90]. Капиталисты единодушно отвергли эти предложения. Быть может, они рассматривали массовое рабочее движение, прежде всего, как способ самим давить на правительство с целью политических уступок и поэтому не желали снижения остроты рабочей проблемы? Возможно, что и в основании «меценатства», которое оказывали революционным партиям такие толстосумы, как Савва Морозов, лежали те же мотивы.

Растущей и крепнущей российской буржуазии нужна была своя твердая классовая власть, своя диктатура, оптимальная в борьбе с надвигающейся социальной революцией. Эта диктатура должна была всемерно использовать в своих целях современные политические технологии, прежде всего — демагогию о «правах» и «свободах» и манипулирование голосами избирателей. Самодержавная монархия этим интересам капиталистов не удовлетворяла — она не была ни диктаторской, ни демагогической. Путь к установлению вожделенной имущими классами «модернизированной» диктатуры неизбежно лежал через свержение самодержавия, то есть через переходный этап конституционных «свобод».

Парламентаризм, начавший развиваться в России после 1905 г., оказал свое влияние и на политическую психологию монархистов. Они усваивали повадки либералов и сами нередко становились в открытую оппозицию мероприятиям правительства, явно поддерживаемым царем, как произошло весной 1911 г. при голосовании в Государственном Совете очередных законопроектов Столыпина. Необходимо особо выделить, что огульная кампания в общественном мнении против пресловутого Григория Распутина, ставшая затем мощным орудием ан-

[90] *Авре А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. С. 155.

тидинастической пропаганды, была инициирована и развязана именно правыми кругами. Правые же дали лишний и неотразимый аргумент в руки врагам монархии, сами организовав и осуществив убийство Распутина в декабре 1916 г.

Говоря о партийно-политическом спектре предреволюционной России, нужно заметить, что представительство в Государственной Думе не отражало народных настроений. Дума избиралась по цензовому закону, который 3 июня 1907 г. был еще сильнее изменен в пользу собственнических слоев населения. Как правые (монархисты и русские националисты), так центристские (октябристы) и либеральные (прогрессисты и кадеты) партии имели широкое представительство в Думе только благодаря неравному избирательному закону. Представителей этих кругов нередко называли в то время «цензовыми элементами», подчеркивая, что их избрание обусловлено ограничениями политических прав для широких масс населения. Не только сторонники самодержавия, но и либеральная оппозиция могла в те годы выдавать себя за «народное представительство» только благодаря неравенству избирательной системы. В этих условиях всеобщее избирательное право, за которое формально ратовали не только кадеты, но и октябристы, на практике стало бы могильщиком этих партий.

Вряд ли сами политические вожди российской буржуазии не видели всей лживости своего позиционирования как «народных представителей» и не осознавали, к каким последствиям для них могут привести всеобщие и равные выборы в законодательный орган. Следовательно, это требование в их программах было демагогией. На практике, в случае замены самодержавия демократическим строем, они неизбежно должны были стремиться либо к фальсификации народного представительства, либо к тому, чтобы подчинить интересам имущих классов более левые партии. Они испробовали оба варианта. Второй начал осуществляться задолго до 1917 г. и выразился в организации в России политического масонства.

Масонские структуры как формы политической организации буржуазии стали создаваться в России с 1907 г. Их кон-

солидация произошла в 1912 г. на конвенте ложи «Великий Восток народов России». Ложа объединила руководящие фигуры как буржуазных (октябристы, прогрессисты, кадеты), так и социалистических партий (социалисты-революционеры или эсеры, социал-демократы меньшевики, трудовики, народные социалисты или энесы). Последние вошли в ложу для консолидации действий с буржуазной оппозицией в целях свержения самодержавия. Но объединение требовало лояльности, поэтому лидеры социалистов становились проводниками политики, формировавшейся в интересах прежде всего имущих классов.

Без учета наличия такой надпартийной организации, как «Великий Восток», ничего нельзя понять в событиях, приведших к Февральской революции 1917 г. Но, что не менее важно, без этого учета нельзя понять и последующих событий — причин и всего хода Гражданской войны в России. Ведь после свержения монархии эта организация никуда не исчезла. Она продолжала выполнять роль главного координационного центра всей политической элиты России.

Партия большевиков осталась в стороне от этого объединения. От большевиков в «Великий Восток» входил, и то лишь с целью осведомления, деятель среднего уровня, статист (И.И. Скворцов-Степанов). Автономия большевиков от масонской «супер-партии» стала главным фактором сохранения большевиками особой политической позиции в ходе революции 1917 г. и последующих событиях.

Элита и народ

Лидеры оппозиции отлично понимали, что за их претензиями на власть может быть какая-то сила только в том случае, если они мобилизуют в их поддержку широкие массы народа. При этом они не желали, чтобы низы общества сами выходили на политическую арену со своими требованиями. Для давления на власть важен был фон общественных настроений, неблагоприятный для самодержавия. На этом фоне либеральная оппозиция надеялась выторговать власть у верхушки имперской правящей элиты.

В реальности же события пошли не по сценарию либералов. Народная стихия в феврале 1917 г. вырвалась наружу. Лишь она была в состоянии на какое-то время вознести либералов на Олимп власти. Но тут же обнаружились непримиримые противоречия между интересами народных масс и вставших у власти элитных группировок, которые лишь хотели использовать народ в своих интересах. Многим в России неизбежность этого конфликта была ясна заранее.

Поскольку оппозиция указывала на царское правительство, на сановников, губернаторов, генералов как на виновных в переживаемых Россией бедствиях, постольку народ с готовностью ее поддерживал. После Февраля 1917 г. прежняя оппозиция заняла место самодержавия. Тогда традиционная неприязнь русского народа к далеким от него правящим сферам, усиленная прежней оппозиционной пропагандой, обратилась против бывшей оппозиции, ставшей властью.

Спустя четверть века, в 1941—1945 гг., большевики сумели создать необычайно прочное единство народа в гораздо более тяжелой борьбе с врагом. Это единство создалось вопреки всем прежним трагическим страницам советской истории, вопреки раскулачиванию, репрессиям и т.п. Такого единства не было в 1914—1917 гг. Это несмотря на то, что царский режим был довольно либерален даже на фоне многих современных ему режимов воюющих западноевропейских стран, а уж при Временном правительстве был беспрецедентный разгул политических свобод. Тем не менее подлинного национального единства не было. Почему? Главная причина заключалась в неравномерном распределении тягот войны по слоям населения.

В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. все слои населения были скреплены государством в единую вертикаль. Уровень доходов и привилегий был, как общее правило, прямо пропорционален ответственности людей на конкретных этажах государственной иерархии. Это было понятно, так как всем и за все платило государство, а независимых источников доходов практически ни у кого не было. Элита государства при Сталине отнюдь не обладала иммунитетом от преследования за

упущения на своей службе государству. Наоборот, чем больше прав — тем выше ответственность. Это был принцип распределяющей справедливости. Народ видел его и приносил жертвы за это государство, хотя оно подчас было очень жестоким к народу. Но — не избирательно жестоким. Государство было не более снисходительно к министру, чем к рядовому колхознику. Таков был принцип Советского государства в годы величайшей борьбы.

Прежняя Российская империя строилась на сословном неравенстве прав и обязанностей. Соотношение между правами и обязанностями было, как правило, обратно пропорционально. Чем больше прав — тем ниже ответственность, меньше обязанностей, легче наказания. Процесс постепенного уравнения сословных прав, начавшийся в конце XIX века, был еще далек от завершения. В этом смысле Россия сильно отличалась даже от многих стран, воевавших в Первой мировой войне. Законодательство Франции, Германии, (по ходу Первой мировой — также Англии) не знало, например, таких поблажек людям с образованием (как правило — представителям высших классов) в прохождении военной службы, как в России. Отчасти это объяснялось тем, что процент образованных людей на Западе был намного выше, и если исключать их из числа военнообязанных, то для западноевропейских армий не хватало бы рекрутов. А Россия берегла свою немногочисленную интеллигенцию. Но и в целом Запад уже (в разных странах — в разной степени) юридически почти изжил сословное неравноправие (фактически оно, правда, дает знать о себе по сей день).

Наряду с патриотами из элитной молодежи, которые с первых дней войны стремились попасть на фронт, были, разумеется, и люди совсем иного склада, причем последние явно преобладали. Иначе не пришлось бы правительству уже в декабре 1914 г. отменить бронь от призыва для студентов высших учебных заведений. Ответом стал уход буржуазной молодежи в «земгусары» — показательное явление для общественных настроений.

Спекулируя на выявившихся трудностях государства в деле организации обороны, оппозиционные партии вскоре, под предлогом «помощи правительству», стали создавать различные организации: по мобилизации местной и кустарной промышленности в помощь снабжению армии, снабжению продовольствием, помощи раненым и увечным и т.д. Их деятельность была объединена на высшем уровне созданием в июне 1915 г. Главного комитета по снабжению Российской армии, образованного под эгидой Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов (Земгор). Это были объединения гласных (депутатов) местных органов самоуправления — земств и городских дум. Они состояли не только из либералов, но и из правых, однако либеральная струя в этом Комитете сразу возобладала.

Земгор развил бурную, но главным образом — пиарную деятельность, показывая всем, как «общественность», «героически» преодолевая бюрократические препоны, помогает родной армии. Ныне признано, что реальная роль этой организации в помощи Русской армии была ничтожной. В своей преобладающей части материальное снабжение войск осуществлялось силами государственных органов. Благодаря щедрым субсидиям богатых буржуазных оппозиционеров Земгор предлагал своим служащим жалованья значительно выше тех, которые назначались служащим госаппарата примерно за ту же работу. Служба в органах Земгора давала бронь от мобилизации, что сразу привлекло туда множество молодых людей, стремившихся законным образом избежать призыва. Эту сытую армию уклонистов народ и прозвал «земгусарами».

Главная тяжесть мобилизаций и военных потерь падала прежде всего на крестьянство, затем — на рабочий класс, и уже потом — на более обеспеченные слои населения. Неизбежное снижение жизненного уровня тоже сказывалось в первую очередь на низах общества. В образе жизни элитных слоев с началом войны ничего не изменилось. Для них как будто не существовало Отечественной войны. Отдельные личные исключения не в счет, ибо народ судил по картине в целом. И, опять

же, для народа не было существенной разницы между политическими позициями, скажем, Милюкова и Дурново. В его глазах оба они принадлежали к одному господствующему классу, и отношение к ним было одинаковым.

Кучке промышленных и финансовых магнатов (олигархам по-нынешнему) война предоставила возможности баснословной наживы. Процент прибыли на казенных заказах намного превышал таковой в обычное, мирное время. Наживались на этом (на «откатах», как теперь говорят) и крупные госчиновники, по протекции которых эти заказы предоставлялись. Всем вокруг война — горе, а этим — средство обогащения...

Следует упомянуть еще одну немаловажную деталь, которой почему-то уделяют недостаточное внимание в анализе психологических причин революции. С началом Отечественной войны Николай II ввел в стране «сухой закон». Движимый религиозными побуждениями, царь решил использовать момент для решительного шага по пути утверждения народной трезвости. Первоначально это объявлялось мерой военного времени, но государь в беседах с некоторыми приближенными говорил, что собирается продлить эту меру и по окончании войны. Была запрещена не только казенная, но и частная торговля крепкими спиртными напитками. Как представляется, фактор внезапного и всеобщего протрезвления (в буквальном смысле этого слова) народных масс историки пока не оценили должным образом. Но на фоне всеобщей трезвости военного времени отдельные представители высших классов продолжали кутить не только дома, втихую пропивая прежние запасы спиртного, но и открыто — в элитных ресторанах. Полиция привычно не вмешивалась — ведь гуляют-то господа! Богатым закон не писан?..

Российские либералы, представлявшие интересы и симпатии примерно лишь двух с половиной процентов всего населения страны[91], надеялись, что смогут править страной одни, без царя. Забыли они предупреждение одного из умнейших представителей либерального лагеря, произнесенное в 1909 г.:

---

[91] Если судить по итогам выборов в Учредительное собрание осенью 1917 г.

«Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной!»[92]

Самодержавие под ударом

Главным и роковым следствием неудачной кампании 1915 г. стало не поражение Русской армии, по-прежнему способной нанести врагу сокрушительный удар (что показал последующий Брусиловский прорыв), а подрыв у нации веры в то, что существующая власть может довести войну до победы. Этому подрыву вольно или невольно содействовали и статусные «слуги государевы».

В ту тревожную пору лейтмотивом на заседаниях Совета министров стали постоянные жалобы на вмешательство военных начальников в дела внутреннего управления: «Дезорганизация принимает столь угрожающий характер, что становится страшно за будущее... Распоряжаются все, начиная от любого предприимчивого прапорщика... Но министр внутренних дел ничего не может сделать... Становится невыносимо работать. Все планы, предположения, расчеты нарушаются произволом любого тылового вояки... Жизнь страны расстраивается, правительственный механизм разлагается, повсюду хаос и недовольство»[93]. Следует заметить, что «Положение о полевом управлении войск», на основании которого действовала Ставка ВГК, создавалось с расчетом, что Верховным главнокомандующим будет сам государь. Поэтому обе власти — военная и гражданская — на театре войны будут объединены в его руках. Казалось бы, из реплик и общего настроения министров логически следовало, что они поддержат замену великого князя царем на посту Верховного.

Но не тут-то было! 6 августа 1915 г. военный министр А.А. Поливанов раскрыл перед коллегами по кабинету тайну,

---

[92] *Гершензон М.О.* Творческое самосознание / «Вехи». В кн.: Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 101.

[93] Архив русской революции / Под ред. Гессена Г.В. Берлин, 1922. Т. 18. С. 18—21.

которую в этот же день конфиденциально доверил ему государь. Министр нарушил слово, данное царю, так как, по его мнению, «как ни ужасно то, что происходит на фронте, есть еще одно гораздо более страшное событие, которое угрожает России», о котором он «обязан предупредить правительство». Это было решение государя лично вступить в верховное командование Русской армией. Как и ожидал Поливанов, его известие произвело на коллег эффект разорвавшейся бомбы. Общее резюме выразил министр земледелия А.В. Кривошеин: «Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом — использовать все доступные нам способы, чтобы удержать Его величество от бесповоротного шага»[94]. «Трудно понять, что было подлинной причиной этой чрезвычайно эмоциональной, теперь можно было бы даже сказать — иррациональной, реакции на решение, которое, в конце концов, было достаточно мотивировано и вполне отвечало статусу монарха»[95].

Министры стали добиваться коллективной аудиенции у государя с целью изложить ему свои доводы против принятия верховного командования. Председатель правительства престарелый Иван Горемыкин не согласился с аргументами и тактикой коллег, но доложил царю их просьбу о приеме. 20 августа в Царском Селе состоялось заседание Совета министров в высочайшем присутствии. Выслушав министров, государь остался непоколебим в своем решении, как в течение двух недель и предупреждал Горемыкин.

Но министры не оставили своих попыток. На следующий день они направили государю беспрецедентный в практике правящих сфер Российской империи своего рода ультиматум. Министры снова пытались заставить Николая II взять обратно свое решение о смене Верховного главнокомандующего, угрожая в противном случае своей коллективной отставкой. Из всего кабинета только Горемыкин, министр юстиции А.А. Хвостов и министр путей сообщения С.В. Рухлов не подписали письмо. «Отчаянные попытки министров воспрепятствовать пере-

---

[94] Архив русской революции. Т. 18. С. 55.

[95] *Катков Г.М.* Ук. соч. С. 153.

менам в Верховном главнокомандовании непонятны. Позднее некоторые из подписавших письмо 21 августа особенно сожалели об этом шаге. Несомненно, что чувство обреченности, охватившее министров при объявлении решения государя, не отражало ни отношения армии, ни страны в целом»[96].

На следующий день, 22 августа 1915 г., стране было объявлено о том, что император вступает в должность Верховного главнокомандующего действующей Русской армией. Великий князь получил назначение главнокомандующим на Кавказский ТВД. Николай II не принял отставку своих министров, приказав им оставаться на своих постах, что было их долгом в условиях военного времени. В течение нескольких месяцев государь постепенно нашел замены «забастовщикам». Горемыкин, правда, тоже был отправлен на пенсию.

Позиция Горемыкина в условиях тяжелейшего политического кризиса заслуживает быть отмеченной. Престарелый сановник обычно изображался современниками, а вслед за ними — и историками, как царедворец с ограниченным кругозором и притупленными умственными способностями, каковые незавидные качества еще больше развились в нем в старости. Однако лучше знавший Горемыкина член Государственного Совета В.И. Гурко характеризовал его как «по природе... умного, тонкого и вдумчивого, с заметной склонностью к философскому умозрению», отмечал «присущее ему джентльменство»[97]. Сам 74-летний Иван Логгинович, когда в январе 1914 г. его вторично назначили председателем Совета министров (первый раз было в 1906 г.), в шутку говорил: «Не понимаю, зачем меня вытащили из нафталина». Это явно не подтверждает многие домыслы о нем, так как ограниченные люди лишены способности так подтрунивать над собой.

Журналы заседаний Совета министров в летние дни 1915 г. показывают, что из всего состава правительства, пожалуй, только Горемыкин сохранял ясную голову и трезвое понимание ситуации. В то время как его коллеги впадали в панику, чуть

[96] *Катков Г.М.* Ук. соч. С. 154.

[97] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 76—78.

ли не в истерику по поводу любого события, в этом смятенном сборище твердо и непреклонно звучал только голос его председателя. Он был, как любили тогда выражаться, государственно мыслящий человек. Наверное, в нем не хватало организаторских талантов и деловой хватки Кривошеина, широкого кругозора Сазонова или эмоциональности Поливанова. Но его знаний некоторых аксиом государственного опыта явно не хватало многим в правящей элите Российской империи того времени.

Когда Совет министров начал бурно критиковать распоряжения Ставки, Горемыкин настойчиво отговаривал коллег от докладов по этому поводу государю. Он объяснял это тем, что в Царском Селе и без того назревает недовольство великим князем. Когда же Поливанов огласил служебную тайну, доверенную ему лично государем, выяснились истинные мотивы сдержанности Горемыкина. Он давно знал о намерении государя лично возглавить армию и о том, что оно непоколебимо. Он считал бесполезными любые попытки отговаривать Николая II и был прав. Открытое же выступление министров против действий Ставки могло заставить царя поторопиться с исполнением принятого решения. Между тем этот шаг следовало отложить до того момента, когда в положении на фронте наметится облегчение, чтобы на царя не лег одиум неудач.

В сложившейся же ситуации Горемыкин считал единственно правильным поведением исполнение служебного долга: «Хотя бы царь и ошибался, но покидать его в грозную минуту, усугублять тяжелое положение престола я не могу... Не могу требовать увольнения в минуту, когда все должны сплотиться вокруг престола и защищать государя от грозящей опасности... В переживаемое нами время требование отставки и неподчинение воле царя я считаю актом непатриотичным»[98]. Роковой для имперской элиты начала XX века стала нехватка в ней таких людей, как Горемыкин, руководствовавшихся простым и ясным сознанием своего долга!

[98] Архив русской революции. Т. 18. С. 95.

В ближайшие дни «стало очевидно, что решение государя принять на себя верховное главнокомандование, решение, которому они [министры] так упорно, можно сказать — истерически, противились, было принято армией и страной с надеждой и симпатией»[99]. Но цитированный историк не совсем был прав, когда писал о непонятных мотивах этого противодействия. На самом деле все тут довольно ясно.

Большинство доводов против принятия царем на себя верховного командования было придумано задним числом (см. выше). А в то время, в августе 1915 г., как свидетельствуют документы, главным аргументом министров была якобы высокая популярность великого князя в армии и народе. В подтверждение этому мнению они приводили принимавшиеся тогда резолюции либеральных общественных организаций в поддержку великого князя. В отличие от них, Горемыкин не придавал большого значения этой шумихе, считая, что имя Николая Николаевича просто используется оппозицией для нападок на государя. В этом он тоже был прозорливее коллег.

Однако теперь есть все основания предполагать, что и общественная кампания в поддержку Николая Николаевича, и министерская демонстрация были явлениями одного порядка. Они клонились к воздействию на верховную власть в одном направлении: создания правительства из числа лиц, угодных оппозиции.

Во время Великого отступления на сессии Государственной Думы стал фигурировать список так называемого «министерства доверия». 13 августа 1915 г. в газете «Утро России», принадлежавшей мультимиллионеру П.П. Рябушинскому, появился перечень лиц, из которых планировалось создать «кабинет обороны». Из поименованных в нем министров трое входили в действующий Совет министров: знакомые нам Кривошеин и Поливанов и министр просвещения П.Н. Игнатьев. Однако оппозиция в тот момент готова была примириться и на сохранении в составе правительства некоторых других лиц, в частности Сазонова. Со своей стороны, либерально настроенные ми-

---

[99] *Катков Г.М.* Ук. соч. С. 163.

нистры считали, что соглашению власти с «общественностью» препятствует наличие в правительстве таких деятелей, как Горемыкин. Такое соглашение представлялось им необходимым для устойчивости власти. Своим ультиматумом от 21 августа министры ставили царя перед выбором: дать отставку им всем или одному лишь старому премьеру.

В свете всех последовавших событий 1915—1917 гг. очевидно, что однородное «правительство доверия» из деятелей бюрократии, настроенных на соглашение с буржуазной оппозицией, стало бы лишь ступенькой к формированию кабинета из представителей этой самой оппозиции. А правительство либеральной оппозиции не смогло бы удержать власть, уступив ее в конечном итоге более левым элементам. Несомненно, Николай II отчетливо видел эту перспективу. Он парализовал попытку устроить министерский кризис.

«Натиск на власть» продолжался. 22 августа был образован Прогрессивный блок, объединивший большинство депутатов Думы. Вскоре по инициативе части министров состоялось их совещание с лидерами блока. В ответ на все эти «парламентские» демарши царь указом от 3 сентября распустил Думу на каникулы.

Неудача открытого наступления оппозиции означала перенос борьбы на нелегальный уровень. Впрочем, она и раньше велась без разбора средств. Есть все основания считать, что летом 1915 г. «недостаток и перебои в военном снабжении» возникли «не потому, что страна исчерпала ресурсы», а были созданы «в определенной степени умышленно соперниками царизма в правящих кругах»[100].

С конца 1915 г. стали разрабатываться планы насильственного устранения Николая II. Весной 1916 г. на совещании масонской организации был намечен новый состав будущего правительства, уже без царских сановников. Он почти пофамильно соответствовал реальному Временному правительству, возникшему год спустя. В прессе разворачивалась мощная пропагандистская кампания посредством дискредитации близких

[100] *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 150.

к царю лиц и муссирования слухов о пресловутом Распутине. На эту пропаганду велись многие монархисты.

Со своей стороны, самодержавие переоценило значение своей победы в 1915 г. и несколько утратило чувство реальности. В январе 1916 г. Николай II назначил новым председателем Совета министров Б.В. Штюрмера. Назначение премьером, во время войны с Германией, человека с немецкой фамилией было, безусловно, большой психологической ошибкой. С тем фактом, что Штюрмер происходил из давно уже обрусевших немцев, были знакомы немногие. В течение 1916 г. на Штюрмера были последовательно возложены также обязанности министра внутренних дел и министра иностранных дел. Пошли толки о том, что Штюрмер — претендент в диктаторы. Это тоже было использовано оппозицией в своей пропаганде и в разжигании истерии об «измене», якобы готовящейся на самом верху власти.

В ноябре 1916 г. царь счел за благо отправить Штюрмера в отставку. До Февральской революции на посту председателя Совета министров перебывали еще два человека — А.Ф. Трепов и Н.Д. Голицын. В условиях бескомпромиссной политической борьбы, памятуя о министерской демонстрации 1915 г., Николай II был вынужден подбирать сотрудников уже не столько по деловым качествам, сколько по принципу личной преданности монарху. «Люди энергичные и талантливые могли оказаться не на месте, могли принести вред, если бы оказались ненадежными»[101].

Между тем оппозиция, закусив удила, рвалась к власти. Ее, как показали неудачные попытки Трепова и нового министра внутренних дел А.Д. Протопопова (из думских же кругов) войти с нею в контакт, не устраивали частичные уступки. Вместо «правительства доверия» она желала уже кабинета, ответственного перед Думой, то есть всей полноты исполнительной власти и коренного изменения государственного строя по ходу войны.

Кризис мог разрешиться только решительной победой одной из сторон. На стороне самодержавия в верхних слоях

---

[101] *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 2. С. 226.

российского общества к началу 1917 г. уже почти никого не осталось. У буржуазии все оказалось, что называется, «схвачено». Бороться с ней роспуском Думы было бесполезно, так как, помимо Думы, у нее оставалось множество других организаций — легальных и нелегальных. Недовольство широких слоев общества тяготами войны оппозиция умело направляла против существующей власти, не вполне отдавая себе отчет в том, что когда она сама станет у власти, это же недовольство обратится против нее самой. Вырыв яму самодержавию, либеральная оппозиция потом сама же в нее свалилась.

Упущенный шанс на спасительный мир?

Среди действий, которые могли изменить роковой для самодержавия ход событий перед Февральским переворотом, историки давно рассматривают возможность заключения Николаем II мира с Германией. «Сепаратного мира», подчеркивают некоторые, пытаясь показать этим, что последний русский царь никогда не пошел бы на такой шаг по этическим соображениям.

Если уж говорить об этике, то высшим нравственным законом для русского самодержца неизменно служило благо России (в его понимании). Николай II всегда был готов дать ответ перед Богом за свое царствование. И если бы перед ним встала такая дилемма — продолжать войну, рискуя погубить Россию, или же нарушить слово, данное союзникам, если этим он мог спасти Россию — вряд ли даже его недруги могут сомневаться в том, что он выбрал бы спасение России. Но в том-то и дело, что такая дилемма ни разу реально не стояла перед Николаем II.

Слух о том, что «темные силы» в окружении царя готовят «измену делу союзников», был пущен в ход оппозицией перед свержением самодержавия. Нашумевшую речь на эту тему произнес в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. Милюков. Намеки основывались лишь на предположениях, и сам оратор позднее признавался, что он сказал больше, чем знал. Позднейшие исследования историков показали, что со стороны германского кайзера имели место попытки зондировать почву для

заключения мира с Россией. Но нет никаких признаков того, что царь удостоил их каким-либо ответом. Было ли это с его стороны ошибкой?

29 ноября (12 декабря) 1916 г., выступая в германском рейхстаге, канцлер Т. Бетман-Гольвег открыто заявил о готовности Германии заключить перемирие со своими врагами и начать переговоры о всеобщем мире. Однако это заявление не заключало в себе никаких конкретных предложений. В обстановке, когда германская армия находилась на земле своих противников, именно она могла бы диктовать условия мира. Неудивительно поэтому, что западные союзники России отказались обсуждать предложение германского канцлера. К ним присоединился и Николай II.

В своем приказе по армии и флоту от 12 (25) декабря 1916 г. Николай II, среди прочего, говорил: «Враг еще не изгнан из захваченных им областей. Достижение Россией созданных войной задач, обладание Царьградом и проливами, равно как создание свободной Польши из всех ее ныне разрозненных областей — еще не обеспечено. Заключить ныне мир — значило бы не использовать плодов несказанных трудов ваших, геройские войска русские и флот. Труды эти, а тем более, священная память погибших на полях сражений доблестных сынов России, не допускают и мысли о мире до окончательной победы над врагом, дерзнувшим мыслить, что если от него зависело начать войну, то от него же зависит в любое время ее окончить».

25 декабря 1916 (7 января 1917) г. Николай II официально отказался выдвинуть российские условия мирного соглашения в ответ на предложение о посредничестве президента США В. Вильсона. Ранее аналогичный отказ заявили правительства Англии и Франции.

В царском приказе и ответе на мирные предложения представлен твердый и ясный взгляд на идущую войну именно как на войну Отечественную. Всякое замирение невозможно, пока вторгнувшийся враг стоит на Русской земле — этот принцип прост и понятен каждому. Однако произошедшие вскоре события, возможность которых давно предвидел государь, не по-

зволяют ограничиться этим объяснением. Необходимо более подробно ответить на вопрос: действительно ли Николай II не использовал представившийся ему шанс закончить войну почетным миром и сохранить свою власть?

Еще летом 1916 г. русская парламентская делегация посетила с дружественным визитом союзные страны — Италию, Францию, Англию. Ее глава — товарищ (заместитель) председателя Государственной Думы октябрист А.Д. Протопопов — на обратном пути заехал в Стокгольм, где в частном порядке встретился с советником германского посольства банкиром Вартбургом. Через некоторое время по возвращении, в октябре 1916 г., Протопопов был назначен исполняющим обязанности министра внутренних дел. Оппозиция устроила бурную обструкцию Протопопову, припомнив ему, среди прочего, и ту встречу в Стокгольме. Действительно ли Протопопов привез оттуда Николаю II мирные предложения германского кайзера?

Новейшие исследования показали, что косвенные каналы связи между русским и германским императорами все же существовали[102]. А какой же разумный политик не будет держать для себя подстраховочного варианта?! Наличие таких каналов и таких контактов лишний раз доказывает политическую деловитость Николая II. Но те же исследования наглядно выявили отсутствие каких бы то ни было встречных движений к заключению мира со стороны государя. Инициативу же в этом деле всякий раз проявлял Вильгельм II.

Вот какими на самом деле были (и не могли быть иными) мотивы государя в этих обстоятельствах. Нет сомнения, что позиции России в конце 1916 — начале 1917 гг. были достаточно сильными, чтобы добиться не просто сносных, но и выгодных мирных условий. Политический аналитик Владимир Ульянов, писавший под псевдонимом Николай Ленин, в это время даже рассматривал теоретически возможные внешнеполитические расклады такого мира: приобретение Россией Галиции, части Румынии, турецкой Армении за счет отказа от Польши и от

[102] *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 232—233.

притязаний на Проливы... Однако тут же признавал невозможность этого по причинам внутренней политики[103].

Царь знал, что во всей огромной России только кучка оппозиционных политиков да послы союзных стран были бы недовольны заключением мира. Страна бы лишь вздохнула свободно и благословила бы царя. Это, действительно, могло на время отодвинуть опасность, нависшую над престолом.

Но надолго ли? Когда с неизбежностью прошел бы этот краткий миг облегчения, страна начала бы подсчитывать потери. Ради чего погибли два миллиона русских людей? Демобилизуемая армия после проигранной войны уже показала в 1905 г., на что она способна. Тогда во многих городах Сибири возникли «республики», управляемые рабоче-солдатскими Советами. Да и по возвращении домой эти солдаты стали бы весьма беспокойным элементом, начали бы требовать земли, свободы... Великая война взбудоражила, подняла вверх пласты народной энергии. Требовалась немалая сила, чтобы привести их в равновесие. Без ясной, окончательной победы над врагом на это нельзя было рассчитывать. Если в 1914 г. самодержавие с легкостью приняло военный вызов, чтобы избежать близкой революции, то теперь, в случае сепаратного мира без победителей и побежденных, оно возвращалось бы даже не к исходной точке, а в еще худшую, чем до войны, позицию, с точки зрения внутренней политики.

Неблагоприятными были бы и внешнеполитические последствия. России пришлось бы выдержать конфронтацию с бывшими союзниками. Ценой за нее стало бы сближение с Германией. Но кредит международного доверия России, преступившей прежние обязательства, уже не мог стоять высоко. А большая часть золотого запаса России, отправленная в Англию и США как залог за поставки оружия, была бы конфискована этими странами.

Самый главный вопрос здесь был чисто технический. Каким образом в тот момент — начало 1917 г. — Российская империя могла вступить в переговоры о мире, не порывая сразу откры-

---

[103] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 30. С. 341—342.

то с союзниками? И смогла бы она потом продолжать войну, если бы эти переговоры пришлось прервать из-за непомерных требований Германии, что было весьма вероятно? Можно ли было заставить русских солдат воевать, заронив в них поначалу надежду на мир? События после Февраля 1917 г. наглядно показали — нельзя. Николаю II это было заранее ясно и без практических экспериментов такого рода.

В общем, никакой реальной возможности у Николая II закончить войну компромиссным миром без ущерба для собственной власти в конце 1916 — начале 1917 гг. не было. Такая альтернатива просто не учитывает всей сложности создавшейся ситуации.

Что же касается Протопопова, то он зондировал почву для мира с Германией по заданию оппозиции, к которой тогда еще всецело принадлежал. Это доказывается тем фактом, что оппозиция не вспоминала публично про эту встречу несколько месяцев — до того момента, когда Протопопов принял предложение царя возглавить МВД. Конечно, оппозиция, на случай прихода к власти, готовила для себя запасной вариант в виде сепаратного мира (которым потом не воспользовалась также, как и царь, и, очевидно, по сходным причинам). Нет сомнения, что Протопопов полностью посвятил царя в курс дела, возвратившись в Россию. Едва ли мы ошибемся, предположив, что такое доверие к царю одного из признанных вождей оппозиции стало решающим мотивом его назначения в правительство.

Накануне крушения

В последние месяцы существования русской монархии можно выделить некоторые ключевые моменты, всякий раз заметно приближавшие ее к краю гибели.

Первый — выступление лидера партии кадетов П.Н. Милюкова в Государственной Думе 1 ноября 1916 г. Либералы позже назвали эту речь своего вождя «штурмовым сигналом революции». Это было явным преувеличением. Но значительную роль в дискредитации монархии она сыграла. Милюков умело (уж что-то, а в технологиях черного пиара, как мы бы сказа-

ли сейчас, российская буржуазия поднаторела!) инспирировал версию о том, будто сама царская чета готовит сепаратный мир с Германией. Фраза Милюкова, которой он неоднократно перемежал чтение цитат из статей иностранных газет о русской политике — «Что это: глупость или измена?» — стала в те дни крылатой. На этот вопрос со всех концов думского зала, а потом и со всех концов страны несся один убежденный ответ: «Измена!»

Задним числом многие монархисты упрекали Николая II в том, что он не арестовал Милюкова сразу после этой речи, не распустил Думу. Но ведь таким шагом государь скорее заставил бы поверить страну, уже изрядно сдвинутую с катушек, в правдивость обвинений, выдвинутых Милюковым! А разве роспуск Думы помог бы избежать революции? Ведь не Дума же ее совершила! Да, она использовала обстановку восстания для создания органа власти — Временного правительства. Но не будь Думы в февральские дни 1917 г. в Петрограде, ее вполне могли бы заменить Земгор или любой другой из многочисленных органов буржуазии, задолго до Февральского переворота создавшей готовую альтернативную конструкцию власти.

Проницательный политолог В.И. Ульянов (Ленин) совершенно верно указывал, что к началу 1917 года «этот новый класс "почти совсем" был уже у власти», предварительно захватив «в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т.д.»[104]. Под «т.д.» следует в первую очередь разуметь периодическую печать — единственный вид СМИ того времени. Итак, рассматривая возможную реакцию режима на подстрекательское выступление Милюкова, мы видим уже знакомую картину: как ни поступи, лучше не будет.

Эта безысходность еще отчетливее проступает после убийства Распутина 16 декабря 1916 г. Николай II воздержался от строгих наказаний убийцам, фактически не преследовал их, тем более что среди убийц были члены императорской фамилии. Это возымело только такой эффект: «Ага! Самодержавие

---

[104] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 18.

спасовало! Царь боится! Убили Распутина безнаказанно — можно добраться и до царя!». Но наказать убийц как следовало по закону — не стало бы это признанием правоты всех домыслов о влиянии «клики Распутина» на политику власти?

Обстановка, в которой оказалось самодержавие к началу 1917 г., напоминала шахматный цугцванг, когда любой ход приводит лишь к ухудшению позиции. В этих условиях единственно возможной стратегией для Николая II оставалось продолжение войны любой ценой для достижения победы. Только военная победа давала шанс переломить ситуацию и нанести удар по оппозиции и по революции. Никакие внутренние реформы, никакие внешнеполитические комбинации не устраняли опасности для династии. Стихийно сложившиеся обстоятельства непреодолимой силы фатально сужали пространство для политического маневра самодержавия. Выход мог быть только один. И все действия царя в начале 1917 г. были подчинены этой цели — добиться военной победы, а до этого момента — никаких перемен ни во внутреннем, ни во внешнем курсе.

Оставляем за пределами книги подробный разбор того, был ли расчет на это реален. Состояние материального снабжения русской армии в 1917 г. позволяло надеяться на крупный военный успех весной — летом этого года. Но мы не можем утверждать, что, продержись самодержавие еще несколько месяцев, победа России была бы обеспечена. Ведь германская армия в 1918 г. потерпела решающее поражение все-таки не от врагов на поле боя, а от революции в своем родном фатерлянде. И есть все основания считать, что революция в Германии не могла состояться без победы революции в России или состоялась бы позже, чем в действительности. Следовательно, России пришлось бы воевать и в 1918-м, и, возможно, также и в 1919 г. Был ли у самодержавия хоть маленький шанс дожить до этого срока?.. Разбор альтернатив такого рода увел бы нас слишком далеко.

Наверное, со стороны Николая II могла иметь место некоторая недооценка каких-то конкретных угроз. Успешная (до поры до времени) борьба с революцией и оппозицией была способна

притупить бдительность. Политический кризис, симптомы которого грозно обозначились в ноябре 1916 — январе 1917 гг., был для самодержавия всего лишь очередным кризисом. Он, по всей видимости, ничем существенно не отличался от кризисов января 1905, октября — декабря 1905, июля 1914, августа 1915 гг. А ведь все они были самодержавием успешно преодолены. Почему надо было как-то особенно опасаться нового надвигающегося кризиса?

Между тем даже одно перечисление критических моментов, пережитых самодержавием в начале XX века, снимает вопрос о том, почему 1917 год стал последним годом русской монархии. Удивляться следует, пожалуй, другому: как этот строй, несмотря на широко разлитую враждебность к нему в самых разных слоях населения России, сумел продержаться до этого времени?..

Два десятилетия российский трон колебался на лезвии бритвы. Удивительно не то, что он рухнул, а то, что он удерживался столь долго в состоянии весьма зыбкого равновесия. В этом велика заслуга последнего императора. Он, как мы видели, был способным государем, талантливым стратегом, твердым в своих решениях руководителем. В лице Николая II русская монархия достойно увенчала свою многовековую историю. Но даже такой человек был не в силах побороть объективные процессы, ведшие старый строй к гибели.

Февральско-мартовский переворот

В событиях восьми бурных дней (23 февраля — 2 марта) 1917 г., завершившихся крушением многовековой российской монархии, до сих пор много неясного. Настолько неясного, что историки обоснованно сомневаются в том, был ли манифест Николая II об отречении от престола собственноручно им подписан[105]. Впрочем, такое обстоятельство, интересное для любителей исторических детективов, ничего не меняет в факте революционной смены власти. Ведь и большевики, как свиде-

[105] См.: *Мультатули П.В.* Отречение, которого не было. М., 2010.

тельствует приведенное ранее высказывание Троцкого, никогда не сомневались в том, что последнюю точку в свержении царя поставила угроза физической расправы над ним со стороны его ближайшего окружения.

Выше мы писали, что главная вина за то, что война не была доведена до решительной победы России, падает не на полководцев, а на политиков. Однако это нельзя понимать в том смысле, что военная элита России не разделяет эту вину. Совсем напротив. Она виновна постольку, поскольку смыкалась с элитой политической, входила в нее. Многие полководцы Русской армии в годы Второй Отечественной войны охотнее занимались не прямым своим делом — защитой Родины от супостата, а закулисными политическими интригами. Согласно планам буржуазной оппозиции, смена власти должна была совершиться без большого шума, путем дворцового переворота (российская традиция на протяжении долгого времени, но к началу XX века изрядно подзабытая). Решающая роль в этом перевороте отводилась военным приближенным царя.

Вряд ли можно будет когда-нибудь точно доказать, что перебои с подвозом хлеба в Петроград, спровоцировавшие массовые беспорядки, были созданы искусственно. Но, учитывая общее политическое настроение тех, от кого этот подвоз зависел, это всегда будет выглядеть весьма и весьма правдоподобным.

Уезжая в очередной раз из столицы в Ставку вечером 22 февраля, Николай II мог волноваться не больше обычного. «Затишье перед бурей» длилось уже не один месяц. Начавшиеся на следующий день после его отъезда демонстрации с требованиями «Хлеба!» тоже не выглядели поначалу грозным симптомом. Петроград уже не раз бурлил с начала войны, последний раз — 14 февраля 1917 г. Поэтому, отправляя 25 февраля командующему Петроградским военным округом генерал-лейтенанту С.С. Хабалову повеление «завтра же прекратить беспорядки», царь, руководствуясь имеющейся у него информацией, мог обоснованно надеяться, что оно будет выполнено.

До 27 февраля было неясно, кто возьмет верх в уличных столкновениях в столице, и многим революционерам казалось,

что восстание потерпело крах и правительство победило[106]. Положение стало меняться с началом массового неповиновения воинских частей приказам командования округом. Этот процесс часто неправильно называют «переходом солдат на сторону революции». На самом деле, большинство воинских частей оставались нейтральными по почину своих непосредственных командиров, просто отказавшихся выполнять приказы Хабалова выводить своих подчиненных на улицы для противодействия демонстрантам. В этом можно увидеть если не следствие разветвленного армейского заговора, то по крайней мере проявление офицерской оппозиции режиму. Воинских частей, напрямую присоединявшихся к манифестантам, было меньшинство.

Расчет Николая II в этой давно предвиденной ситуации делался на вызов верных войск с фронта. Этот план начал осуществляться с 27 февраля. Но на его пути встал... начальник царского штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев. Давно показана его роковая роль в дезинформации командующих фронтами относительно происходящих событий и в фактическом саботаже царского распоряжения[107], даже если он был не инициатором, а лишь исполнителем (как иногда уверяют) чьих-то советов по распространению неточных сведений и замалчиванию царских приказов.

Поезд, на котором Николай II кружным путем (чтобы не задерживать движение эшелонов с фронта, как позже выяснилось — несуществующих) направлялся из Могилева в Царское Село, чтобы возглавить прибывающие войска, 28 февраля в Малой Вишере был остановлен. Царю сообщили, что в Тосно дорога перекрыта некими «революционными войсками». Известие оказалось совершенно ложным, и нет сомнения, что оно было искусственно инспирировано. Государь отправился в Псков к командующему Северным фронтом генералу от ин-

---

[106] *Троцкий Л.Д.* Ук. соч. Т. 1. С. 133.

[107] *Ольденбург С.С.* Ук. соч. Т. 2. С. 244; см. также: *Мультатули П.В.* «Господь да благословит решение мое...» Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. СПб., 2002.

фантерии Н.В. Рузскому по его приглашению, чтобы сделать Псков штабом по подавлению мятежа. Это приглашение оказалось западней.

Между тем вожди Февраля в своих мемуарах не могли скрыть своего страха в те дни перед вступлением с часу на час в столицу верных государю войск с фронта[108]. Когда опасность миновала и царь был надежно изолирован в штабе у Рузского, туда для принятия «безоговорочной капитуляции» выехал главный вдохновитель антидинастических заговоров А.И. Гучков. Для вящей убедительности, вождь оппозиции взял с собой В.В. Шульгина, известного своими монархическими взглядами. Лично честный, но недалекий Шульгин был уверен, что порядок в России может быть спасен только немедленным отречением царя. Теперь ему предстояло убедить в этом Николая II. Одному Гучкову царь не поверил бы ни за что.

Парализовав любые политические действия царя, сознательно его дезинформируя, военная хунта во главе со штатским Гучковым вынудила у Николая II согласие на отречение. Таким образом, заговор политиканствующих генералов стал одним из важнейших звеньев в механизме устранения монархии.

«Кругом измена, трусость и обман», — написал государь в своем дневнике 2 марта 1917 г., и эти полные горечи и скрытого драматизма слова давно стали хрестоматийными. В роковые дни Февраля по существу вся российская элита изменила своему вождю, стремясь к власти (как Гучков) или уверовав (как Шульгин и, возможно, Алексеев) в то, что без царя они лучше справятся с управлением Россией. «Сдав» государя, они надеялись, что смогут избежать развития революции (многие и в эмиграции продолжали уверять, что не смогли этого лишь потому, что не избавились от царя раньше!). Ошибочность этого расчета была ясна здравомыслящим людям (как П.Н. Дурново) задолго до его практического испытания. Неадекватность российской элиты задачам России и интересам народа вряд ли способствовала благоразумию ее политических поступков.

---

[108] *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 43.

То, что Россия восприняла Февральский переворот без сопротивления, позволяет представить, как развивались бы события, если бы в те дни царю все-таки удалось подавить восстание в Петрограде и обезглавить оппозицию. Корни оппозиции в виде разветвленных организаций Земгора, Военно-промышленного комитета и т.д. остались бы нетронутыми. Точно таким же «выстрелом вхолостую» оказался бы и роспуск Государственной Думы до новых выборов, предстоявших осенью 1917 г., возможность чего рассматривалась царем в начале 1917 г. Бурное одобрение Февральскому перевороту на местах показывает, что все общественные организации находились под полным контролем буржуазной оппозиции. Царь не мог руководить армией без генералитета — на смену Алексееву, Рузскому и иже с ними пришли бы другие, настроенные не более лояльно к царю, чем они. При первой благоприятной возможности они бы повторили попытку отстранить царя от власти. Более того, условия для такой попытки были бы созданы самой оппозицией, обладавшей реальными рычагами влияния на экономическую и социальную ситуацию. Монархия продлила бы свое существование еще на несколько месяцев, но ее крушение, при отсутствии у нее опоры в элите, было неизбежным.

Завершая рассказ о Николае II, необходимо поставить точку в давнем споре. Кем же был последний русский царь? Роковым для России правителем, своей неумной и неумелой политикой подтолкнувшим страну к краю пропасти? Или одним из тех немногих людей, кто был в состоянии повести Россию к прекрасному будущему, но натолкнулся на непонимание и противодействие слишком многих? Николай II ли не отвечал передовым запросам общества? Или, напротив, он оказался слишком хорошим правителем для этого упадочного общества?

Для того, кто считает русскую революцию XX века закономерным результатом объективных процессов, такой дилеммы существовать не может. Эти вопросы о положительной или отрицательной роли Николая II оказываются начисто лишенными содержания и смысла. Было бы нелепо искать в мотивах действий последнего императора реализацию классовых инте-

ресов русских рабочих и крестьян! Между тем историческая практика показала — будущее именно за этими классами. Следовательно, Николай II боролся не просто против тех или иных политических врагов — он боролся против объективного хода исторического развития. Но он боролся не как частное лицо, а как государственный вождь элитных классов. Поэтому только с позиции интересов этих классов имеет смысл оценивать политику Николая II в категориях «хорошо» или «плохо».

Проведенный нами анализ, как считаем, убедительно показывает, что политическая линия Николая II, невзирая на отдельные частные ошибки, отвечала интересам российской элиты настолько, насколько это вообще было в тот момент достижимо на практике. Не царь был плох для элиты, а элита была плоха для России. Но элитные круги, конечно, не могли признать свою ненужность, историческую исчерпанность для страны. Поэтому они неминуемо должны были прийти к мнению, что в этом их положении «лишних людей» виноват... сам институт самодержавия! Отчасти они были правы. Ведь именно и только самодержавие два столетия перед тем создавало, пестовало и насаждало эту европеизированную элиту. Она и приложила все свои старания для его ликвидации, не желая замечать, что тем самым уничтожает свой единственный питавший ее исток. Так свинья, наевшись желудей, подрывает корни дуба...

Глава третья

КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Главный парадокс Февраля

Если бы военные действия происходили всегда между противниками, различающимися только по своей численности, по количеству и качеству вооружения, по выучке бойцов и командиров, по опытности полководцев, их ход и результат представлял бы собой лишь механическую равнодействующую этих сил, поддающихся количественному подсчету. Однако, как учил Наполеон Бонапарт, в войне значение морального фактора втрое выше материального. Самое главное, что этот моральный фактор уже не может быть измерен в абсолютных величинах.

Политика находится с моральным состоянием нации в самой тесной взаимосвязи. В новейшее время армии перестали быть теми профессиональными корпорациями, какими они были еще в эпоху наполеоновских войн. Армии тотальных войн XX века стали по сути вооруженными нациями. Политика превратилась в важнейший фактор морального состояния собственной армии и в средство психологической войны с врагом.

Казалось бы, в Отечественной войне все должно быть ясно. Враг, вторгнувшийся на нашу территорию, должен быть разгромлен и выброшен с нее. Осознание этой цели войны красной нитью проходит в умонастроениях и действиях всей русской нации как в 1812-м, так и в 1941—1945 гг.

С этих позиций характер войны, начавшейся в 1914 г., как войны Отечественной, может вызвать (и вызывает у некоторых) глубокое сомнение. В 1917 г. в России развернулось мощное политическое движение, требовавшее любой ценою покончить с войной. Причем разворачивалось оно главным образом именно в среде рядовых солдат и матросов. Стремление к миру во что бы то ни стало явилось политическим мейнстримом 1917 г. в России. Оно формировало настроения десятков миллионов русских людей, подвигало их на активные политические действия, среди которых важное место занимали насильственные (чтобы добиться внешнего мира, приходилось воевать внутри страны!).

Как объяснить главный парадокс Февральской революции 1917 г.? Народное недовольство старой монархией было во многом возбуждено слухами о том, будто она готовит сепаратный мир с немцами. Однако уже в дни восстания в Петрограде кое-где начинают мелькать лозунги «Долой войну!» И хотя после свержения самодержавия официальным лозунгом власти становится «Война до победного конца!», в народе, а особенно в армии, все шире распространяется и в конце концов делается непреодолимым стремление положить конец войне. И уже неважно, что станет с Россией потом...

Что это? Свидетельство, как считали буржуазные патриоты, темноты и полуживотного эгоизма народных масс, не отдававших себе отчета в национальном характере войны, вообще не поднимавшихся до осознания национальных задач? Или же подтверждение тезиса Ленина и большевиков о прозрении народа, понявшего наконец «империалистический», «захватнический» характер данной войны? Как видится это сейчас, ни то и ни другое.

Чтобы лучше понять ту чисто внешнюю метаморфозу, которая произошла с русским народом всего за несколько месяцев 1917 г., давайте попробуем ее представить на более близкой к нам по времени аналогии. Предположим, что в критический период Великой Отечественной войны, в 1941—1942 гг., в результате верхушечного переворота был бы свергнут Сталин.

В данном случае неважно, кто именно составил бы заговор. Допустим, что военная верхушка РККА во главе с Тухачевским сумела пережить 1937—1938 гг. Усыпила ли она бдительность Сталина своей мнимой лояльностью или как-то иначе — для результата нашего моделирования несущественно.

Нетрудно представить себе дальнейшее. Людям, свергнувшим вождя, надо как-то оправдать происшедший переворот и легитимировать свою власть. Как? Самое логичное средство — полностью дискредитировать предшествовавший режим. Сталин и его подручные обвиняются в неподготовленности армии к войне, в ошибочности внешней политики и в преступлениях перед собственным народом. Изо дня в день по радио и в официальной печати идет длинный перечень преступных деяний свергнутого режима Сталина. Все это — во время и без того тяжело протекающей войны.

При всем этом новые правители не отказываются от ее продолжения. Более того, они подчеркивают ее патриотический характер, по-прежнему призывают к Отечественной войне, но уже не «за Родину, за Сталина!», а, допустим, «за Родину и свободу!». Какой в этом случае могла быть развязка?

Достаточно простого здравого смысла, чтобы увидеть: все это могло обернуться только катастрофическим падением боеспособности армии. Вместо того, чтобы откликнуться на призыв продолжать Отечественную войну, армия вышла бы из повиновения узурпаторам. И если бы не повернула свои штыки против них, то как минимум стала бы оказывать на них давление с требованием заключить мир. А то и просто стала бы расходиться по домам. Последствия зависели бы уже только от оперативной обстановки, предшествовавшей перевороту...

А как иначе? И в том, и в другом случае рухнула власть, верность которой привычно воодушевляла народ на борьбу. Как бы в народе ни ругали представителей этой власти, ее верховное лицо всегда обладало ореолом священности и неприкосновенности. На него могли сетовать, выражать недовольство им (плохие министры окружили нашего вождя/царя, плохие советы ему дают и т.д.) или же рассказывать о нем анекдоты.

Но от этого до намерения его свергнуть — всегда дистанция огромного размера.

Мы наметили возможные последствия, если бы в ходе Великой Отечественной войны свергли Сталина. Но ведь власти большевиков было меньше четверти века... А царской власти — многие столетия! Такой катаклизм, как падение монархии, просто не мог не перевернуть все в сознании народа, в сознании миллионов рядовых русских солдат!

В Февральскую революцию восстал только Петроград. Остальная страна была поставлена перед переворотом как перед свершившимся фактом. Ей оставалось подавить или принять его. Но политическая активность народа за абсолютную монархию — вещь абсурдная. И не из-за несочувствия ей. А лишь потому, что этот тип власти держится на патриархальной опеке над народом. Следовательно, самостоятельную политическую активность народа он исключает. Для защиты царя есть полиция, жандармы, армия наконец. Выступать вперед них, хотя бы и с верноподданническими целями — в глазах монархиста признак нелояльности.

Если революционное движение развертывается постепенно, как в 1905 г., а власти оказываются бессильны ему противостоять, тогда навстречу ему также постепенно из толщи народа поднимается контрреволюционное движение (примером чему было черносотенство). Но если политический переворот совершается почти в одночасье, а монархические организации, как было в 1917 г., находятся в глубоком кризисе?.. Отсутствие структурированного монархического движения и дискредитация династии в печати и методом сплетен сделали в феврале — марте 1917 г. свое дело. Страна могла только принять совершившийся переворот. Но это не означало, что страна согласна с объяснением этого переворота, преподнесенным ей столичной прессой и политиками, ставшими у власти!

Еще раз повторю: для массы рядовых солдат, рабочих, крестьян между вполне естественным недовольством тем, как режим монархии управляет страной и ведет войну, и намерением эту монархию свергнуть — большая пропасть. Возможно, даже

питерские рабочие и солдаты гарнизона, активно участвовавшие в событиях, не сразу осознали, что́ именно они совершили. А придя в себя после пятидневного сражения с полицией и жандармами, поняли: власть взяли самые удачливые или самые нахрапистые, народу снова — шиш. Однако эти новые у власти уже не обладают такой силой, как старый режим. Значит, с ними вполне можно разговаривать языком ультиматумов и добиваться своего силой. Чем мы хуже тех, кто сумел в эти шальные дни встать у руля власти?

Освященная многовековой традицией привычная старая власть, повиновение которой наполняло смыслом жертвы на фронте, сгинула. Во имя кого или чего теперь проливать кровь? Во имя Отечества? А как быть, если испокон веков Отечество не мыслилось вне сочетания с царем? К Отечественной войне призывал царь. Раз царя нет — выходит, должен был измениться характер войны? Кто они, люди, составившие Временное правительство? Жертвовать собой за Отечество — значит, жертвовать собой ради них, тех, кто заняли место царя и говорят теперь о нем плохо? А сами-то они каковы? Что они дали народу?

Это были естественные сомнения простого солдата. Да для любого человека, какого бы уровня образования и культуры он ни был, понятие Отечества неотделимо от представления о власти во главе оного! Всегда и во все времена люди сообразуют верность Отечеству с верностью властям, им правящим. Власть должна уметь создать вокруг себя ореол, который побудит человека повиноваться ей за совесть. Особенно это необходимо во время войны, когда повиновение властям подразумевает собой жертвование собственной жизнью. В противном случае неизбежен обратный эффект: правители будут рассматриваться как недостойные, как позорящие Отечество, именем которого они прикрываются. И лояльность им будет расцениваться уже как не имеющая ничего общего с патриотизмом. Свержение же их станет интуитивно восприниматься как национальный долг.

Здесь нет никакого отвержения патриотического чувства. Просто патриотизм, как осознание принадлежности к едино-

му «мы», в этом случае будет носить характер противопоставления не только внешнему миру, но и той части своей нации, которая не вписывается в это ценностное «мы». Причем второе противопоставление в какой-то момент актуализируется как наиболее значимое. И для такой переоценки ценностей совершенно не нужно никакой пропаганды. Достаточно одной лишь политики властей, которая будет формировать общественное сознание «от противного». Указанный процесс и происходил в толще русского народа неравномерно, но неуклонно после Февраля 1917 г.

Поэтому между объективным характером войны, начавшейся в 1914 г., как Отечественной, и массовым стихийным движением русского народа за мир в 1917 г., нет коренного противоречия. Никуда не делось и патриотическое чувство масс. Просто в непривычных политических условиях оно оказалось в какой-то степени дезориентированным. А обострение социальных противоречий и отсутствие сдерживающих скреп в виде традиционной власти выдвинуло на первый план такую составляющую патриотического сознания, как чувство внутреннего врага. Выдвинуло настолько, что внешний враг стал представляться даже менее опасным, чем враг внутренний.

Ясно, что понять и принять описанное явление сложнее, чем скопом обвинить десятки миллионов русских рабочих и крестьян 1917 г. в «предательстве национальных интересов». Уже сама эта формулировка абсурдна: получается, что большинство нации предало свои собственные интересы?! Еще труднее для многих будет принять такой факт, что внешний враг раньше всего перестал представляться опасным тому меньшинству нации, которое в 1917 г. на каждом углу не переставая вещало про свой патриотизм и костерило на чем свет стоит большевиков как «предателей Отечества». Как мы явственно увидим из дальнейшего, этой части населения было свойственно восприятие большинства русского народа как врага, более страшного для России (ее России!), чем немцы.

Армия в шоке

«Войска были ошеломлены — трудно определить другим словом первое впечатление, которое произвело опубликование манифестов. Ни радости, ни горя. Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора. И только местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы»[109] — так описывает восприятие Февральской революции на фронте будущий вождь Белого движения, а тогда всего лишь командир 8-го армейского корпуса Антон Деникин. Примерно так же, по свидетельствам очевидцев, полки русской гвардии больше ста лет назад восприняли весть о смерти «от удара» государя Павла I…

Но не везде в вооруженных силах смена власти прошла так спокойно. Убийства «старорежимных» командиров, наиболее одиозных в глазах массы рядовых, начались в февральско-мартовские дни 1917 г. Так, в Кронштадте были убиты командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин и немало офицеров чинами пониже. «Группа матросов вела капитана 1-го ранга Степанова, за которым, кстати, “ничего плохого не числилось”, в тюрьму. “Куча разъяренных баб [работниц Кронштадтского порта. — *Я.Б.*], угорелых от крови и убийства”, с воплями “Бей его! Одним меньше будет! ” в минуту “растерзала совсем им незнакомого, не сделавшего им ни малейшего зла” офицера»[110]. Случаев такого рода, происходивших с самых первых дней Февральской революции, в литературе описано предостаточно, поэтому не будем на них долго останавливаться. Отметим лишь, что никакой специфически большевистской агитации в то время в войсках еще не было.

В февральско-мартовские дни 1917 г. сложились два крупных политических лагеря русской революции. В первый лагерь, главным органом которого было Временное правительство, объединялись те, кого тогда называли «цензовыми элемента-

[109] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 1. Крушение власти и армии. М., 1991 (репринт.). С. 130.

[110] Цит. по: *Булдаков В.П.* Красная смута. М., 1997. С. 55.

ми», а в просторечии «буржуями». Фактически единственной партией «цензовой общественности» в то время стали кадеты, после Февраля вобравшие в себя многие более правые группы. Второй лагерь, организованный в Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, стихийно возникших во время Февральской революции, включал в себя различные социалистические партии, перечисленные нами в предыдущей главе. Этот лагерь, ввиду его монопольного положения в большинстве возникших после Февраля классовых организаций трудящихся, часто называл себя «революционной демократией».

Наличие двух лагерей не противоречит тому, что мы выше писали о надпартийной масонской организации. В условиях, когда на арену политики вышли широкие народные массы, для соцпартий, позиционировавших себя защитниками народных интересов, было бы самоубийством совсем игнорировать чаяния трудящихся классов. Фактор совместной борьбы против самодержавия, сплачивавший либералов и радикалов, исчез, и противоречия между ними стали играть первостепенную роль. Впоследствии эти два лагеря снова сблизятся между собой, но уже на почве борьбы против большевиков. Большевики же первое время после Февраля составляли незначительную левую группу «революционной демократии».

1 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил «приказ № 1», который, как многие до сих пор считают, положил начало разложению армии. Приказ этот предписывал частям столичного гарнизона избирать солдатские комитеты для контроля над своими командирами; выдавать оружие только по распоряжению этих комитетов; устанавливал подчинение частей гарнизона Совету; отменял отдание чести вне строя и титулование офицеров «их благородиями» и т.п. Представляется более верной точка зрения тех историков, которые считают, что данный приказ вовсе не дал старт расшатыванию воинской субординации, а «лишь узаконил случившееся»[111]. 5 марта Петросовет выпустил «приказ №2», который «разъяснял» положения «приказа № 1» в том духе, что

[111] *Булдаков В.П.* Ук. соч. С. 58.

из него отнюдь не следует принцип выборности командиров. Дело в том, что многие части петроградского гарнизона под шумок революционных дней поспешили де-факто сместить неугодное начальство. Отсюда явствует, что стремление к коренному изменению армейских и флотских порядков присутствовало в солдатской и матросской среде помимо всякой агитации.

Будущий прославленный Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, бывший в то время унтер-офицером в запасном полку, дислоцировавшемся в Харьковской губернии, вспоминал, как происходила у них Февральская революция. По его рассказу выходит, что уже 27 февраля, когда еще был неясен исход восстания в самом Петрограде, в их полку уже устанавливались новые порядки. Данное свидетельство, конечно же, не заслуживает доверия в плане даты и некоторых эпизодов, но главное в нем вполне правдоподобно. Некие революционеры вышли к строю, зачитали приказ и предложили солдатам избрать комитет. Так происходило повсеместно в России в те дни. Верно то, что в подавляющем большинстве воинских частей новые порядки, отвергающие старую дисциплину, вводились приказом сверху. Но также верно и то, что масса рядовых оказалась в психологическом отношении вполне готова эти новые порядки встретить на «ура!».

Введение новых уставных порядков в вооруженных силах стало одним из главных полей, на которых развернулась политическая борьба двух лагерей первого этапа русской революции — либерального и «умеренно»-социалистического. Второму лагерю было важно утвердить свое влияние в солдатской и матросской среде, и сделать это он мог только уничтожением старой дисциплины и традиционной власти командиров. Необходимо было противопоставить последним массу рядовых, чтобы командиры охотнее приняли правительственных комиссаров, назначенных для политического контроля над армией и командным составом. Пока власть над воинскими частями находилась в руках «старорежимного» офицерства, «умеренные» социалисты оставались без таких важных инструментов политической борьбы, как армия и флот. Институт комиссаров

Временного правительства вкупе с выборными армейскими и флотскими комитетами должен был предоставить вооруженные силы в распоряжение «революционной демократии». Таков был внутриполитический замысел, перед которым отступали на второй план все соображения об обороноспособности Отечества. И снова подчеркнем, что все это происходило еще до того, как на арену борьбы за власть смогли решительно выступить большевики.

Результатом успешной борьбы «революционной демократии» за влияние на армию стало издание «Декларации прав солдата», повсеместное введение (по образцу петроградского гарнизона) выборных армейских и флотских комитетов и учреждение института правительственных комиссаров в войсках. Неприятие этих новшеств военным и морским министром первого состава Временного правительства — А.И. Гучковым — стало одной из причин его отставки, последовавшей 2 мая 1917 г. Эсер А.Ф. Керенский, ставший во втором — «коалиционном» (см. ниже) — составе Временного правительства военным и морским министром, приказом от 9 мая ввел в действие упомянутую Декларацию. «Но содержание ее, — признается П.Н. Милюков, — было введено в жизнь еще ранее, фактически»[112].

«Декларация прав солдата» провозглашала равенство всех военнослужащих армии и флота, независимо от звания, в гражданских и политических правах между собой и с остальными гражданами. Офицерам, солдатам и матросам разрешалось состоять в политических партиях и общественных организациях, вести пропаганду и агитацию. Декларация запрещала телесные и вообще вредные для здоровья и унизительные наказания, подчеркивала, что «взаимоотношения военнослужащих должны основываться при строгом соблюдении воинской дисциплины, на чувстве достоинства граждан свободной России, и на взаимном доверии, уважении и вежливости». В ней, кроме пункта, отменявшего обязательное отдание чести и вводившего «взаимное добровольное приветствие», трудно найти

[112] *Милюков П.Н.* Ук. соч. С. 73.

что-либо другое, серьезно разрушавшее дисциплину в войсках, если только не учитывать условий момента, в который Декларация появилась на свет.

Керенский учредил также посты правительственных комиссаров при каждой полевой армии, при каждом фронте, при штабе Ставки ВГК, а также на Балтийском и Черноморском военных флотах. Так в ходе войны начался либеральный эксперимент над российскими вооруженными силами.

Милюков впоследствии утверждал, что «первый месяц или полтора после революции армия оставалась здоровой»[113]. Здесь очевидно желание приписать все разложение армии исключительно пропаганде большевиков и не признавать наличия стихийных солдатских настроений, а также бессилия буржуазного крыла Временного правительства перед своими ближайшими врагами-союзниками из лагеря «умеренных» социалистов. Многое говорит о том, что Милюков задним числом выдавал желаемое за действительное.

Левый депутат 4-й Государственной Думы трудовик Н.О. Янушкевич, побывавший на фронте в первые недели революции, свидетельствовал на заседании Временного Комитета Думы 13 марта 1917 года: «Настроение не пессимистическое, дисциплина держится, но солдаты чего-то ждут». Это «что-то», по мнению депутата, заключалось лишь в желании новых порядков в армии.

Однако люди, по своему служебному положению глубже осведомленные в армейских делах, констатировали на совещании в Ставке 18 марта 1917 г.: «Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2—3 месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство. Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что армия в данное время пойдет вперед, очень трудно».

---

[113] *Милюков П.Н.* Ук. соч. С. 72.

Командиры различных частей Западного фронта доносили в конце марта — начале апреля 1917 г.: «Нравственная упругость войск сдала. Наступательные действия следует отложить до тех пор, когда острое положение уляжется (1—3 месяца)... Боеспособность войск не уменьшилась, но солдаты отлично сознают неравенство средств наших и противника, это действует угнетающе. Желание идти в бой есть, но есть и раздумье, что жертвы не принесут ожидаемой пользы... Наравне с высоким подъемом духа замечается упадок дисциплины и взаимное недоверие между офицерами и солдатами. Наступательные операции до восстановления полного спокойствия в полках невозможны... Дисциплина упала. Солдаты определенно высказывают взгляд, что мы можем только обороняться, а не наступать... Вообще, настроение загадочное, и трудно сказать, во что оно выльется». Многие отмечают низкое качество пополнений, их необученность и недисциплинированность.

Квинтэссенцией противоречивых впечатлений и неоправданно оптимистических надежд звучит в этом хоре донесение командующего 3-й армией генерала Л.В. Леша: «Настроение войск хорошее, отношения офицеров и солдат начинают налаживаться. Сознание вести войну до победы есть. Идеи противодисциплинарных течений расшатывают войска. Вредно отзывается печатание в газетах предполагаемых изменений в уставах. Престиж офицера сильно пал. Активные действия пока невозможны. При помощи организующихся комитетов удастся, вероятно, привести жизнь армии в нормальную колею и утвердить сознательную дисциплину». Напомним, что Ленин еще не вернулся в Россию в «пломбированном» вагоне.

К этому же периоду времени относятся первые случаи братания на фронте русских солдат с солдатами противника. Что характерно: большинство этих случаев вызывалось с немецкой стороны, а русские, как правило, успешно подавляли эти попытки, не останавливаясь перед стрельбой по своим товарищам. Так, на участке 12-й армии Северного фронта 14 марта «высунулся немец с белым флагом и начал что-то кричать, но после обстрела нашим огнем скрылся». 28 марта «на участке

2-го Сибирского корпуса, близ реки Кеккау, немцы вышли с белыми флагами, а на участке 21-го корпуса в Икскюльском предмостном укреплении подбросили прокламации, в которых приглашали солдатских депутатов войти с ними в непосредственное сношение, и пытались заговорить с нашими солдатами, но в обоих случаях были разогнаны нашим огнем». В 10-й армии Западного фронта 2 апреля «у д.Ушивцы (12 верст к северо-востоку от Сморгони, участок 29-й дивизии XX корпуса) немцы обменялись с нашими солдатами хлебом и колбасой, а на участке 16-го Мингрельского полка немцы успели вручить нашим двум солдатам прокламации. Все сходившиеся сейчас же разгонялись нашим артиллерийским огнем». 25 апреля в 12-й армии «на участке 21-го корпуса три наших солдата 129-го полка сели в лодку с тем, чтобы поехать в гости к немцам, но после уговоров и угроз своих товарищей вернулись обратно».

Правые депутаты Государственной Думы А.М. Масленников и П.М. Шмаков, в середине апреля 1917 г. посетившие ряд частей на Юго-Западном фронте, резюмировали в своем докладе: «Сравнивая дух армии в настоящее время и в первые дни после революции... приходится констатировать, что та пропаганда, которую вела Германия у нас в тылу через своих вольных и невольных провокаторов и шпионов, а также пропаганда на фронте, под видом перемирий и братаний, сделала свое губительное дело. Солдаты более не рвутся в бой, чтобы доказать, как русский гражданин защищает свою свободную Россию, а идут разговоры лишь об обороне, да и то с боязнью защитить мифические английские и французские капиталы».

Все приведенные свидетельства взяты из весьма авторитетного источника[114], подготовленного белоэмигрантским историком. И они говорят о том, что настроение армии мало изменилось на протяжении марта — апреля 1917 г. Просто свои настроения солдаты стали чаще воплощать в действиях. Мнениям Милюкова и цитированных правых депутатов Думы противоречат другие многочисленные факты. Конечно, Герма-

---

[114] *Головин Н.Н.* Ук. соч. С. 377—391.

ния неустанно вела пораженческую пропаганду среди русских солдат. Но что только не приписывали в той войне «проискам врага»! В «продажности немцам» кого только не обвиняли в те годы — и царя с царицей, и большевиков! Да и не слишком ли это унизительно и клеветнически по отношению к собственному народу — связывать его настроения исключительно с деятельностью вражеской пропаганды?!

Несомненно, что в первые дни после революции упадок духа и дисциплины в войсках еще не мог развиться в полной мере. Те процессы осмысления совершившихся событий и выработки новой линии социального поведения, о которых говорилось выше, в солдатской массе еще только начинались. Нужно было время, чтобы солдаты по-своему адаптировались к новой ситуации — без царя, без власти, внушающей привычный трепет. Пытаясь выдать эти сложные процессы лишь за результаты активности «немецких агентов», обанкротившиеся деятели Февраля просто расписывались в собственной профнепригодности как руководителей нации и армии.

Великий подлог

В дни Февральской революции большую роль в мобилизации масс на уличную борьбу играли, помимо лозунгов «Хлеба!» и «Долой самодержавие!», также лозунги «Мира!» и «Долой войну!» Правда, после победы революции эти лозунги временно исчезли, как бы подобно двум другим — за ненадобностью. Но жестоко ошибались те, кто думал, будто эти требования сгинули навсегда вместе со старым режимом. Нет, страна и армия просто выжидали конкретных заявлений новой власти по вопросу о целях войны.

То «что-то», чего, по верному наблюдению депутата Думы Янушкевича (см. выше), ждали солдаты на фронте, было ожидание ответа правительства на вопрос: когда же наступит мир? И в этом не было непонимания характера войны как Отечественной. Солдатам нужно было разобраться в обстановке. Раньше все было ясно и просто: воевали «за веру, царя и Отечество». Царя

не стало, значит, должно было измениться содержание всей исстари привычной формулы. За что же воевать теперь?

6 марта 1917 г. Временное правительство выступило с очередной декларацией о своих намерениях (их было много за восемь месяцев февральского режима, этих пустых широковещательных деклараций). Среди целей указывалось «доведение войны до победного конца». При этом Временное правительство торжественно обещало, что «будет свято хранить связывающие нас с другими державами союзы и неуклонно исполнит заключенные с союзниками соглашения». В те дни, в обстановке всеобщей эйфории, эти слова правительства прошли как бы незамеченными в народе. Спустя всего лишь полтора месяца аналогичное заявление одного из министров привело к первому серьезному политическому кризису февральского режима.

В декларации обращает на себя внимание то, что она почти ничего не говорила именно русскому народу о целях войны, зато клятвенно заверяла союзников России в том, что новая власть исполнит перед ними свой долг, вытекающий из обязательств, взятых на себя еще старым режимом. Вряд ли будет ложным впечатление, что данная декларация была рассчитана главным образом «на экспорт», а не на «внутреннее потребление». Милюков косвенно признает это, сообщая, что фраза о соблюдении Россией своих обязательств «союзникам... показалась тогда слишком сухой»[115]. Об отношении русского народа к этой декларации он ничего не говорит, видимо, считая этот фактор несущественным.

«Умеренные» социалисты тоже выступили со своей декларацией о целях России в войне. Петроградский Совет 14 марта выпустил воззвание «К народам всего мира!» В нем провозглашалась принятая большинством социалистов стран Антанты формула всеобщего мира «без аннексий и контрибуций», «на основе свободного самоопределения народов». С этой формулой мы встретимся еще не раз. В той политической обстановке «самоопределение народов» означало прежде всего расчленение Австро-Венгрии и Турции и пересмотр границ Германии.

---

[115] *Милюков П.Н.* Ук. соч. С. 56.

Но не только. Этот же лозунг использовался для оправдания сепаратизма российских окраин. Требование самоопределения народов, однако, не включало в себя освобождения британских и французских колоний. В устах политиков Антанты оно адресовалось лишь народам, считавшимся «созревшими» для такого самоопределения. А какие именно созрели — это представлялось на благоусмотрение тем, кто выдвигал и трактовал данный лозунг. По сути дела, он представлял собой оружие западных держав для ликвидации имперской государственности не только своих официальных противников, но и самой России.

Вместе с тем лозунг мира «без аннексий и контрибуций» находил опору в здравом политическом чувстве русского народа. Понятно, что если война — справедливая, Отечественная, то всякие захватные стремления в ней стоят не на первом месте. Кроме того, требование таких захватов и прочих материальных компенсаций подхлестнет сопротивление врага, вынудит его сражаться дольше, а следовательно, отдалит заключение мира.

Воззвание подразумевало, что без принуждения враг не склонится к миру. Это была позиция «революционного оборончества», ставшего официальной точкой зрения «умеренных» социалистов. Продолжение войны необходимо: «Русская революция не отступит перед штыками завоевателей и не позволит раздавить себя внешней военной силой».

Очень много места воззвание уделяло надеждам на революцию во вражеских странах. Обращаясь к их солдатам, Петросовет призывал: «Сбросьте с себя иго вашего самодержавного порядка, подобно тому, как русский народ стряхнул с себя царское самовластие; откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров — и дружными усилиями мы прекратим страшную бойню». В то же время воззвание обращало внимание социалистов вражеских стран на то, что им теперь больше не нужно «защищать культуру Европы от азиатского деспотизма».

Нетрудно увидеть, что в ответе на главный вопрос — о мотивации русского солдата к продолжению войны — обращение Петросовета не отличалось в выгодную сторону от декларации

Временного правительства. В самом деле, если единственный путь к миру лежит через революцию во вражеских странах, то зачем нужны военные усилия? Достаточно развернуть пропаганду, в том числе и методом братания на фронте. Ряд фраз воззвания мог посеять только тревогу и нигилизм в умах русских солдат. Получается, что прежде они олицетворяли для Европы «азиатский деспотизм». Этой фразой Петросовет полностью обесценивал и опошлял героические усилия Русской армии по защите Отечества в предшествующие годы войны. А слова обращения к солдатам противника порождали закономерное опасение: сами-то мы, русские солдаты, разве не служим таким же «орудием захвата и насилия» для «своих помещиков и банкиров»?

Итак, в первых же документах Февральской революции, говоривших о целях двух главных ее лагерей в войне, ценности защиты Отечества были затушеваны и девальвированы. Ни Временное правительство, ни Совет не смогли, да и не особенно старались объяснить русскому народу, за что теперь, после свержения царя, ему нужно и дальше проливать свою кровь. И неудивительно: для участников развертывавшейся политической игры куда важнее победы над внешним врагом было укрепление своего влияния внутри страны. Этим целям и служили означенные заявления. Закономерно, что спустя какое-то время солдаты просто перестали принимать всерьез слова обоих лагерей революции и стали поворачиваться к набиравшему силу третьему лагерю — большевикам.

Первый кризис Временного правительства

Временное правительство, не желая уступать «революционной демократии» инициативу внешнеполитических акций, 28 марта 1917 г. выступило со специальным «Заявлением о целях войны». Указывая на то, что «государство в опасности» и необходимо «напрячь все силы для его спасения», правительство объявляло, что «цель свободной России — ...утверждение прочного мира на основе самоопределения народов. Русский народ не добивается усиления внешней мощи своей за счет

других народов... Русский народ не допустит, чтобы Родина его вышла из великой борьбы униженной, подорванной в жизненных своих силах». В «Заявлении» содержался намек на создание независимой Польши в результате войны, а в конце вновь подчеркивалось, что Временное правительство будет действовать «при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников».

Союзная дипломатия была недовольна этими расплывчатыми формулировками. Нет, она была совсем не против добровольного отказа России от присоединения Константинополя. Но ей было нужно, чтобы Россия не выступала против стремления Англии и Франции разделить германские колонии и турецкие владения, против присоединения Эльзаса-Лотарингии к Франции и Южного Тироля к Италии. Антанте нужна была полная солидарность нового российского правительства с ее целями. И тогда, чтобы успокоить союзников, министр иностранных дел Милюков решил разъяснить им истинные намерения России в особой конфиденциальной ноте, которую послы России должны были вручить министрам иностранных дел союзных держав.

Эта нота была передана 18 апреля 1917 г. Она опровергала «вздорные слухи, будто Россия готова заключить сепаратный мир с срединными монархиями» и выражала уверенность Временного правительства в том, что «поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира и что проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

На первый взгляд, нота не добавляла ничего существенного к тому, что уже было ранее высказано Временным правительством по поводу войны. Тем не менее она спровоцировала первый кризис Временного правительства и послужила причиной отставки самого Милюкова.

Текст ноты появился 19 апреля в зарубежной печати, а уже оттуда 20 апреля попал в российские газеты и сразу же стал

поводом для массового выражения недовольства населения Петрограда. Во второй половине дня в северной столице начались демонстрации с требованиями отставки Милюкова. На следующий день демонстрации повторились в более крупных масштабах, причем помимо лозунга «Долой Милюкова!» впервые после революции появились лозунги «Долой Временное правительство!», «Вся власть Советам!» и «Долой войну!» Одновременно сторонники правительства пытались устроить альтернативные демонстрации. Местами вспыхивали столкновения между демонстрантами, кое-где с применением оружия. Милиция[116] и войска не вмешивались.

Командующий Петроградским военным округом генерал Лавр Корнилов предложил было правительству свои услуги для разгона демонстрантов. Но внезапно для себя обнаружил, что без согласия Совета и армейских комитетов не может заставить армию повиноваться. Вышел конфуз, следствием коего стало направление Корнилова на фронт — командовать 8-й армией.

Встревоженное Временное правительство выпустило 22 апреля сообщение в поддержку своего члена. В нем делалась попытка загладить неблагоприятное впечатление, которое нота Милюкова произвела на народ. В сообщении отмечалось, что нота «была предметом тщательного и продолжительного обсуждения Временного правительства, причем текст ее принят единогласно». Слова Милюкова о решительной победе над врагом разъяснялись в том смысле, что эта победа преследует цели, изложенные в правительственной декларации от 28 марта. Наконец, «санкции и гарантии» мира, о которых упомянул Милюков, трактовались здесь как «ограничение вооружений, международные трибуналы и проч.», а не как аннексии и контрибуции.

Чтобы не накалять страсти, коллеги убедили Милюкова подать в отставку, что он и сделал 26 апреля. Но 2 мая Петроградский Совет выступил с очередным воззванием, на этот

---

[116] После Февральской революции старая полиция была распущена и заменена выборной гражданской милицией.

раз — «К социалистам всех стран». Оно объявляло виновниками войны «империалистов всех стран», а «трудящихся всех стран» — ее жертвами. Русская революция, по мнению Петросовета, открыла новую страницу в этой войне — борьбу за заключение всеобщего демократического мира. «Это — первый этап революции международной, которая положит конец позору войны и вернет человечеству мир». Вместе с тем «революционная демократия России не хочет сепаратного мира, который развязал бы руки австро-германскому союзу».

Петросовет обращался к социалистам как союзных, так и враждебных стран. Первым он вменял в долг «заставить свои правительства заявить решительно и определенно, что платформа мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов есть и их платформа». Вторых он призывал «не допустить, чтобы войска ваших правительств стали палачами русской свободы». Для доведения до конца дела мира российская «революционная демократия» брала на себя инициативу созыва «международной конференции всех социалистических партий и фракций всех стран».

В этом документе налицо все иллюзии и противоречия «революционной демократии», надолго сбившие с толку большинство русского народа. Как видим, большевики не имели касательства к этому продукту словотворчества. Политическая дезориентация России произошла без их участия. Основная же разница между ними и «умеренными» социалистами была вот в чем. «Умеренные», широковещательно провозгласив ультрарадикальные лозунги и убедив в их искренности и выполнимости народные массы, на деле, оказываясь у руля власти, осуществляли политику, все меньше и меньше отличавшуюся от той, которую вела российская буржуазия. Большевики же просто доводили до логического завершения призывы «революционной демократии», в которые поверил народ.

Остроту весеннего политического кризиса удалось сгладить объявлением о преобразовании Временного правительства на основе коалиции либералов с социалистами. В новый состав

кабинета, обнародованный 6 мая, вошли десять буржуазных министров и шесть министров, представлявших партии эсеров, меньшевиков и энесов. Руководящим документом его внешней политики должна была стать выпущенная накануне декларация. В ней объявлялось, что «Временное правительство, отвергая, в полном согласии со всем народом, сепаратный мир, открыто ставит своей целью скорейшее заключение всеобщего мира… без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов». Декларация разъясняла, что «поражение России и ее союзников… отодвинуло бы или сделало невозможным заключение всеобщего мира на указанной выше основе». Поэтому «укрепление начал демократизации армии, организация и укрепление боевой силы ее как в оборонительных, так и в наступательных действиях, будет являться важнейшею задачею Временного правительства».

Возвращаясь к началу кризиса, ответим на вопрос: почему же петроградское население так резко отреагировало на ноту министра иностранных дел? Действительно ли это была первая «проба сил» большевиков в массовом выступлении после возвращения Ленина в Россию? Или к этому приложили руку «немецкие агенты» (если не считать таковыми самих большевиков)? На наш взгляд, нет оснований привлекать подобные причины для объяснения апрельского кризиса. Достаточно тех, которые содержались в самих обстоятельствах передачи и опубликования ноты Милюкова.

Нигде не говоря о преследовании Россией целей захвата чужих земель, Милюков в то же время не упоминал уже заученную рабочими и солдатами формулу «мира без аннексий и контрибуций». Эта формула, однако, отвечала массовому восприятию Отечественной войны как такой, главное в которой — отстоять свободу своей Родины. Он, русский рабочий, крестьянин и солдат, мог полагать, руководствуясь здравой житейской логикой, что русское правительство обязано предложить всем воюющим странам мир на условиях отказа от любых захватов. И если враг не примет этого предложения, публично не откажется от намерения присоединить русские земли, тогда и

только тогда борьба оправданна. Так почему правительству не решиться на такой шаг?

Очевидно, что в этой элементарной механике виртуальной внешней политики просто не находилось места таким сложным материям, как отношения России с союзниками по Антанте. Да и зачем? Разве Россия обязана согласовывать свои цели и интересы с кем-то, когда ведет свою Отечественную войну? «Да, обязана», — твердили народу новые правители России. «С какой стати?» — резонно возмущался народ.

Напомним, что нота не предназначалась для публикации в русской печати. Уже это должно было возбудить подозрения: значит, правительству есть что скрывать от своего народа. Ему оно говорит одно, а само ведет за спиной народа секретную дипломатию. С таким чувством «революционная демократия» должна была приступить к анализу ноты Милюкова, когда та появилась в прессе союзных держав. И теперь уже любой пассаж из этого документа можно было трактовать в желательном духе. Сам лакейский тон российского министра, торопившегося лишить союзников «малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе», давал обильную почву для этого.

Но самое главное заключалось в самом факте особого, скрытого от собственного народа, разъяснения главой российского МИД союзникам целей России в войне. Таким образом, апрельские демонстрации против Милюкова и Временного правительства нельзя рассматривать как «антипатриотические». Наоборот, это была вполне патриотическая реакция на факт добровольного унижения российского правительства перед западными державами. Но неудивительно, что сама война стала все больше восприниматься как ведущаяся Россией не столько ради себя, сколько ради интересов английских и французских капиталистов, и что именно последние мешают России заключить приемлемый мир с Германией. Это было пробивавшееся национальное понятие о том, что это — «наша война», что только сама Россия вправе решать, воевать ей дальше или же заключать мир.

Вряд ли можно было в тот момент придумать другой шаг, который бы сильнее «подставлял» Временное правительство под удары его оппонентов слева. Этой своей нотой Милюков преподнес своим коллегам по кабинету поистине медвежью услугу и объективно усилил позиции «революционной демократии», особенно ее левого крыла — большевиков. О том, что себя самого Милюков тем самым навсегда похоронил как публичного политика, и говорить нечего. В оправдание лидера кадетов, которого считали самым рациональным деятелем российских либералов того времени, можно сказать лишь то, что обстоятельства, как прежде Николаю II, не предоставили ему иного выхода. Испытывая непреодолимое давление с двух сторон — русской «революционной демократии» и западной дипломатии — он уступил той из них, которая ценностно была ему сродни.

Либералы ставят на гражданскую войну

Неужели Временное правительство недооценивало грозившую ему опасность? Почему оно не пыталось спасти себя перехватом у леворадикальных сил инициативы по заключению мира? Ответить на эти вопросы можно только рассматривая Временное правительство не как самостоятельный суверенный орган власти, а как инструмент служения классовым интересам, каким оно, впрочем, и было. Необходимо войти в положение не одной лишь политической элиты, но всего буржуазного класса России того времени. И даже не только одной России, учитывая тесную зависимость Временного правительства от западных союзников.

Впрочем, объяснить, почему Временное правительство неизменно отвергало идею заключения сепаратного мира, даже когда он остался единственным средством спасения власти, можно и без привлечения внешних причин. Для этого вполне достаточно было бы факторов внутренней политики.

В планы российских буржуазных лидеров накануне 1917 г. входила тихая смена власти путем дворцового переворота. Стихия народного бунта этим планам благоприятствовала лишь по-

столько, поскольку она помогала буржуазным лидерам встать у власти. Но с первых дней Февральской революции буржуазия должна была направить все силы на обуздание народной стихии и наведение порядка. Вряд ли Милюков сознательно лицемерил, когда в горячие дни Февраля говорил французскому послу: «Мы не хотели этой революции перед лицом неприятеля, я даже не предвидел ее: она произошла без нас, по вине, по преступной вине императорского режима»[117]. Действительно, такой революции, как она произошла в феврале 1917 г., российская буржуазия не желала.

Поэтому следовало ограничить влияние Советов и других «внепланово возникших» органов «революционной демократии» (а лучше полностью их ликвидировать), установить вместо революционного двоевластия правительственное единовластие. Между тем реальная обстановка после Февраля этим замыслам не отвечала. Более того, массы становились все радикальнее. Складывалась ситуация, чреватая для буржуазии потерей не только политической власти, но и имущественных привилегий.

Официальная политическая программа Временного правительства была нацелена на достижение общенационального консенсуса на платформе созыва Учредительного собрания. Если бы российская буржуазия на самом деле разделяла эту программу, то образ действий самого Временного правительства должен был быть совершенно иным, чем мы это видим в 1917 г. Ему следовало как можно раньше созвать Учредительное собрание, чтобы выбить почву из-под ног леворадикальных требований о передаче власти Советам. Очевидно, что свергнуть полновластное Учредительное собрание большевикам было бы значительно труднее, чем свергнуть Временное правительство. И вряд ли буржуазные лидеры недооценивали шансы большевиков на захват власти. Наоборот, многие из них считали выступление большевиков весьма желательным, так как оно дало бы законный повод раздавить леворадикальный авангард без юридических церемоний. Дело, очевидно, не

[117]*Палеолог М.* Ук. соч. С. 367.

только в недооценке угрозы большевизма, а еще и в том, что переход власти к Учредительному собранию в 1917 г. не представлял собой приемлемого для российской буржуазии исхода революции.

Простой расчет народных симпатий в 1917 г. показывал, что большинство в Учредительном собрании обеспечено за партией эсеров. Для российской буржуазии и эта партия была слишком леворадикальной, особенно если речь шла не об отдельных ее вождях, а о рядовой партийной массе. Эсеры в Учредительном собрании вполне были в состоянии поставить вопрос о социализации земли. В этом они были бы всецело поддержаны большевиками, будь те к моменту созыва Учредительного собрания не партией власти, а оппозицией. Буржуазия в лице партии кадетов могла рассчитывать лишь на слабое меньшинство в Учредительном собрании.

Поэтому переход власти к такому Учредительному собранию никоим образом не отвечал планам буржуазии. Поэтому-то она всячески стремилась отсрочить его созыв, если не удастся совсем его не допустить. В первых декларациях Временного правительства говорилось лишь о грядущих выборах в Учредительное собрание на основе всеобщего и равного для мужчин и женщин избирательного права. Но ничего не упоминалось о сроках этих выборов. Во время очередного кризиса власти в июне 1917 г. Временное правительство пообещало провести выборы 17 сентября. Однако уже в августе, когда положение правительства представлялось прочным, выборы были отложены до ноября. Слова нефтяного магната С.Г. Лианозова о том, что «если Учредительное собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его можно будет разогнать силой оружия»[118], были выражением настроений достаточно широких торгово-промышленных и финансовых кругов.

Если полагать, что российская буржуазия старалась довести революцию до «конституционного» завершения на Учредительном собрании, многое в ее действиях между Февралем

[118] *Рид Дж.* 10 дней, которые потрясли мир (пер. с англ.). М., 1958. С. 31.

и Октябрем 1917 г. выглядит нелогичным. Если же принять, что в ее планы как раз входило не допустить демократического выявления воли народа, все встает на свое место. Доказательством, хоть и задним числом, намерений буржуазии в 1917 г. служат ее действия в 1918 г.. 18 ноября 1918 г.[119] в Омске и Уфе белогвардейские отряды самочинно разогнали законно избранное годом ранее Учредительное собрание и созданные им органы власти, арестовали многих социалистов — министров и депутатов. Была установлена военная диктатура А.В. Колчака. Месяц спустя девятеро из арестованных были убиты без суда и следствия своими тюремщиками.

Таким образом, реальная политическая стратегия российской буржуазии в 1917 г. предусматривала создание в стране обстановки, оправдывающей введение военной диктатуры. «На смену царизму шла диктатура крупного капитала в ее наиболее жесткой форме — то, что по нынешней терминологии именуется тоталитаризмом, а тогда называлось просто военной диктатурой»[120]. Ибо только таким путем буржуазия могла обезопасить свое господствующее положение. Средний путь — установление по форме буржуазно-демократической республики — для этого не годился, ибо, при имевшихся тогда народных настроениях, не гарантировал от принятия «органом народной воли» законов, направленных на экспроприацию класса собственников.

Приняв во внимание этот основной фактор, становится понятнее «непрактичное» на первый взгляд отношение Временного правительства к вопросу о войне и мире. Конкретные предложения мира Временным правительством, будь они сделаны, во многом выбили бы почву из-под ног леворадикальной пропаганды. Но их так и не последовало.

Отчего же? Да, шаги к миру дали бы возможность буржуазному правительству упрочить свое влияние на народ. Но было

---

[119] Все даты, начиная с 14 февраля 1918 года, даются по новому стилю.

[120] *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 280.

ясно, что это могло стать только паллиативной мерой. Через некоторое время после окончания войны и демобилизации армии, когда солдаты вернулись бы по домам, с еще большей остротой встал бы вопрос социальных реформ. От него было не отвертеться. И здесь снова возникала дилемма: удовлетворять народ или подавлять его диктаторским сапогом? В социальных реформах буржуазия не без оснований видела только разжигание еще бо́льших аппетитов у низов. Следовательно, по-любому оставался только путь военной диктатуры. Но в мирное время ввести ее было труднее, чем во время войны! Стало быть, продолжение войны было жизненно необходимо правящему классу в первую очередь для оправдания диктатуры нуждами национальной обороны!

Буржуазные партии не имели в народе опоры, и это побуждало их, ка̊к прежде самодержавие, искать поддержки вовне — в займах и дипломатии (а в годы Гражданской войны — и в штыках) Антанты. А данное обстоятельство также диктовало ведение войны до «победного конца в тесном единении с доблестными союзниками». На практике это означало — принести все, вплоть до государственного суверенитета и жизни нации, в жертву сохранению интернационального классового союза российских и западных капиталистов.

Потому политика Временного правительства на деле направлялась отнюдь не в сторону социального компромисса, а в противоположную — в сторону разжигания недовольства масс нежеланием властей проводить реформы. Тем самым создавалась обстановка, благоприятствующая возникновению Гражданской войны, что было на руку буржуазии. Ибо только в обстановке открытой Гражданской войны она могла осуществлять свою реальную (а не фиктивную) программу военной диктатуры и свое неприкрытое классовое господство. Гражданская война, неизбежность которой в России в обстановке мировой войны такие два разных человека, как Дурново и Ленин, предсказали еще в 1914 г., становилась фактом, помимо всякой большевистской пропаганды, исключительно благодаря социальному эгоизму имущих классов.

Военная стратегия Временного правительства в таких условиях также определялась в первую очередь соображениями внутренней политики. Мы видели, что уже в первый месяц после Февральской революции фронтовые командиры как один докладывали: армия не пойдет в наступление! И просили отсрочки на два-три месяца, надеясь, что по прошествии этого времени все уляжется, боеспособность армии восстановится. Три месяца прошли, но лучше не стало, ибо и не могло стать. Казалось, все говорит за то, чтобы Русской армии ограничиваться пока одной лишь обороной.

С военно-стратегической точки зрения, затея наступления при таком моральном состоянии Русской армии не может быть расценена иначе как сознательное преступление власть имущих перед армией и страной. Но с точки зрения того политического плана, который лежал в основе всех действий российской буржуазии в 1917 г., это было не просто одно из решений — это был весьма эффективный ход!

Организуя заведомо обреченное на неудачу наступление на фронте, российская буржуазия, как ей должно было казаться, ничего не теряла. Если произойдет чудо и наступление удастся, тогда авторитет правительства взлетит необычайно высоко, и под эту эйфорию можно будет без обильного кровопускания ликвидировать Советы, пересажать левых радикалов и оттягивать до бесконечности (или, наоборот, смотря по обстановке, безнаказанно сфальсифицировать) выборы в Учредительное собрание. Если же наступление закончится военной катастрофой, чего следует ожидать почти с неизбежностью, то... Вот тут и начнется самое интересное.

Картина бегущей и разлагающейся армии заставит даже «революционную демократию» согласиться с самыми жесткими мерами по наведению порядка на фронте. А затем — и в тылу. Власть найдет виновников поражения. Это — большевики, своей пораженческой пропагандой разложившие армию. Вовремя подоспеют сенсационные разоблачения Ленина со товарищи как платных агентов кайзера (ведь не в одночасье же июльского восстания большевиков Временное правитель-

ство их «раздобыло» — эти «материалы» готовились с самого возвращения Ленина в Россию!). Вся страна с гневом и возмущением отвернется от изменников. Будет прекрасный повод начать репрессии, и об Учредительном собрании надолго позабудут. Как мы увидим дальше, этот план Временное правительство неукоснительно приводило в действие в течение июля — августа 1917 года, после краха наступления. Но что-то у него получилось не так, как ему хотелось...

Нет, вожди победившей Февральской революции вовсе не были такими прекраснодушными идеалистами-демократами, какими их ныне модно изображать! Люди, свалившие многовековую монархию, искушенные в технологиях закулисной политической борьбы, пользовавшиеся поддержкой не только российского, но и английского, американского, французского капитала, прекрасно знали, чего хотели, жестко и непоколебимо шли к поставленной цели — безраздельной власти своего класса. Их план учитывал абсолютно все факторы, какие они с высоты своего немалого политического опыта могли учесть, в том числе и любые происки Германии. Выполнение этого плана, как казалось, гарантировало им полную и окончательную политическую победу. Единственное, чего они не смогли учесть, так как эта величина была совершенно неизвестной, не встречаясь ни в каких прежде бывших политических уравнениях, — неукротимого стремления русского народа к коренному социальному переустройству на справедливых началах.

Провал июньского наступления

Весной 1917 г. произошли некоторые важные события в ходе Мировой войны. Во-первых, 4 (17) марта германские войска предприняли значительный отход на центральном участке Западного фронта с целью его выравнивания. Операция была проведена блестяще. Союзники заметили ее только, когда немцы уже отошли и укрепились на новых, заблаговременно подготовленных позициях (линия Гинденбурга). Правда, пропаганда союзников не преминула раструбить о своем успехе, что в известном смысле было истиной. Ведь такое значительное

отступление, предпринятое без непосредственного давления со стороны противника, свидетельствовало о том, что Германия истощена и экономит силы.

Во-вторых (по времени, но не по значимости), 24 марта (6 апреля) 1917 г., после ряда предупреждений, США объявили войну Германии. По идее, объявление Соединенными Штатами войны Германии, усиливая Антанту, должно было объективно благоприятствовать России. Однако на практике вышло по-иному. Имея американскую поддержку, Англия и Франция уже не так сильно нуждались в помощи со стороны России. Теперь Англия и Франция могли подождать, пока заработает военная мощь Соединенных Штатов. Тем временем Россия достаточно ослабеет, чтобы по достижении общей победы можно было вовсе не принимать ее интересы в расчет.

Намеченное на весну 1917 г. англо-французское генеральное наступление не состоялось. Французское правительство ограничило задачу своего главнокомандующего генерала Нивелля, поставив ему условие: если немецкий фронт не будет прорван в течение нескольких суток, наступление следовало прекратить.

Атаки союзников были начаты 27 марта (9 апреля) англичанами на вспомогательном направлении, а 3 (16) апреля в наступление перешли и французские армии на направлении главного удара. По количеству военно-технических средств — артиллерии, авиации и танков, — сосредоточенных французами для прорыва германских позиций, это было самое мощное наступление с начала войны. Союзники довольно быстро достигли тактических успехов, но, как это уже не раз бывало в ходе позиционной войны, не успели развить их до подхода германских резервов. Положение немцев было угрожающим, но все-таки они с ним справились. Генерал Нивелль, скованный категорическим требованием своего правительства, был лишен необходимой главнокомандующему свободы оперативных решений. Наступление союзников распалось на ряд боев местного значения, которые постепенно затихли к концу мая 1917 г.

Провал весеннего англо-французского наступления отразился на России. Ее теперь союзники со всё возрастающей настойчивостью стали побуждать к наступлению на фронте. Важным эпизодом этой деятельности стал приезд в Россию в апреле 1917 г. делегации французских социалистов. Воспев хвалу русской революции, французы выразили уверенность, что революционная Русская армия выполнит свой долг перед союзниками, и Временное правительство не посмело дать повода в этом усомниться.

По своему замыслу, наступление, устраиваемое русским командованием летом 1917 г., не могло иметь стратегического значения. Предпринимаемое в отрыве от активных действий союзников на других фронтах Первой мировой, оно заранее обрекалось на неудачу. Максимум, к чему оно могло привести — это лишь к незначительному тактическому успеху ценой огромных жертв. Состояние же Русской армии в результате революции вряд ли позволяло надеяться даже на такой исход.

Главный удар должен был наносить Юго-Западный фронт, трем другим предстояло содействовать ему в этом наступлениями без решительных целей на своих участках. Как и годом раньше, выполнение такого плана даже в лучшем случае превращалось в борьбу на истощение с вражескими армиями в самых сильных местах их стратегической позиции.

После ряда отсрочек, наступление Юго-Западного фронта было назначено на 16 (29) июня. Остальные фронты должны были перейти в наступление только тремя неделями позже: Западный — 7 июля, Северный — 8 июля и Румынский — 9 июля. Это лишний раз ставило под сомнение всю затею операции.

Если главный удар намечалось нанести на Юго-Западном фронте, то остальным фронтам следовало начать наступление раньше, чтобы сковать там силы противника и не допустить их переброски на направление главного удара. Если Юго-Западному фронту предстояло играть отвлекающую роль, то его наступление не должно было начинаться на столько времени раньше, чем на других фронтах. Три недели — срок вполне достаточный для того, чтобы вполне обозначился успех или не-

удача на направлении первоначального наступления. Если оно развивается успешно, другие фронты должны атаковать раньше, чтобы предотвратить переброску оттуда резервов противника. Если неудачно — наступление прочих фронтов вообще лишается всякого смысла.

Поэтому, принимая такое решение о наступлении, Временное правительство и армейское командование вполне отдавали себе отчет в его бессмысленности с военно-стратегической точки зрения. Политические соображения довлели над военными. В жертву своему честолюбию и властолюбию, стремлению приобрести больший политический вес перед западными союзниками, буржуазные лидеры сознательно приносили десятки тысяч русских жизней.

16 июня Юго-Западный фронт под командованием генерал-лейтенанта А.Е. Гутора начал невиданную по своей интенсивности на русско-германском фронте артиллерийскую подготовку. 18 июня 11-я и 7-я армии центрального участка фронта атаковали позиции врага и почти повсеместно имели полный успех. Однако после прорыва первой полосы обороны противника наступила обычная в этих условиях пауза, связанная с подтягиванием артиллерии и тылов. Во время нее выдохся наступательный порыв русских армий. Местами противник переходил в контратаки и отбрасывал назад русские войска. Стойкость русских частей в обороне была уже не такой, как прежде. 30 июня Гутор попытался было снова двинуть вперед 11-ю и 7-ю армию, но без успеха.

25 июня в наступление перешла расположенная южнее 8-я армия генерал-лейтенанта Корнилова. Ей быстро удалось прорвать у Станиславова (совр. Ивано-Франковск) фронт 3-й австро-венгерской армии в полосе шириной 80 км на глубину 30 км. 27 июня 8-я армия освободила древний русский город Галич, а 28-го вступила в Калуш. Но вскоре и ее наступательный порыв иссяк.

Одержанные русскими войсками тактические успехи были полностью использованы военным министром Керенским в целях, как мы бы сказали теперь, политического пиара. 19 июня,

когда еще ничего не было ясно, Керенский уже трубил в победные литавры, сообщая Временному правительству: «Сегодня великое торжество революции. 18 июня Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции и любовь к свободе и родине... Сегодняшний день положил конец злостным клеветническим нападкам на организацию Русской армии, построенную на демократических началах»[121].

Весь пропагандистский аппарат, созданный Февральской революцией, работал на прославление июньского наступления и на доказательство жизнеспособности новой «революционной» дисциплины в войсках. Никогда прежде, в царское время, официальная пропаганда не достигала такой степени громогласности, хотя победы русских войск в Галицийской битве 1914 г. или в Брусиловском прорыве 1916 г. были куда значительнее успехов, достигнутых летом 1917-го. Что же, новые правители России делом доказывали, что они искуснее своего поверженного врага — «средневековой монархии» — владели информационными технологиями XX века.

Пропагандистский эффект наступления российская буржуазия пыталась использовать сполна, конвертируя его в материальные ценности. Даже в октябре 1917 г. министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко, выступая в так называемом Предпарламенте, вспоминал благоприятное воздействие на курс русской валюты и русских ценных бумаг, которое оказало июньское наступление. Оценивать кровь, пролитую русскими солдатами, в биржевых котировках — тоже было «по-революционному». Сановники царского режима до такого цинизма, по крайней мере открыто, не скатывались.

Тем временем германское командование готовилось парировать русский удар. В Галицию направлялись подкрепления с других участков Восточного фронта и из Франции. Эти силы сосредотачивались не на направлении главного русского удара, а несколько севернее, для флангового контрнаступления. К на-

---

[121] Цит. по: *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 1. С. 419.

чалу июля в районе Злочева сконцентрировались 12 свежих дивизий противника, нацеленных в стык 11-й и 7-й русских армий. Этими силами немцы 6 июля быстро прорвали наш фронт и устремились вглубь нашей обороны.

Обстановка сменилась моментально. Столь хвалимые правительством войска, утверждавшие, как ему казалось (или хотелось, чтобы казалось другим), «новую, основанную на чувстве гражданского долга, дисциплину», стали разбегаться. Немецкий прорыв ширился, и в стихийное, паническое отступление вовлекались все новые части. Солдаты дезертировали, в тылах армий в огромных размерах расцвели мародерство и вооруженные грабежи, стали вспыхивать еврейские погромы. Город Тарнополь, где находилась главная база Юго-Западного фронта, грабился вооруженными бандами в течение нескольких дней, и еще сохранившие дисциплину войска лишь с большим трудом сумели это пресечь. Такую картину рисуют нам газеты и воспоминания современников.

«Город горел в нескольких местах, толпа солдат, разбив железные шторы, громила магазины. Из окон домов неслись вопли, слышался плач... — описывал события июля 1917 г. в Станиславове один из будущих вождей Белого движения, П.Н. Врангель. — В каком-то магазине мы застали грабителей, занятых опоражниванием ящиков с чайной посудой. Схватив первого попавшегося, я ударом кулака сбил его с ног, громко крича: "Казаки, сюда! В нагайки всю эту сволочь!" В одну минуту магазин был пуст... Тут же было поймано и расстреляно на месте несколько грабителей и к утру в городе было совсем спокойно»[122].

«Большинство частей находится в состоянии всё возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом. Были случаи, что отданное приказание спешно выступить на поддержку обсуждалось часами на митингах, почему поддержка запаздывала на сутки. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь под-

---

[122] *Врангель П.Н.* Воспоминания. М., 1992. Ч. 1. С. 55.

хода противника... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными... — докладывали 9 июля правительству комитеты и комиссар 11-й армии. — Сегодня главнокомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду, содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на всех, кто малодушием губит и продает Россию и революцию»[123].

Отлично зная силу воздействия пропаганды, сегодня мы вправе задаться вопросом: насколько отвечала истине та картина всеобщего хаоса и разложения, которую рисовали донесения правительственных комиссаров и мемуары белогвардейских генералов? Тем более что вслед за этими донесениями неизменно следовали долгожданные выводы в виде необходимости укрепления дисциплины всеми методами, вплоть до расстрелов. Несомненно, что управление войсками было утрачено. Однако нельзя не признать, что эта дезорганизация, равно как и само германское контрнаступление, оказались как нельзя кстати для сторонников жестких мер по наведению порядка не только на фронте, но и в глубоком тылу.

Русская армия оставляла земли Червонной Руси, для освобождения которых в 1914—1916 гг. пролили свою кровь миллионы русских солдат. 12 июля был оставлен Тарнополь, а к 21 июля войска Юго-Западного фронта, очистив также Черновцы и Хотин, отступили на линию довоенной русско-австрийской границы, а местами и дальше. Только в ходе двухнедельного наступления Русская армия потеряла убитыми и ранеными около 40 тысяч человек. Так Россия платила за политический пиар военного министра Керенского. Сколько-то было потеряно еще в период отступления, причем большинство потерь, очевидно, приходится на счет дезертирства.

Несмотря на то что наступление Юго-Западного фронта обернулось тяжелым поражением и не было никакой надежды на успешное наступление других фронтов, эти последние

---

[123] Цит. по: *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 1. С. 421.

все-таки в предписанных числах (7—9 июля) были брошены в атаку на противника. Итог был весьма плачевен. Многие полки вообще отказались идти в бой, некоторые, захватив первую линию неприятельских окопов, митинговали и возвращались затем на исходные позиции. Низкий боевой дух, выказанный войсками Северного, Западного и (в меньшей степени) Румынского фронтов в эти дни, стал дополнительным аргументом в пользу решительного изменения правительственной политики.

Тем временем в Петрограде произошли события, послужившие правительству ключевым политическим моментом для поворота в сторону «восстановления порядка».

Июльские события и «наведение порядка»

В начале июля, еще до того, как широкая публика узнала шокирующие факты о развале «революционной» армии (а правительство, разумеется, уже было к ним готово), произошел самый серьезный с начала революции политический кризис.

С точки зрения стратегии «наведения порядка» все складывалось как нельзя лучше. 2 июля наступил министерский кризис. В знак протеста против принятия Временным правительством условий украинской Центральной рады[124] четверо министров, принадлежавших к кадетской партии, заявили о выходе в отставку. Их уход не мог не подстегнуть выступлений с требованиями отставки прочих «министров-капиталистов». Такие лозунги выдвигались на митингах и демонстрациях еще в июне.

Действительно, 3 июля в Петрограде начались массовые, местами вооруженные, манифестации рабочих и солдат под лозунгами передачи всей власти Советам. Своего пика движение достигло на следующий день. Как и в дни Февральской революции, Петроград снова оказался во власти уличной стихии. Толпы митингующих, многие из которых шли вместе с семьями, стягивались к Таврическому дворцу. Там заседал Цен-

---

[124] Орган, созданный в Киеве в дни Февральской революции сторонниками украинской «самостийности», явочным порядком претендовавший на роль временного правительства автономной Украины.

тральный исполнительный комитет (ЦИК) Советов рабочих и солдатских депутатов, избранный на 1-м Всероссийском съезде Советов в июне 1917 г.

«Умеренно»-социалистическое большинство ЦИК оказалось в затруднительном положении. Ему не стоило бы ни единого выстрела и ни одной пролитой капли крови уступить требованиям митингующих и объявить себя высшим органом власти в стране. Но такой шаг находился в вопиющем противоречии с доктриной «умеренных» социалистов, которая гласила, что в эпоху буржуазной революции пролетариат не должен пытаться захватить власть, иначе неминуемо отбросит буржуазию в лагерь противников революции, и та закончится торжеством реакции. Исходя из своих практических свойств, вожди партий меньшевиков и эсеров никогда не были готовы к тому, чтобы становиться во главе радикальных движений народа и противопоставлять себя либералам. Поэтому они стремились разрешить кризис путем переговоров с буржуазными партиями и восстановлением власти Временного правительства. Пока же они старались выиграть время до подхода к Петрограду верных правительству войск с фронта. Ибо, как показывали события 3—4 июля, большинство столичного гарнизона оказалось на стороне демонстрантов.

Положение митингующих тоже было двусмысленным. Как поступить, если тот орган, которому народ хочет вверить власть над собой, не просто отказывается, но и открыто переходит на сторону правительства? Демонстранты, правда, пытались решить противоречие по-свойски. Передавали историю, как один рослый рабочий, поймав лидера партии эсеров и члена ЦИК (по совместительству — министра земледелия) Виктора Чернова, крутил своим могучим кулаком у того перед носом и зычно взывал: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают!»[125] Но в целом, конечно, осуществление лозунга «Вся власть Советам!» вопреки воле этих самых Советов было нонсенсом.

Как всегда при массовых беспорядках, не обошлось без вооруженных столкновений и человеческих жертв. Как всегда,

---

[125] *Милюков П.Н.* Ук. соч. С. 198.

трудно сказать, кто начал стрелять первым. Среди митинговавших было немало анархистов, недовольных тем, что правительство за две недели до этого разгромило их гнездо на окраине Петрограда — самовольно захваченную ими бывшую дачу П.Н. Дурново, причем несколько анархистов было посажено в тюрьму. В демонстрации участвовало немало матросов из Кронштадта, где влияние анархистов было весьма сильным. Они теперь и «мстили» по-своему. Когда с крыш или из чердаков домов якобы раздавались выстрелы по демонстрантам, вооруженные толпы последних врывались в дома, в частные квартиры, ища «провокаторов, стреляющих в народ», «экспроприируя», то есть грабя под шумок, имущество. Разумеется, обыватель был напуган и жаждал восстановления порядка. У Литейного моста произошли серьезные столкновения между демонстрантами и казаками.

С самого начала демонстраций большинство СМИ приписало их проведение стремлению большевиков захватить власть «вопреки воле организованной революционной демократии». Это было не совсем верно. Официальное руководство большевистской партии не планировало массовых уличных акций в эти дни. Ленина, отдыхавшего в это время на загородной даче у приятеля, известие о манифестациях в Петрограде застало врасплох — он узнал о происходящем только 4 июля из газет. Но партия большевиков, вопреки установившемуся ныне мнению, вовсе не была в то время организацией с жесткой дисциплиной. Напротив, в партии имелись автономные структуры, способные на своем уровне принимать важные политические решения и проводить их в жизнь. Предводительство выступлениями рабочих и солдат 3—4 июля взяла на себя «Военка» — руководящий орган ячейки большевистской партии в вооруженных силах. Спешно приехав вечером 4 июля в Петроград, Ленин первым делом с присущей ему прямотой заявил руководителям «Военки»: «Бить вас всех надо!» Однако справедливости ради заметим, что и «Военка», готовясь к будущему восстанию, не начинала его первым, а лишь поддержала порыв, проявленный солдатами 1-го пулеметного полка и быстро, как пожар по сухой траве, распространившийся по Петрограду.

Именно с возвращением Ленина в Петроград пошли на убыль и демонстрации. Вождь большевиков, трезво оценив ситуацию, сумел убедить соратников свернуть выступления. Большинство членов большевистского ЦК тоже были согласны с такой позицией, однако они не обладали таким авторитетом в рабочих массах, чтобы взять да и приказать прекратить манифестации. Не смог сделать этого напрямую и Ленин. Обратившись с балкона особняка Кшесинской[126], он призвал митингующих к выдержке. В течение всего вечера 4 июля агитаторы от имени ЦК большевиков пытались убедить рабочих и солдат разойтись по домам и казармам. Не всегда это удавалось. Но на следующий день произошли события, которые положили конец выступлениям.

Принимая решение о свертывании демонстрации, Ленин и большинство ЦК исходило из того соображения, что страна, а особенно — действующая армия, не готовы к смене власти. Кроме того, если официальное руководство Советов отказывается брать власть, то какой орган может это сделать? Сам собой напрашивался вопрос о создании чисто большевистского правительства. Но такое, не опираясь ни на какой представительный орган «революционной демократии», не имело бы шансов получить моральную поддержку в стране. Дело неминуемо закончилось бы разгромом большевиков в считанные дни, причем таким, от которого партия уже вряд ли оправилась бы когда-нибудь. Поэтому с точки зрения борьбы за власть самым разумным для большевиков в тот период было временно отступить.

Но даже такая «проба сил», как прозвали июльские события уже позднее, могла обернуться для большевиков исчезновением с политической арены. Вечером 4 июля представителей солдатских комитетов ряда частей столичного гарнизона

---

[126] Особняк императорской фаворитки балерины Матильды Кшесинской в дни Февральской революции был «экспроприирован» большевиками, устроившими там свою штаб-квартиру. После июльских событий штаб-квартира большевиков была разгромлена. Ныне в здании — Музей политической истории России.

пригласили в штаб Петроградского военного округа. Там их ознакомили с материалами, добытыми контрразведкой. Эти материалы недвусмысленно свидетельствовали о том, что Ленин нанят на секретную службу правительством кайзеровской Германии с целью ведения подрывной работы в России. В настроении многих частей гарнизона начался перелом. А в ночь с 4 на 5 июля в Петроград начали прибывать с фронта верные правительству войска.

Разоблачительные документы о том, что Ленин — немецкий шпион, были, разумеется, подготовлены правительственными кругами не в одночасье. Сбор улик начался вскоре после возвращения Ленина из эмиграции в Россию, в апреле 1917 г. События 3—4 июля побудили верхи поспешить с сенсационными разоблачениями. Сами руководители Временного правительства не были уверены в достоверности добытых сведений. Министр юстиции П.Н. Переверзев на свой страх и риск добился публикации некоторых из этих документов в печати. За это он поплатился портфелем министра — большинство его коллег сочло его поступок не соответствующим званию: министр, к тому же юстиции, не имеет права швыряться недоказанными обвинениями.

Сейчас мы знаем, что партия большевиков в 1917 г. пользовалась субсидиями из германских источников (подробнее об этом см. в след. главе). Однако в то время никакими доказательствами такого рода Временное правительство не располагало. Так называемые «документы Сиссона», собранные американским журналистом и на которых правительство пыталось строить обвинение большевикам, на поверку оказались фальшивкой. Шаткость имевшихся «доказательств» вынуждала блюстителей правосудия делать лишь расплывчатые заявления прессе, подобно докладу о ходе расследования событий 3—5 июля, с которым 21 июля выступил прокурор Петроградской судебной палаты Н.С. Каринский. Он сумел предъявить публике лишь косвенные улики, сославшись при этом на наличие неких весомых доказательств, которые, однако, до конца расследования якобы нельзя предавать гласности.

Но отсутствие юридической базы для обвинения не должно было мешать «восстановлению порядка». Ордер на арест Ленина был выписан еще 6 июля. Наряду с Лениным был вынужден скрываться от ареста другой видный деятель большевиков — Григорий Радомысльский по кличке Зиновьев. Многие большевистские руководители высшего и среднего звена, а также левые, поддерживавшие большевиков (в том числе Лев Бронштейн по кличке Троцкий, который в то время формально еще не был большевиком), были в эти июльские дни заключены в тюрьмы.

7 июля Временное правительство приняло поправки к «Уложению о наказаниях», согласно которым «виновный в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения» подлежал заключению на срок до 3 лет; «виновный в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти» подлежал такому же наказанию; а «виновный в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих законов и согласных с ними распоряжений военной власти наказывается как за государственную измену».

В эти же дни подоспели наконец и шокирующие вести с фронта. 9 июля Керенский отдал приказ, разрешавший военачальникам открывать огонь по частям, самовольно оставляющим свои позиции. 10 июля Временное правительство приняло непопулярное в широких массах (и восторженно встреченное буржуазными кругами) решение о восстановлении смертной казни, отмененной им 12 марта 1917 г. Смертная казнь, правда, восстанавливалась только на фронте. Правом вынесения смертных приговоров наделялись «военно-революционные суды», создаваемые при каждой дивизии из выборных членов: трех офицеров и трех солдат. Эти суды имели право разбирать преступления, которые представлялись «настолько очевидными», что не требовали предварительного следствия.

Смертная казнь полагалась «за военную и государственную измену, побег к неприятелю, бегство с поля сражения, само-

вольное оставление своего места во время боя и уклонение от участия в бою, подговор, подстрекательство или возбуждение к сдаче, бегству или уклонению от сопротивления противнику, сдачу в плен без сопротивления, самовольную отлучку с караула в виду неприятеля, насильственные действия против начальников, сопротивление исполнению боевых приказаний и распоряжений начальника, явное восстание и подстрекательство к нему, нападение на часового или на военный караул, вооруженное им сопротивление и умышленное убийство часового, умышленное убийство, изнасилование, разбой и грабеж в войсковом районе армии».

11 июля ЦИК Советов принял постановление, гласившее: «1) Страна и революция в опасности. 2) Временное правительство объявляется Правительством спасения революции. 3) За ним признаются неограниченные полномочия для восстановления организации и дисциплины в армии...» То есть Временное правительство получило от главного органа «революционной демократии» мандат доверия в части, касавшейся жестких мер по подавлению беспорядков.

В то время, когда в Петрограде полулегально собрался 6-й съезд большевистской партии, Временное правительство (28 июля) опубликовало декрет, дававший военному министру и министру внутренних дел право запрещать проведение любых собраний, которые могут нанести ущерб военным усилиям и безопасности государства.

В литературе утвердилось мнение о Временном правительстве как о сборище прекраснодушных идеалистов, оторванных от жизни и не обладавших «государственным мышлением». Однако простой перечень мероприятий Временного правительства в июле — августе 1917 г. позволяет утверждать, что у него имелись воля и стремление к восстановлению порядка в интересах буржуазных кругов. Временное правительство прилагало также многочисленные усилия для возрождения армейской боеспособности и дисциплины — ведь в деле восстановления порядка без армии было не обойтись.

Непоследовательность в проведении этих мер, а также слабое воздействие вышеуказанных угроз применения репрессий

вызывалось отнюдь не самоуспокоенностью правительства или тем, что многие его члены якобы тайно сочувствовали левым. Просто развал, вызванный Февральской революцией, настолько подорвал, помимо армии, вообще весь аппарат государства, что правительство находилось в положении плотника с никуда негодными инструментами в руках. Воли к решительным действиям мало — надо, чтобы эта воля находила соответствующие рычаги приложения. А их у власти не хватало.

Июльский кризис завершился наконец образованием нового правительства, состав которого был объявлен 25 июля. Министром-председателем стал Керенский, сохранивший за собой также портфели военного и морского министров. В кабинет вошли еще 10 «умеренных» социалистов и 7 либералов (из коих четыре кадета). 9 августа правительство выступило с программной декларацией. Единственным заслуживающим внимания пунктом в ней был перенос выборов в Учредительное собрание с 17 сентября на 12 ноября. Без преувеличения можно сказать, что, учитывая все последующие события, это решение Временного правительства оказалось одним из роковых.

Успей правительство провести выборы в Учредительное собрание в сентябре, оно созвало бы его не позднее середины октября. В этом случае Учредительное собрание имело все шансы стать полномочным и авторитетным органом власти, а большевистский переворот вряд ли бы состоялся в том виде, в каком он нам известен. По крайней мере, в октябре 1917 г. его бы еще точно не произошло.

Но, как мы видели, российские буржуазные круги летом 1917 г. продолжали считать Учредительное собрание фактором, не укреплявшим их власть, а угрожающим ей. Их прозрение на сей счет наступило слишком поздно. Однако в августе 1917 г. Керенский с коллегами полагали, что до ноября они сумеют достаточно укрепить порядок и добиться сдвига «вправо» в настроении народа. Мероприятия правительства неуклонно и планомерно (правда, нельзя сказать, что успешно) вели к этой поставленной цели. Весьма досадное обстоятельство спутало все карты искусных политтехнологов Зимнего дворца: те са-

мые круги, ради которых правительство старалось и на которые стремилось опереться, оказались слишком нетерпеливыми и своей торопливостью испортили все дело.

Подготовка к введению диктатуры

После событий 3—4 июля в Петрограде рабочие и солдатские массы резко (и, как казалось многим, навсегда) отвернулись от большевиков. Кое-кому из элиты стало представляться, что наступил подходящий момент для того, чтобы покончить не только с большевиками, но и со всей «революционной демократией». Мероприятия правительства по «наведению порядка» эти люди расценивали как половинчатые, недостаточные. В их понимании правительство слишком миндальничало с Советами и другими массовыми демократическими организациями, вместо того, чтобы разом с ними разделаться.

Некоторые представители элитных слоев относили эту осторожность правительства на счет того, что оно само (иногда допускали, что не целиком, а в лице отдельных его членов) связано с большевиками и немцами. В частности, слухи о якобы имевшихся связях с Германией усиленно распространяли про Виктора Чернова (в его отношении было даже инициировано правительственное расследование). Отсюда было недалеко до вывода о том, что это «безвольное» правительство пора заменить на другое, которое бы жестко и непреклонно проводило интересы буржуазии, не прикрытые никаким «сотрудничеством классов».

Короче, речь шла о введении диктатуры и проведении политики «национального единства». Под последним подразумевался отказ от любых социальных реформ по крайней мере до конца войны. То есть «национальное единство» — на основе классовых интересов буржуазии. Жертвовать своими интересами во имя этого единства должно было большинство населения, но отнюдь не элитные слои.

Либеральные политики, в лице главным образом кадетской партии, все больше склонялись именно к такому образу действий. После переговоров об образовании нового состава

Временного правительства, длившихся больше полмесяца — с 8 по 25 июля, — они согласились пополнить новый кабинет всего четырьмя членами, не самыми известными и не на самых важных постах. «Члены партии народной свободы, — писал об этом Милюков, — не претендовали на руководство главнейшими министерствами, ограничивая свою роль в этом кабинете моральной поддержкой… Сознавая уже тогда невозможность серьезно помочь, они не хотели мешать»[127].

То есть партия кадетов сознательно дистанцировалась от решающей ответственности за действия Временного правительства. Означало ли это, что главная партия российских либералов собиралась мириться с пребыванием на обочине публичной политики? Конечно же нет! Очевидно, центр тяжести политической деятельности кадетов переносился в другую плоскость, а именно — в подготовку установления жесткой авторитарной власти, в которой кадетам будет принадлежать более значимая роль.

Об этом свидетельствуют, в частности, условия вхождения в кабинет министров, предъявленные Керенскому 15 июля тремя видными деятелями кадетской партии (В.Д. Набоковым, Н.М. Кишкиным и Н.И. Астровым; последний — крупный масон). Среди этих условий обращает на себя внимание в первую очередь пункт 5: «Чтобы в основу внутреннего управления положено было начало уничтожения многовластия и восстановления порядка в стране и решительная борьба с анархистскими, противогосударственными и контрреволюционными элементами…» «Уничтожение многовластия» в устах этих людей означало ликвидацию политического влияния Советов и других органов «революционной демократии». Пункт 2 мотивировал отказ от проведения социальных реформ до Учредительного собрания необходимостью отвести угрозу гражданской войны. Хотя составители этих требований прекрасно понимали, что в том положении, какое переживала Россия, этот отказ должен был обеспечиваться силовым подавлением стремлений значительной части населения, а следовательно, представлял собой не что иное, как латентную форму гражданской войны!

---

[127] *Милюков П.Н.* Ук. соч. С. 236.

Пункты 3 и 4 кадетских условий выражали требования, «чтобы в вопросах войны и мира был соблюден принцип полного единения с союзниками» и «чтобы были приняты меры к воссозданию мощи армии путем восстановления строгой военной дисциплины и решительного устранения вмешательства комитетов в вопросы военной тактики и стратегии». Последней формулировкой в тот период прикрывалось стремление постепенно полностью ликвидировать выборные армейские комитеты, успевшие завоевать авторитет и популярность в солдатской среде. Открывался же перечень требованием ответственности министров будущего правительства «исключительно перед своей совестью» и их свободы от любых общественных организаций. Это была платформа твердой власти элитных кругов. В определении, данном ими самими, «программа была внепартийна и общенациональна, так как устанавливала общие условия всякой культурной государственности»[128]. Олигархическая диктатура обычно и прикрывается вывесками «внепартийности» и «общенациональности».

В представлении этих кругов, во главе достаточно авторитетной, волевой и в то же время формально беспартийной власти мог встать лишь военный человек. Поиски будущего «спасителя России» начались давно. Буржуазная пресса одно время пиарила сразу нескольких потенциальных кандидатов в диктаторы. Среди них следует назвать в первую очередь генералов М.В. Алексеева, А.А. Брусилова, В.А. Черемисова.

Однако первый был скомпрометирован своей мнимой близостью к свергнутому царю, как бывший начальник его штаба (мало кто знал, что Алексеев находился во главе заговора генералов против Николая II), вдобавок не отличался здоровьем, необходимым для энергичного усмирителя. Второй также был выдвиженцем «старого режима», не слишком любим в армии за его жесткие приказы еще 1915 г., да и тоже был далеко не молод. Кроме того, Брусилов не отличался властолюбием, стремлением играть первую политическую роль. Алексеев, назначенный на пост Верховного главнокомандующего сразу по-

[128] *П.Н. Милюков*. Ук. соч. С. 220—221.

сле Февральской революции, 21 мая 1917 г. сдал эту должность Брусилову. Но и тот чувствовал себя на ней не в своей тарелке. Оба были представителями старшего поколения военачальников, мало пригодными на роль диктаторов.

Генерал Владимир Черемисов, напротив, выдвинулся в период революции. Его 12-й армейский корпус в июньском наступлении в Галиции оказался на острие главного удара 8-й армии и действовал весьма успешно. 18 июля 1917 г. он был назначен главнокомандующим Юго-Западного фронта. Однако попутно выяснилось, что Черемисов придерживается левых взглядов и не является противником революционных нововведений в армии. Впрочем, это качество способствовало тому, что левые круги одно время рассматривали его кандидатуру на пост Верховного главнокомандующего. Однако оно же закрыло ему дорогу в «спасители Отечества» для элитных кругов. Даже на пост главкома Юго-Западного фронта он так и не успел заступить — Временное правительство быстро отозвало свое распоряжение. На политическом небосклоне России взошла новая «звезда».

Буржуазия в конце концов сошлась на кандидатуре генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Этому весьма способствовала необычная биография генерала. Будучи по происхождению простым забайкальским казаком (следовательно, «человеком из народа» — на это особенно напирали пиарщики генерала), Корнилов приобрел известность в России еще до Февральской революции своим побегом из австрийского плена. То, как он там оказался — почему-то забылось. Был он пленен весной 1915 г. на Юго-Западном фронте вследствие того, что его 48-я дивизия попала в окружение. Расследования обстоятельств сдачи в плен произведено не было. Командир 24-го армейского корпуса, в который входила дивизия Корнилова, генерал-лейтенант Афанасий Цуриков считал Корнилова виновным в капитуляции дивизии и требовал суда над ним. Однако главнокомандующий фронта Н.И. Иванов сумел представить дело так, что государь даже наградил Корнилова Георгием 3-й степени.

Обстоятельства возвышения Корнилова проливают свет на политику Временного правительства в отношении командных кадров армии. Обычно почему-то считается, что русский генералитет встал в оппозицию Временному правительству, особенно по части нововведений в области дисциплины, из-за того, что в основе своей он был «старорежимным». На самом деле, в два месяца после Февральского переворота тогдашний военный и морской министр Гучков произвел перетряску командного состава. Были сменены все главнокомандующие фронтами и многие командующие армиями, значительная часть командиров корпусов и начальников дивизий. Этим замены не ограничились. Меньше, чем за полгода, отставки затронули всех главнокомандующих фронтами (некоторых не по одному разу), большинство командующих армиями, 26 командиров корпусов (из 68), 69 начальников дивизий (из 240), а всего — 140 военачальников высшего звена[129]. На многих из этих постов люди менялись по нескольку раз. На должности командующих внутренними военными округами нередко назначались лица, даже не имевшие генеральских званий — полковники и ниже. Чаще причиной замен были новые политические события между Февралем и Октябрем, непосредственно не связанные с первой, «гучковской» чисткой армейских рядов. Но так или иначе, Временное правительство с первых дней своего существования создавало себе прочную опору в высшем командном составе армии.

К таким революционным выдвиженцам принадлежали и Лавр Корнилов, и многие другие вожди будущего Белого движения[130]. По поручению Временного правительства Корнилов арестовывал царскую семью. Апологеты генерала пытались позднее объяснить этот неприемлемый для правого факт его биографии тем, будто Корнилов хотел спасти цар-

---

[129] Комм. к кн.: *Деникин А.И.* Ук. соч. Т.1. С. 505.

[130] Например, генерал-лейтенант А.И. Деникин был назначен из командиров корпуса сразу начальником штаба Верховного главнокомандующего, а затем — главкомом Западного фронта, минуя ступень командующего армией.

скую семью от эксцессов, неизбежных, если бы арест производил какой-нибудь революционер. На должности главнокомандующего Юго-Западным фронтом Корнилов задержался всего 12 дней — с 7 по 18 июля, после чего был вознесен еще выше.

И подобные люди встали в оппозицию Временному правительству? Дело было сложнее. Генеральская оппозиция, резко проявившаяся во время «исторического» заседания в Ставке 16 июля 1917 г., была выражением обострившейся борьбы двух лагерей, совершивших Февральскую революцию. Атака, предпринятая на том заседании некоторыми генералами на Керенского, означала, что элитные круги не просто решили сделать ставку на диктатуру — они решили, что настала пора действовать. Пока — методом «убеждения» в отношении главы правительства.

На 16 июля Керенский назначил в Ставке ВГК в Могилеве совещание с участием всех «авторитетных военачальников» по усмотрению Главковерха Брусилова. На совещание, кроме Брусилова и его начальника штаба А.С. Лукомского (тоже один из будущих вождей Белого движения), собрались главнокомандующие Северным (В.Н. Клембовский) и Западным (А.И. Деникин) фронтами, отставленные руководители Февральского переворота генералы Алексеев и Рузский, другие военачальники рангом пониже. Со стороны правительства приняли участие, кроме Керенского, министр иностранных дел Терещенко и комиссар Юго-Западного фронта, товарищ Керенского по партии эсеров, бывший террорист Борис Савинков.

«Генеральская демонстрация» началась с того, что министров с их свитой на вокзале в Могилеве долго никто не встречал. Наконец, приехавший в салон-вагон премьера Брусилов сделал, по предложению Керенского, краткий доклад о положении в армии. По словам Брусилова, он предупредил Керенского, что «моральное состояние наших войск ужасно»[131]. Тем, что Брусилов уже доложился премьеру, очевидно, и объясняется, что на самом заседании он ограничился краткой речью.

---

[131] *Брусилов А.А.* Ук. соч. С. 285.

Поскольку Корнилова на заседании не было, роль главного застрельщика правых перешла к Деникину. Главком Западного фронта обрушился на правительство с яростной критикой революционных новшеств. «У нас нет армии. И необходимо немедленно, во что бы то ни стало создать ее… — неоднократно подчеркивал Деникин в ходе своего удручающего доклада. — Армия развалилась. Необходимы героические меры, чтобы вывести ее на истинный путь». В конце Деникин зачитал перечень этих мер:

«Петрограду, совершенно чуждому армии, …прекратить всякое военное законодательство. Полная мощь Верховному главнокомандующему, ответственному лишь перед Временным правительством. Изъять политику из армии. Отменить "декларацию" [прав солдата. — *Я.Б.*] в ее основной части. Упразднить комиссаров и комитеты, постепенно изменяя функции последних. Вернуть власть начальникам. Восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия… Ввести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла — войск и гражданских лиц…»

По свидетельству Деникина, после его доклада «Керенский встал, пожал мою руку и сказал:

— Благодарю вас, генерал, за ваше смелое, искреннее слово»[132].

Вслед за Деникиным выступали примерно в том же духе и другие военачальники. Была зачитана телеграмма Корнилова с Юго-Западного фронта, в которой также предлагалось ввести смертную казнь в тылу, восстановить дисциплинарную власть военачальников, поставить в жесткие рамки полномочия войсковых комитетов, запретить политическую агитацию на фронте.

По свидетельству Деникина, совещание получилось достаточно содержательным. Высказались обе стороны, однако не было надежды, что они услышали друг друга. Этому противоречит замечание Брусилова, что «вышло не совещание, а прямо руготня»[133]. Противоречит оно и шагам, предпринятым Керенским сразу после заседания.

---

[132] *А.И. Деникин*. Ук. соч. Т. 1. С. 435, 439—440.

[133] *А.А. Брусилов*. Ук. соч. С. 286.

Категорические обвинения Керенского Деникиным в резком неприятии мнения «опытных военачальников» вряд ли обоснованны. По-видимому, Керенский ехал в Ставку с уже сложившимся решением заменить «одряхлевшего» Брусилова на энергичного Корнилова. Это и воспоследовало спустя три дня. Позиция Корнилова импонировала Керенскому именно признанием некоторых новых армейских порядков. В частности, Корнилов высказывался за сохранение и даже усиление роли правительственных комиссаров и не за полное упразднение, а лишь за упорядочение деятельности выборных комитетов. Очевидно, что большая заслуга в выработке политической программы Корнилова принадлежала Савинкову. Он, будучи сам сторонником жесткой армейской дисциплины, понимал, что резкие требования вызовут столь же резкое отвержение со стороны Керенского и других членов Временного правительства (Савинков знал своих политических коллег!), а потому считал, что лучше действовать постепенно.

Последующие несколько недель характеризовались растущим давлением на Керенского со стороны праволиберальных кругов, Корнилова и Савинкова. Те становились все настойчивее, а премьер, по крайней мере внешне, все уступчивее. Уже 19 июля, получив приказ о своем назначении на пост Верховного, Корнилов обусловил свое принятие должности выполнением правительством его условий, изложенных в телеграмме от 16 июля, а также отменой назначения Черемисова главнокомандующим Юго-Западным фронтом. Явно не без посредничества Савинкова конфликт удалось уладить компромиссом: Керенский согласился отозвать Черемисова и выслушать требования Корнилова на заседании правительства. Тогда Корнилов согласился вступить в Верховное командование.

Этот эпизод, равно как и первый пункт требований генералитета в Ставке, показательны. По сути, элитные круги добивались для Верховного главнокомандующего полной независимости от главы государства во всех вопросах, касавшихся не только военной стратегии, но и государственных установлений для вооруженных сил. И как это совместить с цитированными

выше словами Милюкова о том, что его единомышленники хотели лишь «общих условий всякой культурной государственности»? Ведь одним из таких условий как раз и является подчинение Верховного главнокомандующего главе государства (если оба этих поста не заняты одним лицом) в политических вопросах. Так что совместить эти две вещи никак не удается. Очевидно, что требования, касавшиеся особых полномочий Верховного, были не «условиями культурной государственности», а ступенькой к установлению в стране военной диктатуры. Причем диктатором должен был стать именно Верховный главнокомандующий, а не гражданский премьер-министр.

О том, каким целям должно было служить восстановление смертной казни в тылу, Корнилов откровенно поведал 30 июля на совещании в Ставке с участием министров путей сообщения (кадет П.П. Юренев) и продовольствия (энес А.В. Пешехонов): «Нам необходимо иметь три армии: армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и заводах, изготовляющую для армии фронта все ей необходимое, и армию железнодорожную, подвозящую это к фронту… Для правильной работы этих армий они должны быть подчинены той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта»[134].

Соображения в принципе правильные для страны, которой необходимо напрягать все силы для борьбы с врагом. Впоследствии, в годы Гражданской войны, большевики провели аналогичные и даже более жесткие мероприятия для победы над врагом — только теперь уже не национальным, а классовым. Но в то время, в 1917 г., в обстановке взаимного недоверия и вражды классов, проведение мер, предлагавшихся Корниловым, само по себе неминуемо стало бы причиной массового неповиновения властям и началом Гражданской войны.

3 августа 1917 г. Корнилов приехал в Петроград для доклада Временному правительству своих предложений. Смягчив под влиянием своих политтехнологов некоторые из условий от 16 июля, Корнилов по-прежнему настаивал на трех главней-

---

[134] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. М., 1991. С. 16.

щих пунктах: введении по всей России юрисдикции военно-революционных судов с правом вынесения смертных приговоров не только на фронте, но и в тылу; восстановлении полной власти военачальников над солдатами; ограничении рамок деятельности армейских комитетов исключительно хозяйственными вопросами.

Предварительно ознакомившись с запиской Корнилова, Керенский убедил того не выступать с ней открыто на заседании правительства, так как это могло бы сильно восстановить против Корнилова общественное мнение. Сохранить Корнилова на посту Верховного было бы тогда затруднительно. Как признавался сам Керенский, «доклад... заключал в себе ряд мер, бóльшая часть которых была вполне приемлема; но они были так формулированы и поддержаны такими аргументами, что оглашение доклада привело бы к обратным результатам»[135]. Таким образом, Керенский ни тогда, ни впоследствии не скрывал, что сам был сторонником жестких мер.

Во время заседания правительства, где Корнилов по настоянию премьера ограничился чисто военными вопросами, Керенский сделал еще один шаг, дезавуировавший в глазах правых его солидарность с левыми коллегами по кабинету. Он через Савинкова предупредил Корнилова, что сообщаемые тем стратегические сведения могут стать... известны противнику (явный намек на «немецкие контакты» Чернова). Для Корнилова было дико, что в правительстве Российского государства Верховный главнокомандующий не может открыто, не опасаясь измены, высказываться по вопросам обороны страны. Этот случай еще больше убедил его в необходимости освободить «государственно мыслящую» часть кабинета министров от влияния членов, связанных с Советами. Отсюда было недалеко до мысли вообще освободить страну от такого правительства и самому стать у власти.

10 августа Корнилов вторично приехал в Петроград с аналогичными предложениями, содержавшими только одно новшество — о введении военной дисциплины для работающих

---

[135] Цит. по: *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. С. 17.

на промышленных предприятиях и железных дорогах (следовательно, забастовки приравнивались к военному преступлению). Накануне произошел конфликт между Керенским и Савинковым. Испытывая давление также и слева, Керенский заявил, что не подпишет закона о восстановлении смертной казни в тылу, на что Савинков, его заместитель по должности военного министра, ответил заявлением о выходе в отставку (оно не было принято). Керенский не созвал заседание правительства, как того требовал Корнилов, а выслушал его один. Но на следующий день четверка кадетских министров в ультимативной форме, угрожая уходом в отставку, потребовала и добилась от Керенского ознакомления с докладом и предложениями Корнилова.

С 12 по 14 августа в Москве состоялся широкий политический форум, названный Государственным совещанием. Он был задуман Временным правительством как обширное пиарное мероприятие, которое должно было продемонстрировать поддержку правительства широкими кругами российского общества. Представительство на Совещании было составлено таким образом, что непропорционально большое число мест получили делегаты элитных групп населения. Но единства моральной поддержки правительству не получилось. Правая половина Совещания устроила бурную демонстрацию одобрения Корнилову и идее твердой власти в интересах буржуазии.

На Московском государственном совещании Корнилов сделал доклад, который в свете последовавших событий был сильно искажен молвой. Задним числом Корнилову приписали слова: «Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы возвратить страну к сознанию ее долга?»[136] Явно ближе к истинным словам Корнилова такие: «Враг уже стучится в ворота Риги и, если только неустойчивость нашей армии не даст нам возможности удержаться на побережье Рижского залива, дорога к Петрограду будет открыта»[137]. Эту фразу некоторые противники генера-

---

[136] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 31.

[137] Цит. по: *Троцкий Л.Д.* Ук. соч. Т. 2, Ч. 1. С. 156.

ла и интерпретировали как сознательное намерение сдать Ригу врагу, что и выразилось в искажении слов его речи.

Правда, перешедший позднее на службу к большевикам генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич (брат управделами будущего советского правительства) утверждал в своих мемуарах, что после Октябрьского переворота в бумагах МИД России нашли телеграмму румынского посла Диаманди своему правительству. В ней упоминалось, будто Корнилов прямо сказал в беседе послу, что Рига была сдана по его приказу[138]. Однако сомнительно, чтобы Бонч-Бруевич сам держал в руках эту телеграмму или ее копию.

19 августа (1 сентября) 1917 г. действительно началось давно ожидавшееся наступление германских войск на Ригу. Чтобы лучше понять тогдашнее значение этого города, упомянем, что накануне войны Рига была четвертым по числу населения (около 600 тыс. человек), после Петербурга, Москвы и Варшавы, городом Российской империи! Это был и крупный центр современной промышленности (в частности, там располагался единственный тогда в России автомобильный завод). Во время Великого отступления в 1915 г. практически все промышленные предприятия были из Риги эвакуированы в другие области страны. Но крупнейший город Русской Прибалтики сохранял свое морально-политическое значение.

Германские войска после мощной артиллерийской подготовки форсировали Западную Двину в 30 км выше Риги и переправились на ее правый берег, чем сразу создали угрозу окружения русских войск на левобережном плацдарме непосредственно перед Ригой. 21 августа Рига была сдана, причем отступление дезорганизованных русских войск удалось остановить лишь в 60—80 км севернее и восточнее Риги. Это был крупный тактический, а еще больше моральный успех Германии.

Левые обвиняли военное командование в том, что оно умышленно, зная о предстоящем германском наступлении, не приняло необходимых мер для его отражения. Правые отвеча-

---

[138] *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам! М., 1957. С. 150—151.

ли ставшим уже традиционным обвинением левым в развале воинской дисциплины. Справедливости ради нужно отметить, что национальные латышские части, в которых было особенно сильно влияние большевиков, довольно стойко дрались в те дни против немцев. Но и обвинения левых остались в тот момент бездоказательными.

Однако несомненно, что оставление Риги было воспринято многими в буржуазных кругах России как поражение не самой России, а ее разложенной революцией армии, а следовательно — как их политическая победа над революцией. Слова, приписывавшиеся Корнилову, явно отражали широко распространенные настроения в элитных слоях общества. В обстановке уже тлевшей Гражданской войны принцип «чем хуже — тем лучше» становился императивом для обеих сторон. Про сдачу же Риги необходимо сказать, что она объективно сыграла на руку именно сторонникам жестких мер.

Корниловский путч и его ближайшие последствия

Белоэмигрантская литература обвинила Керенского в предательском поведении по отношению к Корнилову в августовские дни 1917 г. Керенский якобы вначале лишь притворялся, что хочет уступить требованиям Корнилова, а потом внезапно спровоцировал того на открытое выступление. При этом неизменно подчеркивалось, что поражение Корнилова открыло большевикам дорогу к захвату власти. Последнее утверждение довольно близко к истине (хотя, как увидим, дело обстояло несколько сложнее). Но виноват ли Керенский в том, что открытая попытка установить диктатуру в интересах крупной российской и западной буржуазии потерпела в то время неудачу?

Весьма ненадежное занятие — устанавливать личные мотивы поступков политического деятеля. Поэтому не будем рассматривать предположения, что определяющим мотивом действий Керенского являлось стремление сохранить власть для самого себя. Тем более что оно видится совершенно неверным. Напротив, слишком многое свидетельствует за то,

что властью лично для себя, сколь бы ни уверяли в обратном его противники, Керенский не сильно дорожил. Неоднократно во время политических кризисов он заявлял, что уходит в отставку с поста министра-председателя. И всякий раз его упрашивали остаться. Очевидно, потому, что неспроста считали: Керенский лучше других сможет выполнить свою роль «главноуговаривающего» (одно из его прозвищ) в отношении антагонистично настроенных друг к другу классов российского общества. А уже потом те, кто его упросили, создали легенду о якобы непомерном честолюбии и властолюбии Керенского.

Проанализируем мотивы Керенского с точки зрения интересов всего класса российской буржуазии, как он мог их понимать. Несомненно, Керенский видел всю опасность немедленной реализации программы правых либералов. Он видел, что она вызовет ожесточенное сопротивление политически организовавшихся за эти месяцы низов населения, а может быть — и гражданскую войну. Вместе с тем он разделял цели элиты и понимал, что без Гражданской войны в том или ином виде эти цели недостижимы. Но в тот период — летом 1917 г. — он видел еще и то, чего не желали видеть многие другие представители элиты. А именно — что при существующей расстановке сил она не станет победителем в Гражданской войне. Для начала последней необходим был более благоприятный момент.

Не исключено, что после провала июньского наступления Керенский вообще связывал спасение власти российских имущих классов не с внутренней ситуацией, а исключительно с внешней. Осторожные меры по укреплению порядка он мог считать достаточными для того, чтобы дотянуть до выборов в Учредительное собрание с относительно благоприятным исходом и до того момента, когда западные союзники России окончательно задавят Германию. А пока крайне опасно раздражать зверя левого экстремизма каким-то радикальным наступлением на «завоевания революции». Если он действительно так полагал, то такая его тактика, как показали последующие события, была единственно реалистичной. Ибо только она могла худо-бедно предохранить россий-

скую элиту от новых сокрушительных ударов революции. Но большая часть элиты этого не понимала. В какой-то момент она почувствовала себя достаточно сильной, чтобы обойтись, если понадобится, без своего «главноуговаривающего».

Представляется, что изложенных мотивов достаточно для понимания совершившихся в конце августа 1917 г. событий. 17 августа Керенский согласился на создание правительственной комиссии по разработке законопроекта о военно-революционных судах в фабрично-заводских районах и на железных дорогах. Пока это только — планы на будущее. А уже 20 августа Временное правительство приняло постановление, объявляющее Петроград и Петроградскую губернию на военном положении. В это постановление оставалось лишь внести дату и подписать… Но Керенский не торопился этого делать.

Тем временем Корнилов, с ведома Керенского, сосредотачивал вокруг Петрограда войска, которым надлежало заняться «водворением порядка» в столице. В треугольнике железных дорог Невель — Великие Луки — Новосокольники был дислоцирован 3-й конный корпус под командованием генерал-майора Александра Крымова. В корпус входили казачьи 1-я Донская и Уссурийская дивизии, а также Дикая (или Туземная) дивизия.

Последняя состояла из уроженцев Кавказских гор и Туркмении и отличалась неистовостью не столько в бою, сколько по его окончании — в отношении пленных солдат противника и мирного населения. Добровольческие части из мусульман Кавказа и Средней Азии (от обязательной службы в российской армии мусульмане были свободны) не знали революционных нововведений вроде комитетов и сохраняли воинскую дисциплину старого образца. По всем этим качествам Дикая дивизия, казалось, идеально подходила для создания в Петрограде обстановки террора. Про ее солдат говорили, что «туземцам все равно, куда идти и кого резать»[139].

Вырисовывалась довольно «пикантная» по нынешним понятиям картина: Корнилов, человек с монгольскими корнями,

---

[139] *Краснов П.Н.* На внутреннем фронте. В кн.: Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 1. С. 115.

во главе кавказцев и туркестанцев идет усмирять русскую столицу!

Интересна и фигура командира корпуса, генерала Крымова. Он намечался в главные исполнители дворцового переворота в конце 1916 — начале 1917 г., когда заговорщики планировали остановить царский поезд и заставить Николая II отречься от престола. Судьба распорядилась так, что переворот пришлось производить в иной обстановке, и Крымов в нем непосредственно не участвовал. И вот Крымов снова — ключевая фигура заговора. После провала авантюры Корнилова он, по официальной версии, покончил с собой. Крымов унес с собой в могилу многие тайны, касавшиеся подготовки двух государственных переворотов...

Корпус Крымова планировалось ввести в Петроград по получении известий о выступлении в городе большевиков с целью захвата власти. Одновременно с севера в столицу должны были войти части 1-го конного корпуса генерал-лейтенанта Александра Долгорукова, дислоцированного в Финляндии. Корпус был подчинен военному министру, то есть Керенскому. Корнилов безуспешно добивался от Керенского передачи в ведение Верховного главнокомандующего всех войск, находившихся в районе Петрограда и в Финляндии. Но Керенский по понятным причинам хотел сохранить за собой контроль над войсками в столичном регионе. Тогда Корнилов вызвал Долгорукова в Ставку и добился от него заверений в личной лояльности.

Для создания обстановки, оправдывавшей ввод войск, в Петрограде готовилась инсценировка большевистского выступления. Этой работой занималась некая офицерская организация, получавшая субсидии от предпринимательских кругов. Связанная с этим история достаточно темна, но «серьезность» этой подготовки довольно ярко высвечивается следующими фактами. Никакие «переодетые большевиками» провокаторы на улицу так и не вышли, а офицеры, руководившие организацией, были арестованы, когда в буквальном смысле «отмывали» полученные средства в пьяных притонах.

Вообще, история единственного в российской практике XX века государственного переворота, во главе которого попыталась встать армия, донельзя трагикомична. Сам Корнилов слабо разбирался в политической обстановке. Он не видел разницы между «умеренными» социалистами и большевиками, а под конец причислил к последним и Керенского. Он заявлял своему начальнику штаба генерал-лейтенанту Лукомскому, что «пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да так, чтобы он больше нигде и не собрался», видимо, полагая это дело очень легким для выполнения. Недаром в военных кругах кто-то (по всей видимости, сам генерал Алексеев) пустил крылатый афоризм, что у Корнилова «львиное сердце, а голова овечья»[140].

Двусмысленной видится роль элитных финансово-промышленных кругов, вначале толкавших Корнилова на радикальные действия, но в решающий момент отказавших Корнилову в какой бы то ни было поддержке. Вероятно, главную роль здесь сыграло то обстоятельство, что события повернулись не совсем так, как хотелось им вначале. Верховный главнокомандующий и законное правительство, вместо сотрудничества по наведению порядка, оказались по разные стороны баррикад. Буржуазия не решилась поддержать мятежного Главковерха. Впрочем, и до попытки переворота элитные круги больше на словах выражали свою солидарность с Корниловым. Своими материальными средствами они жертвовать не спешили.

Возникает вопрос: могло ли предприятие Корнилова увенчаться успехом, если бы российская буржуазия расщедрилась на подготовку подпольной организации и поручила это дело не пропойцам, а дельным людям? Сам факт, что работа подпольщиков была пущена на самотек и не контролировалась спонсорами, свидетельствует, что вся затея изначально не рассматривалась серьезно.

---

[140] *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2. Антибольшевистское движение. С. 57.

Роль либеральной буржуазии в этих событиях была по сути провокационной. Всячески подталкивая представителей военной элиты к открытому выступлению, сама она собиралась выждать до того момента, когда определится его исход. То есть готовилась к тому, чтобы, независимо от всего, сохранить власть. На эту провокационную роль указывали и некоторые из либералов. Так, В.А. Маклаков (которого А.И. Солженицын в «Красном Колесе» характеризовал как «умнейшего из кадетов») говорил в дни, предшествовавшие Корниловскому мятежу, председателю Союза офицеров подполковнику Л.Н. Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что мы его провоцируем... Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся»[141].

Вероятнее всего, люди с деньгами рассуждали примерно так же, как Керенский: еще не время рисковать всем. Карта Корнилова, если он открыто пойдет не только против Советов, но и против правительства, казалась битой изначально. Неудивительно поэтому, что в решающий момент на стороне Корнилова не оказалось никого, кроме нескольких генералов, разделявших взгляды Корнилова, но и то — без войск.

События, непосредственно приведшие к путчу генерала Корнилова, достаточно подробно освещены в литературе. Какую бы провокационную роль и по чьему наущению не сыграл в этих событиях Владимир Львов (бывший обер-прокурор Синода в первом Временном правительстве), взявший на себя функции посредника в переговорах между премьером и Верховным, реакция Керенского была логичной. Он получил от Корнилова предложение в течение суток подать в отставку и прибыть вместе с Савинковым в Ставку, иначе он, Корнилов, не ручается за безопасность обоих. Керенский хорошо запомнил приезд Корнилова в Петроград 10 августа, когда туркменская охрана Верховного держала Зимний дворец под прицелом своих пулеметов. В такой ситуации министр-председатель не

[141] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. С. 31. «Умнейший кадет» сразу после провала путча Корнилова предусмотрительно выехал на ПМЖ во Францию в ранге посланника Временного правительства.

просто имел полное право, но и обязан был отдать приказ об отрешении Верховного главнокомандующего от должности.

Правда, Керенский не имел полномочий на издание такого приказа от своего имени. Это могло сделать только Временное правительство, но оно не принимало такого решения. Все министры, созванные Керенским в ночь на 27 августа на экстренное заседание кабинета, объявили о своей отставке, предоставив премьеру и Верховному улаживать конфликт лично между собой. Объявление о создании власти в виде «директории» из пяти министров во главе с Керенским последовало только 31 августа. Все эти дни Керенский действовал как фактический диктатор, не будучи связан никакими коллегиальными решениями.

Итак, не имея решения правительства о снятии Корнилова, Керенский «всего лишь» предложил Корнилову выехать в Петроград, сдав дела своему начальнику штаба. Но на этот случай в Ставке уже было решено действовать открыто. Лукомский ответил премьеру, что не может принять должность от Корнилова и что «ради спасения России вам необходимо идти с генералом Корниловым, а не смещать его». Сам Корнилов вечером 27 августа отдал приказ, в котором обвинил Керенского в «сплошной лжи» и «великой провокации» в том, как Керенский изложил переговоры с Корниловым о переформировании правительства. Основная часть приказа Корнилова представляла собой политическое воззвание:

«Русские люди! Великая Родина наша умирает. Близок час ее кончины.

Вынужденный выступить открыто, я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри...

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России, и клянусь довести народ путем победы над

врагом до Учредительного собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни...»

Это был, в сущности, манифест об объявлении Гражданской войны всем левым силам и поддерживавшим их народным массам, а не одним лишь большевикам.

В этом воззвании, конечно, прежде всего поражает степень его политической профанации. Всем было известно, что в Советах того времени большевики были незначительным меньшинством, а большинство принадлежало партиям меньшевиков и эсеров, чьи представители занимали больше половины мест в самом Временном правительстве. Утверждение, будто Временное правительство действует «в полном согласии с планами германского генерального штаба», было очевидной ложью и для самого автора воззвания, рассчитанной, конечно же, на дешевый пропагандистский эффект, которого, однако, не воспоследовало.

Итак, открытое выступление правых, об опасности которого несколько предыдущих недель предупреждали левые силы, в том числе большевики, стало фактом. Из этого факта левые не преминули извлечь максимальную пользу для себя. Они развернули активную работу по «защите революции», разумеется, вместе с законным правительством. Здесь большевики действовали заодно с эсерами и меньшевиками. Любопытный факт: матросы Кронштадта, игравшие видную роль в событиях 3—5 июля и в Октябрьском перевороте, в эти дни конца августа тоже прибыли в Петроград — для... защиты «революционного правительства», то есть Керенского с коллегами! Строй балтийских матросов оцепил Зимний дворец — не для штурма, а для охраны сидевших в нем от «посягательств контрреволюции».

Путч генерала Корнилова был ликвидирован без единого выстрела. Двигавшиеся на Петроград эшелоны корпуса Крымова были распропагандированы. В обработке солдат Дикой дивизии приняла участие делегация Союза мусульман России с участием внука легендарного Шамиля. Наверняка при этом был использован и такой аргумент, что, поддерживая Корнило-

ва и генералов, горцы тем самым «помогают русским и дальше угнетать Кавказ».

Победа над Корниловым была достигнута исключительно усилиями левых и способствовала реабилитации и росту авторитета большевиков у населения.

29 августа Керенский отдал приказ об отрешении от должностей и предании суду Корнилова и его помощников из числа высших военачальников — Лукомского, Деникина (в то время — главкома Юго-Западного фронта), трех командующих армиями и других. Всего по делу о «заговоре генерала Корнилова» было в общей сложности арестовано и подвергнуто предварительному заключению 24 военных и гражданских лица.

В тот же день Керенский лично возложил на себя обязанности Верховного главнокомандующего (он так и не сложил их до конца существования Временного правительства). Своим начальником штаба он упросил стать... генерала Алексеева. Свое согласие Алексеев объяснял тем, чтобы «в корень расшатанный организм армии не испытал еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми»[142]. Надо полагать, что Керенский сам не хотел такого «толчка», почему и назначил Алексеева не столько исполнителем ареста «заговорщиков», сколько посредником между собой и ими в их новом положении. Впрочем, надобность в Алексееве на этой должности для Керенского скоро миновала. 11 сентября Алексеев сдал дела генерал-лейтенанту Николаю Духонину, а вскоре был назначен Керенским председателем военной комиссии Предпарламента.

В эти сентябрьские дни пошла очередная переборка высшего командного состава армии. Вместо В.Н. Клембовского, отказавшегося принять должность Главковерха после отказа от нее Лукомского, главнокомандующим Северного фронта был назначен уже известный нам Черемисов. Главнокомандующим Юго-Западного фронта вместо Деникина стал генерал-лейтенант Н.Г. Володченко. Молодого (30 лет) подполковника Александра Верховского, после Февраля вступившего в партию эсеров и за то произведенного революционной властью в

---

[142] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. С. 65—66.

полковники, теперь за неподчинение (на посту командующего Московским округом) Корнилову Керенский поощрил званием генерала и назначил военным министром.

Надо отдать дань справедливости Керенскому: он сделал практически все, от него зависящее, чтобы свести к минимуму последствия победы левых сил над Корниловым. 1 сентября 1917 г., невзирая на протесты либеральных юристов, считавших Временное правительство неправомочным на такой акт, он официально объявил Россию республикой. Этот популистский шаг, однако, явно запоздал и уже не мог произвести такого впечатления, какое мог бы оказать весной 1917 г. Керенский не выпустил из своих рук инициативу формирования нового правительства, хотя после «корниловских» дней за отказ от сотрудничества с буржуазными либералами стала выступать значительная часть «умеренных» социалистов. Несмотря на сильнейшее давление собственной партии, он не отказался от коалиции с цензовыми элементами. Ему удалось навязать стране созыв Демократического совещания, на котором идея коалиционного правительства получила одобрение. Наконец, Керенский собрал в одном месте арестованных участников Корниловского «мятежа», облегчив им, таким образом, возможность политической организации и выступления, если бы Временному правительству все-таки пришлось уйти.

Но главного для себя — восстановления единства элитных групп вокруг своей персоны — Керенский все же не достиг. Либералы, которые отвернулись от Корнилова в решающие дни, теперь сделали арестованного генерала своим знаменем. Простив себе свою измену, они не простили того же Керенскому. Им представлялось, что время для политических компромиссов прошло, что правительство теперь еще больше, чем прежде, обязано говорить с Советами жестким языком. Тем более что с начала сентября Советы в крупнейших городах перешли под контроль большевиков. В этой обстановке Керенский совершенно перестал удовлетворять либералов. Они поддерживали его участием в правительстве больше по инерции, за неимением лучшего. Последние два месяца своего существо-

вания Временное правительство утрачивало последние опоры и агонизировало в условиях резкой поляризации общественно-политических сил и окончательного вызревания Гражданской войны.

Агония Временного правительства

Какие политические перспективы вырисовывались перед российской буржуазией после провала выступления Корнилова? Как ни странно, ей казалось, что ничего страшного для нее в тот момент не произошло. Это уже задним числом либеральные историографы революции стали изображать поражение Корнилова переломом, открывшим большевикам путь к власти.

Чтобы намерения российской буржуазии были понятнее, необходимо еще раз напомнить, что ее главным противником между Февралем и Октябрем были, как ни странно, не большевики, а «умеренные» социалисты, хоть те и заседали с нею в одном правительстве. Почему? Да потому, что политическая доктрина большевиков с апреля 1917 г., после возвращения Ленина (см. след. главу), казалась нереальной почти всем, кто с ней знакомился. Нигде и никем в мире невиданная Республика Советов? Абсурд! Даже Парижская Коммуна 1871 г. формально представляла собой парламентскую республику. Программа Ленина, как мы увидим ниже, вначале казалась абсурдной и большинству его товарищей по партии.

Поэтому буржуазия в своей пропаганде всячески стремилась приписать всей «революционной демократии» лозунги большевиков. Показательно в этой связи уже известное нам воззвание Корнилова от 27 августа. А неудачу попытки большевиков взять власть (что эта попытка окажется неудачной, буржуазия была почему-то уверена) можно было использовать для дискредитации также и «умеренных» социалистов. Последние, в силу кажущегося реализма их программы, казались буржуазии более опасными, чем большевики. Ликвидация мятежа Корнилова, в которой «умеренные» социалисты сыграли главную роль, эту оценку, казалось, только подтверждала.

В соответствии с курсом на «твердую власть», провоцирование выступлений леворадикальных сил входило важной составной частью в политические планы буржуазии. При этом даже не исключалась возможность взятия большевиками власти на короткое время. Полагалось, что этим своим опытом большевики полностью дискредитируют себя в глазах населения, и тем самым будет легче установить вожделенную имущими классами диктатуру. «Это скоты, сволочь, — говорил 23 октября американскому корреспонденту об ожидавшемся восстании большевиков член Юридического совещания при Временном правительстве кадет Б.Е. Шацкий. — Они не посмеют, а если и посмеют, то мы им покажем! С нашей точки зрения это даже неплохо, потому что они провалятся со своим выступлением и не будут иметь никакой силы в Учредительном собрании»[143]. Какой-то министр Временного правительства, чье имя осталось неизвестным для истории, оптимистически заявлял репортеру петроградских «Биржевых Ведомостей» 13 октября: «Если большевики выступят, мы вскроем нарыв хирургически и удалим его раз и навсегда».

Наличие правительства, достаточно авторитетного, чтобы примирить классовую вражду на основе социального компромисса, предполагавшего известную долю уступок элиты трудящимся массам, не только не содействовало, но, напротив, мешало осуществлению этих планов. Поэтому либералы спокойно смотрели, как их прежний любимец Керенский теряет свою популярность в народных низах, и в свою очередь подрывали его авторитет у элиты.

Каким в этих условиях становился алгоритм действий Керенского не только как главы государства, но как прежде всего политического служащего определенных классов? Огромный «средний» слой населения города, и главным образом деревни, который в советской историографии традиционно назывался «мелкой буржуазией», по-прежнему оказывал доверие «умеренным» социалистам. Очень многое в исходе политической борьбы зависело от настроений этого слоя. Керенский, очевид-

---

[143] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 68.

но, понимал, что они в данный момент совершенно исключают установление диктатуры.

После «корниловских» дней эти настроения очень сильно сдвинулись влево. Выражавшие их «умеренные» социалисты требовали создания правительства без представителей буржуазии. Эти требования были настолько громки, что несколько дней в начале сентября даже Ленин считал возможным создание правительства советского большинства, то есть из меньшевиков и эсеров (разумеется, без Керенского). В это правительство большевики, правда, входить не собирались, но поддерживали бы его постольку, поскольку оно стало бы проводить политику в интересах широких масс.

В такой обстановке Керенский попытался восстановить разрушенный мятежом Корнилова политический союз крупной буржуазии и средних слоев в форме коалиционного правительства. Это был логичный шаг, так как вне его могли быть лишь два варианта: 1) диктатура буржуазии, 2) власть Советов. Первый отпал сам собой в результате провала мятежа Корнилова. Второй был неприемлем для «умеренных» социалистов, ибо обрекал их на бескомпромиссную борьбу с буржуазией или на сдачу (со временем) власти большевикам.

Возможно, Керенский уже давно осознал, что для буржуазии самым реальным выходом из создавшейся ситуации стал бы созыв Учредительного собрания. Последнее из фактора, угрожавшего имущественным привилегиям элитных слоев, превращалось для них в наименьшее реальное зло, следовательно — во благо. Поэтому для политического авангарда буржуазии, который представлял Керенский, объективная задача заключалась в том, чтобы дотянуть до Учредительного собрания и обеспечить ему всю полноту власти. Такое Учредительное собрание, с которым подавляющее большинство населения по-прежнему связывало свои сокровенные надежды на выход России из состояния бардака, могло бы стать преградой для левого радикализма. Другой вопрос — надолго ли?..

Поскольку столичные настроения не позволяли провести принцип коалиции в открытую, была задумана хитроумная

комбинация с видимостью «всероссийского одобрения» этому принципу. На середину сентября 1917 г. в Петрограде был назначен созыв Демократического совещания из представителей Советов, профессиональных союзов, демократически избранных органов местного самоуправления, кооперативов и армейских комитетов. Около полутора тысяч делегатов, представлявших конкретные группы населения и их жизнеспособные организации, связанные непосредственно с интересами избирателей, значительно больше соответствовали понятию органа народной воли, чем Учредительное собрание, выбиравшееся по партийным спискам.

Что помешало Керенскому со товарищи объявить это Демократическое совещание столь долгожданным Учредительным собранием и тем самым окончательно легитимировать новый либерально-демократический порядок? Помешало, кроме слепой преданности принципу «всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании», конечно же, то обстоятельство, что на Демократическом совещании не были представлены «цензовые элементы».

Демократическое совещание не смогло решить вопрос о правительственной власти, позволив загнать себя в тупик юридическим крючкотворством. Сначала оно незначительным большинством голосов одобрило принцип коалиции с буржуазией. Затем были поставлены на голосование две поправки. Первая запрещала вхождение в правительственную коалицию тем элементам, которые подозревались в подготовке и поддержке корниловского мятежа. Вторая предусматривала отказ от коалиции с кадетской партией как таковой. Обе поправки прошли. Но когда та же резолюция о коалиции была поставлена на голосование с этими двумя принятыми поправками, большинство делегатов высказалось против! Демократическое совещание оказалось в процедурном тупике.

Выход из тупика был найден тут же. Совещанию предложили вотировать образование Совета Российской Республики (который чаще называли Предпарламентом) и передать ему вопрос об образовании нового правительства. Совещание приня-

ло это решение, одобрив заодно и то, что, помимо 367 членов, избранных Совещанием, состав Предпарламента пополнится еще 150 представителями элиты, избранными от торгово-промышленного союза, университетов и союзов интеллигентных профессий. Созданный на таких основах Совет Республики быстро одобрил идею коалиции без всяких оговорок.

26 сентября был обнародован четвертый состав Временного правительства. Среди семнадцати членов последнего кабинета было по трое эсеров (считая Керенского), меньшевиков и кадетов, двое прогрессистов, один «радикальный демократ», пятеро беспартийных либералов. Таким образом, «умеренные» социалисты в правительстве были теперь, в отличие от периода июля — августа, в меньшинстве.

Керенский сумел отстоять от своих партийных коллег принцип ответственности правительства только перед Учредительным собранием. Предпарламент становился лишь законосовещательным органом при Временном правительстве, его решения не были обязательными для кабинета. Впрочем, пополненный представителями элитных слоев в такой пропорции, которая никак не соответствовала их истинному весу в населении страны, Совет Российской Республики еще меньше, чем Демократическое совещание, мог претендовать на право считаться органом народной воли.

Создание очередного правительства леволиберальной коалиции выглядело, несомненно, еще одной победой Керенского и политического центризма. Но это была пиррова победа. Большевики ушли из Предпарламента. Оставшиеся в нем левые группы эсеров и меньшевиков с каждым днем все резче и по сути с большевистских позиций нападали на Временное правительство, которое все больше утрачивало возможности влиять на ситуацию в стране.

Пока происходили все эти события внутриполитической жизни, Россия пережила очередную крупную военную неудачу. При этом необходимо заметить, что в августе 1917 г. силы Центральных держав на Восточном фронте достигли своего абсолютного максимума за все время войны: 124 дивизии (на

Западном фронте в это время — 142), в том числе 84 германские. Таким образом, даже разъедаемая революцией Россия продолжала рассматриваться в Берлине и Вене как очень опасный противник! 29 сентября немцы высадили десант на острове Эзель (совр. Сааремаа) в Моонзундском архипелаге у западных берегов Эстонии и к 2 октября полностью овладели им. 4—5 октября немцы осуществили захват острова Моон (Муху), а к исходу 8 октября установили контроль над островом Даго (Хийумаа). Германский флот стал полным хозяином Рижского залива.

Не лучше в это время обстояли дела и у союзников России. Крупные американские формирования должны были начать прибывать на театры войны только летом 1918 г. До той поры европейские страны Антанты должны были рассчитывать лишь на собственные силы. Англия была в шоке от немецкой угрозы «неограниченной подводной войны» (то, что у Германии нет сил, чтобы исполнить эту угрозу, станет ясно позднее). Французы, потерпев ряд неудач в попытках наступления, копили силы для новой, которой также предстояло закончиться ничем. 11 (24) октября австро-венгерская армия прорвала итальянский фронт у Капоретто. В следующие за этим две недели итальянская армия потерпела самое крупное поражение за всю Первую мировую войну. Италия находилась на грани капитуляции. Только спешная посылка туда 12 английских и французских дивизий удержала Италию в войне. Эта переброска, в свою очередь, уменьшила силы Антанты на главном фронте. Но у союзников, по крайней мере, не происходило такой революции, как в России.

В это самое время союзники предприняли запоздалую попытку своими силами поднять престиж Временного правительства внутри страны и тем самым удержать Россию в войне. На 28 октября (10 ноября) 1917 г. в Лондоне была назначена конференция Антанты по выработке совместных мирных предложений. Разногласия двух лагерей российских «февралистов» сказались и тут. ЦИК Советов вознамерился послать свою делегацию во главе с меньшевиком М.И. Скобелевым на конфе-

ренцию и дал ей свой наказ в духе «без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение»[144]. Правительственную точку зрения на заседании Предпарламента защищал министр иностранных дел Терещенко[145]. Он, в частности, настаивал на недопустимости территориальных уступок со стороны России, оправдываемых под предлогом «самоопределения наций»[146]. Конференция в итоге не состоялась из-за падения Временного правительства.

Керенский понимал всю опасность ситуации, когда и продолжение войны, и шаги к заключению мира равным образом ставили правительство под удар с какой-нибудь стороны. В этих обстоятельствах он уже не мог скрыть свое острое недовольство политикой союзников в отношении России, что вылилось в последнем интервью Керенского на посту премьер-министра зарубежной прессе 17 октября 1917 г. Корреспонденту Associated Press, спросившему «Чем вы объясняете то, что русские перестали сражаться?», Керенский раздраженно ответил: «Глупый вопрос! Россия вступила в войну прежде всех прочих союзников и долгое время несла на себе всю ее тяжесть. Ее потери гораздо больше, чем потери всех прочих народов вместе. Теперь Россия имеет право требовать от союзников, чтобы они пустили в дело все свои силы... Вы спрашиваете, почему русские перестали сражаться, а русские спрашивают, где находится британский флот, когда по Рижскому заливу ходят германские броненосцы?.. Почему русские перестали сражаться? Я вам скажу почему. Потому, что народ разорен экономически и изверился в союзниках». Характерно, что этот ответ так и не был опубликован в тогдашней печати целиком[147].

Захват немцами Моонзундских островов вызвал очередной виток (пока только) информационной Гражданской войны.

---

[144] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 262—264. В литературе иногда этот наказ ошибочно трактуется как программа Керенского, см., напр.: *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 401.

[145] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 42—43.

[146] Там же. С. 268—270.

[147] Там *же*. С. 279.

Буржуазные газеты снова получили повод шуметь о развале дисциплины в армии, созданном революцией; при этом не щадили и правительство. Левые же обвиняли правительство в преступном замысле сдать Петроград врагу для того, чтобы расправиться с революцией. За прошедшее с тех пор время никто так и не смог найти доказательств наличия у правительства Керенского подобных намерений. Вопрос об эвакуации правительства в Москву, в связи с возможным созывом Учредительного собрания именно в первопрестольной, действительно рассматривался, причем еще с весны 1917 г. Как раз из-за опасений возбудить тем самым нездоровые толки о том, что правительство бежит из Петрограда, бросая город на произвол судьбы, этот вопрос осенью 1917 г. был окончательно оставлен. Многие же культурные ценности, в частности, сокровища Эрмитажа, были эвакуированы из Петрограда еще в 1915 г. — не потому, что город готовили к сдаче, а для сбережения от бомбежек с «Цеппелинов». Никаких оснований подозревать само правительство в подобных планах не было.

Но правые в очередной раз «подставили» Временное правительство. Огромный резонанс в левых кругах получила реплика бывшего председателя Государственной Думы октябриста М.В. Родзянко, напечатанная в газете Рябушинского «Утро России». Поскольку сила Родзянко, по меткому выражению С.Ю. Витте, заключалась «не в уме, а в голосе — у него отличный бас», то нет ничего удивительного в том, что он высказал вслух для прессы следующее: «Петроград находится в опасности… Бог с ним, с Петроградом… Опасаются, что в Петрограде погибнут центральные учреждения [ЦИК, центральные армейские и профсоюзные комитеты и т.д.]… Очень рад буду, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, они ничего не дали России»[148].

Несомненно, что Родзянко выболтал сокровенные мысли части российской элиты. «В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход

---

[148] Цит. по: *Рабинович А.* Большевики приходят к власти (пер. с англ.). М., 1989. С. 253.

немцев, несущих "законность и порядок", — пишет американский левый журналист. — Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца. Во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают — Вильгельма или большевиков? Десять против одного высказались за Вильгельма»[149]. Вряд ли здесь много утрировано. Просто большинство, в отличие от голосистого Родзянко, понимало, что эти настроения — не для того, чтобы высказывать их публично в беспокойное время.

Такой откровенный классовый конфликт, при котором внутренний враг представлялся значительно опаснее любого внешнего, не мог быть смягчен «парламентским» путем отдельных небольших уступок. Поэтому Керенский в это время уже крайне неохотно прибегал к популистским мерам, так как понимал, что они не смогут возыметь необходимого эффекта. Это доказывалось, например, историей с отменой смертной казни. 17 октября Временное правительство отменило смертную казнь за преступления на фронте, восстановленную им в июле. Но этот акт остался незамеченным на фоне разворачивающихся событий. Правительство не сумело увеличить на нем свой политический капитал. Когда же спустя несколько дней большевики пришли к власти, они громогласно заявили об отмене смертной казни, поставив это в заслугу исключительно себе.

Поэтому 24 октября Керенский довольно холодно встретил явившуюся к нему делегацию Предпарламента, передавшую только что принятую этим органом резолюцию. Она говорила о том, что существующее положение создано медлительностью властей в решении важных политических вопросов и рекомендовала Временному правительству объявить о своих мирных предложениях и о передаче частной земли в ведение крестьянских комитетов. По сути, это была программа, двумя сутками позже осуществленная 2-м Всероссийским съездом Советов в виде «Декрета о мире» и «Декрета о земле». Однако Керенский резко отверг предложенную резолюцию. Он отлично понимал,

---

[149] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 32.

что объявление правительством этих мер пройдет незамеченным и уже не остановит готовящегося открытия Съезда Советов, который провозгласит себя высшим органом власти, а Временное правительство — низложенным. Возникший конфликт мог быть разрешен только путем открытого столкновения.

У буржуазии были основания для оптимизма накануне неизбежной Гражданской войны. Обстановка, складывавшаяся в России, очень напоминала ту, что была во Франции в 1871 г., во время провозглашения Парижской Коммуны. Тогда гражданская война тоже разворачивалась на фоне войны с немцами, оккупировавшими значительную часть страны. Тогда провинция не поддержала радикально настроенную столицу. Уезжая в ночь на 25 октября из Петрограда в автомобиле посольства США, Керенский еще надеялся, что, как в июле, скоро вернется в столицу во главе преданных ему войск. Как оказалось, он покидал Петроград навсегда…

Бросая прощальный взгляд на Временное правительство, как мы его оценим? Вроде бы для положительной характеристики нет никаких оснований. Либерально-социалистическое правительство всего за восемь месяцев полностью дискредитировало и партии, представители которых в него входили, и их идеалы. Оно оказалось неспособно ни успокоить (неважно, какой ценой) народ, ни провести реформы, ни навести порядок, ни успешно вести войну, ни даже предпринять попытку заключить мир.

Но правомерно ли считать деятелей Временного правительства политически недееспособными? Ведь многим еще накануне Февраля они казались лучшими представителями своего класса. И после Февраля буржуазные круги поначалу буквально молились сначала на первого премьера Г.Е. Львова, потом на Керенского. Эти их оценки тогда полностью разделяли и западные партнеры российской буржуазии[150]. Но вскоре те и другие начали их ругать на чем свет стоит. Солидаризируемся ли мы с их мнением, что главы и члены Временного правительства просто персонально оказались неспособны овладеть

[150] *Рабинович А.* Ук. соч. С. 18; *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 330.

положением и успешно править страной? Что, будь уже тогда на месте Львова, Керенского и К° какие-нибудь другие лица из той же буржуазной элиты, они бы справились лучше?

В эмиграции на Львова, Милюкова, Керенского, других деятелей февральского режима возвели хулы не меньше, чем на последнего императора. Но правды в ней не намного больше, чем в случае с Николаем II. Гораздо более объективной, близкой к истине, чем мнение о бездарности, безвольности и т.п. качествах деятелей Временного правительства, представляется противоположная точка зрения. Наиболее откровенное выражение, как нам видится, она нашла в (до сих пор опубликованных лишь частично) «Очерках экономической истории русской буржуазии» историка-большевика А.П. Спундэ[151]:

«По своим личным качествам почти все члены Временного правительства были наиболее талантливыми членами своих партий. Это, несомненно, было самое талантливое правительство, которое только **могла** создать тогдашняя русская буржуазия». Но: «Для решения самых острых вопросов, поставленных неумолимым ходом истории, Временному правительству опереться было не на кого... И это объяснялось прежде всего тем положением, которое занимала буржуазия в русской политической и экономической жизни»[152].

Во Временное правительство российская буржуазия действительно делегировала своих самых способных представителей. Тот же Керенский гораздо лучше Корнилова или даже Милюкова понимал, какая политическая тактика в данный момент лучше отвечает долгосрочным интересам буржуазии (которая потом обзовет его «истериком»). Так, он отлично осознавал, что резкие действия, вроде открытой попытки Корнилова установить диктатуру, и даже резкие высказывания, вроде реплики Родзянко о необходимости сдать Петроград врагу, приносят лишь вред господствующему классу. Они раздражают

---

[151] Активный участник Октябрьской революции, занимал ответственные посты в Советском государстве.

[152] «Наука и жизнь». 1988, № 1. С. 78. Жирный шрифт — автора цитаты.

народные низы и в то же время открывают им, не приближая к осуществлению, истинные планы буржуазии. В отношении этих не по разуму ретивых «патриотов», оказывавших власти собственного класса поистине медвежью услугу, Керенский был вправе чувствовать нескрываемое раздражение как тогда, в 1917-м, так и десятилетия спустя уже в эмиграции. Ведь даже там они не желали понять, что если и был у российской буржуазии в 1917 г. какой-то шанс удержаться у власти, то он мог заключаться только в последовательном проведении центристской политики, не провоцировавшей экстремизма народных масс!

Керенский оттягивал начало Гражданской войны, так как опасался, что при наличном соотношении сил она закончится для буржуазии поражением. И оказался прав. Корнилов и стоявшие за его спиной этого не понимали. Они хотели как можно быстрее развязать гражданскую войну, а дальше видно будет. Правда, они были почему-то уверены в своем успехе. Керенский был чужд этого авантюризма, но не смог уберечь от него господствующий класс. В какой-то момент сиюминутные устремления российской буржуазии и осторожная тактика Керенского разошлись в разные стороны.

Даже Милюков не понимал в достаточной степени всех объективных трудностей. В разгар корниловского путча он явился к Керенскому с предложением — уйти в отставку, передав всю полноту верховной власти третьей фигуре — генералу Алексееву. Корнилов и поддерживавшие его генералы, считал Милюков, согласятся на такой компромисс, и мятеж утихнет сам собой. И Керенский несколько часов, по-видимому, серьезно обдумывал это предложение. Но затем правильно оценил расстановку сил и увидел, что с Корниловым, кроме горстки генералов без войск, в сущности, никого более нет.

Нетрудно представить, что могло произойти, если бы Керенский поторопился принять «спасительное» предложение Милюкова. Поднявшаяся волна народного негодования смела бы «диктатора» Алексеева так же быстро, как она без единого выстрела покончила с путчем Корнилова. А это уже тогда от-

крыло бы дорогу формированию советского правительства — правда, пока еще с преобладанием меньшевиков и эсеров. Возможно, это было бы даже лучше для последующего развития страны, так как политическая база советского строя оказалась бы в этом случае шире. Но для российской буржуазии это означало бы уже тогда — на два месяца раньше, чем произошло в действительности, — конец политической власти.

Глава четвертая

ЛЕНИН И БОЛЬШЕВИКИ

Был ли Ленин изменником Отечеству?

Одной из знаковых фигур не только этой эпохи, но и всей русской истории, является, конечно же, вождь большевиков Владимир Ульянов-Ленин. Как раз с его именем принято связывать заключение Россией сепаратного мира, сопровождавшегося уступкой противнику значительной части российской территории. Для многих он — демон, злодейский гений, помешавший России победоносно завершить вместе с союзниками Первую мировую войну.

Многие ныне верят в ту версию, которая распространялась Временным правительством в дни после Июльского восстания, что Ленин — купленный немецкий агент. Сюжет о «запломбированном вагоне» и «немецких деньгах» большевиков стал расхожим в современной России, как и в то лето 1917 г.

Вопрос о роли германских субсидий в большевистской революции давно разрабатывается в историографии. Под давлением ряда свидетельств, в первую очередь — рассекреченных в 1958 г. документов из архива министерства иностранных дел Германской империи[153], многие историки ныне признают факт этих субсидий. Причем из него нередко любят делать вывод, что большевистский переворот был произведен исключительно благодаря немецким деньгам, а придя к власти большевики

[153] *Zeman Z.A.* Germany and the Revolution in Russia 1915—1918: Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. L.; N.Y., 1958.

попросту стали отрабатывать «спонсорские средства». Но принять такой вывод решительно невозможно.

Главное свидетельство — меморандум министра иностранных дел Германии Рихарда Кюльманна от 20 ноября (3 декабря) 1917 г. Там, в частности, говорится: «Россия оказалась самым слабым звеном в цепи наших противников. Перед нами стояла задача постепенно ослабить ее и, когда это окажется возможным, изъять из цепи. Это было целью подрывной деятельности, которую мы вели за линией русского фронта — прежде всего стимулирование сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Только тогда, когда большевики начали получать от нас через различные каналы и под различным видом постоянный поток денежных средств, они оказались в состоянии создать свой собственный орган — "Правду", проводить энергичную пропаганду и расширить значительно свою прежде узкую базу партии. Теперь большевики пришли к власти»[154].

Можно ли верить этому свидетельству на слово? Не есть ли это всего лишь попытка рейхсминистра иностранных дел повысить престиж своего ведомства и своей «команды» в глазах кайзера? Сторонники версии об «экспорте» большевизма из Германии в Россию пусть сначала ответят на такой вопрос. Если кайзеровский режим был настолько богат, что смог на свои деньги устроить социальную революцию в России, почему же он не спас самого себя от революции в Германии?

При этом не следует забывать, кто кого в итоге «оставил в дураках». Кайзеровский режим продержался всего лишь год после Октябрьской революции в России, будучи ею же подточен на корню. Так что если Второй германский рейх действительно финансировал большевиков, то себе же на погибель. Основанное же Лениным государство просуществовало как-никак больше семи десятилетий!

Совсем отрицать, что большевики пользовались финансовой помощью из-за рубежа (пишут еще и об американских субсидиях Троцкому), не приходится. Но в этом отношении большевики были в России далеко не исключением!

---

[154] Цит. по: *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 427.

Допустим, что большевики получили по разным каналам из-за рубежа несколько десятков, пусть даже сотню миллионов германских марок. Давайте сравним это со средствами, которыми обладали их противники. В распоряжении Временного правительства был бюджет Российского государства. За восемь месяцев существования этого правительства он благодаря одним лишь иностранным займам увеличился минимум на 1,8 млрд рублей[155], что составляло 4 млрд немецких марок (в пересчете по золотому эквиваленту). Так что не одни большевики пользовались иностранными средствами. Временное правительство также вовсю поддерживалось из-за рубежа, причем размеры этой финансовой помощи превосходят ту, которую могли иметь большевики, в десятки, а то и в сотни раз!

Что мешало правительству бросить часть этих средств на развертывание контрпропаганды большевикам? Правильно, ничто не мешало. Более того, они и использовались по назначению. А низкая эффективность этого использования доказывает лишь одно: в 1917 г. в России были, очевидно, и другие причины, кроме немецких субсидий большевикам, для массового выражения недовольства политикой Временного правительства!

Так что не следует сбиваться на мелочи и глупости вроде баек о том, что Ленин на немецкие деньги совершил революцию. Такие анекдоты просто недостойны великого русского народа. Что же, получается, кучка вражеских шпионов сумела обмануть целый русский народ? А русские-де оказались настолько тупы и слепы, что, вместо преследования собственных социальных интересов, просто подыграли горстке изменников? Считать так, очевидно, могут только закоренелые русофобы.

Нет никаких оснований шельмовать большевиков, противопоставляя их методы тем, которые применялись их политическими конкурентами. Задолго до Октября 1917 г. моральные рамки дозволенного в российской политике стали весьма расплывчатыми. И это — «заслуга» не только и не столько большевиков. Это касается и вопроса субсидий от враждебного

---

[155] *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 264; *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 183.

государства: в 1904—1905 гг., во время Русско-японской войны, российские либералы отнюдь не брезговали получать из японских источников средства на издание за границей журнала «Освобождение» и на организацию совместных конференций с представителями революционных партий эсеров и эсдеков.

Поэтому и вопрос об «измене» Ленина с его лозунгами «поражения своего Отечества» и «превращения империалистической войны в гражданскую» слишком сложен, чтобы однозначно решать его в формально-юридических рамках. Понятно, что масштаб «кайзеровского агента» как-то, мягко говоря, мелковат для подлинно выдающегося политического деятеля всего мира начала XX века, с каким бы знаком, + или —, не оценивать его свершения.

Когда осенью 1914 г. социал-демократия всех вступивших в войну стран, включая Россию, дружно встала в ряды патриотов своих Отечеств, нужно было иметь немалое гражданское мужество, чтобы выдвинуть лозунг, квалифицируемый законом любого государства, при любом режиме, как государственная измена. Мало того, в обстановке Отечественной войны это выглядело и национальной изменой. Но Ленин пошел на это.

В сентябре 1914 г. в статье «Война и российская социал-демократия» (увидевшей свет в ноябре 1914 г.) он впервые выдвинул такие положения: «С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всей России наименьшим злом было бы поражение царской монархии» и «Превращение современной империалистской войны в гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг»[156]. В статье «О национальной гордости великороссов», написанной не позднее середины декабря 1914 г., Ленин утверждал: «Нельзя великороссам “защищать отечество” иначе, как желая поражения во всякой войне царизму»[157]. Сторонники демонизации Ленина уверяют, что он делал тем самым сознательную установку на уничтожение России и уже тогда запланировал гражданскую войну.

---

[156] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 26. С. 21—22.
[157] Там же. С. 108—109.

Но о какой «установке» могла идти речь в 1914 г., когда Ленин представлял собой лидера маленькой сектантской группки внутри российской социал-демократии? При этом он мог влиять на работу этой группки в России лишь со стороны, из эмиграции, при нерегулярной организационной связи. Довести свой лозунг до товарищей в России он впервые смог только зимой 1914/15 г., когда несколько номеров «Социал-демократа» были нелегально переправлены через границу. В России ленинский манифест «Война и российская социал-демократия» был впервые напечатан в подпольной прессе лишь в феврале 1915 г. Вплоть до 1917 г. Ленин со своей радикальной позицией оставался маргиналом даже среди европейских социал-демократов интернационалистов (иначе называемых циммервальдистами по имени деревушки в Швейцарии, где они в сентябре 1915 г. провели свой съезд), которые не принимали лозунга «обороны Отечеств», но страшились ленинского призыва «превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

До весны 1917 г. Ленин практически никак не влиял на политическую ситуацию в России. Возможность для широкой пропаганды «пораженчества» открыла ему Февральская революция, в совершении которой большевики играли роль статистов. Гучков сделал гораздо больше для сокрушения русской монархии, чем Ленин.

Гений политического прогноза

До октября 1917 г. все российские режимы как будто нарочно расчищали дорогу большевикам. Во всяком случае, так видится задним числом, глядя на последствия их действий. Хотя не следует забывать, что, предпринимая их, российская элита руководствовалась своими интересами и своими политическими расчетами — как оказалось, ошибочными. Но была ли альтернатива этим неверным расчетам? В предыдущих главах мы попытались ответить на этот вопрос.

В том, что лозунги Ленина оказались в итоге воплощены в политическую практику, — результат глубочайшего предвиде-

ния. Политический лидер добивается успеха, когда ему удается не просто позиционировать себя как выразителя интересов самых активных социальных слоев, но и уловить основные тенденции происходящего и использовать их так, что со стороны это действительно может казаться «управлением политическим процессом». Ленин дал в главных чертах совершенно точный прогноз глобальных и российских политических тенденций на пять-семь лет вперед, причем в уникальной обстановке мировой войны. Ленин показал, как важны для политика в условиях динамичного индустриального и глобализирующегося общества верное долгосрочное политическое предвидение и ставка на перспективный общественный класс. В этом его коренное отличие от Николая II.

Главная беда Николая II, как мы уже видели, состояла в том, что он был вынужден делать ставку не на те общественные классы. Элита Российской империи, доставшаяся ему «по наследству», была неспособна к таким свершениям, которых от России требовало время. В этой связи совершенно новое измерение приобретает и вопрос о «государственной измене» Ленина. Ведь его прогноз как раз и основывался на очевидной (для него) неспособности российской элиты привести Россию к победе в войне, не допустив революции!

Мы уже отмечали, что прогноз Ленина в своих главных чертах совершенно совпал с прогнозом П.Н. Дурново. Но в силу своих политических целей оба деятеля сделали из этого тождественного прогноза разные выводы. Для Дурново было очевидным, что, ради самосохранения того общественного класса, к которому он принадлежал вместе с царем, Россия не должна ввязываться в войну с Германией на стороне Антанты. Для Ленина было само собою разумеющимся, что, коль скоро Россия все-таки оказалась вовлечена в такую войну, грех было бы не воспользоваться благоприятной ситуацией для реализации своей радикальной социально-политической программы.

Но до весны 1917 г. большевики не оказывали почти никакого воздействия на общественные настроения в России. К ключевым событиям Февральской революции они, как мы уже видели, были непричастны. Известие о ней застало Ленина в

его швейцарском уединении врасплох. Это лишний раз доказывает, что до Февраля 1917 г. Ленин был «всего лишь» политическим аналитиком, теоретиком, овладевавшим методикой политического предвидения и стратегического планирования для массовой политической партии, каковой большевики, однако, в ту пору не были. Условия для создания такой партии в России появились только после Февральской революции, которую, еще раз повторю, не большевики совершили.

Автору возразят: Дурново, в отличие от Ленина, видел в грядущих событиях беду России и хотел их предотвратить, а не призывал воспользоваться ими в целях захвата власти. Но виноват ли Ленин в том, что большинство прочих российских политиков вовремя не разглядели надвигающийся на них асфальтовый каток? А разглядев, попытались остановить его и оказались им раздавлены? В отличие от них, Ленин рассудил, что лучше оказаться за рулем такого катка, чем впереди него. В восточной философии есть выражение для аналогичного действия — «оседлать тигра». В этом, а отнюдь не в немецких деньгах, содержался «золотой ключ» к победе большевиков[158].

Историография Русского Зарубежья потратила уйму бумаги на то, чтобы доказать, будто революция в России не имела достаточных внутренних объективных предпосылок. И развивала «гипотезы» о том, что своим успехом большевики были обязаны исключительно немецким деньгам и другим привходящим факторам, с потребностями русского народа никак не связанным. В нынешнее время ей стали вторить некоторые авторы и в нашем Отечестве. Составной частью теории, относящей русскую революцию целиком на счет субъективных причин, является и легенда о якобы особых, исключительных, «демонических» с точки зрения таких авторов, качествах Ленина как вдохновителя, организатора и руководителя большевиков.

Однако эти авторы закрывают глаза на то, что в 1917 г. было очевидным для многих. Ведь ни Дурново, ни Ленин своими

---

[158] Сторонник версии о «немецких деньгах» С.П. Мельгунов назвал одну свою книгу «Золотой немецкий ключ большевиков» (Париж, 1940).

способностями к политическому предвидению не были уникальны в России того времени. Грозившую российским элитным классам опасность отчетливо усматривали и Милюков, и Керенский, и другие российские политики. Но действия главных персонажей в событиях 1917 г. были обусловлены интересами и настроениями тех общественных классов, с которыми каждый из них связал свою политическую судьбу. Можно сказать, что главный секрет успеха Ленина — в том, что он умел сделать из своего теоретического прогноза надлежащее практическое применение. Однако такое объяснение далеко не достаточно.

Как мы увидим ниже, в своей политической тактике Ленин допускал серьезные промахи. Он вовсе не был таким сверхъестественно безошибочным вождем, как это изображали и официальная советская историография, и ее оппоненты. То, что эти промахи не стали для большевиков роковыми — показатель того, что в 1917 г. далеко не все в действиях большевиков зависело от «предначертаний» вождя. Партия большевиков представляла собой живую организацию, сотнями тысяч нитей связанную с народными массами, чувствовавшую их интересы и настроения. В этой организации ошибки вождя тут же сглаживались и исправлялись влиянием огромного и могучего, как океанские приливы и отливы, движения масс. То, что ряд просчетов Ленина, имевших экстремистское свойство, не помешал в итоге большевикам прийти к власти, — лишнее подтверждение объективного характера социального процесса, покончившего в 1917 г. с господством старой российской элиты.

Экстремизм и гибкость

Когда поздно вечером 3 апреля 1917 г. Ленин прибыл из-за границы в Петроград, он встретился с Россией, еще не отошедшей от эйфории Февральской революции и не способной воспринять радикальные ленинские лозунги. Об отрицательной позиции Ленина в отношении Временного правительства здесь уже слышали. Встречавший вождя большевиков председатель Петроградского Совета меньшевик Н.С. Чхеидзе в своей речи

выразил надежду, что Ленин объединится со всей «революционной демократией». На это же надеялись и многие большевики, с начала марта получавшие ленинские «Письма из далека», но опубликовавшие в партийной печати лишь одно из пяти писем, и то с сокращениями — так напугал их ленинский экстремизм, таким далеким казался Ленин от нужд и интересов России!

«Защита Родины означает защиту одних капиталистов от других», — взывал Ленин к толпе солдат с балкона особняка Кшесинской в ту же ночь, и среди солдат его слова вызывали ропот негодования. «Кое-кто даже предложил ему спуститься вниз, и тогда они ему покажут, что к чему»[159]. Лозунг «Вернем Ленина Вильгельму!» стал все чаще появляться на уличных митингах и демонстрациях.

«Ленин слишком долго пробыл в эмиграции, оторвался от российской жизни, надо объяснить ему, что и как, он поймет», — примерно таковы были господствовавшие в «революционной демократии» настроения первое время по возвращении Ленина. Время шло, но Ленин «не понимал». Наоборот, партия большевиков постепенно воспринимала ленинские установки. Более того, на позиции Ленина переходили и некоторые другие фракции социал-демократов (т.н. «межрайонцы» во главе с Троцким, летом 1917 г. организационно объединившиеся с большевиками). Те же, кто никак не разделял ленинских лозунгов, перестали надеяться на то, что Ленин «прозреет», и переходили в стан его врагов.

Приятие ленинской позиции большевиками во многом объяснялось тем, что, ознакомившись с ситуацией, Ленин откорректировал некоторые из своих тезисов. Конечно, от принципиального положения о «превращении империалистической войны в гражданскую» он отказываться не собирался. Но некоторые пункты своей программы сделал более приемлемыми для партии.

О каких пунктах идет речь? Вечером 4 апреля Ленин дважды выступил со своими тезисами «О задачах пролетариата в

---

[159] *Улам А.* Большевики (пер. с англ.). М., 2004. С. 302.

нашей революции», позднее получивших название «Апрельских тезисов», перед большевистской фракцией Всероссийского совещания Советов, проходившего в это время в Петрограде, затем перед объединенным собранием большевиков и меньшевиков этого Совещания. Накануне, до приезда Ленина, Совещание приняло резолюцию об «условной поддержке» Временного правительства, причем за эту резолюцию голосовали делегаты-большевики. И тут Ленин говорит: «Никакой поддержки Временному правительству!»

В этих тезисах Ленин выдвинул свое главное программное требование о власти: «С.Р.Д. [Советы рабочих депутатов] есть *единственно возможная* форма революционного правительства... Не парламентарная республика — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов во всей стране, снизу доверху».

Резок и бескомпромиссен был Ленин в вопросе о войне: «В нашем отношении к войне... недопустимы ни малейшие уступки “революционному оборончеству”. На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала... Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии...»[160]

В тот период в обеих крупных фракциях российской социал-демократии были сильны тенденции к взаимному примирению и объединению, почему и стало возможным совместное собрание большевиков и меньшевиков. Речь Ленина похоронила надежды на восстановление единства социал-демократии. Меньшевики никоим образом не могли принять такой резолюции. Но, что самое главное, и фракция Ленина тоже не приняла его тезисов как руководящее указание! Ленину в тот пе-

[160] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 31. С. 113—115. Здесь и далее — курсив авторов цитат.

риод удалось добиться от своих соратников только одной, хотя и существенной уступки — отбросить попытки объединения с меньшевиками и сохранить независимость партии.

Как показала жизнь, «Апрельские тезисы» Ленина в своей главной части оказались более реалистичной программой, чем «условная поддержка Временного правительства», на которой настаивало большинство его соратников. Апрельский кризис правительства наглядно подтвердил практичность ленинских лозунгов. Всероссийская конференция большевиков, собравшаяся в конце апреля в Петрограде, приняла резолюции Ленина по всем основным политическим вопросам. Однако их сравнение с «Апрельскими тезисами» показывает некоторое различие. Нет, в главных вопросах позиция Ленина осталась неизменной. Самый интересный нюанс касается аграрной программы большевиков.

Ленин снял упоминание о «советах батрацких депутатов» и признал эту ошибку «Апрельских тезисов». Первоначальная попытка Ленина противопоставить сельскохозяйственный пролетариат массе крестьянства была одной из экстремистских ошибок вождя большевиков. Даже весной 1918 г., когда большевики попытались форсировать «социалистическую революцию в деревне», противопоставляя бедноту зажиточным хозяевам, это чуть не привело к крушению советской власти. Без преувеличения можно сказать, что, упорствуй большевики в этом еще годом раньше, они так и не смогли бы получить широкой поддержки в солдатских массах, состоявших в основном из крестьян. К счастью для большевиков, их лидер вовремя заметил свою тактическую ошибку, которая поэтому и не стала роковой.

После событий начала июля 1917 г. Ленин переоценил значение и последствия победы Временного правительства. В тезисах «Политическое положение», написанных 10 июля, вождь большевиков такими словами определял сложившуюся ситуацию: «Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки… Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная

диктатура… Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно».

Отсюда следовали практические выводы: «Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5—9 июля, т.е. до перехода фактической власти в руки военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле… Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути… Собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию, если ход кризиса позволит применить его в действительно массовом, общенародном размере… Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии»[161].

В одной из своих статей конца июля Ленин повторил эти оценки: «Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»[162].

При этом Ленин оговаривал временный характер отказа от лозунга передачи власти Советам. В брошюре «К лозунгам» (середина июля, опубликована не ранее конца июля) вождь большевиков предрекал: «Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашательства[163] с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией

[161] *В.И. Ленин.* ПСС. Т. 34. С. 2—5.

[162] Там же. С. 29.

[163] За эту черту их политики эсеров и меньшевиков в 1917 г. часто называли «соглашателями».

и с предательством *данных* Советов». Поэтому «лозунг передачи власти Советам может быть понят, как "простой" призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ»[164].

Итак, оценка Лениным политического положения после июльских событий сводилась к следующим основным характеристикам:

1) Власть буржуазного правительства уже приобрела характер военной диктатуры, причем, скорее всего, всерьез и надолго.

2) «Умеренные» социалисты окончательно переметнулись в лагерь контрреволюционной буржуазии.

3) Советы, руководимые «умеренными» социалистами, превратились в бессильный и безгласный придаток при военно-диктаторском буржуазном правительстве; «двоевластие» закончилось.

4) Мирный переход власти в руки пролетариата при таких условиях невозможен.

5) Большевикам необходимо готовить массы к вооруженному восстанию, причем не только против буржуазного Временного правительства, но и против поддерживающих его Советов.

Из этой оценки напрямую вытекало отрицательное отношение к распространяемой «умеренными» социалистами тревоге по поводу возможности контрреволюционного военного переворота, ибо по Ленину выходило, что такой переворот уже произошел. В преддверии реального путча Корнилова такое отношение являлось серьезной ошибкой краткосрочного прогнозирования и могло лишь дезориентировать партию во время важнейших событий. При этом необходимо отметить в целом верный характер стратегического прогноза, сделанного Лениным, что было наглядно подтверждено значительно позже, глубокой осенью 1917 г.

Июльские тезисы Ленина в силу их экстремистского характера и неадекватной оценки ситуации были партией большевиков в целом отвергнуты. Расширенное совещание Цен-

---

[164] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 17.

трального Комитета большевистской партии, проходившее в Петрограде 13 и 14 июля, выразило несогласие с ленинскими предложениями. Формулировки резолюции в отношении Временного правительства и «умеренных» социалистов были далеки от ленинской категоричности.

Правительство Керенского, по мнению ЦК, явилось результатом компромисса между, с одной стороны, «мелкой крестьянской буржуазией и той частью рабочего класса, которая не разочаровалась еще в мелкобуржуазных демократах», и буржуазно-помещичьими слоями — с другой. Резко критикуя «умеренных» социалистов, резолюция в то же время не считала их окончательно перешедшими в лагерь контрреволюции. О снятии лозунга «Вся власть Советам!» резолюция ЦК не упоминала вообще. Наоборот, она говорила о необходимости передачи власти в руки революционных Советов, которые покончат с практикой «соглашательства» с буржуазией. В преддверии 6-го съезда партии, намеченного на конец июля, эта резолюция служила главной партийной директивой о тактике.

26 июля 1917 г. в Петрограде полулегально собрался всероссийский съезд большевистской партии. За две недели, прошедшие между совещанием ЦК и съездом, Ленин со свойственной ему энергией развил, посредством корреспонденции, бурную агитацию среди соратников. Результатом его действий явилось то, что съезд снял лозунг «Вся власть Советам!» Однако формулировка нового лозунга была ничуть не ближе к ленинской и, если вдуматься, оставляла большевикам широкий простор для будущего сотрудничества с «умеренными» социалистами. В редакции, внесенной И.В. Сталиным (Джугашвили), новый лозунг звучал так: «Полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии».

На местах большевики продолжали активно сотрудничать с другими левыми группами «революционной демократии». В частности, в дни созыва Московского Государственного совещания (12—14 августа), которое расценивалось левыми как «смотр контрреволюционных сил», Московский Совет рабочих депутатов сформировал «для защиты правительства и Совета

от посягательств контрреволюции» Временный революционный комитет на паритетных началах: по два представителя от эсеров, меньшевиков и большевиков. В дни мятежа генерала Корнилова стихийно сложившийся на местах единый фронт всех левых сил стал главным фактором, обусловившим поражение путчистов.

После корниловских дней, показавших реальную силу и влияние Советов, большевики вновь возродили свой прежний лозунг и на нем спустя два месяца пришли к власти. Месячный период его отсутствия в пропаганде большевиков оказался слишком кратковременным, чтобы серьезно отразиться на их политической практике. Широкие массы, судя по всему, вообще не заметили этого отсутствия. Для них большевики что в августе, что в сентябре были теми же самыми. Именно эта кратковременность не позволила июльскому экстремизму Ленина развернуться в полной мере и оказать роковое воздействие на тактику большевиков. Ленина и его партию также сильно выручил экстремизм их противников, вернувший политическую ситуацию во многом к той, что была до июльских событий.

Большевики против Ленина

Ленину были свойственны резкие повороты в оценке политической ситуации. При этом, что характерно, определяющим мотивом для него служило вовсе не стремление обострить конфронтацию со своими оппонентами. Ленин исходил только из соображений практической пользы, как он их сам понимал в каждый конкретный момент. Сразу после провала корниловского выступления он стал высказывать такие мысли, за которые еще месяц назад сам себя подверг бы жестокому разносу за «конституционные иллюзии».

1 сентября 1917 г. Ленин пишет статью «О компромиссах», в которой просто ошеломляет своим полным разрывом с теми установками, которые давал партии после июльских событий: «Теперь наступил такой крутой и такой оригинальный поворот русской революции, что мы можем, как партия, предложить добровольный компромисс... эсерам и меньшевикам. Лишь как

исключение, лишь в силу особого положения, которое, очевидно, продержится лишь самое короткое время... Компромиссом является, с нашей стороны, наш возврат к доиюльскому требованию: вся власть Советам, ответственное перед Советами правительство из эсеров и меньшевиков.

Теперь, и только теперь, может быть *всего* в течение нескольких дней или на одну-две недели, такое правительство могло бы создаться и упрочиться вполне мирно. Оно могло бы обеспечить, с гигантской вероятностью, мирное движение *вперед* всей российской революции и чрезвычайно большие шансы больших шагов вперед всемирного движения к миру и к победе социализма.

Только во имя этого мирного развития революции — возможности, *крайне* редкой в истории и *крайне* ценной ...только во имя ее большевики... могут и должны, по моему мнению, идти на такой компромисс.

Компромисс состоял бы в том, что большевики, не претендуя на участие в правительстве... отказались бы от выставления немедленно требования перехода власти к пролетариату и беднейшим крестьянам, от революционных методов борьбы за это требование»[165].

Однако, отправляя 3 сентября эту статью в редакцию «Рабочего Пути» (так после запрещения газеты «Правда» в июле стал временно называться главный печатный орган большевистской партии), Ленин счел необходимым сделать пессимистическую приписку: «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли... По всему видно, что дни, когда случайно стала возможной дорога мирного развития, *уже* миновали»[166].

Тем не менее еще в течение нескольких дней Ленин продолжал изыскивать перспективы мирной тактики большевиков. В статье «Задачи революции» вождь большевиков вновь взывал в том же духе: «Наше дело — помочь сделать все возможное для обеспечения "последнего" шанса на мирное развитие революции... Взяв всю власть, Советы могли бы еще теперь —

[165] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 134—135.

[166] Там же. С. 138—139.

и, вероятно, это последний шанс их — обеспечить мирное развитие революции, мирные выборы народом своих депутатов, мирную борьбу партий внутри Советов, испытание практикой программы разных партий, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой»[167].

В статье «Один из коренных вопросов нашей революции» Ленин опять отстаивал немедленное взятие власти Советами как единственную мирную альтернативу хода революции. А в статье «Русская революция и гражданская война» Ленин, основываясь на опыте борьбы с Корниловым, подчеркивал: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»[168].

Тем более неожиданным для соратников Ленина стал его очередной крутой поворот, проделанный в середине сентября. 15 сентября большевистский ЦК получил два письма своего вождя, броско озаглавленные «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание». Они представляли собой резкий отказ от прежних установок на мирное развитие революции и призыв к скорейшему насильственному захвату власти. Шок был настолько сильным, что ЦК, собравшись на экстренное заседание в тот же вечер, постановил сжечь все экземпляры обоих ленинских писем, оставив в партийном архиве лишь по одному каждого из них. Были приняты меры к тому, чтобы партийные организации не узнали о новом повороте во взглядах Ленина, хотя первое письмо было адресовано им не только Центральному Комитету, но и партийным комитетам обеих столиц. Более того, редакция «Рабочего Пути» во главе со Сталиным весь сентябрь продолжала публиковать прежние статьи Ленина, в которых он доказывал возможность компромисса с меньшевиками и эсерами и ратовал за мирное развитие революции.

---

[167] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 230, 237.

[168] Там же. С. 222.

Что же так испугало сподвижников Ильича? Анализируя последние события, Ленин делал вывод: «Активное большинство революционных элементов народа обеих столиц достаточно, чтобы увлечь массы, победить сопротивление противника, разбить его, завоевать власть и удержать ее. Ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто* не свергнет». Отсюда следовала установка: «На очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати». «Взяв власть *сразу* и в Москве и в Питере (неважно, кто начнет; может быть, даже Москва может начать), мы победим *безусловно* и *несомненно*» [169], — выражал уверенность Ильич.

Следовали и практические советы: «Мы… не теряя ни минуты, должны организовать *штаб* повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки на самые важные пункты, окружить Александринку[170], занять Петропавловку, арестовать генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города; мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и телефон, поместить *наш* штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т.д.»[171].

Интересна аргументация, с помощью которой Ленин настаивал на том, почему взять власть большевики должны без промедления. «Потому что предстоящая отдача Питера сделает наши шансы во сто раз худшими. А отдаче Питера при армии

---

[169] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 239—241.

[170] В здании Александринского театра заседало в эти дни Демократическое совещание.

[171] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 247.

Августейший маскарад с переодеванием: два венценосных родственника обменялись униформами. Германский кайзер Вильгельм II и российский самодержец Николай II. Бьерке (Финляндия), 1905 г.

П.Н. Дурново. За полгода до начала Первой мировой войны изложил Николаю II точный прогноз её хода и последствий для России. За это некоторые считают его чуть ли не провидцем, тогда как он всего лишь высказал то, что было ясно любому достаточно умному политику

Русская армия во взятом ею Инстербурге, Восточная Пруссия (ныне – Черняховск Калининградской обл., РФ). Август 1914 г.

Русские пленные, взятые немцами в сражении под Августовом. Февраль 1915 г.

Николай II и великий князь Николай Николаевич под Перемышлем. Апрель 1915 г.

Русская Ставка ВГК. Третий слева – М.В. Алексеев. Справа от Николая II – А.А. Брусилов. Крайний справа – Н.И. Иванов. Апрель 1916 г.

Часовня-памятник погибшим русским военнопленным. Юлийские Альпы, Словения. Фото Я.А. Бутакова

Памятник на братской могиле русских военнопленных. Воинское кладбище в Больцано (австрийский Боцен; Италия). Фото Я.А. Бутакова

Февральская революция расколола Русскую армию. Конфликт солдата, остающегося на фронте, со своими дезертирующими товарищами

Уже весной 1917 года нашлось немало поверивших в анекдот, будто Ленин был заслан в Россию германским Генштабом

Московский митрополит (будущий всероссийский патриарх) Тихон благословляет Женский ударный батальон смерти

А.Ф. Керенский – второй справа – среди чинов военного министерства. В центре – Б.В. Савинков. Август 1917 г.

Последний исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией генерал Н.Н. Духонин. Убит восставшими солдатами

Лидер партии большевиков, председатель Совета Народных Комиссаров Российской Советской Республики Владимир Ильич Ульянов (Ленин) в период Гражданской войны

Братание русских и немецких солдат на фронте. Зима 1917—1918 гг.

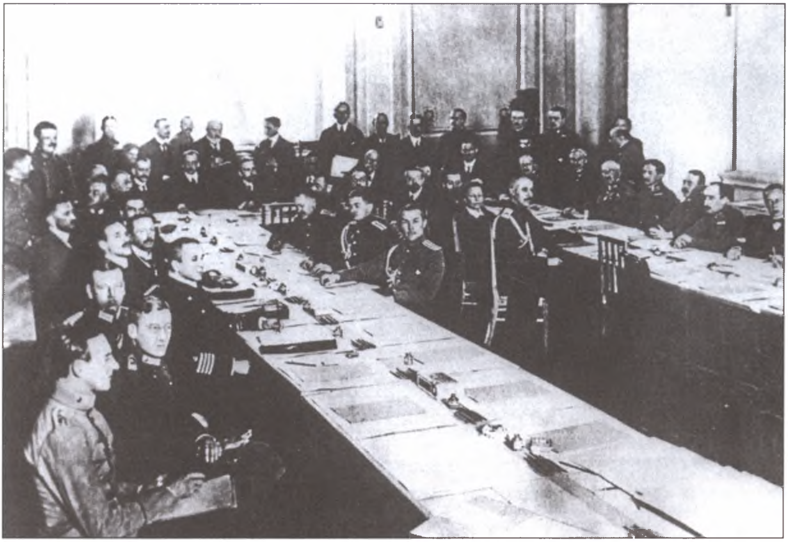
Братание русских и немецких солдат на фронте.
Зима 1917—1918 гг.

Приезд советской делегации на мирные переговоры в Брест-Литовск. Встреча на вокзале. Декабрь 1917 г.

Руководители русской делегации на станции Брест-Литовск. Слева направо: майор Бринкманн, Иоффе, Биценко, Каменев, Карахан

За столом мирных переговоров. Брест-Литовск. Январь 1918 г.

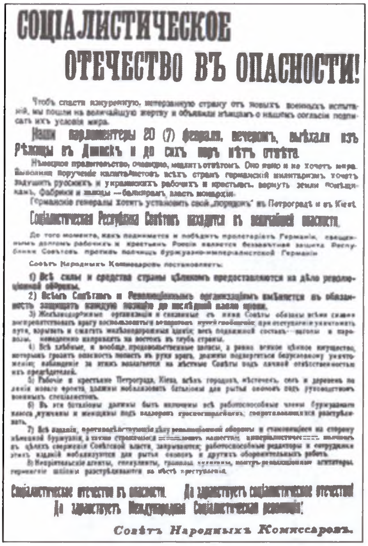
Советская делегация в Брест-Литовске. Слева направо сидят Л.Б. Каменев, А.А. Иоффе, А.А. Биценко, стоят В.В. Липский, П.И. Стучка, Л.Д. Троцкий, Л.М. Карахан. Январь 1918 г.

Русский телеграфный аппарат Брест-Санкт-Петербург

Отъезд русской делегации.
В центре — Троцкий (стоит в профиль), слева Каменев и Иоффе

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ

ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Чтобъ спасти изнуренную, истерзанную страну отъ новыхъ военныхъ испытаній, мы пошли на величайшую жертву и объявили нѣмцамъ о нашемъ согласіи подписать ихъ условія мира.

Наши парламентеры 20 (7) февраля, вечеромъ, выѣхали изъ Рѣжицы въ Двинскъ и до сихъ поръ нѣтъ отвѣта.

Нѣмецкое правительство, очевидно, медлитъ отвѣтомъ. Оно явно не хочетъ мира. Выполняя порученіе капиталистовъ всѣхъ странъ, германскій милитаризмъ хочетъ задушить русскихъ и украинскихъ рабочихъ и крестьянъ, вернуть земли помѣщикамъ, фабрики и заводы — банкирамъ, власть монархіи.

Германскіе генералы хотятъ установить свой „порядокъ" въ Петроградѣ и въ Кіевѣ.

Соціалистическая Республика Совѣтовъ находится въ величайшей опасности.

До того момента, какъ поднимется и побѣдитъ пролетаріатъ Германіи, священнымъ долгомъ рабочихъ и крестьянъ Россіи является беззавѣтная защита Республики Совѣтовъ противъ полчищъ буржуазно-имперіалистской Германіи.

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ постановляетъ:

1) Всѣ силы и средства страны цѣликомъ предоставляются на дѣло революціонной обороны.

2) Всѣмъ Совѣтамъ и Революціоннымъ организаціямъ вмѣняется въ обязанность защищать каждую позицію до послѣдней капли крови.

3) Желѣзнодорожныя организаціи и связанные съ ними Совѣты обязаны всѣми силами воспрепятствовать врагу воспользоваться аппаратомъ путей сообщенія; при отступленіи уничтожать пути, взрывать и сжигать желѣзнодорожныя зданія; весь подвижной составъ — вагоны и паровозы — немедленно направлять на востокъ въ глубь страны.

4) Всѣ хлѣбные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое цѣнное имущество, которымъ грозитъ опасность попасть въ руки врага, должны подвергаться безусловному уничтоженію; наблюденіе за этимъ возлагается на мѣстные Совѣты подъ личной отвѣтственностью ихъ предсѣдателей.

5) Рабочіе и крестьяне Петрограда, Кіева, всѣхъ городовъ, мѣстечекъ, селъ и деревень по линіи новаго фронта должны мобилизовать батальоны для рытья окоповъ подъ руководствомъ военныхъ спеціалистовъ.

6) Въ эти батальоны должны быть включены всѣ работоспособные члены буржуазнаго класса, мужчины и женщины, подъ надзоромъ [illegible]; сопротивляющихся разстрѣливать.

7) Всѣ изданія, [illegible] революціонной обороны и становящіяся на сторону нѣмецкой буржуазіи, а также стремящіяся [illegible] нашествіе имперіалистическихъ [illegible] въ цѣляхъ сверженія Совѣтской власти, закрываются; работоспособные редакторы и сотрудники этихъ изданій мобилизуются для рытья окоповъ и другихъ оборонительныхъ работъ.

8) Непріятельскіе агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контръ-революціонные агитаторы, германскіе шпіоны разстрѣливаются на мѣстѣ преступленія.

Соціалистическое отечество въ опасности. Да здравствуетъ соціалистическое отечество! Да здравствуетъ Международная Соціалистическая революція!

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Декрет советского правительства «Социалистическое Отечество в опасности!». Февраль 1918 г.

Главы делегаций Центральных держав на Брестских переговорах. Слева направо: начальник штаба Восточного фронта германский генерал Макс Хоффманн, министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Оттокар Чернин, великий визирь (премьер-министр) Османской империи Мехмед Талаат-паша, статс-секретарь МИД Германии Рихард Кюльманн. Зима 1917—1918 г.

Вступление германских войск в Киев. 1 марта 1918 г.

Австрийские войска занимают Каменец-Подольский. Март 1918 г.

Лидер немецких социал-демократов Филипп Шейдеманн провозглашает Германию республикой. Берлин, Рейхстаг, 9 ноября 1918 г.

Победа! Союзники ликуют. Празднование перемирия в 64-м американском полку. Ноябрь 1918 г.

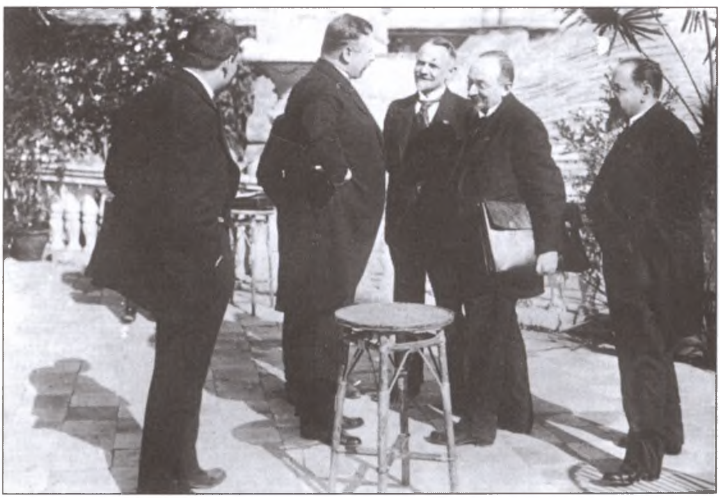
Они не победили, но дома их ждали всегда. Встреча возвращающихся фронтовиков. Берлин, декабрь 1918 г.

Смешанный (женско-мужской) польский «эскадрон смерти». Львов, 1920 г.

Мертворождённое коммунистическое правительство Польши — Польревком. В среднем ряду второй слева — Феликс Дзержинский. Белосток, август 1920 г.

Германская (слева) и российская делегации в Рапалло (Италия). Апрель 1922 г. В Рапалло немцы и русские большевики неожиданно для западных держав подписали договор, заложивший основы тесного сотрудничества двух крупнейших европейских держав, в 1933 году прерванного приходом Гитлера к власти в Германии

с Керенским и К° во главе мы помешать *не в силах*. И Учредительного собрания ждать нельзя, ибо той же отдачей Питера Керенский и К° всегда *могут сорвать* его... Сепаратному миру между английскими и немецкими империалистами помешать должно и можно, только действуя быстро... Ресурсы действительно революционной войны, как материальные, так и духовные, в России еще необъятно велики; 99 шансов из 100 за то, что немцы дадут нам по меньшей мере перемирие. А получить перемирие теперь — это значит уже победить *весь мир*». Большевики должны это сделать, «сознав безусловную необходимость восстания рабочих Питера и Москвы для спасения революции и для спасения от "сепаратного" раздела России империалистами». Еще в одном месте Ленин снова говорит[172] о готовящих «сепаратный раздел России» англо-французских империалистах.

Итак, необходимость скорейшего вооруженного восстания Ленин основывал главным образом на факторах международной ситуации. По его мнению, они развивались в неблагоприятную и для большевиков, и для России сторону. Текущий момент выявил две главные угрозы: 1) возможность катастрофы на фронте, инспирированной правыми кругами с целью сдать Петроград немецким войскам; 2) возможность мира между Германией и Антантой путем раздела России.

Неизвестно, насколько серьезно сам Ленин верил в реальность этих угроз. Ведь месяц спустя, продолжая доказывать необходимость восстания, Ленин обращал внимание уже на такой благоприятный фактор международной ситуации, как революционный подъем в Германии[173]. Впрочем, не следует обязательно усматривать тут противоречие и стремление Ленина любыми аргументами доказать свою правоту. Во всякой обстановке всегда есть свои положительные и отрицательные стороны. Вот Ленин и указывал на опасные тенденции, которые при своем развитии поставят непреодолимые преграды перед партией большевиков, но в то же время и на благопри-

[172] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 240, 245—246.

[173] Там же. С. 407.

ятные факторы, которые следует использовать здесь и сейчас, чтобы не дать осуществиться нависшим угрозам. Вполне диалектический подход.

Возможность сговора между воюющими коалициями за счет России в то время относилась скорее еще к разряду гипотетических. Впоследствии она стала реальной, но тогда, осенью 1917 г., у России пока оставались силы, чтобы сопротивляться такому развитию событий. Это признавал и сам Ленин, говоря о еще не исчерпанных, «необъятно великих» ресурсах России для ведения «революционной войны». Характерно, что Ленин рассматривал тут две альтернативные возможности: заключение мира и продолжение войны под революционными лозунгами. Примечательно также, что перемирие с Германией у него выставлено здесь только как средство упредить заключение сепаратного мира между западными союзниками России и Германией.

Упоминая же об угрозе сдачи правительством Петрограда немцам (этот аргумент он еще не раз повторит до Октябрьского восстания), Ленин, скорее всего, приписывал своим политическим противникам несвойственную им решимость. Что же, для любого политического деятеля в принципе лучше переоценивать, чем недооценивать способности своих врагов. Но в данном случае вытекавшее из этой переоценки выполнение установок Ленина на немедленный захват власти могло погубить партию большевиков и ее дело.

До самого Октябрьского переворота Ленин неустанно призывал своих товарищей брать власть, не дожидаясь созыва 2-го съезда Советов. Конечно, свою роль играла понятная неуверенность Ленина в том, что при власти Временного правительства Съезду Советов вообще позволят собраться. Но ближе соприкасавшиеся с настроениями масс большевистские лидеры видели, что необходимую моральную поддержку свержение правительства будет иметь лишь при опоре на волю легитимного органа «революционной демократии», каким мог быть только Съезд Советов. Взявший в свои руки практическую подготовку восстания, Троцкий приурочил техническую операцию по смене власти к открытию Съезда.

Применительно же к ситуации середины сентября — середины октября 1917 г. выполнение установки на вооруженное восстание закончилось бы для большевиков примерно так же, как июльские события. Но последствия были бы глубже — в результате повторной неудачи большевики уже бы не поднялись. Поражение большевиков в тот период было неминуемо не только из-за неготовности страны поддержать переворот, не только из-за неизжитых еще даже среди рабочих и солдат столицы настроений «соглашательства», не только из-за неутраченной еще способности правительства влиять на ситуацию. К перевороту была не готова сама партия большевиков. И даже в середине октября, когда Ленину удалось убедить большинство соратников в актуальности восстания, среди них оставались те, кто считал такую игру неоправданно рискованной. И у них были основания возражать — в том числе и ссылаясь на некоторые прежние экстремистские ошибки Ленина.

То, что доказало (и то с трудом) свою практическую верность в конце октября, месяцем или даже двумя неделями раньше неизбежно окончилось бы катастрофой для Ильича и его партии. Получается, что партия служила амортизатором любых поспешных экстремистских призывов, в том числе и тех, которые исходили от ее вождя. Это лишний раз опровергает расхожую обывательскую легенду о том, будто большевики в 1917 г. представляли собой спаянную железной дисциплиной когорту сверхлюдей (или недочеловеков, смотря по пристрастиям), противостоящую остальной массе населения, повинующуюся любому указанию вождя и в этом черпающую свою силу. Нет, сила большевиков была в том, что они были массовой демократической партией, руководимой стремлениями и интересами масс. Эти интересы, настроения, а порой и искренние заблуждения не позволяли в полной мере реализоваться догматическому экстремизму вождей. И только благодаря этому обеспечивали партии политический успех.

Ленин первым в партии и очень быстро, порой чересчур резко, реагировал на изменения политической обстановки и соответственным образом радикально изменял свои выводы.

При этом прогноз Ленина снова в принципе оказывался правильным, даже если он исходил из не всегда верных предпосылок (как в ситуации сентября 1917 г.). Он ошибался только в сроках, торопя с осуществлением своих новых установок. Но его товарищи по партии не всегда вовремя замечали те факторы, которые заставляли Ленина коренным образом менять оценку ситуации. Поэтому они сперва оказывались ошарашенными. Требовалось какое-то время, в течение которого они убеждались, что стратегическая оценка обстановки их вождем в общем правильна и требует адекватной реакции именно в том духе, в каком настаивает Ильич. Но этот «консерватизм» большинства соратников Ленина предохранял партию от поспешных действий, которые могли бы оказаться для нее роковыми.

Ленин как демократ-государственник

Неоднократно в течение 1917 г. Ленин предстает перед нами как гражданин, болеющий сердцем за свою страну и ищущий возможность предотвратить грозящую гражданскую войну. Но почему же считать эту позицию Ленина только каким-то кратковременным исключением для него? Почему не принять, что именно такая позиция была для Ленина неизменным императивом, а различались только практические выводы из нее применительно к складывающейся обстановке?

Не может быть сомнений в том, что Ленин стремился к политическому успеху с наименьшими трудностями. Гражданская война — крайнее средство. Она фигурирует как фактор в его оценках и прогнозах, но было бы заведомо неверно приписывать ему стремление к ней. Да и как могло быть иначе? Исторический опыт показывал, что восстания радикально настроенных масс против господствующих классов как правило заканчивались неудачей. Наоборот, буржуазия, опираясь на те же уроки истории, могла чувствовать себя гораздо более уверенно, сознательно ведя дело к Гражданской войне. Печальный итог Парижской Коммуны 1871 г. мог вдохновлять имущие классы России, но не пролетариат. Программа и тактика большевиков в 1917 г. показывает, что эта партия

стремилась воплотить интересы максимально широких слоев населения, причем по возможности мирными средствами, не вызывая буржуазию на открытое вооруженное столкновение. Не видеть этого — значит игнорировать главные социально-политические реалии 1917 г.

Все четыре первых месяца революции ленинский лозунг «Вся власть Советам!» (точнее — три месяца, с начала апреля, когда он был выставлен) полностью отвечал установке на ее мирное развитие. В июле — августе Ленин характеризовал (как выяснилось, ошибочно) сложившуюся ситуацию как военную диктатуру буржуазии. После провала мятежа Корнилова Ленин снова вернулся к установке на мирное развитие революции и надеялся на ее осуществление в течение почти половины сентября. Только явный крен «умеренных» социалистов в сторону очередной коалиции с либералами заставил его отбросить надежды на мирный переход власти к Советам.

Реализация большевистского лозунга «Вся власть Советам!» до июльских событий и в первые дни сентября означала бы переход власти отнюдь не к большевикам, а к блоку меньшевиков и эсеров. В преддверии 2-го Всероссийского съезда Советов осенью 1917 г. большевики вели предвыборную кампанию в пользу не кандидатов от своей партии, а в пользу «противников соглашательства»[174]. Таким образом, политические установки большевиков носили широкий демократический характер. Они отнюдь не были нацелены на монопольный захват власти только их партией. Чья вина, что последовательными в осуществлении этих установок среди всех левых партий оказались одни большевики?

Хозяйственную разруху, которая после Февраля усиливалась от месяца к месяцу, тогдашние и нынешние буржуазные историки революции списывали и продолжают списывать на деятельность левых, на забастовки, на непомерные требования рабочих к предпринимателям. Но есть свидетельства и другого рода: «Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кам-

---

[174] «Рабочий Путь», 30.09.1917.

пании, проводимой для дискредитирования революции... Мне известны угольные копи близ Харькова [очевидно, имеется в виду в Донбассе. — *Я.Б.*], которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя»[175].

Конечно, легче легкого объявить такого рода свидетельства ложными сплетнями, созданными исключительно классовой ненавистью. Однако в ухудшении социально-экономической ситуации, в создании обстановки, чреватой спонтанным социальным взрывом, в 1917 г. объективно была больше заинтересована буржуазия. Правым кругам были необходимы поводы, оправдывающие введение диктатуры. Напротив, большевики в этих условиях выдвигали программу мер, направленную на преодоление надвигающейся экономической разрухи. Эти меры объективно выражали интересы всего общества. И — что самое главное — в этих мерах, предлагавшихся большевиками летом — осенью 1917 г., не было ничего в принципе несовместимого с буржуазной демократией! Более того, их осуществление в рамках февральского режима дало бы: 1) дополнительные материальные ресурсы для продолжения войны; 2) дополнительную массовую социальную опору Временному правительству.

Многим сейчас, воспитанным в представлении об экстремизме большевиков, трудно поверить в то, что многие призывы и поступки большевиков в 1917 г. диктовались простым здравым государственным смыслом. Но это объективный факт. Программа большевиков была нацелена на захват власти пролетариатом в лице его организованной политической силы — это так. Но наряду с этой максимальной целью большевики выставляли и другие задачи, которые могли бы стать приемлемыми для политических попутчиков большевиков из лагеря «революционной демократии». Казалось бы — зачем выдвигать такие программы и лозунги, которые могут быть легко пе-

---

[175] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 31.

рехвачены конкурентами? Но большевики шли на это. Отчасти потому, видимо, что чувствовали — нет в России политической силы, которая решилась бы осуществить такие мероприятия, хоть и в русле буржуазной демократии, но все-таки довольно радикальные. Главным же образом потому, что без выставления такой минимальной программы рисковали остаться непонятыми со своими конечными лозунгами. Предлагая программу конкретных мер борьбы с экономическими трудностями, продиктованную интересами большинства населения, большевики в 1917 г. позиционировали себя как общенациональная партия.

Самое примечательное в этом то, что время для такого позиционирования было слишком коротким, чтобы хоть как-то позитивно сказаться на имидже большевиков! Для адекватной оценки предложенных мер обществу нужен был более долгий срок и, самое главное, более спокойная обстановка. В духе этих мер Ленин выступил на 1-м Всероссийском съезде Советов 4 июня 1917 г., а затем они были подробно изложены Лениным в брошюре «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», — и все! Причем данная брошюра, написанная Лениным в сентябре 1917 г., была отпечатана уже после Октябрьского переворота! Анализ той части программы большевиков, которая характеризует их и Ленина как вполне вменяемых демократов-государственников, тем более интересен, что непосредственной политической выгоды от ее выставления большевики в 1917 г. не получили. Следовательно, она гораздо точнее, чем эффектная лозунговая часть программы («власть — Советам, мир — народам, земля — крестьянам и т.д.»), показывает интеллектуальные верхи большевиков такими, какими они были на самом деле, а не такими, какими они стремились выглядеть в первую очередь в глазах народных низов.

Одной из советских историографических легенд стала реплика Ленина, будто бы произнесенная им на заседании 1-го Всероссийского съезда Советов 4 июня 1917 г. В ответ на высказывание лидера меньшевиков и министра почт и телеграфов Временного правительства Ираклия Церетели о том, что в

данный момент нет такой партии, которая могла бы в одиночку понести бремя власти, Ленин якобы с места прервал оратора и воскликнул: «Есть такая партия!» После чего выступил с речью перед ошеломленной аудиторией.

На самом деле, что отмечают многие современники, Ленину вовсе не была свойственна такая манера — прерывать выступающего возгласом с места. И даже если допустить, что вождь большевиков позволил себе такой эмоциональный срыв, вряд ли это его восклицание могло настолько привлечь к себе внимание аудитории, состоявшей почти из тысячи человек, что ради него был вынужден прервать свою речь авторитетный революционер, к тому же министр. Ленин заранее записался в ораторы, его речь не была спонтанной. Он напомнил про одну реплику Церетели: «Он говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: "Есть! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком". (Аплодисменты, смех.) Вы можете смеяться, сколько угодно, но если гражданин министр поставит нас перед этим вопросом рядом с правой партией, то он получит надлежащий ответ».

В этой речи Ленин развернул отношение своей партии к Временному правительству. Важное место в выступлении вождя большевиков заняло изложение тех мер, которые он считал актуальными в данный момент для экономики страны. Обращение к реплике Церетели, собственно, и было связано с этим вопросом. Обрушиваясь на политику меньшевиков и эсеров, Ленин говорил: «То, что нам предлагают, есть переход к реформистской демократии при капиталистическом министерстве. Это, может быть, великолепно с точки зрения обычных образцов Западной Европы. Сейчас же целый ряд стран накануне гибели, и те практические меры, которые будто бы так сложны, что их трудно ввести, что их нужно особо разрабатывать, как говорил предыдущий оратор, гражданин министр почт и телеграфов, — эти меры вполне ясны».

Что же это за меры? Ленин разъяснял: «Наша программа по отношению к экономическому кризису состоит в том, чтобы немедленно — для этого не нужно никаких оттяжек — потребовать публикации всех тех неслыханных прибылей, достигающих 500—800 процентов, которые капиталисты берут, не как капиталисты на свободном рынке, в "чистом" капитализме, а по военным поставкам... Опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров. Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть ... Вот основная причина анархии и разрухи». «Это не социализм, — подчеркивал Ленин. — Это — открытие глаз народу на... игру с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней»[176].

Показательно, что когда регламент выступления Ленина истек и председательствующий попытался его прервать, многие делегаты съезда потребовали предоставить вождю большевиков дополнительное время для завершения выступления. Вопрос был поставлен на голосование и положительно решен большинством голосов. Это при том, что большевики на 1-м съезде Советов представляли собой слабое меньшинство. То был второй день работы Съезда. В первый день на Съезде присутствовали 775 делегатов. Всего же за три недели работы Съезда в нем приняли участие 1090 делегатов. О своей партийной принадлежности в опросных листах заявили 777 участников Съезда. Большевиков среди них было всего 105 человек. Можно считать, что примерно такая же пропорция была и среди присутствовавших на заседании 4 июня во время выступления Ленина: около сотни человек из примерно восьмисот. Тем не менее большинство этой не большевистской аудитории настояло на том, чтобы дослушать Ленина до конца.

Работу «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин написал в первой половине сентября 1917 г., находясь на нелегальном положении в Финляндии. Центральная газета боль-

---

[176] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 32. С. 266—268.

шевиков «Рабочий Путь» 1 октября опубликовала только две последние главы из этой ленинской работы. Полностью она увидела свет лишь в конце октября. Поэтому можно уверенно утверждать, что на завоевание большевиками популярности в преддверии захвата ими власти данная книжка их вождя никакого влияния не оказала. Да и не могла пятидесятистраничная работа служить хлестким агитационным материалом. Это была своего рода «эзотерическая» программа, написанная для верхнего слоя партии и тех левых интеллектуалов, которые стояли на околобольшевистских позициях.

Не будем вдаваться в описание Лениным очевидных для наблюдателя того времени симптомов надвигающейся экономической катастрофы. Какие меры он предлагал для ее предотвращения? Ленин подчеркивал, что не открывает в этой области ничего принципиально нового. «Можно ручаться, — писал он, — что вы не найдете ни одной речи, ни одной статьи в газете любого направления, ни одной резолюции любого собрания или учреждения, где бы не признавалась совершенно ясно и определенно основная и главная мера борьбы, мера предотвращения катастрофы и голода. Эта мера: контроль, надзор, учет, регулирование со стороны государства, установление правильного распределения рабочих сил в производстве и распределении продуктов, сбережение народных сил, устранение всякой лишней траты сил, экономия их. Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз не делают из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли»[177].

Свои предложения Ленин как бы адресовал задним числом своим оппонентам из «умеренно»-социалистического лагеря. «Правительству, не в насмешку только называемому революционно-демократическим, достаточно было бы, в первую же неделю своего образования, декретировать (постановить, приказать) осуществление главнейших мер контроля... Вот эти главнейшие меры:

---

[177] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 156.

1) Объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализация банков.

2) Национализация синдикатов, т.е. крупнейших монополистических союзов капиталистов (синдикаты сахарный, нефтяной, угольный, металлургический и т.д.).

3) Отмена коммерческой тайны.

4) Принудительное синдицирование (т.е. принудительное объединение в союзы) промышленников, торговцев и хозяев вообще.

5) Принудительное объединение населения в потребительные общества или поощрение такого объединения и контроль за ним»[178].

Ленин по отдельности разъяснял каждую из предложенных им мер, какое значение они будут иметь для преодоления экономических трудностей не за счет большинства трудящихся, а за счет меньшинства нации — ее богатейшей верхушки. В конце Ленин подытоживал: «Национализация банков и синдикатов, в связи с отменой коммерческой тайны и рабочим контролем за капиталистами, означала бы не только гигантское сбережение народного труда, возможность сэкономить силы и средства, она означала бы также улучшение положения трудящихся *масс* населения, большинства его. В современной войне, как все знают, экономическая организация имеет решающее значение. В России хватит хлеба, угля, нефти, железа — в этом отношении наше положение лучше, чем какой бы то ни было из воюющих европейских стран. А при борьбе с разрухой указанными средствами, привлекая к этой борьбе самодеятельность масс, улучшая их положение, вводя национализацию банков и синдикатов, Россия использовала бы свою революцию и свой демократизм для подъема всей страны на неизмеримо более высокую ступень экономической организованности»[179].

Опасающимся увидеть во всем этом некое «введение» социализма Ленин терпеливо разъяснял, что это — меры революционно-демократические по своей сути, но это еще не социализм!

---

[178] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 161.

[179] Там же. С. 194—195.

Правда, отмечал вождь большевиков, «в XX веке, в капиталистической стране нельзя быть революционным демократом, ежели бояться идти к социализму... Государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг и шаги к социализму!»[180]

Ленин неоднократно апеллирует к примеру французских якобинцев 1793—1794 гг. «Пример Франции говорит нам одно и только одно: чтобы сделать Россию обороноспособной ...надо с "якобинской" беспощадностью смести все старое и обновить, переродить Россию *хозяйственно* ... Этого нельзя сделать даже одним революционным уничтожением помещичьего землевладения... одной передачей земли крестьянству. Ибо мы живем в XX веке, господство над землей *без господства над банками* не в состоянии внести перерождения, обновления в жизнь народа»[181].

В годы Первой мировой войны почти все ее участники широко использовали методы государственно-капиталистического регулирования экономики. Ленин то и дело обращается к их опыту в этом деле. Хотя он подчеркивает, что предлагаемые им меры «революционно-демократического» контроля над частными собственниками противостоят «реакционно-бюрократическому» контролю со стороны буржуазного государства, известному и применяемому во всех воюющих странах, но очевидно, что и они укладываются в рамки государственного капитализма. Ленин этого не отрицает, он лишь указывает на то, что при известных условиях данные мероприятия могут быть шагами к социализму. Но в принципе и в главном это — все-таки государственный капитализм, работающий, однако, на большинство населения.

Оборонец Ленин

Интересно, что главной целью предлагаемых мероприятий Ленин выставил... повышение обороноспособности России! Вчитаемся: «Все описанные нами меры борьбы с катастрофой

[180] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 190—191.
[181] Там же. С. 195—196.

чрезвычайно усилили бы… обороноспособность или, говоря иначе, военную мощь страны… Если бы… эсеры и меньшевики осуществили в апреле переход власти к Советам… то Россия была бы теперь страной в полном экономическом преобразовании, с землей у крестьян, с национализацией банков, т.е. была бы постольку (а это крайне важные экономические базы современной жизни) выше всех остальных капиталистических стран. Обороноспособность, военная мощь страны с национализацией банков выше, чем страны с банками, остающимися в частных руках. Военная мощь крестьянской страны, с землей в руках крестьянских комитетов, выше, чем страны с помещичьим землевладением»[182].

Не правда ли, странные рассуждения для «немецкого шпиона»? Зачем Ленину было бы заботиться об усилении военной мощи России, если бы он, как нас пытаются уверить, готовил капитуляцию России перед своим «спонсором» — кайзеровской Германией? Уже из одного этого ясно, что перспектива продолжения войны не только рассматривалась в то время Лениным как вариант — она была очевидна, ибо с большой вероятностью вытекала из логики событий.

В самом деле, можно ли было гарантировать, что предложение всеобщего мира революционной Россией немедленно вызовет благожелательный отклик во всех воюющих странах? Будучи прагматиком, Ленин должен был четко усвоить древнюю римскую истину: «Хочешь мира — готовься к войне!» Во многих выступлениях и работах Ленина в 1917 г. красной нитью проходит осознание перспективы революционной войны. Причем это могла быть война не только с противниками, но и с (пока еще) союзниками России.

В выступлении по вопросу об отношении к мировой войне на 1-м съезде Советов (9 июня 1917 г.) Ленин прямо указал на угрозу ведения «английскими империалистами» войны против революционной России (при этом, правда, «наше положение таково, что революционная война нам может грозить, но не обязательно состоится»). Там же он призывал: «Никакого мира

[182] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 194—195.

с немецкими капиталистами и никакого союза с англичанами и французами!»[183] А в сентябре, как мы уже видели, Ленин рассматривал мир между Антантой и Германией, направленный против России, как опасную перспективу самого ближайшего будущего. При всех неточностях в деталях реально совершившегося, это еще один безошибочный стратегический прогноз Ленина, на сей раз — о вооруженном вмешательстве стран Антанты в русскую революцию.

В предвидении не только продолжения идущей войны, но и ее эскалации в войну новую — революционной России против фронта империалистов всего мира — Ленин озабочен вопросами сохранения военно-экономической мощи России. Это сохранение ему видится только на путях равномерного распределения военных тягот по всем классам общества прямо (а не обратно, как при обычных буржуазных правительствах) пропорционально финансовому положению этих классов. Такое распределение под силу осуществить революционно-демократической диктатуре, которая, однако, еще не есть диктатура пролетариата, а вводимый ею при этом строй еще не является социализмом.

Спрашивается, зачем было бы задаваться всеми этими вопросами человеку, который якобы стремился только к тому, чтобы «сдать» Россию кайзеру? Ответ очевиден: Ленин ничьим «агентом», разумеется, не был, вдобавок в своем отношении к идущей войне и перспективам ее расширения стремился руководствоваться общенародными интересами. Он осознавал, что в том положении, в каком очутилась Россия, необходимы радикальные меры, чтобы придать войне действительно общенародный характер. Отсюда — частые ссылки на пример Великой французской революции. «Весь народ и в особенности массы, т.е. угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой». Одно замечание Ленина глубоко вскрывает причины банкротства политики имущих классов России в условиях Отечественной войны:

---

[183] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 32. С. 290.

«Нельзя сделать страну обороноспособной без величайшего героизма народа, осуществляющего смело, решительно великие экономические преобразования»[184].

Самое интересное состоит в том, что предложения Ленина насчет государственно-капиталистических преобразований, будучи взяты на вооружение и осуществлены Временным правительством, могли дать этому правительству колоссальный ресурс для укрепления своей власти, а также для продолжения войны и победоносного ее завершения. Даже небольшие шаги правительства по этому пути смогли бы существенно повысить кредит его доверия у населения. При этом правительству, конечно, пришлось бы пожертвовать частью интересов состоятельных верхов, но только для того, чтобы спасти в конечном итоге целое — положение класса крупных собственников как такового. От государственного капитализма, принудительного синдицирования и прочих мер контроля всегда можно было вернуться к частному капитализму, если сохранить в руках буржуазии главное — политическую власть. Это наглядно показал опыт западных стран и Германии после Первой мировой войны.

А в принесении части имущего класса в жертву народным настроениям для того, чтобы сохранить весь класс и его положение в целом, тоже не было ничего прежде невиданного. Подобные меры частенько практиковались еще античными государствами в периоды кризисов, особенно связанных с войнами (конфискация государством и отпуск на волю частных рабов, отмена долгов, передел земли и т.д.). То, что Временное правительство, чутко прислушивавшееся в первую очередь к пожеланиям крупного капитала, так и не нашло в себе сил и смелости пойти на единственно спасительные для интересов того же капитала меры, высветило два важных обстоятельства. Первое — полная недооценка буржуазией внутренней силы большевизма в его опоре на подлинные интересы и стремления широких народных масс. Второе — недостаточная степень внутренней организованности самой российской буржуазии,

[184] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 196—197.

где партикуляристские тенденции превалировали над консолидационными. Даже масонство не могло заставить ее действовать солидарно в направлении необходимых уступок.

Вряд ли Ленин был так уверен в том, что буржуазия не сможет перехватить и использовать в своих интересах предлагаемые им меры. Он, вероятно, если и задумывался об этом, то как о чем-то второстепенном. Выдвигая программу борьбы с экономической разрухой в интересах всего населения воюющей России, вождь большевиков, очевидно, в наименьшей степени руководствовался тем, чтобы сохранить в тайне от своих противников это идейно-пропагандистское оружие. Главное для него тогда было — предложить эту программу стране, а кто возьмет на себя ее осуществление — уже не столь важно. Одно это показывает, насколько приоритетными, по отношению к задачам завоевания власти, были для большевиков в 1917 г. задачи спасения России как народного организма.

Это также показывает несостоятельность модных ныне рассуждений о том, будто только где-то с конца 1920-х годов происходит перерождение власти большевиков из ориентированной на «мировую революцию» в подлинно государственную власть, руководствующуюся задачами развития страны. И перерождение это якобы связано только с укреплением личной власти Сталина и его влияния на партийную идеологию. Мы отчетливо видим, что и в 1917 г. в большевистской партии присутствовала явственная государственническая тенденция, причем ее наличие мы находим не где-нибудь, а в трудах самого Ленина того периода.

Зачем большевики взяли власть?

Вопрос не так абсурден, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что взятие большевиками власти легко могло стать роковым шагом навстречу их политической смерти. На этом зиждился расчет их политических противников.

Уникальность положения, в котором оказались большевики, состояла в том, что логикой событий они были поставлены перед необходимостью выполнения такой программы, которая

казалась невероятной не только их противникам, но и многим большевикам. Сейчас мы знаем, что в такие периоды, какой Россия переживала в 1917 г., именно самые смелые и радикальные программы оказываются наиболее осуществимыми. Но в то время эта закономерность осознавалась мало кем из политиков, даже немногими в самой большевистской партии, кроме Ленина и разве что некоторых его сподвижников.

Расклад осенью 1917 г. был приблизительно такой. Буржуазия прекрасно знает, чего ей нужно — военной диктатуры и подавления левых элементов до выборов в Учредительное собрание. Любым путем. Наилучший способ — спровоцировать большевиков и поддерживающую их часть народных масс на вооруженное выступление с целью захвата власти. Буржуазия уверена, что большевики не удержатся у власти дольше нескольких дней по причине множества объективных трудностей. Они не справятся с хозяйственной разрухой, они не смогут дать народу хлеба, они не смогут заключить мира, наконец, так как на их призыв о мире не откликнется ни одна страна. Большевистская власть рухнет под напором тяжелых проблем. Ибо все рычаги для создания этих проблем — промышленность, банки, подлинная классовая организованность и солидарность международного масштаба — в руках буржуазии. А для ускорения как выступления, так и грядущего падения большевиков, в ход идут хозяйственный саботаж, экономические преступления и тактика «частичных поражений» на фронте. В борьбе, когда дело касается сохранения власти и собственности, все средства кажутся допустимыми.

С другой стороны, большевики видят это все. Логично считать, что главная задача их партии в данный момент — не дать исполниться этому плану буржуазии. Ни в коем случае не давать своим выступлением повода буржуазии разделаться со всеми левыми силами. Не сорвать Учредительное собрание, в котором большевики имеют все шансы стать сильной оппозицией. Ведь неудача восстания будет означать для левых конец всего! Раз большевистское выступление является желанным именно для буржуазии, раз она связывает с ним осуществление

своих планов, было бы безумием поступать именно так, к чему явно подталкивают политические враги! Именно таков должен был быть ход рассуждений Зиновьева, Л.Б. Каменева (Розенфельда) и других, менее активных, но не менее убежденных (к их числу в тот момент относился и Сталин) противников ленинского курса на вооруженный переворот.

Зиновьев и Каменев изложили эти свои соображения вскоре после заседания ЦК большевиков 10 октября 1917 г., на котором было принято решение о восстании, в письме, направленном во все крупные партийные организации: «Мы глубоко убеждены, — писал они, — что объявлять сейчас вооруженное восстание — значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Бывают такие исторические положения, когда угнетенному классу приходится признать, что лучше идти на поражение, чем сдаться без боя. Находится ли сейчас русский рабочий класс именно в таком положении? Нет и тысячу раз нет!»[185]

Данная реакция была совершенно естественной, а значит, она не могла не просчитываться противниками большевиков. Было логично ожидать, что большевистское руководство в конце концов спасует перед неизбежными, кажущимися непреодолимыми, трудностями и всячески станет воздерживаться от выступления. Что тогда? Тогда как нельзя более уместна тактика экономического саботажа и фронтовых неудач, вызывающая население крупных центров на восстание помимо большевиков. Ибо тем самым сразу убиваются два зайца. Первый — популярность большевиков: массы восстают без них. Второй — сами большевики: упустив момент восстания, они не могут придать ему организованный характер, в результате чего оказываются разгромленными и рабочие, и их опоздавшие вожди. Повторяется то же, что в июле 1917 г., но в несравненно более крупном масштабе и теперь уже с фатальными последствиями для большевиков.

Объективные условия оставляли большевикам лишь один выход — не для взятия власти, заметим, а для политического

[185] Цит. по: *Рабинович А.* Ук. соч. С. 239.

выживания. Взятие власти было для большевиков не целью, а лишь средством сохраниться как политическая сила в создавшейся ситуации. Этот момент как-то упускают из виду многие историки революции. Пойти на восстание для большевиков значило поступить в соответствии с ожиданиями их противников. Но в том-то и парадокс, что только на этом пути они имели единственный шанс (из ста? из тысячи? из миллиона?) одержать победу. На путях уклонения от решительной схватки они были бы в конечном итоге так или иначе раздавлены. И лишь ринувшись прямо в объятия врага, они еще могли надеяться: а вдруг его удастся ошеломить? Большевикам ни в коем случае нельзя было логически рассчитывать на успех. Но там, где враг был на все 100 % уверен в своей победе — только там и можно было надеяться на его вялость или поймать его на ошибке. Лишь это им и оставалось. Кажущийся алогизм действий становился главным оружием большевиков. Они были вынуждены так поступить, потому что в ином случае революционные массы прошли бы мимо большевиков и, оставшись без руководства, потерпели бы неминуемое поражение. Как и сами большевики без масс. Нет, с оседланного тигра уже нельзя соскочить — растерзает ведь!

Поскольку шансы большевиков на успешное взятие и удержание власти, несмотря на свою ничтожно малую величину, все-таки осуществились, логично искать этому объяснение не столько в действиях самих большевиков, сколько в ошибках их противников.

Роковые ошибки противников большевиков

Независимо от своих призрачных шансов на победу большевики должны были встретиться с ожесточенным противодействием своим планам. Как так? Ведь правым либералам казалось выгодным большевистское восстание! Вот тут необходимо четко определиться с тем, кто кого считал своим наиболее опасным врагом.

Либералам основным политическим противником представлялись «умеренные» социалисты, но для этих последних

врагом первостепенной важности являлись большевики. Подобно всем другим парадоксам истории, и этот — только кажущийся. Вспомним, как сам Ленин определял врагов своей партии. В статье «О компромиссах» (1 сентября 1917 г.) есть строки, говорящие о буржуазии как о «нашем прямом и главном классовом враге», а об эсерах и меньшевиках — как о «наших ближайших противниках»[186]. Совершенно логично, что и «умеренные» социалисты должны были считать большевиков таким же «ближайшим противником», в отличие от либералов — врага главного, сильного, а потому такого, с которым лучше до поры не вступать в открытую конфронтацию.

Для этой публики были характерны следующие настроения. Правда, приводимое нами свидетельство относится уже к первым дням после захвата власти большевиками, но, судя по всем делам, оно определяло линию поведения «умеренных» социалистов задолго до Октябрьского переворота. Интервьюируя неизвестного эсера, члена подпольной военной организации при «Комитете спасения родины и революции» (см. след. главу), американский журналист спросил: «Зачем же вы объединяетесь с кадетами?» На что получил такой ответ: «Кадеты думают, что они пользуются нами, но на самом-то деле мы пользуемся ими. Когда мы разгромим большевиков, то повернем против кадетов»[187].

Кадеты, безусловно, были куда ближе к истине в своей оценке, чем этот эсер. Своих, как им долго представлялось, наиболее опасных противников — «умеренных» социалистов — они «приручили» и умело использовали все восемь месяцев февральского режима, да и впоследствии тоже. Но «соглашателям» это вполне могло казаться «использованием кадетов» — ведь благодаря коалиции с ними эсеры вошли в правительство. Для них правительство во главе с либералами выглядело меньшим злом, чем возвышение большевиков.

Почему? Самая очевидная причина — борьба за социальную базу. Основной электорат эсеров и меньшевиков летом 1917 г.

---

[186] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. С. 134.

[187] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 177—178.

составляли не только средние слои города и деревни, но и массы рабочих и солдат. Осенью ситуация стала меняться. Средние слои города отхлынули к кадетам. Но это было еще полбеды для «соглашателей». Гораздо опаснее был переход куда более многочисленного городского пролетариата и крестьянства (особенно «одетого в серые шинели») на сторону большевиков или левых групп тех же меньшевиков и эсеров. В преддверии Учредительного собрания большевики посягали на эту массу голосов, на те классы, от имени которых эсеры и меньшевики выступали с первых дней Февральской революции.

Но эта очевидная конкуренция внутри лагеря «революционной демократии» — не самая главная причина резкой конфронтации между эсеро-меньшевистским блоком и большевиками. Главное было в том, что радикализация требований масс грозила ответной реакцией со стороны имущих классов. «Умеренные» социалисты совершенно искренне боролись с мятежом Корнилова, искренне боялись нового взрыва контрреволюции. Их постоянные восклицания о том, что большевики своими действиями провоцируют удары справа, вовсе не были попыткой «сбить с толку рабочих и солдат», как квалифицировали большевики эти их возгласы. Опасения торжества реакции в случае неизбежного (как им казалось) поражения восстания большевиков заставляли «умеренных» социалистов активно противодействовать большевистским намерениям. В отличие от правых либералов они не могли безучастно, а тем более со злорадством взирать на приготовления большевиков к захвату власти. Они были вынуждены оказывать им всяческое сопротивление. Вот почему «умеренные» социалисты объективно становились самыми активными противниками большевиков.

Поэтому для анализа ошибочных действий оппонентов большевиков следует рассмотреть прежде всего шаги «соглашателей». С буржуазией все ясно и так. Она ошиблась в главном — в своем стратегическом расчете на гражданскую войну, в надеждах на свою быструю победу в ней. Но с точки зрения стратегии развязывания Гражданской войны действия российской элиты были безошибочными.

Совсем иное дело — «умеренные» социалисты, «мелкобуржуазные демократы», как называл их Ленин. Они Гражданской войны не хотели. Причем во многом потому же, почему ее хотела буржуазия, ибо считали, что гражданская война закончится поражением всех левых сил. Гражданская война для «мелкобуржуазных демократов» означала крушение их идеалов «классового мира», размежевание их социальной базы, их политическую смерть. Но на настроения и действия буржуазии они повлиять не могли — «не по Сеньке шапка». Поэтому всю свою энергию они сконцентрировали на противодействии растущему влиянию большевиков.

Здесь сразу необходимо отметить, что та бескомпромиссная жесткость политических обвинений и практика подавления меньшинства, в которой впоследствии упрекали и продолжают упрекать большевиков, была в 1917 г. внесена в русскую политическую жизнь на самом деле их оппонентами.

Начнем с того, что огромную услугу большевикам оказала антиреклама, контрпропаганда, которую либеральные и «умеренно»-социалистические круги развернули против них сразу после возвращения Ленина в Россию. Во многие уголки России, во многие фронтовые части раньше газет и агитаторов большевистской партии приходила весть от их противников: «Вильгельм прислал Ленина в запломбированном вагоне». Крестьяне, рабочие и солдаты настораживались и уже внимательнее, чем если бы их так не готовили, относились к первым большевистским листкам, попадавшим в их руки. А далее, согласно русской традиции не верить непопулярной власти во всем, вчитывались и сами старались осмыслить лозунги «немецких агентов»: «Долой правительство помещиков и капиталистов! Мира, хлеба, земли!» и т.д. И думали в общем примерно так: «Наверное, эти большевики и вправду — за простой народ, если власти их так ругают, что даже немецкими шпионами ославили».

Во время работы в Петрограде 1-го Всероссийского съезда Советов 8 июня 1917 г. ЦК большевиков решил призвать рабочих и солдат столицы к массовой демонстрации 10 июня под

лозунгами недоверия Временному правительству. Объявление о демонстрации было напечатано в «Правде» утром 9 июня. В тот же день Съезд Советов, где большинство принадлежало меньшевикам и эсерам, после ожесточенных дебатов принял постановление о запрещении любых публичных демонстраций 10 июня. Всякий виновный в нарушении этого постановления считался «врагом народа».

Этот политический ярлык, впоследствии ставший расхожим, был, таким образом, введен в политический обиход России эсерами и меньшевиками. Причем в практике 1917 г. объявление «врагом народа» отнюдь не ограничивалось только морально-политическими последствиями: фактически его можно приравнять к объявлению вне закона. Оно означало, что «революционная демократия», в том числе воинские части, вправе применять в отношении таких лиц, нарушающих ее запрет, любые насильственные меры.

На большевиков это произвело тогда сильное воздействие. Они поспешно отменили свою демонстрацию 10 июня и решили выйти со своими лозунгами на легальную демонстрацию 18 июня, инициированную самим Съездом Советов. Это решение оказалось политически оправданным. В почти полумиллионной толпе демонстрантов в тот день лозунги меньшевиков и эсеров буквально потонули в море большевистских призывов.

Лидеры меньшевиков и эсеров в Советах умели, когда этого требовали их интересы, проявлять жесткий авторитаризм в отношении своих политических оппонентов. В дни подготовки к Московскому Государственному совещанию в августе 1917 г. ЦИК Советов принял постановление, запрещавшее его делегатам на Совещании выступать с речами без предварительного одобрения ЦИК. Нарушителям данного постановления грозило исключение из ЦИК. Это ставило большевиков перед выбором: или промолчать на Совещании, или лишиться членства в ЦИК и возможности влиять на политику этого важного органа. Большевики избрали третий вариант — они предпочли бойкотировать Московское совещание.

Гибкость и прагматизм большевиков проявились в том, что они не торопились платить эсерам и меньшевикам той же мо-

нетой даже когда для этого представлялась возможность. Со стороны это выглядело как демократизм большевиков. В конце августа прошли перевыборы части Петроградского Совета, принесшие успех большевикам. Это совпало с радикализацией части эсеров и меньшевиков, вызванной провалом мятежа Корнилова. В ночь на 1 сентября Петроградский Совет принял резолюцию «О власти», внесенную большевиками. Резолюция требовала создания правительства только из «представителей революционного пролетариата и крестьянства», незамедлительно, не ожидая Учредительного собрания, проводящего широкие социальные реформы и энергичную внешнюю политику в пользу достижения мира. «Умеренно»-социалистические лидеры намеревались дезавуировать эту резолюцию, добиваясь ее переголосования, когда Совет сумеет собраться в более-менее полном составе. 9 сентября эсеро-меньшевистский президиум Петросовета пригрозил подать в отставку, если резолюция Совета от 1 сентября не будет отменена.

В ответ большевики выдвинули предложение о реорганизации президиума на основе пропорционального представительства от партий, входящих в Совет в данный момент. Формально это было справедливое требование, ибо, как показали последние события, эсеры и меньшевики уже не обладали бесспорным большинством в Совете. С незначительным перевесом Совет принял резолюцию большевиков о составе президиума, и его «умеренно»-социалистическим руководителям пришлось исполнить свое обещание — уйти в отставку. В новый президиум правые меньшевики и правые эсеры отказались войти, хотя в нем для них были оставлены места.

Примечательно, что Ленин раскритиковал тактику большевиков в этом эпизоде. По его мнению, партии следовало добиваться реорганизации президиума на основе не пропорционального представительства, а представительства большинства, то есть одних лишь большевиков. Но это была точка зрения человека, удаленного от места события и лишенного полной информации. Большевики еще не имели абсолютного преобладания в Петроградском Совете. Большинство его депутатов было го-

тово поддержать и поддержало требование большевиков о пропорциональном представительстве в президиуме. Но оно, как показало отклонение им другого предложения большевиков — сделать представительство в Совете от рабочих и солдат по принципу «один избиратель — один голос» (солдатские депутаты в Совете имели непропорционально большое количество мест) — воспротивилось бы любым попыткам большевиков установить в Совете свой партийный диктат.

Радикализм большевиков либералы рассчитывали использовать для дискредитации всех левых сил, включая «умеренных». В своей пропаганде буржуазия всячески выпячивала сходства между «умеренными» социалистами и большевиками. В то же время «умеренные» социалисты считали своим самым опасным врагом не либералов, а большевиков. Эти искажения восприятия, явившись следствием своеобразной российской обстановки 1917 г., в свою очередь оказали на нее влияние. Из них закономерным образом проистекла почти полная потеря «мелкобуржуазными демократами», т.е. эсерами и меньшевиками, политической самостоятельности по отношению к либералам. Вероятно также, что подчинение эсеров и меньшевиков политической тактике либералов не в последнюю очередь обусловливалось решениями известного масонского центра. Даже в те периоды, когда (например, в июле — августе) «умеренные» социалисты составляли большинство правительства, их действия были продиктованы в первую очередь интересами крупной буржуазии.

Так, одной из роковых ошибок «мелкобуржуазных демократов» стало согласие на перенос выборов в Учредительное собрание. 14 июня было объявлено, что выборы в Учредительное собрание пройдут 17 сентября, а созвано оно будет 30 сентября. Однако 9 августа Временное правительство перенесло выборы в Учредительное собрание на 12 ноября, а созыв его — на 28 ноября. Это было сделано исключительно в интересах класса крупных собственников, надеявшегося, что до этого момента можно будет провести все приготовления к установлению «твердой власти», после чего Учредительное собрание можно будет вообще отложить на неопределенный срок.

Как развивались бы события, если бы заправилы российской буржуазии и их политическая обслуга оказались не столь близорукими и выборы в Учредительное собрание состоялись в первоначально назначенный день? Вряд ли, учитывая разруху на транспорте и трудности с подсчетом голосов в отдаленных местностях, Учредительное собрание удалось бы созвать точно в срок. Скорее всего, оно собралось бы не раньше октября. Но в любом случае — до Октябрьского переворота. Самого Октябрьского переворота, скорее всего, не произошло бы. Вера в возможность Учредительного собрания дать стране справедливое устройство была в это время еще сильна во многих слоях общества. Успех большевиков в октябре 1917 г. во многом объяснялся тем, что они позиционировали себя как гарантов Учредительного собрания, а Временное правительство сумели представить как фактор, угрожающий суверенитету Учредительного собрания. Учитывая техническую неготовность большевиков к захвату власти, наиболее вероятно, что до открытия Учредительного собрания, назначенного на октябрь, они не успели бы предпринять никаких активных действий. Инициатива оставалась бы у их политических оппонентов.

Каким бы ни получился расклад сил в Учредительном собрании, очевидно, что его политическая физиономия окончательно выявилась бы не сразу. Если бы Учредительное собрание оказалось неспособно обеспечить некий общенациональный консенсус, то все равно обязано было пройти какое-то время, чтобы эта неспособность обозначилась достаточно ясно. Как минимум — месяц-другой. Вооруженное восстание — теперь уже не против Временного правительства, а против Учредительного собрания — встало бы на повестку дня большевистской партии не раньше ноября — декабря 1917 г. Какой тогда была бы политическая обстановка — точно сказать невозможно. Ясно одно, что более ранний созыв Учредительного собрания дал бы противникам большевиков как из либерального, так и из «умеренно»-социалистического лагерей реальный выигрыш во времени. Сумели бы они его с толком использовать — на этот вопрос мы, конечно, ответить не можем.

Когда после путча Корнилова «мелкобуржуазные демократы» временно остались у власти в одиночку, все их усилия были направлены к тому, чтобы восстановить политический альянс с крупной буржуазией при доминировании последней. На практике это выразилось в очередной, третьей по счету, правительственной коалиции с либералами. Керенскому и другим «модераторам» из лагеря «мелкобуржуазной демократии» представлялось, что такой союз гарантирует от экстремистских поползновений справа, которых «умеренные» социалисты опасались сильнее, чем прихода большевиков к власти. Сильнее, ибо им казалось, что претензии правых на власть реальнее и основательнее, чем у большевиков.

Непосредственно перед Октябрьским переворотом эсеры и меньшевики (кроме левых групп этих партий) в преддверии неизбежного решительного столкновения левой «революционной демократии», возглавляемой большевиками, с либеральной буржуазией, полностью перешли на позиции последней. «Умеренные» социалисты заранее принимали все меры, чтобы очутиться в лагере победителей. В том, что победителями окажутся либералы и стоящая за ними крупная буржуазия, они не сомневались. Любой реверанс в пользу большевиков казался им провокацией, за которой в отношении «умеренных» последуют санкции со стороны победившей буржуазии. Их позиция совершенно открыто объяснялась необходимостью уберечь от разгрома «революционную демократию» в случае неизбежного краха большевиков. Как показали события, это был грубейший промах.

«Умеренные» социалисты уходят с авансцены

Конкретно позиция правых эсеров и меньшевиков выразилась в их тактике на 2-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов — том самом, где большевики объявили о свержении Временного правительства и переходе государственной власти к Советам. Съезд открылся поздно вечером 25 октября. К этому моменту контроль над Петроградом, кроме небольшого пятачка Зимнего дворца и Дворцовой пло-

щади, принадлежал уже Военно-революционному комитету (ВРК) Петросовета.

Из 670 делегатов съезда, зарегистрированных к моменту его открытия, большевиков было 300, то есть меньше половины! 193 делегата были эсерами, причем левые эсеры (в тот момент — тактические союзники большевиков по захвату власти), по приблизительным подсчетам, составляли лишь немногим более половины этого числа. 68 делегатов принадлежали к меньшевикам. 14 — к меньшевикам-интернационалистам, выступавшим, как и большевики, за низложение Временного правительства, но несогласным с тактикой большевиков. Остальные 95 не входили ни в одну из крупных партий.

Такой состав 2-го съезда Советов вовсе не предопределял его однозначного одобрения действиям большевиков по свержению Временного правительства. Очень многое зависело от «умеренных» социалистов, которые в совокупности со всеми колеблющимися составляли большинство участников Съезда. Однако своими действиями лидеры меньшевиков и правых эсеров сами отрезали себе все пути влияния на колеблющуюся массу, чем облегчили победу большевистской тактики на Съезде. Вот как это произошло.

Вопреки установившейся легенде о том, что первым политическим решением 2-го Всероссийского съезда Советов было решение вопроса о переходе государственной власти от Временного правительства к Советам и к Съезду как к их полномочному всероссийскому представительству, это не так. Да, после избрания президиума (в котором больше половины мест досталось большевикам), первым решением Съезда было решение вопроса о власти. Но оно было принято совсем не в большевистской постановке!

Лидер меньшевиков-интернационалистов Мартов, некогда соратник и друг, но уже с 1903 г. — противник Ленина, попросил вне очереди слова для политического заявления и получил его. В описании очевидца это выглядело так:

«Неожиданно послышался новый шум, более тяжелый, чем шум толпы, настойчивый, тревожный шум — глухой гром пу-

пск[188]. Все нервно повернулись к темным окнам, и по собранию пронеслась какая-то дрожь. Мартов попросил слова и прохрипел: “Гражданская война началась, товарищи! Первым нашим вопросом должно быть мирное разрешение кризиса. И принципиально и тактически мы обязаны спешно обсудить пути предупреждения Гражданской войны. Там на улице стреляют в наших братьев!.. Мы должны создать власть, которая будет пользоваться признанием всей демократии. Съезд, если хочет быть голосом революционной демократии, не должен сидеть сложа руки перед лицом развертывающейся Гражданской войны… Возможностей мирного выхода надо искать в создании единой демократической власти… Необходимо избрать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями…”»[189].

Предложение Мартова было встречено аплодисментами почти всего Съезда, поддержано левыми эсерами, поставлено на голосование и принято единогласно! В том числе всеми делегатами-большевиками. Так свидетельствуют очевидцы. Но даже если это означает лишь то, что не было подано ни одного голоса против, факт показателен. Примечательно, что вожди большевиков (Ленин еще отсутствовал) не пошли против общего настроения Съезда.

Дискуссионным является вопрос, как следует трактовать принятую Съездом резолюцию Мартова. Есть мнение, что тем самым «съезд поддержал предложение о создании путем переговоров демократического коалиционного правительства»[190]. Хоть в самой резолюции не содержалось прямого требования формировать правительство только на основе коалиции всех социалистических партий, само предложение о создании делегации «для переговоров с другими социалистическими партиями и организациями» с целью предотвращения Гражданской войны не могло быть чем-то иным, кроме как формулой тран-

---

[188] Это начался обстрел Зимнего дворца, где находилось Временное правительство, орудиями крейсера «Аврора».

[189] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 91.

[190] *Рабинович А.* Ук. соч. С. 312.

зита власти. Ибо как можно было предотвратить гражданскую войну, не решив вопроса о власти? Это ясно также из того, что «другими социалистическими партиями и организациями», с которыми Съезд уполномочивал вести переговоры, могли быть только партии, слабо представленные на нем самом (то есть правые эсеры, меньшевики и энесы), а также профсоюзы, Всероссийский Совет крестьянских депутатов и т.д. То есть — широкий спектр организаций «революционной демократии». Речь, таким образом, шла об образовании власти, опиравшейся не на одни Советы рабочих и солдатских депутатов, а на целую совокупность организаций, представлявшую в данном случае «волю народа».

Понятно, что в этом случае от большевистского проекта Республики Советов не осталось бы ровно ничего! Правительство, созданное путем такого соглашения, опиралось бы, скорее всего, непосредственно на представительный орган, пополненный как от Съезда рабочих и солдатских Советов, так и от Совета крестьянских депутатов, а также от профессиональных союзов, армейских комитетов и т.д. в неизвестной нам пропорции, но точно не предоставлявшей большевикам численного преобладания! А на местах полномочными органами власти по-прежнему бы считались демократическим путем избранные городские думы и земства. Вся эта конструкция власти могла бы действовать только до Учредительного собрания, созыв которого ожидался в конце ноября. Но большевики были вынуждены проголосовать за этот выход. Больше ничего другого им не оставалось в обстановке резко отрицательного отношения прочей «революционной демократии» к насильственной смене власти!

Но выполнение антибольшевистской по сути резолюции 2-го съезда Советов по вопросу о власти было тут же сорвано действиями меньшевиков и правых эсеров. После принятия резолюции Мартова представители этих партий один за другим стали выходить на трибуну и заявлять о своей невозможности оставаться на этом Съезде: «Эсеры и меньшевики считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит,

и призывают все общественные силы оказать сопротивление попыткам захватить власть... Поскольку большевики организовали военный заговор, опираясь на Петроградский Совет и не посовстовавшись с другими фракциями и партиями, мы не считаем возможным оставаться на Съезде и поэтому покидаем его, приглашая все прочие группы и партии следовать за нами и собраться для обсуждения создавшегося положения»[191]. Попутно заметим, что такая позиция противоречила голосованию за резолюцию Мартова. Вероятно, последняя все-таки не была принята единогласно: делегаты правых эсеров и меньшевиков воздержались.

Возможно, правые эсеры и меньшевики надеялись, что их шумный и демонстративный уход со Съезда вызовет раскол в рядах остальных фракций и часть их тоже покинет Съезд. Тем самым Съезд лишится необходимого кворума. Но, очевидно, главное было не в этом. Своим разрывом со Съездом «умеренные» социалисты рассчитывали в первую очередь обеспечить свое алиби в преддверии неизбежного, как им казалось, подавления большевистского восстания. Не хуже своих противников они осознавали, что вопрос о власти решается на улицах вооруженным путем. Они заранее выбрали сторону, которой, как они думали, будет принадлежать победа.

Но уйдя со Съезда, «умеренные» социалисты не сумели увести за собой всех колеблющихся, а сами лишились возможности влиять на дальнейшие действия Съезда. Теперь на Съезде явный перевес был у большевиков. В то же время на Съезде оставалось еще достаточно делегатов для вынесения авторитетных решений. С большевиками остались левые эсеры и меньшая часть меньшевиков-интернационалистов. Бо́льшая их часть во главе с Мартовым ушла почти вскоре после ухода правых меньшевиков и эсеров, сразу, как Съезд отверг новую, более конкретную резолюцию Мартова о создании власти на широкой демократической основе.

Какими мотивами руководствовался Мартов, как бы ставя на повторное голосование свое уже ранее принятое предложение?

---

[191] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 92—93.

Внешним поводом могло послужить то, что после «сецессии» правых эсеров и меньшевиков оно-де потеряло силу и заново требовало одобрения изменившимся составом Съезда. Истинной причиной, скорее всего, стал поиск благовидного предлога для ухода со Съезда вслед за правыми меньшевиками. Сохранение связи с ними Мартов в этот критический момент счел для себя более важным, чем присутствие на Съезде. Правда, большевики формально выполнили первую резолюцию Съезда. Они открыли и в течение недели вели (больше для прикрытия) переговоры об образовании коалиционного правительства с другими соцпартиями. Но это не помешало им объявить на Съезде уже в ночь на 27 октября о создании своего, чисто большевистского правительства.

Оставшись на Съезде, правые эсеры и меньшевики оставили бы себе гораздо больше возможностей для политического маневрирования и для срыва большевистских планов. Они могли тормозить принятие радикальных резолюций, настаивать на точном выполнении первого решения о власти и т.д. Ошибочность их тактики в октябрьские дни стала ясной для части из них, но и то не сразу. Летописец революции историк-меньшевик Н.Н. Суханов (Гиммер) впоследствии признавал: «Мы ушли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции. Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей "линии" Ленина»[192].

Подведем итоги. Многими своими действиями как либералы, так и «соглашатели» проторили большевикам дорогу к власти. Эти неверные стратегические решения, повлекшие за собой роковые тактические ошибки, можно свести в такой перечень:

1. Недооценка буржуазией главной для себя угрозы, исходившей от большевиков, что выразилось в следующих ошибочных установках:

---

[192] *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Берлин, 1923. Т. 7. С. 219—220.

а) курс на обострение социальной конфронтации и провоцирование Гражданской войны (выступление Корнилова, акции экономического саботажа и т.д.);

б) отношение к «умеренным» социалистам — своим естественным ближайшим союзникам в борьбе против большевистской угрозы — как к противникам. Отсюда проистекли всемерная диффамация «умеренных» социалистов в печати и политической практике либералов, рассогласованность с ними в действиях.

2. Недооценка «умеренными» социалистами потенциала большевиков и переоценка потенциала либералов, что только за период август — октябрь 1917 г. привело к следующим ошибочным шагам:

а) согласие на перенос выборов в Учредительное собрание с сентября на ноябрь 1917 г.;

б) образование третьей правительственной коалиции с либералами вместо создания однородного правительства из социалистов;

в) необоснованные ожидания неизбежного краха большевистского выступления и, вследствие этого, бескомпромиссная анти большевистская позиция в октябрьские дни, полная поддержка либералов в ожидании их скорой победы над большевиками;

г) проистекший из предыдущего пункта бойкот 2-го Всероссийского съезда Советов вместо попыток «обволакивания» и «парламентского торможения» этого мероприятия.

Глава пятая

НА ПУТИ К «ПОХАБНОМУ» МИРУ

«Декрет о мире»

Вечером 26 октября (8 ноября) 1917 г. 2-й Всероссийский съезд Советов единогласно принял сочиненный и зачитанный Лениным «Декрет о мире» — уникальный документ в истории государственного правотворчества и международных отношений.

«Рабочее и крестьянское правительство... — так начинался этот акт, — предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире. Справедливым или демократическим миром... правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций». Далее заявлялось об отмене тайной дипломатии в отношении как предстоящих мирных переговоров, так и заключенных ранее соглашений. Выражалось намерение немедленно приступить к опубликованию тайных договоров России с иностранными державами, подтвержденных (то есть подписанных еще при царе) и заключенных Временным правительством. «Все содержание этих тайных договоров... правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным», — подчеркивалось в «Декрете». Вместе с тем новое правительство России заявляло, что «отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ульти-

мативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира».

Один из главных кажущихся парадоксов, с которыми сталкивается начинающий изучать большевистский период русской истории, — отсутствие в партии Ленина единства по вопросу о сепаратном мире. Как же так? Большевики вроде бы пришли к власти под лозунгом немедленного мира на фронте. И вдруг, когда дошло до дела, обнаружилось, что очень многие из них вовсе не склонны заключать сепаратный мир! Многие большевики «внезапно» выступили за продолжение «революционной» войны с Германией и Австро-Венгрией до победы революции и в них.

На самом деле никакого парадокса тут нет, и лозунг «революционной» войны вовсе не был неожиданным. Массы рабочих и крестьян, подавляющее большинство солдат, действительно, по-своему, по-простому трактовали и воспринимали программу большевиков. Для них слова о «немедленном предложении мира трудящимся всех стран через головы правительств» автоматически переиначивались в «предложение немедленного мира во что бы то ни стало». А лозунг большевиков становился недвусмысленным обещанием принести мир исстрадавшейся России, демобилизовать армию, вернуть миллионы русских солдат к своим семьям и в свои дома.

В те месяцы передавали рассказ о солдате, который как-то заявил в Петроградском Совете, что «солдатам нужен мир какой угодно, хоть бы "какой-нибудь похабный"»[193]. Это выражение «похабный мир» стало крылатым. Сам же Ленин потом назвал «похабным» мирный договор, который оказались в итоге вынуждены подписать советские представители.

Ленин, очевидно, лучше многих своих товарищей по партии понял простую истину, что не революционный энтузиазм народа, а его смертельная усталость возвела большевиков на Олимп власти. Усталость от череды бессильных правителей, неспособных положить конец бардаку в стране и в первую

---

[193] *Троцкий Л.Д.* Ук. соч. Т. 2. Ч. 2. С. 261.

очередь — бездарно[194] веденной войне как первопричине этого бардака. Народ, что называется, «достали». И что миллионы крестьян, одетых в солдатские шинели, не будут вникать в сложности достижения «всеобщего демократического мира» совместными усилиями «социалистов всех стран». Что они могут воспринимать большевистские лозунги только так, как сказано выше, и никак иначе — как обещание мира немедленно! И что если большевики не смогут соответствовать этим ожиданиям миллионов, то они, эти миллионы, найдут в себе последние силы — нет, не воевать, а заменить большевиков на кого-нибудь еще, кто наконец сможет дать им мир.

Многие соратники Ленина (в какие-то моменты — даже большинство) этого не понимали. Поэтому на практике их отношение к войне мало чем отличалось от отношения «умеренных» социалистов. Вспомним: те ведь тоже постоянно говорили о мире, которого совместными усилиями добьются социалисты воюющих стран обеих международных коалиций! И обращение эсеро-меньшевистского Петросовета от 2 мая 1917 г. «К социалистам всех стран» по форме и содержанию почти полностью предвосхищало «Декрет о мире» 2-го Всероссийского съезда Советов. Для большинства российских социалистов было немыслимо заключить такой мир с правительством кайзеровской Германии, который бы содержал в себе условия территориальных уступок и других материальных компенсаций, то есть предусматривал аннексии и контрибуции.

Однако необходимо сразу оговориться: неприемлемость согласия на аннексии и контрибуции за счет России обусловливалась для многих из этих социалистов отнюдь не патриотическими соображениями! Нет! Заключение аннексионистского мира было для них «изменой делу мировой революции»! Столь же неприемлемой для них была бы и победа России, выраженная в присоединении территорий и взыскании репараций. Признание поражения России должно было усилить Германию и ее союзников, а следовательно, отдалить в неопределенное буду-

---

[194] Это было всеобщее убеждение, несмотря на то, что оно мало отвечало истине.

щее революцию в Германии. И вот, только ради победы мировой революции, а вовсе не во имя интересов России, они были готовы и дальше лить кровь русского солдата.

Отмеченные разногласия в среде социалистов, в том числе большевиков, обусловили непоследовательную, часто противоречивую политику Советской России в деле войны и мира. Они во многом способствовали тому, что полученный в результате мир оказался далеко не столь приемлемым и почетным, как могла рассчитывать Россия (причем вся Россия, без классовых различий) еще в конце 1917 г. Они же расшатывали единство Советского государства и в последующем, вызвав появление сразу нескольких политических линий, которые разные группы в советском руководстве пытались проводить в противовес одна другой, что резко усложнило и без того непростое положение Советской республики.

Ленин отличался от этой когорты социалистов тем, что он гораздо более реалистично оценивал перспективы мировой революции. Он не ожидал ее непременно сразу вслед за «Декретом о мире». Верный своим правилам, он готовился к худшему из возможных вариантов. Только поэтому он настаивал перед руководством большевиков на скорейшем заключении пусть даже аннексионистского и сепаратного мира, пока еще не миновала историческая возможность добиться его на удовлетворительных для революционной России условиях. Было бы совершенно неверно приписывать Ленину в данном случае субъективные патриотические мотивы, заботу о державных интересах России. Но объективно в тот момент цели Ленина и реальные (а не утопические) интересы России совпали.

Ленин рассматривал революционную войну с внешним врагом как неизбежность. Но именно потому, что она была неизбежна, ее следовало как можно сильнее оттянуть в будущее. России как воздух необходима была передышка от непрерывных военных усилий. После всего того, что Россия пережила в 1917 г., любое правительство, пришедшее к власти в конце того года, какое бы оно ни было, уже не смогло бы достойно продолжать войну. Но для того, чтобы достойно выйти из вой-

ны, необходим был неординарный шаг, а не просто сепаратное перемирие.

Таким неординарным шагом и стал «Декрет о мире» — предложение всеобщего мира народам воевавших стран через головы их правительств. Это был блестящий политический ход, позволявший использовать революционный потенциал тоже уставших от войны европейских наций в интересах заключения мира на приемлемых для России условиях. В отношении прогноза перспектив европейской революции мы можем сказать то же, что уже говорили о ряде других политических прогнозов Ленина на 1917 г.: он был абсолютно верен в определении общей тенденции. Ошибка заключалась в оценке точных сроков и величины. Острый революционный кризис в большинстве европейских стран наступил только в конце 1918 г. Его глубина также не отвечала наиболее оптимистическим ожиданиям большевиков. Но он все-таки произошел. Если бы его совсем не было, то несостоятельным оказался бы и расчет Ленина противостоять внешнему вмешательству в русскую революцию. Ибо, не будь общеевропейского революционного кризиса, интервенция западных держав в Россию приобрела бы значительно больший размах. Главным фактором, обусловившим ограниченный масштаб интервенции, как раз и стало западноевропейское революционное движение.

Даже с учетом краха надежд на скорый (именно скорый, а не вообще) революционный взрыв в Европе, «Декрет о мире» был позитивным шагом. Он предоставлял советской дипломатии ту свободу рук, которой в течение трех с половиной лет так не хватало царской и буржуазной дипломатии России. Другое дело — с какой выгодой эту свободу рук удалось бы использовать.

Однако «Декрет о мире» мог оказаться бурей в стакане воды. Не только явные противники большевиков, но даже левые эсеры и меньшевики-интернационалисты ожидали скорого падения большевистского Совета народных комиссаров (СНК). Неудивительно, что правительства и Антанты, и враждебных России стран поначалу никак не отреагировали на ленинское предложение. Служащие российского МИД саботировали рас-

поряжение СНК о выдаче секретных договоров. Оппозиционная большевикам социалистическая печать едко издевалась над бессилием нового правительства добиться из-за границы какого-то отклика на свои мирные предложения[195].

Западные державы проигнорировали и прямую ноту народного комиссара иностранных дел Л.Д. Троцкого 8 (21) ноября послам стран Антанты в Петрограде. Тогда на следующий день Ленин выступил по радио с призывом ко всем фронтовых частям Русской армии непосредственно устанавливать перемирие на фронте с войсками противника. На это 12 (25) ноября союзные миссии при Ставке ВГК в Могилеве заявили формальный протест начальнику штаба генералу Н.Н. Духонину, после падения Временного правительства остававшемуся в Ставке «за главного». При этом они сослались на договор России с Англией и Францией, запрещавший союзникам сепаратные переговоры о мире. Духонин не подчинялся большевикам и действовал с союзными миссиями заодно. Он тут же передал содержание этого протеста всем командующим фронтами и армиями с одновременным приказом не входить ни в какие контакты с врагом.

Большевикам еще предстояло заставить считаться с собой тех, от кого зависело заключение мира.

Завоевание власти большевиками

Свержение власти Временного правительства в Петрограде произошло практически бескровно. Это всемирно-историческое событие обошлось всего в шестерых убитых. Однако это было только начало. Настоящее сопротивление новой власти только разворачивалось. В центре его стояла масонская надпартийная организация, о которой мы уже говорили. Она стремилась аккумулировать и направить в одну сторону различные проявления социального недовольства, неизбежные в обстановке хозяйственной разрухи на четвертом году войны. Благо такой опыт — всемерной дискредитации власти, устрой-

[195] «Друг народа», Петроград, 05.11.1917.

ства провокаций, подстрекательства к массовым беспорядкам, военных заговоров — ею уже был опробован в борьбе с самодержавием. «Партии большевиков по всем коренным проблемам общественного развития противостоял единый отлаженный механизм, одно руководство, объединявшее вожаков всех буржуазных партий»[196].

С первых часов провозглашения Съезда Советов высшим органом власти, в Петрограде образовалось альтернативное правительство — Комитет спасения Родины и революции. Его штабом стала Петроградская городская дума. Нередко этот Комитет изображают как собрание оторванных от жизни интеллигентов, собиравшихся бороться с большевиками лишь резолюциями протеста, прокламациями да статьями в печати. Но это была только верхушка айсберга. Настоящая работа велась подпольно. При Комитете спасения действовала военная организация, готовившая выступление юнкеров военных училищ и казачьих полков (сохранивших нейтралитет во время свержения Временного правительства). Одновременно велась бурная агитация в остальных воинских частях петроградского гарнизона с тем, чтобы они оставались нейтральными.

Выступление приурочивалось к моменту, когда Керенский с войсками подойдет к столице. Однако заговор был раскрыт большевиками. Поэтому мятеж начался преждевременно в ночь с 28 на 29 октября 1917 г. Временные успехи восставших были быстро парализованы оперативными действиями большевиков. Утром 29 октября верные большевикам части гарнизона окружили юнкерские училища сильными воинскими нарядами с артиллерией и предложили юнкерам разоружиться. Отдельные училища оказали сопротивление, которое было энергично подавлено в тот же день. Казакам большевики не решились предъявить такого ультиматума, но угрозой применения силы удержали казаков от выступления. В этих боях погибло уже несколько сот человек.

Сам Керенский шел на Петроград во главе 3-го конного корпуса. Этим корпусом до корниловских дней командовал Кры-

[196] *Яковлев Н.Н.* Ук. соч. С. 280.

мов. После — его командиром был назначен генерал-майор П.Н. Краснов (впоследствии — одно из крупных действующих лиц русской смуты). Краснов был монархистом, ненавидел Керенского и представляемый им режим. Он не испытывал никакого желания бороться за возвращение к власти Керенского, разделяя в тот период заблуждение многих в правых кругах, что большевики дискредитируют себя и свалятся сами. Но, вероятно, не считал нужным открыто выступать против Керенского, так как это означало бы формально встать на сторону большевиков. Краснов позволил привести 3-й конный корпус под Петроград, чтобы на месте решить, как дальше действовать.

Нужно снова отметить незаурядные энергию и талант убеждения у Керенского. В этой своей последней битве за власть он проявил недюжинные способности. В отличие от военных Корнилова и Крымова двумя месяцами ранее, штатский «фигляр» Керенский сумел довести 3-й конный корпус до предместий Петрограда! Но в боях у Красного Села и на Пулковских высотах 30—31 октября революционные рабочие и солдаты Петрограда дали сокрушительный отпор казакам, которые не очень-то понимали, зачем их сюда привели. Сражаться за Керенского им хотелось не больше, чем их командиру. После этих первых боев в рядах казаков началась деморализация, подогреваемая Красновым, избравшим тактику тихого саботажа всего предприятия Керенского. Краснов не препятствовал общению своих подчиненных с парламентерами от большевиков. В то же время он убедил Керенского в том, что казаки не желают драться и что бывшему премьеру лучше скрыться, что тот и сделал.

В эти же дни шли ожесточенные бои за власть в Москве. С 25 октября большевистский Военно-революционный комитет (ВРК) вел переговоры с командующим Московским военным округом. Обе стороны одновременно использовали это время для мобилизации сил. Однако 28 октября антибольшевистские силы неожиданно захватили Кремль, вынудив сложить оружие расположенный там просоветский гарнизон. В ответ ВРК начал активные военные действия, однако несколько дней явного перевеса не было ни у одной из сторон. Только 2 ноября советские силы установили контроль над городом.

Завоевание большевиками власти в обеих столицах еще не означало взятия полноты власти по всей стране. Среди «попутчиков» большевиков продолжались сильные колебания, способные в любой момент обрушить новую власть. Однако 15 (28) ноября 1917 г. между большевиками и левыми эсерами было, наконец, достигнуто соглашение о правительственной коалиции. Большинство мест в Совнаркоме (13 из 20, включая пост председателя), в том числе ключевые посты (наркомов иностранных дел, внутренних дел, военных и морских дел), остались за большевиками. ЦИК Советов теперь избирался на паритетных началах от рабочих и солдатских Советов и от крестьянских Советов.

После этого новая власть установила контроль за Ставкой ВГК, где Духонин вместе с либералами и «умеренными» социалистами пытался организовать антибольшевистское правительство. Но реальной силы за ними не было. 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в Могилев прибыл член коллегии наркомов по военным делам прапорщик Николай Крыленко. На его сторону сразу перешел гарнизон Могилева. Крыленко арестовал Духонина, чтобы доставить его на суд в Петроград, но не смог спасти его от ярости солдатской толпы. Последний Верховный Главнокомандующий Русской армией был убит на месте. Старая Ставка прекратила свое существование.

Важным вопросом становилось отношение к Учредительному собранию, поскольку значительные массы народа попрежнему связывали с ним надежды на выход России из кризиса. Выборы в Учредительное собрание прошли в день, назначенный для этого еще Временным правительством — 12 (25) ноября 1917 г. Легитимность Всероссийского Учредительного собрания всегда будет под большим сомнением хотя бы уже потому, что в выборах в него приняли участие меньше половины всех избирателей. Из 715 депутатов большевиков было всего 175 (по другим данным — 183). Больше всего депутатских мест получила партия эсеров — 410. Кадетов было всего 17 или 16, меньшевиков — 15. Прочие места заняли представители национально-демократических партий окраин России, близкие по взглядам к русским эсерам. В целом большевики по

разным данным получили от 22,5 % до 25 % голосов граждан, пришедших на выборы по всей стране, эсеры (русские) — от 39,5 до 45,5 %[197].

Показательно, что в трех наиболее промышленно развитых регионах России — Северном, Центральном и Западном — большевики получили больше голосов, чем эсеры: в Северном — 40 % против 38 %, в Центральном — 44 % против 38 %, в Западном — 44 % против 43 %. За эсеров проголосовало 43 % военнослужащих, за большевиков — 38 %. При этом на Северном фронте за большевиков было подано 62 % голосов, на Западном фронте — 68 %.

Однако общее количество голосов, поданных за список эсеров, не отражало в точности настроений избирателей. Это отчетливо видно по выборам в тех округах, где левые эсеры уже размежевались со старыми товарищами по партии и выступали отдельным списком. Так, в Петрограде левые эсеры получили 152,2 тыс., или 16,2 % голосов, тогда как правые эсеры — всего 4,7 тыс., или 0,5 %. Для сравнения: список большевиков в северной столице получил 424 тыс. (45,1 %) голосов, список кадстов — 245 тыс. (26 %) [198]. По этим данным отчетливо видна также резкая поляризация политических сил.

Парламентский идеал общенародной демократии в условиях России конца 1917—1918 гг. был утопией. Учредительное собрание могло располагать какими-то шансами на успех только в период Временного правительства, и то, видимо, лишь до осени 1917 г. Вся ответственность за крах парламентской демократии в России в 1917 г. падает на либеральную буржуазию, которая за восемь месяцев своего господства не сделала необходимых шагов для утверждения этой модели власти. Наоборот, этот класс, как мы видели, всячески тормозил созыв Учредительного собрания.

---

[197] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 40. С. 1—2; *Знаменский О.Н.* Всероссийское Учредительное собрание. История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 270—273; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164.

[198] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 328.

Теперь же, после Октября, Учредительное собрание становилось одной из последних надежд буржуазии на возвращение к власти. Еще до выборов было ясно, что большевики не получат в этом Собрании большинства, даже вместе с левыми эсерами. Учредительное собрание, получив власть, неизбежно отменило бы все решения Советского правительства и саму Республику Советов. Ленин убедил товарищей по партии, а также левых эсеров не допустить взятия власти Учредительным собранием.

Когда откладывать созыв Учредительного собрания уже не было благовидных причин, Совнарком решил позволить (5 января 1918 г.) Учредительному собранию провести одно-единственное заседание. На нем Собрание должно было фактически вотировать самороспуск. Оно, как и ожидалось, отказалось и утром 6 января было распущено декретом СНК.

Накануне в разных местах Петрограда были обстреляны и разогнаны массовые демонстрации в поддержку Учредительного собрания. Около 50 демонстрантов было при этом убито. Перед этим некоторые лидеры правых эсеров предлагали устроить «вооруженную демонстрацию», однако в итоге было принято решение о мирном шествии без оружия. В антибольшевистской литературе оно трактуется как ошибка, как слепая приверженность «умеренных» социалистов мирным средствам политической борьбы. Однако эти же люди устроили вооруженный мятеж с целью свержения власти большевиков еще 29 октября 1917 г. Поднимали они мятежи и впоследствии. Так что отнюдь не в «нежелании насильственных действий» тут дело. А в том, что никакой реальной вооруженной силы на улицах Петрограда эсеры большевикам в тот момент противопоставить не могли.

«Умеренные» социалисты попытались возродить Учредительное собрание летом и осенью 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири — на тех территориях, где развертывалось вооруженное антисоветское движение. Однако уже в ноябре 1918 г. этим попыткам был положен конец — белогвардейский генералитет установил военную диктатуру. Вожди Белого дви-

жения впоследствии не раз заявляли о праве народа самому установить власть, обещали созыв Учредительного или Национального собрания «после победы над большевиками». Но они категорически отказывались признавать правомочность Учредительного собрания, выбранного в конце 1917 г. События периода Гражданской войны наглядно показали, что парламентская власть мелкобуржуазных демократов могла быть в тех условиях только ступенькой к военной диктатуре в интересах крупного капитала.

Начало Гражданской войны

Главная ответственность за развязывание гражданских войн всегда падает на элитные слои общества как на более сплоченные и управляемые. Во-первых, в тот период, когда они еще обладают властью, они имеют возможность предотвратить грядущие потрясения разумной политикой, направленной на сбалансированное удовлетворение интересов всех слоев общества. Во-вторых, им проще обуздать эгоизм собственного класса в силу лучшей организованности и меньшей численности, чем у противостоящего им большинства народа. В-третьих, именно эти слои всегда претендуют на наивысшую гражданскую сознательность, оправдывая ею свое исключительное положение в обществе, а значит, с них и спрос выше, чем с «темных масс».

Но ни одна социальная революция не обходится без ожесточенного сопротивления классов, лишаемых монополии на власть и крупную собственность. Так было в великих буржуазных революциях (английской, французской), так было еще раньше — на заре европейской цивилизации, во времена Древней Греции и Древнего Рима. Боязнь потерять исключительное положение побуждала элитные группы общества первыми прибегать к насилию, как только возникал сам вопрос о перераспределении власти и собственности.

Оправдывая начало вооруженной борьбы против советской власти, лидеры буржуазии заявляли о том, что она ведется «против предательства национальных интересов», «за продолжение войны с Германией», «ради исполнения союзнического

долга». На самом деле, конечно, главной целью создаваемых с конца 1917 г. плацдармов контрреволюции была подготовка свержения советской власти. Никакой вооруженной борьбы с Центральными державами антисоветское движение не вело в тех случаях, когда его войска имели непосредственное соприкосновение с германскими, австро-венгерскими и турецкими войсками. А если бы попыталось ее вести, то было бы тут же раздавлено. Наоборот, лидеры антисоветского движения входили в соглашения с оккупационной администрацией и пользовались ее покровительством для развертывания своей борьбы против Советов.

Подготовка, на всякий случай, своего рода убежища для власти буржуазии началась еще до падения Временного правительства. Уже в конце сентября 1917 года на юге России сложились структуры альтернативной государственности. В Екатеринодаре состоялась конференция, на которой был учрежден Юго-Восточный Союз. В него вошли казачьи области Дона, Кубани и Терека. О присоединении к нему заявили представители, выступавшие от лица «вольных народов гор и степей Кавказа».

С самого начала в этом движении на юге России переплетались и боролись две тенденции: 1) сохранение оплота буржуазного порядка с целью в дальнейшем вновь распространить его на всю Россию; 2) увековечение региональной самостоятельности. Временами эти два течения и их представители тесно сближались между собой, временами же их противоречия губительно сказывались на деле.

«Здесь именно создать власть — сначала местного значения, затем общегосударственного», — сообщал М.В. Алексеев генерал-квартирмейстеру Ставки генерал-майору М.К. Дитерихсу 8 (21) ноября 1917 г. Это был документ строго конфиденциального характера. В нем Алексеев излагал задачи того добровольческого офицерского движения, которое он пытался в это время создать на Дону под прикрытием казачьей автономии: «Юго-восточный угол России — район относительного спокойствия... Здесь естественные большие богатства, необ-

ходимые всей России... *Из этой цитадели должна затем начаться борьба за экономическое спасение наше от немца, при участии капитала англо-американского*»[199].

Чтобы понять истинный смысл выделенной цитаты, вспомним, что генерал Алексеев являлся одной из ключевых фигур заговора генералов против Николая II в 1916—1917 гг. и в этом качестве, несомненно, был тесно связан с масонством. А масонство как организация не знает национальных границ. Ложа «Великий Восток народов России» создавалась как филиал «Великого Востока Франции»[200]. Это означает, что она являлась проводником интересов даже не только и не столько российского капитала, сколько капитала стран Антанты.

Заметно, что масонская организация настраивалась на длительную борьбу. Иначе почему Алексеев говорил бы о «спасении от немца» «экономическом»? В кругах, где зарождалось Белое движение, в этот период бравировали непризнанием советской политики достижения мира и лозунгом скорейшего возобновления войны с Германией. Но это — для публики. Письмо же Алексеева наглядно показывает: он считал наиболее вероятным, что большевики сумеют заключить мир с Германией и что он будет сопровождаться (как и случилось в действительности) тягостными экономическими условиями для России. Юго-Восточный союз, по мысли кругов, стоявших за Алексеевым, должен был представлять остров экономической независимости от условий мирного соглашения Германии и Советской России.

Разумеется, за эту «независимость» следовало заплатить ресурсами юга России заинтересованному субъекту, которого Алексеев тут прямо и называет — «капитал англо-американский». Почему здесь не упомянут еще французский капитал, мы узнаем из другого. Дело в том, что вскоре после этого, 10 (23) декабря 1917 г. между Великобританией и Францией

---

[199] *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917—1918 гг. Париж, 1937. Кн. 5. С. 48—49. (Курсив мой — *Я.Б.)*

[200] *Н.Н. Яковлев*. Ук. соч. С. 276; История СССР / Под ред. В.Г. Тюкавкина. С. 380.

было подписано секретное соглашение о разделе юга России на сферы интересов и влияния. По нему Кавказ входил именно в британскую сферу.

Конечно, военно-политические лидеры российской буржуазии явно не собирались ограничивать Юго-Восточный союз пределами Северного Кавказа. Поэтому речь шла о предоставлении капиталу Великобритании, Франции и США режима исключительного благоприятствования в обширном регионе Российской империи, включавшем Северный Кавказ, Закавказье, Причерноморье. С уверенностью политика, лучше других посвященного в некие тайны, вождь Белого движения противополагает экономическому закабалению России Германией единственную альтернативу: такое же ее закабаление Англией и Америкой...

Характерно, что Алексеев не пишет здесь о возобновлении вооруженной борьбы с Германией и ее союзниками. Потому что отлично понимает: если для такой борьбы нет больше сил и средств у всей измученной России, то у Юго-Восточного союза их не будет тем более. Хотя в декларациях, предназначенных для более широкого круга лиц, лидеры Белого движения зимой 1917/18 г. пишут: «Полное исполнение всех принятых Россией союзных обязательств... Война должна быть доведена до конца в тесном единении с нашими союзниками»[201], — ясно, что это ширма.

Сокрушение внутреннего врага любой ценой — таков был императив Гражданской войны. Он допускал широкие рамки конформизма в отношениях с любыми внешними силами за счет не только сиюминутных, но и долгосрочных интересов России. Этой логике подчинялись обе стороны. Разница была лишь в том, что антисоветские силы свой коллаборационизм прятали за «патриотическими» лозунгами, тогда как большевики, идя на унизительные условия сепаратного мира с Германией, были честнее и не скрывали своего приоритета классовых мотивов перед национальными.

---

[201] *Головин Н.Н.* Ук. соч. Кн. 5. С. 102.

Несмотря на все усилия политической верхушки российской буржуазии, «патриотическая сознательность» этого класса в общем оставалась на низком уровне. Как раньше он не желал жертвовать ничем из своих богатств и привилегий ради сохранения целого — своей власти в «этой стране», так и теперь он скептически отнесся к перспективам вооруженной борьбы за эту цель. Деникин с горечью признает: «400 руб. — это все, что в ноябре месяце уделило русское общество своим защитникам»[202]. Большинство представителей элиты предпочитало спасать свои капиталы (вместе с жизнями) за границей, а Россия как-нибудь, с Божьей помощью, спасется сама...

В конце 1917 — начале 1918 г. на Дон стекались осколки свергнутой элиты. Были здесь совершенно разные, в том числе и совсем небогатые люди — студенты, служащие, низшее офицерство — кто искренне поверил в патриотические призывы Белого движения. Эти благородные идеалисты придали первым месяцам Белого движения ореол романтизма и жертвенности, впоследствии с него слетевший.

В Добровольческую армию, по свидетельству одного из ее организаторов, генерала Деникина, шел примерно... один процент русского офицерства[203]. Разошлись пути генералитета, одерживавшего победы на полях сражений Второй Отечественной войны. Деникин в эмиграции излил немало желчи на Брусилова, не поддержавшего Белое движение. Сам же Брусилов по этому поводу писал: «История по репортерским статьям не пишется. Не зная ни причин, ни мотивов, ни обстановки, нельзя ему было бросать камни в меня, да и во многих тех, кто остался в России, как это делали многие эмигранты. Они все упускали из виду, что обстановка и взгляды могут быть иные, а страдание за Россию — одно»[204].

Отметим еще, что святейший Тихон, патриарх Московский и всея Руси, интронизированный 21 ноября (4 декабря) 1917 г. на патриарший престол, пустовавший два столетия, отказался

[202] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. С. 156.
[203] Там же. Ук. соч. Т. 2. С. 197.
[204] Там же. Ук. соч. С. 319.

благословить Белое движение. Тот путь борьбы с советской властью, который оно предлагало, был морально неприемлем для многих русских людей, в искреннем патриотизме которых нет причин сомневаться.

Казакам в массе очень не нравилось затеваемое дело. Они не без оснований считали, что оно обрекает их на карательные акции со стороны большевиков. Они надеялись, избавившись от белогвардейцев с их лозунгом «единой неделимой России», как-нибудь договориться с большевиками.

Лидеры Белого движения были, безусловно, правы в том, что свои «вольности» зажиточное казачество могло защитить только в результате свержения власти большевиков по всей России. На этом основании они пытались подчинить себе казаков. Казачьи лидеры не менее резонно возражали, что без приюта со стороны казаков Белое движение вообще не смогло бы организоваться. По этой причине они добивались автономии еще по ходу Гражданской войны. Эта борьба двух лагерей, которая не могла разрешиться взаимоприемлемым компромиссом, непрерывно разъедала антисоветский лагерь юга России и сыграла немалую роль в окончательном крушении Белого дела.

Большевики собирают Россию

Старая армия разваливалась. Процесс, начатый политическими играми сил, совершивших Февральскую революцию, достигал апогея. Об этом красноречиво свидетельствует одна из последних сводок донесений старой Ставки о настроениях в армии — с 15 по 30 октября (с 28 октября по 12 ноября н.ст.) 1917 г.:

«Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение и приводят к разочарованию... Предупреждая закон о выборности командного

состава, некоторые части стали осуществлять у себя это право ранее его официальной санкции»[205]. Донесение говорило также об участившихся случаях братания на фронте, убийства солдатами офицеров, участия солдат в беспорядках, производимых гражданским населением в ближайшем тылу (разгромах крестьянами помещичьих усадеб).

Советская власть довела до закономерного абсурда либеральный эксперимент, начатый над Русской армией после Февраля. Издав 16 (29) декабря 1917 г. два декрета — «Об уравнении в правах всех военнослужащих» и «О выборном начале и об организации власти в армии» — коалиционный Совнарком упразднил последние остатки дисциплины и субординации в армии. Советская власть, действуя по ницшеанскому принципу «падающего — толкни!», уничтожала прежние ветхие институты государственности, расчищая место для строительства новых.

В плане качества человеческого материала антисоветское движение первоначально находилось в лучшем положении, чем его противник. Создание добровольческих частей для будущей Гражданской войны на стороне элиты (под видом «ударных батальонов», офицерских отрядов и т.д.) началось еще до Октябрьского переворота. На Добровольческую армию, по признанию самого Деникина, «печать классового отбора легла... прочно»[206]. Этим объясняется, почему во время своего «Ледяного похода» в феврале — апреле 1918 г. Добровольческая армия, многократно уступавшая силам противника, прошла сквозь них как нож сквозь масло. Этому качественному отбору, производимому на идейной основе, большевики противопоставили свой.

15 (28) января 1918 г. декретом Совнаркома было объявлено о создании Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). В ее основу первоначально был положен принцип идейного добровольчества. Как позднее для вступления в коммунистическую партию надо было иметь рекомендацию двух коммунистов, будущий красноармеец должен был иметь ручательство не менее

---

[205] *Головин Н.Н.* Военные усилия России... С. 392—393.

[206] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2. С. 199.

двух членов советских партий или других демократических организаций трудящихся. Допускалось коллективное вступление в РККА воинских частей и экипажей старых армии и флота на основе единогласного решения и круговой поруки. Период добровольчества в Красной Армии удержался недолго. Как и их противники, большевики с началом масштабной Гражданской войны были вынуждены перейти на мобилизационный принцип комплектования вооруженных сил.

РККА создавалась именно для революционной войны, которая не обязательно должна была быть только войной гражданской. Нефтепромышленник Лианозов говорил еще 2 (15) октября 1917 г. иностранному корреспонденту: «Революция — это болезнь. Раньше или позже иностранным державам придется вмешаться в наши дела... Все нации должны понять, насколько для их собственных стран опасны большевизм и такие заразительные идеи, как "пролетарская диктатура" и "мировая социальная революция"»[207]. Поэтому Красная Армия была вынуждена готовиться к отпору не только контрреволюции, но и интервенции, призываемой свергнутыми классами.

Никто в тот момент не мог поручиться, что германские милитаристы заключат мир или, заключив, будут соблюдать его условия. Никто не мог заранее предугадать, что интервенция Антанты окажется (как оно в действительности произошло) ограниченной по масштабам и задачам. Не навалятся ли империалисты обеих мировых коалиций на Россию всеми своими силами, предварительно помирившись между собой за ее счет? Такой опасности нельзя было исключать.

Процесс строительства новой вооруженной силы не был свободен поначалу от многих революционных стереотипов, как-то: выборности командиров, отсутствия — внешних знаков различия, субординации, дисциплинарных взысканий. «8 апреля 1918 г. военный руководитель Сытин телеграфирует в Высший военный совет[208] о том, что большинство прибыв-

---

[207] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 30—31.

[208] Центральный орган по формированию и руководству Красной Армией, существовал с 1 марта по 6 сентября 1918 года.

ших в Брянск добровольческих частей “отличаются полной неорганизованностью и отсутствием самого элементарного военного обучения... Главный их недостаток — это полное отсутствие гражданского долга... Люди совершенно не признают командный состав и приказаний совершенно не исполняют” ...Многие из таких отрядов приходилось разоружать и расформировывать»[209]. Впрочем, и белогвардейская Добровольческая армия поначалу была весьма далека от привычной «старорежимной» дисциплины[210]. Такова была общая и неизбежная «болезнь роста» всех армий, возникавших в обстановке государственного и социального хаоса.

Первая гражданская война, начатая походом Керенского — Краснова на Петроград, была выиграна советской властью еще без Красной Армии. Вооруженные силы контрреволюции не обладали в тот момент никакой массовой поддержкой. Добровольческой армии 22 февраля пришлось бежать из Ростова-на-Дону в степи. На Дон она смогла вернуться только в начале мая 1918 г. благодаря тому, что туда вошли немецкие войска. Крахом закончилась в тот период и попытка атамана Оренбургского казачьего войска полковника А.И. Дутова организовать сопротивление новой власти на Урале.

Февральская революция дала толчок цепной реакции распада России на национальные и региональные суверенные составляющие. В течение весны — лета 1917 г. о своем намерении добиваться автономии или даже федеративного устройства России заявили организации не только многих национальных окраин России (Украины, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии), но и некоторых русских регионов — казачьих областей, Сибири. Заинтересованные в уменьшении числа своих противников, большевики поддержали эти тенденции, подтолкнули протекавший процесс распада.

---

[209] *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. М., 1991. Т.1. С. 133—134.

[210] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2—3. М., 2003. С. 531; *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское. В кн.: Белое дело: Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 27.

Уже 2 (15) ноября 1917 г. СНК издал, за подписями Ленина и наркома по делам национальностей Сталина, «Декларацию прав народов России». Согласно ей, «Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала:

1) Равенство и суверенность народов России.

2) Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3) Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4) Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».

Однако издание этой декларации объяснялось не только прагматическими соображениями. Ее принципы напрямую вытекали из большевистской доктрины. Еще до Мировой войны, в первой половине 1914 г., Ленин написал программную работу «О праве наций на самоопределение», где доказывал, что образование национальных государств является закономерной и прогрессивной тенденцией капитализма. Причем «под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства... Национальное государство есть правило и норма капитализма, пестрое в национальном отношении государство — отсталость или исключение»[211]. Отсюда следовала установка на поощрение данного процесса в ходе революции в России.

Но было бы неверно представлять ее как одностороннюю установку на развал и расчленение России. В той же работе Ленин подчеркивает, что пролетариат должен оценивать «под углом [зрения] классовой борьбы рабочих всякое национальное требование, всякое национальное отделение»[212]. Следовательно, образование независимых национальных государств на месте Российской империи вовсе не являлось самоцелью для

---

[211] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 25. С. 259.

[212] Там же. С. 275.

большевиков. В конце работы Ленин сжато формулирует этапность национальных стремлений по мере движения от буржуазно-демократической революции к пролетарской: «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций»[213]. То есть разделение наций, характерное для капиталистической эпохи, должно смениться новым их объединением на путях построения социализма. Иными словами, задачи классовой борьбы стоят выше права на самоопределение. Здесь содержалась уже готовая установка на собирание воедино частей распавшейся Российской империи, но на новой идейно-политической и социальной основе.

И характерно, как большевики вскоре же стали интерпретировать на практике провозглашенный ими лозунг самоопределения. Всюду в частях России, заявивших после Октябрьского переворота о своей независимости, вскоре, как естественный процесс, начинались движения большевистского свойства, направленные против местных имущих классов. Провозглашались местные Советские республики, начинавшие, при поддержке из Петрограда, вооруженную борьбу с сепаратистскими буржуазными правительствами. Эти совреспублики вступали в федеративную связь с Советской Россией. Так восстанавливалось единство державы.

Так, эсеро-националистическая Центральная рада Украины сразу после Октябрьского переворота заявила о принятии на себя полноты власти на Украине «до Учредительного собрания», а 12 (25) января 1918 г. — о полной независимости Украины. Но еще 14 (27) декабря 1917 г. в Харькове собрался Всеукраинский съезд Советов, провозгласивший создание Украинской Советской Республики, немедленно признанной Петроградом. 26 января (8 февраля) 1918 г. в Киев, поддержанные восставшими рабочими города, вступили отряды украинского советского правительства.

В январе 1918 г. о независимости попытались заявить крымско-татарские националисты. Их попытка была подавлена главным образом силами матросов Черноморского флота.

[213] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 25. С. 320.

Об идеологии большевистских моряков того времени передал интересное наблюдение такой борец с советской властью, как будущий вождь Белого движения генерал Врангель. Один матрос ему сообщил возмущенно: «“Еще матушка Екатерина[214] Крым к России присоединила, а они теперь отлагаются...” Как часто впоследствии вспоминал я, — пишет Врангель, — эти слова, столь знаменательные в устах “сознательного” сторонника красного интернационала»[215].

Совет народных комиссаров 18 (31) декабря 1917 г. признал независимость буржуазного правительства Финляндии. Однако 15 (28) января 1918 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки) и других крупных городах юга Финляндии победила рабочая революция. Образовалось ориентированное на большевиков правительство — Народный Совет Финляндии. Возникла перспектива воссоединения Финляндии с Россией под красным флагом. Таким образом, до февраля 1918 г. советское правительство в Петрограде поступательно и довольно успешно осуществляло воссоединение прежде распавшейся Российском империи в единое политическое целое. Этот процесс советской интеграции был прерван иностранным вмешательством, подлившим масла в огонь уже затухавшей Гражданской войны.

За столом переговоров и вокруг него

Непосредственное перемирие между войсковыми частями на фронте, к которому призвал Ленин по радио 9 (22) ноября 1917 г., грозило вылиться в массовое братание, что непосредственно повлияло бы на боеспособность германской армии. Бумеранг революции, пока еще не сильно, начинал бить и по Германии. Видя также упрочение новой власти в России, германские руководители решили откликнуться на советское предложение. 14 (27) ноября Германия официально сообщила о согласии начать мирные переговоры с Россией.

В тот же день СНК вторично обратился к странам Антанты, на этот раз — с ультиматумом о том, что, если те в течение че-

---

[214] Екатерина II Великая, императрица всероссийская, 1762—1796.
[215] *Врангель П.Н.* Ук. соч. Ч. 1. С. 85.

тырех дней не выразят намерения примкнуть к мирным переговорам, то Россия будет договариваться о мире одна. Отклика от союзников и на этот раз не последовало.

20 ноября (3 декабря) 1917 г. на оккупированной немцами русской территории, в Брест-Литовске, начались переговоры о перемирии. 24 ноября (7 декабря) было заключено перемирие на десять дней, а 2 (15) декабря стороны подписали перемирие на 28 дней с автоматической пролонгацией, пока не будет подписан мир или же одна из сторон не заявит о прекращении перемирия. В последнем случае военные действия могли возобновиться не ранее, чем через неделю после такого заявления. Переговоры о заключении мира начались там же 9 (22) декабря 1917 г.

На первом совещании делегаций обеих сторон в тот же день советские представители выдвинули предложение положить в основу мирного соглашения принцип «без аннексий и контрибуций, свободное самоопределение народов». Однако представители Четверного союза, опираясь на свое фактическое право сильного, сумели повернуть принцип самоопределения народов против России.

Говоря о Четверном союзе, мы имеем в виду главным образом Германию. Именно она дирижировала оркестром Центральных держав. Несмотря на то что между Германией и ее союзниками имелись серьезные расхождения во взглядах на вопросы войны и мира, Германии удалось навязать свою точку зрения и линию поведения всем делегациям Четверного союза. Это обусловливалось фактическим соотношением сил внутри коалиции.

12 (25) декабря 1917 г. германские представители заявили, что всеобщий мир без аннексий и контрибуций возможен лишь при условии согласия на него западных держав. Было решено еще раз предложить странам Антанты примкнуть к обсуждению мирных условий. При этом германская сторона с удовлетворением восприняла заявление о том, что Россия в одностороннем порядке выводит свои войска из занятых ею районов Австро-Венгрии (Галиция), Турции (Западная Армения) и ней-

тральной Персии. Но сама Германия и ее союзники не собирались поступать аналогичным образом и освобождать занятые ими территории Российской империи.

Более того, 14 (27) декабря германская делегация заявила советской, что принцип «без аннексий» неприменим к любым районам, находящимся в данный момент под фактической властью Германии и Австро-Венгрии. В то же время, в соответствии с принципом «самоопределения народов», Россия должна признать занятые войсками Центральных держав области бывшей Российской империи — как-то: Польшу, Литву, часть Латвии и Эстонии — уже «самоопределившимися» в том духе, что они выразили желание быть в государственной связи с Германией. Германская сторона потребовала также изучить вопрос о предоставлении такого же «права на самоопределение» для остальной части Латвии и Эстонии, пока еще находящейся под контролем России. То есть речь шла об аннексии Германией всей Русской Прибалтики. Впоследствии Германия добавит к перечню этих территорий также Финляндию и Украину.

Советская делегация потребовала десятидневного перерыва. 15 (28) декабря 1917 г. она выехала в Петроград. Переговоры возобновились только 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) Во время перерыва советское правительство, сносясь по телеграфу с германским, попробовало настаивать на переносе мирной конференции на нейтральную территорию — в Стокгольм. Однако Германия решительно отклонила это предложение.

27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.) переговоры возобновились в Брест-Литовске. На первом же заседании германская сторона заявила, что коль скоро ни одно государство Антанты не выразило поддержку советским условиям, то утратила смысл формула всеобщего мира без аннексий и контрибуций. 5 (18) января 1918 г. Германия предъявила конкретные условия мирного соглашения. В территориальном отношении они сводились к тому, что области, занятые войсками Германии и ее союзников, отторгались от России, а с Украиной страны Четверного союза собирались договариваться отдельно, и западная граница Украины не подлежала урегулированию с уча-

стием России. Российская советская делегация потребовала десять дней на изучение данного предложения, получила их и выехала в Петроград.

Между тем за новогодние дни произошли два крупных события, имевших прямое отношение к переговорному процессу. Во-первых, в Брест-Литовске появилась делегация Украинской Центральной рады, вознамерившаяся договариваться с Германией и Австро-Венгрией об отдельном от России мире. Для Германии это было радостным событием, так как позволяло выключить из договора с Советской Россией любое урегулирование по Украине, признав эту область еще одной «самоопределившейся страной».

Самое же крупное событие представляло собой выступление президента США В. Вильсона в Конгрессе 26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.). В нем президент изложил свои знаменитые «14 пунктов», которые должны были стать основой всеобщего мира.

Первый пункт говорил о приверженности США принципам открытой дипломатии. Пункты 2—5 содержали принципы общей организации мира после войны, включая «справедливое решение колониального вопроса». В пункте 6 обрисовывалось положение России. Пункты 7—13 касались конкретного решения территориальных вопросов в Европе на основе отказа от аннексий и принципа самоопределения наций. Пункт 14 говорил о создании международной организации (Лиги Наций) для гарантий суверенитета всех — больших и малых — государств.

Содержание «14 пунктов» Вильсона и обстановка, в которой они были провозглашены, дают основание утверждать: мирная декларация американского президента была ответом на советский «Декрет о мире» и попыткой перехвата популярных лозунгов всеобщего демократического мира. Очевидно, что не будь «Декрета о мире», не появились бы на свет и «14 пунктов» Вильсона.

Особо следует коснуться отношения президента США к России. Пункт 6 вильсоновских тезисов о мире гласил: «Освобождение всех русских территорий и такое разрешение всех за-

трагивающих Россию вопросов, которое гарантирует ей самое полное и свободное содействие со стороны других наций в деле получения полной и беспрепятственной возможности принять независимое решение относительно ее собственного политического развития и ее национальной политики и обеспечение ей радушного приема в сообщество свободных наций при том образе правления, который она сама для себя изберет. И более, чем прием, также и всяческую поддержку во всем, в чем она нуждается и чего она сама себе желает. Отношение к России со стороны наций, ее сестер, в грядущие месяцы будет пробным камнем их добрых чувств, понимания ими ее нужд и умения отделить их от своих собственных интересов, а также показателем их мудрости и бескорыстия их симпатий».

Декларация очень расплывчатая. Даже в вопросе об «освобождении русских территорий» — до конца непонятно, что под этим подразумевается. Какую именно территорию должны очистить войска Четверного союза? Всю ту, что составляла Российскую империю до 1914 г.? Или только собственно «русскую» в духе «самоопределения народов»? Бесполезно искать ответа на эти вопросы в тексте самой декларации. Обстановку проясняет секретный комментарий к этому пункту полковника Хауза — «мозгового центра» геополитики президента США в те годы.

Правда, цитируемые ниже строки относятся к октябрю 1918 г. — к периоду непосредственной подготовки США к грядущей мирной конференции, когда уже было ясно, что Германия скоро капитулирует. В России же в это время бушевала Гражданская война. Но это не меняет дела, ибо очевидно, что они излагают неизменную суть политики США, вытекавшую из их понимания «национальных интересов».

«Первым возникает вопрос, является ли русская территория синонимом понятия территории, принадлежавшей прежней Российской империи. Ясно, что это не так, ибо пункт XIII обусловливает независимую Польшу, а это исключает территориальное восстановление империи. То, что признано правильным для поляков, несомненно, придется признать правильным и для финнов, литовцев, латышей, а может быть, и для украинцев...

Это по меньшей мере означает признание мирной конференцией де-факто правительств, представляющих финнов, эстонцев, литовцев и украинцев. Этот первоначальный акт признания должен быть обусловлен созывом национальных собраний для создания правительства де-юре тотчас после того, как мирная конференция определит границы этих новых государств...

Что же касается Великороссии и Сибири, то мирной конференции следовало бы обратиться с посланием, в котором предлагалось бы создать правительство, достаточно представительное, чтобы выступать от имени этих территорий...

Кавказ придется, вероятно, рассматривать как часть проблемы Турецкой империи. Нет никакой информации, которая позволила бы составить мнение о правильной политике по отношению к мусульманской России, т.е., коротко говоря, к Средней Азии. Весьма возможно, что придется предоставить какой-нибудь державе ограниченный мандат для управления на основе протектората...

Необходимо предусмотреть условия для вывода всех германских войск из России, и тогда перед мирной конференцией будет лежать чистый лист бумаги, на котором можно будет начертать политику для всех народов бывшей Российской империи»[216].

Итак, Россия — «чистый лист бумаги», на котором заокеанские политики намеревались чертить свои директивные планы для ее народов. Если в январе 1918 г. Россия еще не вполне соответствовала этому «идеальному», с точки зрения США, состоянию, то осенью того же года она, видимо, «дозрела». А этому «дозреванию» США вместе со своими западноевропейскими союзниками в течение 1918 г. активно способствовали.

Сговоры за спиной России

Одновременно с началом брестских переговоров, в Париже открылись англо-французские межправительственные консультации по так называемому «русскому вопросу», который на три года стал одним из главнейших во внешней политике за-

---

[216] Архив полковника Хауза (пер. с англ.) Т. 4. М., 1944. С. 151—153.

падных держав. Об их содержании в тот момент не сообщалось широкой публике.

Две главные державы Антанты сочли нужным выработать общие цели политики в отношении России. В меморандуме, согласованном правительствами обеих стран, говорилось о необходимости поддерживать связь с отколовшимися от России «Украиной, Финляндией, Сибирью, Кавказом и т.д.»; «обратить внимание большевиков на то, что для них важно не доверяться пустым обещаниям Германии»; «воспрепятствовать поступлению русского продовольствия в Германию»; предоставить субсидии «на реорганизацию Украины»; а также создать из отколовшихся Армении и Грузии барьер на пути пантюркизма; и о желательности побудить «южную русскую армию» возобновить войну с немцами[217].

Содержание меморандума позволяет судить, что под «южной русской армией» имеются в виду главным образом русские войска на Украине и в Румынии. Впрочем, среди советских историков бытовала точка зрения, что здесь подразумевались не столько они, сколько белогвардейские войска[218]. Что же, документ допускает и такое толкование. Во всяком случае, прямо не говоря о формированиях российской контрреволюции, он не исключает их из числа сил, которых намерены субсидировать союзники. Тем более что тогдашний британский премьер-министр Д. Ллойд-Джордж утверждал: «Мы рассматривали вопрос о мерах содействия антигерманским частям, которые существовали в отдельных частях России. Трудно было осуществить это, не создавая представления о том, что мы не ведем войну против создавшегося в Петрограде большевистского правительства»[219]. Здесь очевидно, что речь идет именно о Белой армии.

В меморандуме говорилось о том, «чтобы Украина в этом вопросе оставалась полем деятельности Франции», в то вре-

---

[217] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. М., 1938. С. 94—95.

[218] *Нотович Ф.И.* Ук. соч. С. 79; *В.С. Васюков.* Предыстория интервенции. М., 1968. С. 247.

[219] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. С. 88.

мя как Англия возьмет «на себя другие юго-восточные области страны». Следует обратить внимание на этот акт дипломатии «демократических» стран Запада. Англия и Франция заключают секретное соглашение о разделе на сферы влияния России — страны, которая пока еще формально числится их союзником в Мировой войне. Помимо этого, в меморандуме обеих западных держав открыто говорилось о поддержке сепаратных новообразований, отколовшихся от России, а также о том, чтобы вывести из повиновения центральному российскому правительству значительную часть российской вооруженной силы и использовать ее в своих интересах. Иначе как интервенцией (пока еще не прямой военной) в Россию это назвать нельзя.

Теперь нам следует обратиться к предыстории этого соглашения, по аналогии с «пактом Молотова — Риббентропа» 1939 г., вполне заслуживающего название пакта Клемансо[220]— Сесиля[221]. Оно явилось первым, но далеко не последним в ходе Первой мировой войны, сговором великих держав за счет ослабленной России. О возможности такого сговора не только между союзными странами, но и между обеими воевавшими коалициями со страхом говорили в России едва ли не с 1915 г., с Великого отступления. Ленин, как мы видели, осенью 1917 г. считал весьма вероятным сговор Великобритании с Германией, и это не было попыткой оправдать свою будущую политику сепаратного мирного соглашения. Известно, что правящие круги Германии почти всю войну старались склонить Англию к такому миру, подчеркивая, что Германия не имеет намерений пошатнуть господство Англии на морях или захватить ее колонии. Одновременно с этим кайзеровская Германия демонстрировала стремление покончить с Российской империей[222], как бы приглашая Великобританию принять участие в дележе добычи. Эта политика Германии успеха не имела, так как элита Англии обоснованно рассчитывала сокрушить мощь Германии на европей-

[220] Премьер-министр Франции.

[221] Заместитель министра иностранных дел Великобритании.

[222] *Тирпиц А. фон.* Воспоминания (пер. с нем.). М., 1957. С. 310—314.

ском континенте в результате войны и поэтому не шла на мирное соглашение до решительной победы.

В 1917 г. слухи о готовящемся примирении Антанты и Четверного союза на условиях раздела России усилились[223]. Они не были безосновательными. Так, 1 августа 1917 г. римский папа Бенедикт XV обратился ко всем воюющим державам (кроме России!) с предложением посредничества и урегулирования. Его условия включали отвод германских войск на Западе к границам рейха в обмен на возвращение Германии ее колоний в Африке[224]. О захваченных областях России в папском послании не было сказано ни слова. «Больше всего Бенедикт XV опасался победы в войне России. Победа России навсегда развеяла бы папские мечты о поглощении православия католицизмом»[225].

Вообще, 1917 г. был богат на неосуществившиеся внешнеполитические комбинации, о которых мы знаем еще далеко не все. Одна из них связана с попыткой сепаратного выхода из войны Австро-Венгрии. Вступивший на престол Габсбургов в ноябре 1916 г., вместо престарелого Франца-Иосифа I (пережившего четырех своих наследников), молодой император Карл I вскоре предпринял энергичные шаги, знаменовавшие разрыв с политикой своего предшественника. Карл I положил конец преследованиям русин, давал понять, что намерен после войны переформировать Австро-Венгрию в федерацию национальных штатов. В марте 1917 г. новый император обратился к западным союзникам России с тайным предложением мира.

Почему прежде всего к Западу, а не к России, на фронте против которой действовала основная часть австро-венгерской армии? Очевидно, потому, что знал: Россия при Временном правительстве — не суверенная страна. Обратившись непосредственно к России, он получил этому доказательство. Керенский 11 июля ответил на австрийское предложение… советом обратиться к британскому премьеру![226] 20 октября 1917 г.

[223] *Рид Дж.* Ук. соч. С. 42, 264.

[224] *Григулевич И.Р.* Папство. Век XX. М., 1981. С. 158.

[225] Там же. С. 155.

[226] *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 369.

российский МИД получил через шведское посольство новые предложения мира от Австро-Венгрии[227]. Но дни Временного правительства были сочтены, оно не успело ответить на австрийскую инициативу. Впрочем, судя по предыдущему, можно догадываться, каким был бы ответ.

5—6 (18—19) декабря 1917 г. в Женеве проходили секретные переговоры между британским эмиссаром генералом Смутсом и австрийским представителем графом Менсдорфом об условиях сепаратного мира Австро-Венгрии с западными державами. На встрече по инициативе британского представителя подробно обсуждались вопросы, касавшиеся возможных уступок Австро-Венгрии в пользу Сербии, Италии и Румынии. Характерно, что при этом английская сторона совершенно не поднимала вопрос относительно таких же уступок или компенсаций Австро-Венгрии в пользу России или об устройстве восточнославянских территорий Дунайской монархии. Не интересовал британского представителя также и вопрос, какие территориальные претензии Австро-Венгрия намерена выставить России в мирных переговорах, которые со дня на день должны были начаться в Брест-Литовске. Целостность России не волновала ее союзника. Судя по отчету, Смутс благосклонно принял к сведению сообщение Менсдорфа о том, что «мир и свобода для Австрии столь же существенны, как и для Британской империи. Теперь, когда Россия как главная военная угроза для Австрии исчезла с ее фланга, не было никаких причин, из-за которых Австрия не могла бы принять на себя эту политическую миссию»[228]. Получается, Британия соглашалась с той точкой зрения, что участие Австро-Венгрии в войне на стороне Германии было якобы лишь ответом на агрессивность России!

Сразу вслед за заключением перемирия в Брест-Литовске между Россией и странами Четверного союза 26 ноября (9 декабря) 1917 г. представители Румынии подписали аналогичное перемирие. С фактическим прекращением войны Россией Румыния оказалась в сложном положении. Однако это не поме-

[227] *Уткин А.И.* С. 397.

[228] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. С. 28.

шало ей, опираясь на достигнутое перемирие, сразу посягнуть на российскую территорию — Бессарабию. Несмотря на это, упомянутое англо-французское коммюнике от 10 (23) декабря 1917 г. по-прежнему говорило, что союзники связаны с Румынией «обязательствами чести». 27 февраля 1918 г., за четыре дня до заключения Советской Россией Брестского мирного договора, Румыния подписала мир[229] со странами Четверного союза. Каким-то непостижимым образом эта страна, армия которой не одержала в ту войну ни одной победы и была постоянно бита не только германскими и австро-венгерскими, но и болгарскими войсками, умудрилась в 1919 г., по общим итогам Первой мировой войны, увеличить свою территорию более чем вдвое! При этом аннексия ею Бессарабии была признана Англией и Францией — очевидно, их с Россией никакие «обязательства чести» не связывали…

Сравнивая все эти меморандумы, договоренности и секретные переговоры с политикой большевиков, направленной на достижение мира, следует отметить одно важное отличие. Все шаги советского правительства были открытыми и прозрачными, соответствовали актуальному ныне понятию «транспарентность» в политике. Большевики не делали секрета из своей готовности подписать, вместо всеобщего, отдельный мир с Германией, если западные союзники не примут советского предложения. Причем они заранее предупредили об этом союзников, предложив им присоединиться к мирным переговорам. Все важнейшие решения стран Антанты, касавшиеся России, держались в тайне не только от самой России, но и от общественного мнения этих стран. Это были именно сговоры за спиной и за счет России.

Аннексионистский мир или революционная война?

Политика — искусство возможного. Реал-политик, как любят говорить в наше время. Большевикам в наследство от буржуазных временщиков Россия досталась в состоянии полного развала экономики, социальных и политических институтов.

[229] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. С. 100.

Кстати, это прекрасно понимали политики на Западе. Там видели, что даже Временному правительству, как бы оно ни было связано с Антантой, пришлось бы в это время пойти на сепаратный мир. В то же время большевики обладали таким потенциалом для ведения внешней политики, какого не было ни у одной другой политической силы в России.

«Большевики представляли собою страшную угрозу для Австрии и Германии... — признавал Ллойд-Джордж. — Наши сведения о внутреннем положении в Австрии позволяли нам надеяться, что распространение большевизма серьезно угрожает двуединой монархии»[230]. Британский посол в Петрограде Бьюкенен считал, что эсеры — партия, возглавлявшая Временное правительство и завоевавшая большинство в Учредительном собрании, — «представляли для немцев меньшую угрозу, чем большевики. Эсеры были партией бесхребетной и хотели, может быть, еще больше, чем большевики, сепаратного мира с Германией»[231].

Надежда на то, что мирные переговоры в Брест-Литовске сорвутся и большевики в итоге возобновят войну, пусть и под революционными лозунгами, заставляла страны Антанты сохранять контакты с Советской Россией. Об официальном признании советского правительства речь, правда, не шла. Однако все посольства в Петрограде функционировали. Действовали и военные миссии союзников в России. Великобритания, продолжая признавать посла Временного правительства В.Д. Набокова полномочным представителем России, установила неофициальный контакт с прибывшим в Лондон эмиссаром Советской России М.М. Литвиновым. Западные державы искали среди лидеров большевиков таких, кто склонялся к идее ведения революционной войны со странами Четверного союза.

Но продолжать войну с Германией или нет — мирная передышка была в этот момент необходима России. Она была нужна в первую очередь для двух вещей: 1) восстановления территориально-государственного единства России; 2) реорганиза-

---

[230] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. С. 98.

[231] Там же. С. 97.

ции вооруженных сил. Обе эти задачи начали осуществляться зимой 1917/18 г., но развязка Брест-Литовского процесса наступила раньше, чем они обе могли быть удовлетворительно решены.

В большевистском руководстве в это время обозначился серьезный раскол по вопросу о сепаратном и аннексионистском мире. Исходя из тех принципов, которые мы охарактеризовали в начале главы, значительная часть большевиков во главе с Николаем Бухариным (их стали называть «левыми коммунистами») высказалась за ведение «революционной войны с германским империализмом». Некую промежуточную позицию занимал Троцкий, ратуя за то, чтобы подтолкнуть революцию в Германии таким шагом: Советская Россия в ответ на германские требования заявляет, что мира на таких условиях не подпишет, но войну не ведет и армию распускает.

Ленин выступал за принятие германских условий. Свою позицию он защищал 8 (21) января на расширенном совещании Центрального и Петербургского комитетов большевистской партии и еще раз 11 (24) января на более узком заседании одного лишь ЦК. В вопросе о мире Ленин призвал соратников исходить из того, «как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны». То есть речь шла не о немедленной мировой революции, а об укреплении России в качестве плацдарма этой революции. По сути, уже в этой формулировке содержались истоки будущей стратегии «построения социализма в одной стране».

Настаивая на немедленном подписании сепаратного и аннексионистского мира, Ленин справедливо подчеркивал: «Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление... Нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную вой-

ну… При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно-крепкой социалистической рабоче-крестьянской армии нужны, по меньшей мере, месяцы и месяцы»[232].

При этом Ленин обратил внимание на то, что заключение мира Россией не приведет автоматически к скорой победе Германии на Западе, чего, вероятно, в тот период ожидало большинство его партийных товарищей. И этот прогноз Ленина вновь оказался правильным. По-видимому, Ленин всегда исходил из того бесспорного (для него) соображения, что поражение Германии в Мировой войне неминуемо.

В тот период времени Ленин со своей точкой зрения оказался в меньшинстве. На совещании 8 (21) января за его предложение проголосовали всего 15 участников. 16 голосов собрала позиция Троцкого. Большинство — 32 участника совещания из 63 — высказались за «революционную войну». Но резолюция этого совещания не имела обязательной силы.

В ЦК сторонники «революционной войны» сами были в меньшинстве, поэтому они блокировались со сторонниками Троцкого, чья платформа получила поэтому 9 голосов из 16. Единственное, чего удалось добиться в тот момент Ленину — принять дополнение к резолюции, обязывавшее советскую делегацию тянуть с окончательным ответом на германское предложение как можно дольше. Но сам ответ, согласно решению ЦК от 11 (24) января, должен был прозвучать согласно точке зрения Троцкого. С этой инструкцией советская делегация вновь поехала в Брест-Литовск.

Позиции как Троцкого, так и «левых» коммунистов в этот период объективно усиливались сообщениями о революционных выступлениях в Германии и Австро-Венгрии, участники которых требовали покончить с войной. Эта часть большевиков расценивала данные события как признаки долгожданного начала «мировой революции». Для оптимизма были известные основания. 1 (14) января началась политическая забастовка на

---

[232] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 247—249.

предприятиях Вены, перекинувшаяся вскоре в другие города двуединой империи. Произошло восстание на базе австро-венгерского военно-морского флота в Катарро (Котор, ныне в Черногории). 15 (28) января забастовали рабочие в Берлине. Там был даже образован Совет рабочих депутатов по русскому образцу. Но и в эти дни Ленин рассматривал происходившее как свидетельство в пользу тактики затягивания переговоров и считал, что революционные события в Германии и Австро-Венгрии дают для этого лишь дополнительную возможность. Очевидно, он не верил в устойчивость и надежность данной революционной вспышки. И снова оказался прав!

Чьим интересам, по сути дела, отвечали позиции «левых» коммунистов и Троцкого? Ленин возражал на доводы «левых»: «Революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы... Не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь»[233]. Ллойд-Джордж признавал, что британское посольство вело в это время усиленную работу с советским Верховным главнокомандующим Крыленко: «Крыленко заявил, что он издал приказ, чтобы все перемирия содержали оговорку о недопустимости переброски [германских и союзных им] войск с одного фронта [Восточного] на другой. Казалось, что Крыленко стремится произвести возможно более благоприятное впечатление на союзных офицеров. Крыленко осуществил все сделанные ему предложения об охране союзных офицеров и их семейств [находящихся в России]»[234]. По словам Ленина, «англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленке по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны»[235].

Платформа Троцкого не упоминала о ведении «революционной войны». Он рассчитывал, что она вообще не понадобится. Германский империализм сам разоблачит перед миром и

---

[233] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 246—247.

[234] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 5. С. 92.

[235] *В.И. Ленин.* ПСС. Т. 35. С. 246.

трудящимися Германии свои разбойничьи цели. И, если в ответ на заявление России, что она не подписывает грабительских условий мира, но армию распускает, германские войска двинутся на Россию, то возмущенные немецкие рабочие совершат революцию. Хотя, конечно, строить политику только на этом было невозможно. Ведь расчет на немедленную революцию в Германию мог не оправдаться. Значит, надо было бы как-то реагировать на немецкое вторжение. Троцкий сам это осознавал, поэтому в сущности его программа была той же программой «революционной войны», отличаясь лишь в деталях тактики.

Для Англии и Франции было все равно, под какими лозунгами Россия ведет войну — революционными или нет. Главное — чтобы она продолжала отвлекать на себя как можно больше сил Германии. Интересам западных держав отвечало любое положение на русско-германском фронте, кроме подписания мира.

27 января (9 февраля) 1918 г. представители украинской Центральной рады заключили мирный договор с Четверным союзом. Они не имели на это уже никакого права, так как накануне Центральной раде пришлось бежать из взятого большевиками Киева. Именно поэтому обе стороны поторопились с формальным подписанием. Центральной раде нужен был акт международного признания и поддержки, который позволял ей, опираясь на немецкие штыки и пушки, вернуться к власти. Германии требовалось легитимное основание своего вторжения на Украину — восстановление у власти «законного правительства страны».

В состав Украины включалась Холмская губерния бывшего Царства Польского. Но земли Восточной Галиции, Закарпатья и Буковины оставались под властью Австро-Венгрии. По дополнительному соглашению между Австро-Венгрией и Центральной радой двуединая империя обязывалась лишь объединить все украинские земли в своем составе в одну «коронную землю», пользующуюся автономией. Признание Центральной рады единственным законным правительством Украины обусловливалось выполнением им обязательств по поставкам в

Германию и Австро-Венгрию определенного количества продовольствия и сырья.

В тот же день германская делегация в Брест-Литовске предъявила свои требования к РСФСР в виде ультиматума. На ответ был дан один день. 28 января (10 февраля) 1917 г. Троцкий, в соответствии с резолюцией ЦК большевиков, заявил, что Россия мира не подписывает, но войну не ведет, а армию распускает. В ответ на это экстравагантное заявление германская сторона могла лишь констатировать, что это означает прекращение состояния перемирия и возобновление военных действий, о чем она и ставит в известность российскую сторону. Согласно условиям перемирия, военные действия могли вновь открыться спустя неделю после объявления о разрыве перемирия. Наступления немецких войск следовало ожидать 18 февраля.

Сторонники силового решения «русского вопроса» в германской элите ликовали: последнее препятствие для завоеваний на Востоке отброшено! Развалившаяся Русская армия не могла оказать серьезного сопротивления. Германия теперь была в состоянии захватить столько русских земель, сколько сочтет нужным. Начальник штаба Восточного фронта генерал-майор Макс Хоффманн считал, что немецким войскам желательно занять линию Смоленск — Петербург, поставить в городе на Неве монархическое правительство во главе с прогерманским регентом[236] и уже с ним подписывать мирный договор.

Но в Лондоне и Париже имели не меньше оснований для радости. Германская армия, погнавшись за кажущейся легкой добычей, рискует завязнуть в России. Наступление немецких войск, очень вероятно, вынудит большевиков все же возобновить войну на полном серьезе, в чем они могут получить посильное содействие Антанты. Даже если им при этом придется отступать до Владивостока. Где именно будет проходить линия нового Восточного фронта — для англо-французских стратегов несущественно.

В тех условиях, которые сложились в начале 1918 г., «ультрареволюционное» заявление Троцкого играло на руку прежде всего западным державам.

---

[236] *Уткин А.И.* Ук. соч. С. 438.

«Социалистическое Отечество в опасности!»

Как могла воспринять многомиллионная Русская армия (вернее, то, что от нее еще оставалось) заявление Троцкого, что Россия не ведет войну и распускает армию? Буквально. В смысле демобилизации. Айда все по домам! Кто, кроме «идейно сознательных большевиков», стал бы вникать во все эти тонкости ожидания революции в Германии? Хватит, навоевались, натерпелись! Последние остатки понятия о долге, пусть даже и «революционном», были утрачены в эти восемь дней, отделявших демарш Троцкого в Брест-Литовске от начала немецкого наступления.

«Развал в русской армии дошел до таких размеров, что штаб Ставки работал еле-еле и не имел сколько-нибудь налаженной связи ни с Румынским, ни с Кавказским, ни даже с Юго-Западным фронтами. Да и взаимоотношения с Западным и Северным фронтами оставляли желать лучшего»[237]. И вот на то, что еще по инерции называлось «армией», утром 18 февраля 1918 г. обрушился концентрированный удар германской военной машины.

Правда, за время мирных переговоров, вопреки условиям перемирия, запрещавшим переброску войск с Восточного фронта на Западный и наоборот, германское командование ослабило свою группировку в России на 31 дивизию. 33 новые немецкие дивизии за это время появились во Франции. Но все же силы Четверного союза на Восточном фронте все еще насчитывали 81 дивизию (из них 49 германских).

Полным развалом Русской армии объяснялась необычайная быстрота германского наступления. Оно шло в основном по железным дорогам. Германские эшелоны, предшествуемые бронепоездами, быстро двигались вглубь России. Уже 25 февраля немцы вошли в Ревель (Таллин), где накануне образовалось буржуазно-националистическое временное правительство Эстонии. Корабли Балтфлота, которым пробивали путь ледоколы, ушли в Гельсингфорс. Однако на Ревельском рейде

---

[237] *Бонч-Бруевич М.Д.* Ук. соч. С. 241.

пришлось затопить 11 подводных лодок. 27 февраля немцами был занят Могилев, где еще не так давно располагалась русская Ставка. 1 марта германские части вступили в Киев и Псков. Еще 24 февраля австрийский император, сомневавшийся поначалу в успехе германского предприятия, отдал приказ своим войскам тоже перейти в наступление.

Немецкие успехи стали главным аргументом Ленина в пользу немедленного принятия кайзеровских условий «грабительского мира». ЦК большевиков заседал в эти дни почти непрерывно. Поначалу попытки Ленина ни к чему не приводили. Но уже вечером 18 февраля, когда в Петроград стали приходить первые известия о беспрепятственном вторжении немцев в глубь Советской республики, ЦК впервые проголосовал (правда, только относительным большинством) за принятие германских условий, выдвинутых девять дней назад. ЦК левых эсеров также высказался за подписание мира. Таким образом, точка зрения Ленина набрала большинство и в Совнаркоме. 19 февраля в своем радиообращении правительство РСФСР заявило о своей готовности заключить мир на оглашенных ранее условиях Германии.

Однако в ЦИК позиция Ленина и СНК не получила одобрения. Складывалась патовая ситуация, чреватая к тому же выражением недоверия Совнаркому. Но в революционное время меньше всего действуют пресловутые парламентские процедуры. Ленин, хотя не сразу, сумел таки «додавить» своих соратников по партии. За подписание мира, причем любой ценой, Ленин в это время боролся с такой настойчивостью, как, наверное, до этого боролся лишь за немедленное свержение Временного правительства осенью 1917 г. Сторонники версии о «немецких деньгах» объясняют это, конечно, тем, что Ленин состоял «у кайзера на службе». Но все объясняется достаточно легко: будучи прагматиком и реалистом, к тому же блестящим прогнозистом, Ленин отчетливее других видел всю опасность, нависшую над делом его партии.

Вместе с тем надо было подумать и о худшем варианте: что, если немцы будут теперь игнорировать покорность Советов,

стараясь воспользоваться моментом и захватить как можно больше добычи? Что, если немцы уже окончательно решили идти на Петроград и свергнуть советское правительство? Необходимо было мобилизовать силы на оборону революционной столицы. Причем не только материальные, но и моральные.

Так 21 февраля 1918 г. появился декрет СНК «Социалистическое Отечество в опасности!», написанный Лениным, — один из самых энергичных по стилю и трагических по риторике актов государственной власти, какие когда-либо видел свет.

«Все силы и средства страны целиком предоставляются на дело революционной обороны... Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови... При отступлении уничтожать пути, взрывать и сжигать железнодорожные здания; весь подвижной состав — вагоны и паровозы — немедленно направлять на восток в глубь страны. Все хлебные и вообще продовольственные запасы, а равно всякое ценное имущество, которым грозит опасность попасть в руки врага, должны подвергаться безусловному уничтожению». Далее говорилось о создании трудовых батальонов для строительства оборонительных укреплений и о расстреле уклоняющихся, а заодно и о расстреле на месте агентов врага, контрреволюционеров, а также спекулянтов, громил и хулиганов[238].

Перечень провозглашаемых там мер обороны заставляет вспомнить более близкий по времени акт, а именно директиву Сталина от 29 июня 1941 г. Советский вождь периода Великой Отечественной войны явно вдохновлялся идеями этого исторического декрета, конечно, существенно развернув его положения и сделав поправки на новую обстановку. Щедрость в применении смертной казни при полной юридической расплывчатости казусов, в каких она должна применяться, заставляет в связи с этим декретом вспомнить также и знаменитые в этом отношении указы Петра I.

В этом любопытном ленинском документе причудливо соседствуют революционная и патриотическая фразеология. «До

---

[238] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. С. 357—358.

того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита республики Советов против полчищ буржуазно-империалистской Германии… Да здравствует социалистическое Отечество! Да здравствует международная социалистическая революция!» По сути, реабилитация, правда, с оговорками, патриотических ценностей в советской идеологии берет свое начало именно с этого декрета 1918 г. Ну а раз этот декрет был издан, когда советской власти было всего четыре месяца от роду, не разумно ли считать, что четко выраженного «антипатриотического» периода в истории большевиков не было вовсе?! Изменялись лишь акценты в трактовке содержания данного принципа, но сама ценность патриотизма никогда не отрицалась полностью.

Объясняя эту дань патриотизму, Ленин писал 25 февраля в «Правду»: «Мы оборонцы теперь, с 25 октября 1917 г., мы — за защиту отечества с этого дня… Мы — за защиту Советской социалистической республики России». Неделю, когда германские войска беспрепятственно продвигались вглубь России, Ленин характеризовал там же как «горький, обидный, тяжелый», но одновременно и «необходимый, полезный, благодетельный урок».

«Именно потому, что мы — за защиту отечества, мы требуем серьезного отношения к обороноспособности и боевой подготовке страны… — писал лидер большевиков. — Преступление, с точки зрения защиты отечества — принимать военную схватку с бесконечно более сильным и готовым неприятелем, когда заведомо не имеешь армии… Против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним надо бороться. С ним надо уметь бороться. Доведенная трехлетней войной до неслыханной разрухи крестьянская страна… должна уклониться от военной схватки… именно для того, чтобы иметь возможность сделать что-либо серьезное к тому моменту, когда вспыхнет “последний решительный бой”. Этот бой вспыхнет лишь тогда, когда разразится

социалистическая революция в передовых империалистских странах. Такая революция, несомненно, зреет и крепнет... Ей не поможешь, а повредишь, отдав на разгром соседнюю Советскую социалистическую республику»[239].

В эти дни резко ускорились мероприятия по формированию Красной Армии. Несмотря на подписание в ближайшие дни мира, они продолжали развертываться убыстряющимися темпами. Но Красная Армия была не единственной вооруженной силой, создававшейся советской властью в ее начальный период. Большевики предвидели, что армии, созданной на классовой основе, может оказаться недостаточно, если придется вести войну с внешним врагом. В дни глубокого вторжения кайзеровской армии в Россию, последовавшего за срывом Брестских переговоров, началось формирование т.н. «завесы», прикрывавшей центральные районы страны от германского наступления. Принципы, на которых она формировалась, несколько отличались от тех, на которых комплектовалась Красная Армия. Генерал М.Д. Бонч-Бруевич свидетельствует: «Смысл "завесы", однако, заключался не только в том, что с ее помощью прикрывались границы Республики. Она являлась в то время едва ли не единственной организацией, приемлемой для многих генералов и офицеров царской армии, избегавших участия в Гражданской войне, но охотно идущих в "завесу", работа в которой была как бы продолжением старой военной службы... Таким образом, "завеса" явилась как бы способом привлечения старого офицерства в новую, постепенно формируемую армию»[240].

Более подробные сведения сохранились в упоминании одного из советских главкомов, И.И. Вацетиса, о том, что весной 1918 г. «основное ядро московского гарнизона составляли войска так называемой Народной армии[241], формировавшейся специально для возобновления Мировой войны совместно с

[239] *Ленин В.И.* ПСС. Т.35. С.395—396.

[240] *Бонч-Бруевич М.Д.* Ук. соч. С. 273.

[241] Не путать с антисоветской Народной армией, сформированной в Поволжье летом 1918 г.!

Францией и Англией против Германии. Войска эти считались аполитичными, составленными на контрактовых началах. Формированием их ведал Высший военный совет под председательством Л. Троцкого при военном руководителе Генштаба М.Д. Бонч-Бруевиче»[242]. Но армия в государстве должна быть все-таки лишь одна. Поэтому, с укреплением государственнических тенденций в политике большевиков и с возобновлением Гражданской войны, Народная армия была влита в Красную.

Поскольку мирный договор не снял угрозы Петрограду и германские войска, занявшие Эстонию и Псков, нависали над ним подобно дамоклову мечу, советское правительство приняло решение эвакуироваться в Москву, что и было выполнено в ночь с 11 на 12 марта 1918 г.

Брест-Литовский договор

Германское правительство не торопилось с ответом на советское обращение, ожидая, пока германские войска захватят больше территории. 23 февраля оно выставило Советской России еще более тяжелые условия: дополнительно к уступке территории Россия должна была восстановить невыгодные таможенные тарифы 1904 г. и предоставить Германии ряд экономических привилегий. Снова в ЦК большевиков временно взяли верх сторонники Троцкого и Бухарина. Снова лишь относительным большинством (семеро против четверых при четверых воздержавшихся) ЦК принял решение подписать мир и на этих новых, еще более тяжелых условиях. То, что столь важные решения принимались в этот период относительным большинством голосов, объяснялось просто. При соблюдении парламентских процедур так и не удалось бы вынести определенного решения, тогда как оно — хоть какое-то решение — требовалось по ситуации немедленно.

В ЦК левых эсеров на этот раз сторонники продолжения войны взяли верх. Тогда Ленин провел нужное ему решение

---

[242] Цит. по: *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры (октябрь 1917 — июль 1918). На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985. С. 137.

через ЦИК, обязав сначала членов фракции большевиков в порядке партийной дисциплины голосовать за принятие германских условий или воздержаться от голосования, но во всяком случае не голосовать против. Правда, аналогичное решение, только обратного действия, принял ЦК левых эсеров: он обязал своих членов в ЦИК не голосовать за мир. Несмотря на это противодействие, ленинская резолюция собрала в ЦИК (опять-таки лишь относительное) большинство голосов. И 24 февраля правительство Российской Советской Республики сообщило о своем согласии с новыми германскими условиями.

Лишь 28 февраля советские делегаты снова прибыли в Брест-Литовск. Там им дали понять, что Германия не намерена держаться ранее выдвинутых условий, а собирается предъявлять все новые и новые требования, пользуясь военным бессилием Советской России. Так, в дополнение ко всем прочим территориальным уступкам, Россия должна была передать Турции области Карса, Ардагана и Батума[243] в Закавказье. Кроме того, Германия теперь намеревалась вовсе лишить Россию такого неотъемлемого инструмента защиты суверенитета, как вооруженные силы, и потребовала демобилизации армии и флота — как старых, так и новых, Красных.

Перемирие на этот раз не объявлялось. Продолжающееся занятие германскими войсками русской территории должно было, по мысли кайзеровских военных и дипломатов, заставить советских делегатов быстрее согласиться на новые грабительские условия. Германия торопилась кончить активную войну на Востоке с тем, чтобы начать наступление на Западе. Всякое обсуждение ультиматума исключалось. После безуспешных попыток завязать дискуссию 3 марта 1918 г. советские представители подписали Брестский договор[244].

Россия теряла Польшу, Прибалтику, Финляндию, Украину, названные выше области на Кавказе и попадала в экономическую зависимость от Германии. На отторгаемой от России

---

[243] Первые две — ныне в пределах Турции, третья — Аджария в составе Грузии.

[244] Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 1. С. 120—124.

территории площадью 1,4 млн кв. км до войны проживали 63 млн человек (почти 40 % населения Империи), находилось 27 % обрабатываемой земли, треть железнодорожной сети, 73 % производства железа и стали, 89 % добычи каменного угля. В XX веке с Брестским миром по своим разрушительным последствиям для России могут сравниться лишь оккупация Германией значительно большей территории в 1941—1942 гг. и распад Советского Союза в 1991 г. Нужно признать, что потери России по Брестскому миру были все же меньше, чем в двух других случаях.

Любопытно, что далеко не все, даже важные, условия этого договора выполнялись полностью. Так, Германия сквозь пальцы смотрела на фактическое существование российских вооруженных сил под видом «завесы» на западной границе России. В дальнейшем она не препятствовала созданию и развертыванию Красной Армии. В свою очередь, Германия продолжала оккупировать те захваченные ею в феврале — марте 1918 г. территории (Псковская область, Белоруссия), которые по условиям Брестского мира должна была возвратить России.

Подписание мира еще не означало полной победы Ленина над сторонниками «революционной войны». Ленин постоянно делал словесные уступки этому течению в партии, говоря о временном характере мирной передышки и об ее использовании для подготовки теперь уже победоносной революционной войны. Это были, конечно, не просто слова — Ленин действительно был убежден, что поражение Германии в Мировой войне и неизбежная революция в Германии рано или поздно прекратят действие Брестского договора. Но когда наступит такой момент? Этого заранее предсказать было нельзя. А пока необходимо было ратифицировать мирное соглашение.

6—8 марта 1918 г. в Петрограде проходил 7-й экстренный съезд большевиков (кстати, принявший решение о наименовании партии коммунистической). Он был созван решить вопрос о войне и мире. Чтобы обеспечить послушное большинство, было решено не знакомить делегатов с текстом подписанного договора. О его содержании съезд узнавал только из докла-

дов партийных руководителей. Ленин привел свой главный аргумент: продолжение войны неминуемо обернется гибелью советской власти, а это будет самым серьезным ударом делу мировой революции. Именно так приходилось воздействовать на настроение делегатов. Возражая Ленину, Бухарин говорил, что нет смысла в мирной передышке, если она устанавливается всего на несколько недель: за такой короткий срок не подготовить армию. Если же она продлится несколько месяцев, то она нанесет непоправимый урон делу революции в Европе. Большинство делегатов все же поддержали Ленина.

Троцкий, обанкротившийся со своим лозунгом «ни войны, ни мира», еще в конце февраля подал заявление об отставке с поста наркома иностранных дел, но Ленин упросил его подождать с объявлением об отставке до подписания мирного договора. Теперь на его место был назначен Г.В. Чичерин, а Троцкий стал наркомом по военным и морским делам. Он не агитировал за возобновление революционной войны, однако продолжал вести свою игру, нацеленную на вовлечение Советской России в войну с Германией при помощи Антанты.

Кульминационным моментом стал 4-й чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, заседавший 14—16 марта 1918 г. в Москве — новой старой столице государства Российского. Несмотря на то что из 1232 делегатов Съезда было 795 большевиков, Ленину предстояло и здесь столкнуться с серьезной оппозицией своей политике, так как многие делегаты-большевики принадлежали к «левому» течению. Используя и тут методы партийной дисциплины при голосовании, Ленин добился от большинства Съезда ратификации Брестского договора. Самым серьезным последствием этого стал выход левых эсеров из правительственной коалиции. Советское правительство отныне стало однопартийным. Впрочем, возмущение левых эсеров условиями Брестского мира было лишь удобным предлогом для разрыва с большевиками. Расхождения между обеими партиями нарастали по многим вопросам не только внешней, но особенно внутренней политики, что вело к неизбежному расколу после октябрьской коалиции.

Понятно, что шансов на победу в «революционной войне» у большевиков тогда не было. Поэтому с точки зрения партийных интересов, сохранения власти большевиков, Ленин, безусловно, был прав, настаивая на немедленном заключении мира во что бы то ни стало. А позиция «левых коммунистов» объективно вела к коллективному политическому самоубийству партии. Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Последующие годы показали, что значительная часть большевиков была неспособна к государственному строительству. И вполне возможно, что уже тогда в позиции «левых» и троцкистов выражалось стремление уйти от прозы государственной работы на безответственную позицию «перманентных революционеров». Возможно даже, что потеря власти и уход в подполье был для многих из этих людей, учитывая все произошедшее с ними после, шансом остаться в живых. Но Ленин не собирался так быстро отдавать с таким трудом завоеванную власть кому бы то ни было.

Но это все — с позиций интересов партии большевиков. А с точки зрения пользы для России? Быть может, продолжение войны с Германией действительно привело бы к падению большевистской власти уже тогда, в 1918 г.? И это было бы меньшим злом для России? Что же, необходимо подробнее остановиться на этой альтернативе.

Видится весьма вероятным, что в начале 1918 г. в партии большевиков могла победить точка зрения сторонников «революционной войны». Брестский мир не был бы тогда подписан. Что происходило бы дальше в этом случае?

Очевидно, что Германия не могла продолжать свое наступление на Востоке до бесконечности — ей до зарезу нужны были войска на Западе. Там в это время решался исход Мировой войны. Генеральное наступление на Западном фронте, дававшее шанс на победу до прибытия во Францию американских войск, должно было начаться не позднее конца марта. Таким образом, продвижение немецких войск в Росси где-то, на каком-то рубеже, должно было остановиться.

Но это не означало бы, что кайзеровский режим прекращал борьбу с Советской Россией. Он переложил бы ее тяжесть на своих марионеток, благо недовольных советской властью име-

лось в избытке. В реальности такая ситуация возникла в 1918 г. на юге России, где немецкий ставленник донской атаман Краснов вел войну с РСФСР. В рассматриваемой нами альтернативе таких Красновых было бы больше. И резиденциями им служил бы не один Новочеркасск, а еще, возможно, и Петроград, и даже Москва.

То, что взятие Москвы немцами не привело бы автоматически к падению советской власти, долго доказывать, по-видимому, не нужно — настолько это очевидно. Большевики бы перебазировались в Нижний Новгород или на Урал — везде они нашли бы сторонников. Тем более что в случае продолжения ими войны они могли рассчитывать на поддержку других социалистических партий, а следовательно, социально-политическая база советской власти расширилась бы.

Более того, при продолжении войны с Германией Советская Россия вполне могла рассчитывать на помощь Антанты. На этом, как мы видели, строились расчеты Троцкого в этот период. Значит, не было бы мятежа Чехословацкого корпуса, и Гражданской войны в той конфигурации, в какой она возобновилась летом 1918 года, не было бы. Но это не означает, что она вообще бы не возникла. Гражданская война велась бы между Советской Россией, с одной стороны, и прогерманскими буржуазно-консервативными режимами на российской территории — с другой. Таким образом, Россия все равно не избежала бы войны внутренней, но она бы вдобавок еще наложилась на масштабную внешнюю войну.

Чем бы это закончилось? Германия так или иначе терпит поражение в Мировой войне, но это еще не означает завершения Гражданской войны в России. Исход Гражданской войны в этом случае вообще неясен. Нет никаких оснований считать, что гражданская война в данном сценарии закончилась бы уже в 1920 г., причем воссоединением большинства отпавших окраин России и восстановлением единства державы, как она завершилась в реальности.

Принятие Советской Россией военной помощи Антанты в войне против Германии привело бы к дальнейшему росту за-

висимости России от западных держав. При этом необходимо учесть, что страны Запада оказывали бы такую помощь крайне дозировано и за большие уступки. Это была бы экономическая и политическая кабала. И можно быть уверенным в том, что условия завершения Гражданской войны Антанта тогда бы продиктовала России. А какими могли быть эти условия — мы видели на примере объяснения полковником Хаузом пункта декларации Вильсона, касавшегося России.

Могут возразить, что хуже, чем случилось на самом деле, с Россией произойти не могло. И в подтверждение этому будут говорить о многочисленных жертвах и разрушениях в результате российской Гражданской войны. И о том, что самым лучшим вариантом для России в конце 1917 — начале 1918 г. было бы сохранение у власти Временного правительства, успешный созыв Учредительного собрания, в общем, все, что угодно, кроме прихода к власти большевиков. И — продолжение войны «до победного конца» на стороне Антанты.

На это можно возразить прежде всего тем, что колоссальную роль в поражении Германии сыграл именно революционный пример России, вплоть до непосредственного разложения кайзеровской армии «заразой большевизма» начиная с конца 1917 г. Этого бы не было, не случись Октябрьского переворота. И тогда Германия вряд ли потерпела бы поражение на Западном фронте до конца 1918 г. Мировая война еще бы затянулась. Смогла бы Россия терпеть еще два года? Время всю Первую мировую войну, как мы видели, работало не на Россию, а против нее.

Далее, доводы, использующие происходившую в 1918—1920 гг. Гражданскую войну как пример худшей альтернативы, основаны на необоснованном преувеличении ее масштабов. Далее мы подробно коснемся этого вопроса, а сейчас отметим лишь следующее. С осени 1917 года, с фактического установления перерыва в военных действиях, Россия уже почти не несла потерь на германском фронте. Если бы она продолжала войну, то, естественно, продолжала нести бы при этом большие потери. За этот год — с осени 1917 по осень 1918 г., т.е. до конца

войны, германская армия на Западном фронте потеряла одними убитыми полмиллиона человек. Еще более высокими были потери западных союзников за то же время. На Восточном фронте интенсивность людских потерь была не ниже, а чаще — выше (особенно у нашей армии), чем на Западном. Каждый год (см. Приложение 2) гибло в среднем по 750 тысяч русских воинов.

Если бы Россия воевала и дальше в расчете на получение своей доли плодов общей победы, Антанта не позволила бы Русской армии отсиживаться в окопах. Нет, победа, как и в предшествующие годы, добывалась бы прежде всего русской кровью! Следовательно, продолжение Мировой войны обошлось бы Русской армии в конце 1917 — конце 1918 г. не меньше, чем в три четверти миллиона убитых. При этом все социальные вопросы, всплывшие на поверхность в 1917 г., никуда бы не делись и их все равно рано или поздно пришлось бы решать. Будучи загнанными вглубь, они снова неминуемо дали бы о себе знать, так что от Гражданской войны Россия в этом случае не убереглась бы.

Конечно, и потери от Гражданской войны оказались бы меньше, если бы антисоветские силы не получили благодаря германской оккупации юга России дополнительных средств для развертывания. Снизить эти потери могло только скорейшее заключение сепаратного мира на более приемлемых условиях, чем те, на которых пришлось подписывать мирный договор в итоге.

Как раз на этом — на принятии первоначальных германских условий, выставленных в январе 1918 года, — с самого начала настаивал Ленин. Объективно это и была альтернатива, в тот момент в наибольшей степени отвечавшая интересам России как страны в целом, а не отдельных ее классов и партий. Но эта альтернатива не осуществилась лишь в силу настроений, господствовавших в победившей партии. Потребовался жесточайший урок, чтобы партия большевиков, и то далеко не вся, смогла более трезво посмотреть на дальнейшие перспективы. К сожалению, этот жестокий урок получили не одни большевики, но с ними вместе — весь русский народ.

Глава шестая

ВОЙНА ПОСЛЕ МИРА

Россия в тисках

Кульминационным годом Второй Отечественной войны для России стал год 1918-й. Именно тогда с особой остротой встал перед Россией вопрос: быть или не быть? И это было вызвано не только оккупацией значительной части российской территории войсками Центральных держав, но и начавшейся интервенцией стран Антанты. Россия оказалась как бы в тисках между вооруженными силами обеих международных коалиций.

Внешнее вмешательство в русскую смуту придало более широкий размах Гражданской войне и породило новый всплеск сепаратизма. При этом заключение мира в Брест-Литовске отнюдь не привело к прекращению враждебных действий между Советской Россией и Германией. В латентной форме война продолжалась.

В ходе наступления, предшествовавшего подписанию Брестского мирного договора, германские и австрийские войска вышли к 3 марта 1918 г. на линию Нарва — Псков — Полоцк — Орша — Могилев — Жлобин — Киев — Жмеринка. В Киеве ими была вновь приведена к власти Центральная рада. Однако оккупанты не были ею довольны и 29 апреля разогнали ее, приведя к власти во всем от них зависящего бывшего царского генерал-лейтенанта П.П. Скоропадского, провозглашенного ими «гетманом Украины».

Под предлогом обеспечения власти «законного правительства» Украины немцы продолжали наступление. 12 марта австрийские войска заняли Одессу, 17 марта — Николаев, 20 марта — Херсон. Германские войска 5 апреля вступили в Харьков, в конце апреля — начале мая вошли в Крым и в южную часть Донской области, овладев Ростовом и Новочеркасском.

Корабли Русского Черноморского военно-морского флота из Севастополя были перебазированы в Новороссийск. Германское командование потребовало их возвращения в Севастополь. По секретному приказу Совнаркома большинство кораблей в середине июня 1918 г. было потоплено в Цемесской бухте Новороссийска. Однако некоторые корабли были спасены их командами от затопления и приведены в Севастополь.

Трудно сказать, какое решение в тот момент было правильным, учитывая всю сложность обстановки. Понятно нежелание отдавать боевые корабли врагу. Но Германия недолго смогла ими пользоваться — уже в конце 1918 г. они попали в руки Антанты. Та в середине 1919 г. передала их белогвардейцам, то есть в русские руки. Однако в конце 1920 г. после эвакуации Белой армии из России эти корабли были уведены Антантой из русских вод. В то же время некоторые из затопленных кораблей были большевиками впоследствии подняты.

Таким оказался печальный финал славного Черноморского флота старой России. При его более умном использовании с начала войны он мог бы закончить ее не на дне моря или под чужеземным флагом, а победителем на константинопольском рейде...

На Дону немцы помогли утверждению у власти атамана Краснова. Вопреки просьбам Скоропадского германское руководство не стало присоединять Крым к Украине, а создало там отдельное марионеточное правительство во главе с бывшим царским генерал-лейтенантом, мусульманином по исповеданию М.А. Сулькевичем[245]. Используя в качестве формального

---

[245] Впоследствии служил «независимому» Азербайджану. При воссоединении Азербайджана с Россией в 1920 г. был арестован ВЧК и расстрелян.

повода отсутствие договора о границе между Советской Россией и самостийной Украиной, немецкие войска захватили ряд ключевых пунктов на этнографической территории Великороссии: Унеча, Готня, Белгород, Валуйки.

Правительство Советской России рассматривало сопротивление немцам на Украине как часть стратегической обороны Республики. 14 марта 1918 г. Ленин телеграфировал Г.К. Орджоникидзе (Серго), назначенному комиссаром СНК на Украине, план мероприятий: «Убедите крымских товарищей, что ход вещей навязывает им оборону и они должны обороняться независимо от ратификации мирного договора... Немедленная эвакуация хлеба и металлов на восток, организация подрывных групп, создание единого фронта обороны от Крыма до Великороссии с вовлечением в дело крестьян, решительная и безоговорочная перелицовка имеющихся на Украине наших частей на украинский лад — такова теперь задача... Совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны...»[246]

«Перелицовка на украинский лад», вплоть до запрета комиссару Овсеенко использовать его привычный псевдоним Антонов, была необходима для того, чтобы не дать Германии повода обвинить РСФСР в нарушении мирного договора. Полностью остановить немецкое наступление слабые разрозненные советские отряды на Украине в 1918 г., конечно, не могли. Их остатки были выведены на территорию РСФСР и включены в формирующуюся Красную Армию.

На территории Украины и Белоруссии развертывалось партизанское движение. Конечно, оно не имело такого размаха, как позднее, в Великую Отечественную войну. Это объяснялось и не столь репрессивным, как при нацистах, характером оккупационного режима, и главным образом недостатком и разъединенностью сил Советской России. При этом партизанское движение было раздвоено: одна его часть ориентировалась на большевиков, другая, причем наибольшая — на левых эсеров (потому что они, как принципиальные противники Брестского

---

[246] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 50. С. 49—50.

мира, считались многими «настоящей революционной» партией, в отличие от большевиков). 30 июля 1918 г. левые эсеры убили в Киеве главу германской оккупационной администрации генерала Айхгорна. Этот единичный террористический акт, конечно, привел лишь к массовым ответным репрессиям оккупантов в отношении мирного населения. Убийство Айхгорна было только одним из звеньев в цепи акций левых эсеров, направленных на вовлечение Советской России в новую войну с Германией.

Различные формы сопротивления русского народа германской и австрийской оккупации в 1918 г. сыграли свою роль в общем ходе Первой мировой войны. Они не позволили германскому командованию максимально усилить свои войска на Западном фронте и тем самым внесли свою лепту в победу Антанты. В мае 1918 г. на оккупированных российских территориях находились 49 дивизий Центральных держав (33 германские и 16 австро-венгерских). До самого конца войны (ноябрь 1918 г.) командования Четверного союза были вынуждены держать на Востоке 28 германских и 6 австро-венгерских дивизий, которых так катастрофически не хватало им на других фронтах.

Германские и турецкие войска, ловко пользуясь принципом «самоопределения народов», оккупировали, при содействии местных националистов, также Грузию, Азербайджан и Дагестан, хотя это не было предусмотрено Брестским договором. Большевистская революция в Финляндии была подавлена германскими интервентами, высадившимися там 10 марта. В середине мая последние остатки финской Красной гвардии ушли на русскую территорию. Одновременно финские белогвардейцы во главе с бывшим царским генералом от кавалерии Густавом Маннергеймом сделали попытку захватить Петроград и объявить его «интернационализированным городом». Эта попытка была отражена молодой Красной Армией. 15 мая 1918 г. Финляндия объявила войну РСФСР, лелея планы захвата Карелии и Мурманска. Но при посредничестве Германии, опасавшейся вовлечения в конфликт с английскими интервентами, высадившимися в Мурманске, между большевиками и белофиннами начались мирные переговоры.

Германская оккупация Финляндии стала важным геостратегическим фактором. Теперь немецкие войска в любой момент могли появиться в 40 км от Петрограда — в районе нынешнего Зеленогорска, где тогда проходила граница.

Политика оккупационных властей была отчетливо социально-реставраторской. В «Скоропадии», как иронически прозвали марионеточное «государство» гетмана, и на Дону полностью восстанавливались прежние права собственников земли, банков и промышленных предприятий. Всякое проявление недовольства жестоко каралось. Атаман Краснов с удовольствием вспоминал о том времени, когда «стояли повсюду часовые в германских касках, и грозное “halt” заставляло поджимать хвосты самых смелых политических шавок»[247].

Киев под немецкой оккупацией превратился для свергнутых революцией российских имущих классов прямо-таки в «землю обетованную». «Скоропадия» виделась им образцом и оплотом того социального и политического порядка, который они, с германской помощью, надеялись вскоре установить во всей России.

Столь густое скопление классового эгоизма и социальной мстительности в одном месте пугало даже кое-кого из консерваторов. «Аристократический квартал Липки… был жутким привидением минувшего. Там собрались Петербург и Москва; почти все друг друга знали. На каждом шагу встречались знакомые типичные лица бюрократов, банкиров, помещиков с их семьями. Чувствовалось, в буквальном смысле слова, что на их улице праздник. Отсюда доносились рассказы о какой-то вакханалии в области спекуляции и наживы… Помещики торопились возместить себя за то, что претерпели, и взыскивали с крестьян, когда могли, втрое за награбленное… Все эти русские круги… были гораздо противнее, чем немцы»[248], — писал дипломат и политический деятель Г.Н. Трубецкой.

Идеологической основой «Скоропадии» был густой украинский шовинизм, выражавшийся главным образом в стремлении подчеркнуть отличие от русских. Даже ближайший по-

---

[247] *Краснов П.Н.* Всевеликое войско Донское... С. 78—79.

[248] Цит. по: *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2—3. С. 384.

литический союзник Скоропадского донской атаман Краснов с иронией писал о том, как в «армии» Скоропадского вводились украинские слова команды вперемежку с немецкими: «Ахтунг! Струнко направо!» в значении «Смирно! Равнение направо!»[249] В то же время в частных разговорах с «российскими людьми» Скоропадский подчеркивал, что его украинство — только тактическая уловка в отношениях с Германией, что на самом деле он русский человек и стоит за федерацию Украины с Россией. «Я, флигель-адъютант и генерал свиты его величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине»[250], — уверял он Краснова. «Я русский человек и русский офицер... Я определенно смотрел и смотрю ...что будущее Украины — в России»[251], — говорил он эмиссару Добровольческой армии.

Все эти словесные излияния не мешали Скоропадскому выполнять экономическое соглашение, доставшееся ему в наследство еще от Центральной рады. Согласно ему, Украина обязана была поставить Центральным державам 60 млн пудов хлеба, 37,5 млн пудов железной руды, много других видов продуктов и сырья[252]. Аналогичные цели преследовала германская оккупация и на Дону. Краснов обязался предоставить Германии «права преимущественного вывоза избытков, за удовлетворением местных потребностей, хлеба» и других видов сельскохозяйственной продукции (всего полтора десятка наименований), а также «особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия» германской промышленности. Эти обязательства были приняты им в одностороннем порядке, авансом в счет будущих политических уступок (установление желательных границ Дона и его поддержка против Советской России) и поставок промышленного оборудования[253]. Разумеется, степень «удовлетворения местных потребностей» должна была определяться оккупационными властями.

---

[249] *Краснов П.Н.* Ук. соч. С. 78.

[250] Там же. С. 79.

[251] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 2—3. С. 386—387.

[252] Там же. С. 380.

[253] *Краснов П.Н.* Ук. соч. С. 37—40.

Конечно, по формальным признакам Краснов и Скоропадский не сильнее «предавали» Россию, чем большевики, подписавшие с Германией Брестский договор. У них тоже не было реальной альтернативы сотрудничеству с немцами. А большевистский режим в то же время отнюдь не был «царством свободы и счастья» даже для рабочих и крестьян, от имени которых большевики правили. Своя субъективная «правда» была в данном случае у обеих сторон. Поэтому давайте посмотрим, к каким объективным следствиям вела политика Краснова и Скоропадского.

Самостийность Дона и Украины была для части российской элиты не просто политической игрой. Если бы свергнуть советскую власть и восстановить прежние порядки во всей России не удалось, эти элитные круги охотно примирись бы с сохранением своих классовых привилегий в пределах таких «государств», как «гетманство Украинское» и «атаманство Донское». Краснов не скрывая пишет, что для него отторжение Дона от России при условии сохранения в нем капитализма было предпочтительнее воссоединения всей России под властью большевиков: «Войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существуют Эстония, Финляндия, Грузия, — существовало отдельно от советской России»[254]. То есть Дон и Украина, как убежища свергнутой элиты под немецкой охраной, могли, при известных условиях, превратиться в устойчивые государственные образования. Политика Краснова, Скоропадского и тех кругов, которые за ними стояли, объективно была политикой, направленной на расчленение России во имя классового эгоизма.

Но не более патриотической оказалась в конечном счете и политика Белого движения — той части российской контрреволюции, которая отвергла сотрудничество с Германией во имя «союзнического долга» и возложила свои упования на помощь со стороны Антанты.

Заключение большевиками Брестского мира устранило последнее формальное препятствие для интервенции Антанты.

[254] *Краснов П.Н.* Ук. соч. С. 6. Цитированные строки написаны не позднее февраля 1921 г., когда Грузия еще не стала советской.

6 марта 1918 г. британские войска высадились в Мурманске. Утром 5 апреля во Владивостоке высадились японские войска[255], а вечером того же дня, не желая отставать от японцев, там появились английские и американские военные.

Интересно, что все это время советское правительство и миссии стран Антанты сохраняли контакты между собой. Британские войска высадились в Мурманске по приглашению Троцкого, который, действуя как нарком иностранных дел, 1 марта 1918 г. поручил Мурманскому Совдепу «незамедлительно принять всякое содействие союзных миссий», а под «содействием» разумелась высадка десанта. 22 апреля 1918 г. Троцкий говорил на заседании ВЦИК (где был принят закон о всеобщем военном обучении) о необходимости скорейшей подготовки регулярной армии для борьбы с внешним врагом. Таковым могла быть в тот момент только Германия. Троцкий лоббировал создание Народной армии отдельно от Красной как раз для войны с Германией на стороне Антанты и руководил ее формированием.

Наличие двух разных точек зрения в руководстве большевиков на перспективы войны и мира дало повод ряду историков говорить о серьезных разногласиях в этот период между Лениным и Троцким и даже о том, что Троцкий вел свою частную внешнюю политику, не всегда согласуя ее с Совнаркомом и ЦК партии. На наш взгляд, нет достаточных оснований для такого противопоставления. В политике РКП(б) действительно можно найти скрещение «прогерманской» и «проантантовской» линий. Однако они выражали не коренные разногласия в верхах большевиков, а, скорее, их стремление перестраховаться. Одно крыло партии демонстрировало лояльность Германии, другое — сохраняло контакт с Антантой. Оба совместно зарабатывали политические дивиденды Советской России. Две линии внешней политики российских коммунистов в это время — на самом деле гибкая политика лавирования слабой

[255] Любопытно, что в японской пропаганде это представлялось как «борьба с Германией». На агитплакатах рисовались японские солдаты, убивающие во Владивостоке… людей в немецкой форме!

в военном отношении Советской республики между двумя мировыми центрами силы.

Появление отдельных отрядов интервентов Антанты на далеких окраинах России не могло существенно повлиять на ситуацию в стране. Коренным переломом здесь явился мятеж Чехословацкого корпуса, поднятый 25 мая 1918 г.

Еще в феврале 1918 г. советское правительство передало Франции право распоряжаться частями корпуса. Таким образом, эта иностранная военная сила на российской территории вышла из-под юрисдикции РСФСР. Франция и Советская Россия договорились, что корпус будет эвакуирован из России через Владивосток. Обсуждался план эвакуации через северные порты — Архангельск и Мурманск, но он был оставлен, так как при этом частям корпуса пришлось бы проследовать в непосредственной близости от обеих российских столиц.

Однако весной 1918 г. планы Антанты по использованию Чехословацкого корпуса изменились. Хрестоматийной стала рассекреченная позднее шифрограмма посла Франции в России Д. Нуланса представителю Франции при Чехословацком корпусе А. Гинэ от 18 мая 1918 г.: «Союзники решили начать интервенцию в конце июня и рассматривают чешскую армию вместе с французской миссией в качестве авангарда союзной армии». Большевики, зная об этом, решили превентивно разоружить Чехословацкий корпус. В ответ вспыхнуло уже подготовленное восстание.

Мятеж Чехословацкого корпуса должен был стать сигналом к выступлению подпольных белогвардейских групп в Сибири, на Урале и в Поволжье. Координаторами контактов между чехословацким командованием и антисоветским подпольем выступали союзные дипмиссии. В марте 1918 г. они выехали из Петрограда, однако не последовали за советским правительством в Москву, а обосновались в Вологде. Посольства западных держав стали центрами, куда сходились нити антибольшевистских заговоров. Советское правительство, не признавая официальный статус западных миссий, не торопилось, однако, их выдворять, чтобы не терять, на всякий случай, контактов со

странами Антанты. Только в сентябре 1918 г., после раскрытия «заговора послов», в котором были замешаны главы и члены представительств США, Англии и Франции, советское правительство окончательно закрыло западные дипмиссии в РСФСР.

Под прикрытием Чехословацкого корпуса стали создаваться всевозможные местные антисоветские правительства и армии. Очевидно, только в этом и состояла задача корпуса в интервенции, так как он продолжал движение своих эшелонов на восток и без боя оставил большевикам Пензу. Однако вскоре у зарубежных руководителей интервенции возникли еще две взаимоисключающие идеи: 1) повернуть корпус на запад с целью создания фронта против Германии на территории России; 2) эвакуировать корпус через северные порты. В обоих случаях чехословакам следовало принять более активное участие в боевых действиях против советских войск. О том же «от имени русского народа» просили чехословаков возникнувшие благодаря им региональные антисоветские правительства.

Но характерно, что о движении чехословаков на Москву с целью свержения советского правительства в этот момент речь не шла. Западные державы не сговорились об этом между собой. Ллойд-Джордж в своих мемуарах писал об этом: «Мы заботились только о том, чтобы обширная и плодородная территория Российской империи не стала вассалом Центральных держав и источником снабжения их в этой войне, не наше было дело решать, предпочитают ли русские, чтобы ими управлял Ленин или Керенский». Упомянул он и о противодействии, какое оказывал планам расширения интервенции президент США, считавший, «что всякая попытка интервенции в России без согласия советского правительства превратится в движение для свержения советского правительства ради реставрации царизма»[256]. Разумеется, западные державы заботились не «только о том», о чем пишет здесь Ллойд-Джордж. Но он безусловно не кривил душой, когда сообщал, что непосредственное военное свержение власти большевиков в планы Антанты отнюдь не входило.

---

[256] *Ллойд-Джордж Д.* Ук. соч. Т. 6. М., 1937. С. 92—95.

Вскоре чехословакам было приказано отказаться от открытия нового фронта против Германии и пробиваться к северным российским портам. Движение чехословаков в юго-западном направлении привело бы их к соединению с Донским войском прогерманского атамана Краснова. Чехословацкое командование стало бы настаивать на пропуске своих частей через Дон на Украину для борьбы с Германией. Краснов под давлением своих германских покровителей был бы вынужден оказать сопротивление этим требованиям. Между двумя лагерями антисоветского движения мог вспыхнуть прямой конфликт, усиливавший только большевиков.

Но был возможен и иной вариант. Между чехословаками и германскими войсками на Украине мог возникнуть буфер в виде коалиции антисоветских региональных сил (Донская и Добровольческая армии, Народная армия Учредительного собрания в Поволжье и т.д.). Они, сомкнув фронты, могли столковаться на почве совместной борьбы с большевиками, отставив в сторону разногласия по признаку внешних «ориентаций». Ни тот, ни другой вариант не отвечал планам Антанты по ослаблению России.

В этот период становится заметно, что западные державы не спешат реализовать свои декларации о создании нового фронта против Германии. Этот фронт, пройдя по территории России, был бы в стратегическом отношении бессмысленным, так как отстоял очень далеко от Германии и ее союзников. Значительно больше, чем новый фронт, интересам Антанты в тот момент отвечал буфер между нею и Германией в виде Советской России. Но дело было не только в этом, а еще и в нежелательности для Антанты появления подлинно независимого единого антибольшевистского правительства.

«Странность» интервенционистской стратегии Антанты особенно наглядно высвечивается историей многочисленных мятежей, поднятых в июле 1918 г. в нескольких городах Центральной России «Союзом защиты Родины и свободы» во главе с Борисом Савинковым. Эта подпольная организация имела контакт с западными миссиями и в значительной степени фи-

нансировалась из иностранных источников. Наиболее серьезным оказался мятеж в Ярославле. С 6 по 23 июля 1918 г. повстанцы удерживали центр города. Мятеж мог бы иметь шанс на успех, если бы в это время войска союзников высадились в Архангельске и начали движение эшелонов на Ярославль по железной дороге, где в это время почти никаких советских войск еще не было. Но англичане появились в Архангельске только 2 августа, когда все выступления савинковского «Союза» давно были подавлены.

Советский военный историк справедливо писал об упущенных возможностях контрреволюции в то время: «Внутренние взрывы в городах на Верхней Волге явились преждевременными по крайней мере на месяц; чехословаки около двух месяцев затратили на усиление своего положения на Урале. Английское командование, промедлив месяц с захватом Архангельска, в дальнейшем действовало настолько медленно и нерешительно, что конкретная опасность образования единого Северо-Восточного белого фронта растворилась в пространстве и времени... Советская стратегия оказалась бы в несравненно худшем положении, если бы все они [мятежи и английский десант. — *Я.Б.*] последовали друг за другом на протяжении хотя бы месяца и если бы белогвардейские мятежи последовали тогда, когда фронт чехословаков вплотную приблизился к Волге и Каме»[257].

Этого не произошло не потому, что страны Антанты и русское антибольшевистское подполье роковым образом не согласовали планы, не позаботились о стратегическом взаимодействии. А потому, что такое согласование и такое взаимодействие в принципе исключались политикой западных держав. Поддерживать антисоветские силы, чтобы наносить уколы большевикам и раздувать пламя Гражданской войны — это одно. Но напрямую свергать большевиков, которые, как казалось тогда многим на Западе, сами эффективно ослабляют Россию — это зачем же? К тому же, при свирепствовавшей тогда классовой вражде, любое правительство, которое могло возглавить Россию, неизбежно было бы правительством одной из

[257] *Какурин Н.Е.* Ук. соч. Т. 1. С. 211, 236.

сторон Гражданской войны. А весь одиум за попытку навязать его русскому народу лег бы в этом случае целиком на западные державы.

Левоэсеровский мятеж и его последствия

Значительно больше, чем свержение советской власти, планам Антанты в тот момент отвечало вовлечение РСФСР в прямое военное столкновение с Германией. Поэтому мятеж организации Савинкова был приурочен не к движению интервентов на Москву, а к мятежу другой организации в самой Москве.

После заключения Брестского мира и выхода левых эсеров из советской правительственной коалиции пропасть между двумя крупнейшими советскими партиями продолжала расти. Решающим фактором здесь явился нажим советской власти на зажиточные элементы деревни, начатый в мае 1918 г. Во многом он был вынужденным и возник спонтанно. О его незапланированном характере свидетельствует то, что еще в апреле 1918 г. Ленин писал программную работу «Очередные задачи советской власти». Она ориентировала на мирное строительство социализма в России в условиях передышки, предоставленной Брестским договором. Следовательно, эскалации Гражданской войны, которая вскоре произойдет под влиянием интервенции Антанты, Ленин в тот период еще надеялся избежать. В этой работе содержатся предпосылки ряда идей (среди них определение социализма как строя цивилизованных кооператоров), которые Ленин разовьет позднее, после Гражданской войны, в период НЭПа.

Но весной 1918 г. крупные промышленные центры оказались под угрозой голода. Тогда власть решила прибегнуть к изъятию «продовольственных излишков». В любом случае для восстановления нормального товарообмена между городом и деревней требовалось время, а проблему снабжения надо было решать немедленно. Другое дело, что среди большевиков оказалось достаточно много тех, кто считал такое чрезвычайное решение проблемы нормальным, и из этого в годы Гражданской войны выросло утопическое стремление построить бесто-

варное и безденежное общество средствами прямого насилия. Но это потом, а весной 1918 г. речь пока шла только о ликвидации угрозы голода для рабочих.

Объявленная большевиками политика «продовольственной диктатуры» и принудительная продразверстка требовала опоры для советской власти в деревне против сельского богатея — «кулака». Большевики стали создавать «комитеты бедноты». Левые эсеры обвинили большевиков в натравливании одной части «классово однородного» крестьянства на другую. Так традиционно объясняется выступление левых эсеров с оружием в руках против большевиков.

Однако очевидно, что, как и в случае с Брестским миром, политика большевиков в деревне была только предлогом для левых эсеров. Ведь первоначально левые эсеры поддержали декреты ЦИК и СНК по введению «продовольственной диктатуры»[258]. И лишь потом, когда увидели, что их выполнение приводит к повсеместным злоупотреблениям и наталкивается на сопротивление крестьянства, перешли к их ожесточенной критике. Кстати, пытаясь на этом основании изобразить левых эсеров какими-то «поборниками демократии», почему-то забывают о том, что левые эсеры в этот период, совместно с «левыми» коммунистами, критиковали также и широкое привлечение бывших офицеров к строительству Красной Армии, и попытки большевиков ввести судопроизводство в рамки пусть хоть и «революционной», но все же законности[259].

Вместе с тем до поры ничто не предвещало резкого разрыва. Критика большевиков, раздававшаяся с левоэсеровских скамей в ЦИК и со страниц левоэсеровской печати, была привычной

---

[258] Любопытно, что вождь меньшевиков Мартов протестовал против «продовольственных декретов», но не во имя крестьянства, а потому что, направляя рабочих в деревню, большевики якобы лишают тем самым сознательный пролетариат столиц его ценнейших кадров и предотвращают протест рабочего класса против большевистской политики. Что ж, большевикам оппонировали не люди дела, а люди громкой фразы…

[259] *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация. Кн. 1: От начала до великой Победы. М., 2002. С. 277.

в то смутное время. Вместе с большевиками левые эсеры участвовали в подготовке проекта первой советской конституции, который выносился на обсуждение и одобрение 5-го Всероссийского съезда Советов, открывавшегося в Москве 4 июля 1918 г. Левый эсер, бывший подполковник М.А. Муравьев, отлично зарекомендовавший себя на посту командующего советских войск в борьбе с контрреволюцией на Украине, был 13 июня 1918 г. назначен командующим войсками советского Восточного фронта, где после чехословацкого мятежа развертывались основные события Гражданской войны.

События левоэсеровского мятежа достаточно подробно описаны в литературе. Отметим здесь лишь обоснованность мнения, что к мятежу были причастны некоторые группы и в руководстве партией большевиков[260]. Это показывает всю серьезность положения для власти РКП(б) в тот момент. Без сомнения, мятежники имели все шансы победить при умелом руководстве. Но вот как раз в этом отношении левые эсеры обнаруживали хроническую слабость.

Довольно любопытную «картину с натуры» нарисовал на 5-м Съезде Советов в своей «Повести о жизни» писатель К.Г. Паустовский, работавший тогда журналистом в одной из оппозиционных большевикам газет. 5 июля левые эсеры устроили на заседании Съезда мощную обструкцию германскому послу В. Мирбаху. «Камков [один из лидеров левых эсеров. — *Я.Б.*] подошел почти вплотную к ложе, где сидел Мирбах, и крикнул ему в лицо:

— Да здравствует восстание на Украине! Долой немецких оккупантов! Долой Мирбаха!

Левые эсеры вскочили с мест. Они кричали, потрясая кулаками. Потрясал кулаками и Камков. Под его распахнувшимся пиджаком был виден висящий на поясе револьвер».

На следующий день отряд левоэсеровских чекистов проник в германское посольство и убил Мирбаха. Это было сигналом к восстанию. Однако подавляющее большинство левоэсеровской фракции Съезда (более 300 депутатов) даже не знало о том, что

---

[260] *Елисеев А.В.* Социализм с русским лицом. М., 2007. С. 257—263.

на улицах Москвы уже идут бои между отрядами красноармейцев и чекистов, принадлежащих к разным партиям. В здании Большого театра, ожидая развязки событий, находились многие из руководства левых эсеров. Но они полностью выключились из реальной борьбы. Большевики же были быстро сориентированы своим партийным руководством. Пока левые эсеры еще догадывались, что происходит, большевики покинули зал заседаний, и его оцепила верная большевикам охрана. Когда левые эсеры обнаружили, что заперты, их поведение вовсе стало анекдотическим, хотя они, возможно, всерьез полагали, что это — кульминационный момент восстания, овладение властью, то есть Съездом Советов.

«Стуча каблуками, к рампе подбежала женщина в черном платье... Женщина сжимала в руке маленький стальной браунинг. Она высоко подняла его над головой, застучала каблуками и пронзительно закричала:

— Да здравствует восстание!

Зал ответил ей таким же криком:

— Да здравствует восстание!

Женщина эта была известная эсерка Маруся Спиридонова...

В ответ на крик Спиридоновой все левые эсеры вынули из-под пиджаков и из карманов револьверы. Но в ту же минуту с галерки раздался спокойный и жесткий голос коменданта Кремля:

— Господа левые эсеры! При первой же попытке выйти из театра или применить оружие с верхних ярусов будет открыт по залу огонь. Советую сидеть спокойно и ждать решения вашей участи».

Наверное, в рассказе Паустовского об этом событии что-то утрировано, но факт: левые эсеры не предприняли многих очевидных мер, которые логически вытекали бы из замысла захватить власть.

На следующий день 7 июля мятеж был подавлен. Большевики восстановили контроль над столицей. Командующий Восточным фронтом Муравьев отмежевался от действий своего партийного руководства. Однако, как выяснилось, только что-

бы усыпить бдительность. 10 июля он неожиданно прибыл в штаб 1-й армии в Симбирск, объявил о неподчинении Совнаркому и об объявлении войны Германии.

Мотивы прибытия Муравьева в Симбирск из Казани, где находился его штаб, из источников ясны не вполне. Вероятно, Муравьев хотел воспользоваться близостью фронтовых войск. Возможно даже, что командующий 1-й армией М.Н. Тухачевский первоначально был в сговоре с Муравьевым. Однако провал левоэсеровского путча в Москве не мог не повлиять на Тухачевского. Он отказался содействовать Муравьеву.

Верные Муравьеву отряды заняли радиостанцию и телеграф в Симбирске. Этим, по существу, все его мероприятия по «захвату власти» и ограничились. Он даже не сделал попыток овладеть органами власти и выключить из игры местную большевистскую ячейку. Муравьев, хотя и был военным человеком, не нашел ничего лучше, как публично объявить о своей программе, избрав для этой цели... трибуну исполкома Симбирского Совдепа, где господствовали большевики. Там он вечером следующего дня и был убит, едва появившись.

Конечно, проще всего говорить о «коварстве большевиков», пригласивших лидера мятежников на «публичный диспут» и там его застреливших. Но как должен поступить лояльный сторонник государства, зная о том, что мятежник объявлен вне закона? Эпизод с Муравьевым ярко высвечивает не мнимое «бесчестье большевиков», а лишь то, что левые эсеры были продолжателями революционной расхлябанности и митинговщины, разъедавшей Россию с марта 1917 г. Тогда как большевики — творцами нового государственного порядка.

В исторической литературе давно обращается внимание на многие несуразные действия (вернее, несуразное бездействие) левых эсеров, трудно объяснимые, если исходить из того, что эта партия стремилась в июльские дни 1918 г. к захвату власти. Но почему же нам следует исходить именно из такого предположения?

Напротив, есть все основания полагать, что левые эсеры вовсе не готовились к взятию власти в таком классическом виде,

как большевики в октябре 1917 г. Во-первых, у них не было к этому объективных предпосылок. На 5-м Съезде Советов левые эсеры находились в численном меньшинстве: их было всего 353 из 1164 делегатов Съезда — менее одной трети. Ясно, что левые эсеры никак не могли рассчитывать на создание однопартийного правительства, поддерживаемого населением Советской России. Во-вторых, отсутствовали и субъективные предпосылки. Многое говорит о том, что левые эсеры, как партия, просто недооценивали значение государственной власти как инструмента социально-политической борьбы.

Убийством Мирбаха левые эсеры хотели вызвать поход кайзеровских войск на Москву. Это, по их расчетам, должно было привести к всенародному восстанию против захватчиков. В огне новой революционной войны должна была переродиться Россия. В ней исчезли бы противоречия между группами революционного пролетариата и крестьянства, которые, как верилось левым эсерам, большевики искусственно разжигали для укрепления собственной власти. Таково было настроение левых эсеров, настроенных по-доктринерски. Возможно даже, они искренне верили, что возобновление войны с Германией автоматически приведет к национальному примирению и окончанию Гражданской войны.

Более трезвомыслящие руководители партии, связанные с иностранными резидентурами, должны были осознавать, что их акция может иметь самые тяжкие последствия для России. Но он был на руку Антанте, поддерживавшей путч, — это главное. Мысля «глобальными категориями», они могли оправдывать себя тем, что способствуют сокрушению германского милитаризма как самого главного «врага свободы и демократии» в мире. Партия, таким образом, сыграла бы «достойную роль» в мировой истории.

Мы не уделили бы такого внимания путчу левых эсеров, если бы он не сказался самым непосредственным образом на положении Советской России. Дипломатии РСФСР удалось предотвратить возобновление войны с Германией. Но большевикам пришлось пойти на заключение дополнительного согла-

шения с Германией. Оно было подписано 27 августа 1918 г. в Берлине. По его условиям Россия обязывалась уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок (2,75 млрд рублей). Правда, всего около 700 млн марок (320 млн рублей) должно было быть выплачено золотом, остальная часть — кредитными билетами (еще царскими) и облигациями, а 1 млрд марок — товарами[261]. Вскоре первая партия контрибуции была передана германским властям в Орше. В обмен на это Германия начала вывод своих войск с части территории Белоруссии.

До ноября 1918 г. Советская республика произвела три выплаты, предусмотренные договором на этот срок. Германской империи было передано золота на сумму 125 млн (царских) рублей[262].

В конце августа 1918 г. стратегическая инициатива на Западном фронте перешла к армиям Антанты. Германия уже при всем желании не смогла бы всерьез вести войну с Советской Россией. Спрашивается, почему же большевики подписали это новое грабительское соглашение? Выходит, Ленин все-таки был кайзеровским агентом?

Произошедший к этому времени коренной перелом войны в пользу западных держав предвещал ее быстрое окончание. Это означало, что очень скоро Антанта смогла бы (в каких масштабах — заранее неизвестно) расширить свою помощь Белому движению. Такой вариант большевиков явно не устраивал. Этим, по-видимому, и можно объяснить, почему они согласились продлить русским золотом агонию кайзеровского режима, даже невзирая на то, что это золото могло быть использовано на борьбу с революцией в самой Германии.

Несомненно, что интересам большевиков наилучше отвечало бы всемерное затягивание войны на Западе без решительной развязки. Это позволяло бы им тем временем разделаться с Белым движением до того, как Антанта, победив в войне,

---

[261] Документы внешней политики... Т. 1. С. 445—447.

[262] *Ефимкин А.П.* «Мы заплатили немецким империалистам золото...» // История СССР. 1990, № 5. С. 150—151.

смогла бы более активно ему содействовать. Вдобавок, затяжка войны содействовала углублению революционного кризиса в Германии и странах Запада, на чем зиждился главный стратегический расчет большевиков. Что любопытно, это было бы лучше и для России в целом, так как сковывало возможность для иностранных империалистов участвовать в ее дележе. Снова цели большевиков и геополитические интересы России объективно совпадали.

Затягивание войны между двумя империалистическими коалициями, пока тут идет война с врагом внутренним — вполне разумная политика. При этом более страшным противником и для большевиков, и для России в целом оставалась по-прежнему Германия. Не будем забывать, что германские войска находились в Финляндии, а финляндская территория начиналась уже в 40 км от Петрограда, который хоть уже и не был столицей, но сохранял огромное экономическое и морально-политическое значение. Западные же державы, в силу своей удаленности, не могли в тот момент так эффективно «наказать» большевиков. Поэтому, соглашаясь на отправку золота в Германию, платя разорительную дань, большевики откровенно откупались от более опасного врага.

Вместе с тем у них были все основания полагать, что это золото лишь отсрочит, но не предотвратит крах Второго рейха. По-видимому, в основу расчетов большевиков летом 1918 г. уже прочно лег прошлогодний ленинский прогноз о неизбежности поражения Германии в Мировой войне — тот прогноз, который побуждал Ленина еще в январе 1918 г. настаивать на подписании сепаратного мира, зная, что его действие будет недолгим. Но даже смертельно раненная кайзеровская Германия еще могла нанести тяжелый удар Советской республике. Этого большевики и старались всячески избежать.

Кровавый венец России

Летом 1918 г. Россия оказалась в кровавом венце фронтов Гражданской войны. Многим казалось, что это — кровавый венец всей истории России.

Существующие оценки Гражданской войны в России нередко страдают неоправданным преувеличением степени ее разрушительности. На этих эмоциональных оценках, а не на фактах, основаны сожаления о неосуществившейся альтернативе Брестскому миру — продолжении внешней войны как якобы менее губительной для России, чем война внутренняя. Эти оценки находятся в очевидном противоречии с характером Гражданской войны в России как войны ограниченной. Размах боевых действий Гражданской войны намного уступал таковому на фронтах Первой мировой войны.

Сопоставим цифры. Осенью 1916 г. численность действующих армии и флота России была наивысшей за все время Второй Отечественной войны и составляла 7 млн человек из почти 8 млн общей численности вооруженных сил. Доля активного боевого элемента в них достигала максимума в конце 1914 г. — около ¾, накануне постигшего Русскую армию революционного разложения она снизилась, но все же составляла половину численности действующих войск[263].

Красная Армия достигла своей максимальной численности за всю Гражданскую войну осенью 1920 г. К этому моменту советская власть воссоединила почти всю Россию и могла пользоваться ресурсами целой страны. Общая численность Красной Армии в это время составляла около 5,4 млн Однако из них в действующей армии находилось только 1,9 млн Причем боевого элемента насчитывалось лишь чуть более 900 тысяч. Но и из них далеко не всех (см. след. главу) можно действительно отнести к активным бойцам. Всего же за три года Первой мировой войны на военную службу было привлечено 15,4 млн человек, а за три года войны Гражданской на службу в Красную Армию и флот — лишь 6,7 млн, считая тех, кто перешел туда из старых армии и флота[264].

Таким образом, мы видим, насколько меньше были мобилизационные усилия России в Гражданскую войну относительно Первой мировой. Причем особенно красноречиво падение

---

[263] *Головин Н.Н.* Военные усилия России... С. 168.

[264] Россия и СССР в войнах XX века... С. 102, 121, 137.

удельного веса действующих армии и флота по сравнению с общей численностью вооруженных сил, а в действующих армии и флоте — падение удельного веса боевого элемента. То же самое преобладание небоевого элемента перед боевым, «едоков» перед бойцами, испытывали и белые армии. Так, весной 1919 г. в армиях «верховного правителя» Колчака числилось около 800 тысяч человек, но максимум только 140 тысяч из них можно было отнести к «штыкам и саблям», т.е. к боевому элементу[265].

Резкое возрастание доли «едоков», обслуживающего элемента в обеих армиях российской Гражданской войны по сравнению с Русской армией Первой мировой объясняется двумя причинами: 1) общим снижением уровня государственной организации; 2) более низкой мотивацией участия в боевых действиях. Подавляющее большинство мобилизованных — что в Красную, что в Белую армию — имело невысокую боеспособность, что заведомо исключало их использование на передовой. Вручение такому «бойцу» винтовки часто означало, что армия могла недосчитаться вместе с «бойцом», перебегавшим к противнику или (чаще) дезертировавшим в тыл, также и винтовки. Вопреки общераспространенному мнению Гражданская война в русском народе была крайне непопулярна. Русские в массе своей очень неохотно шли на братоубийственную войну.

Эта непопулярность российской Гражданской войны особенно отчетливо проглядывает, если мы сравним ее, например, с Гражданской войной 1861—1865 гг. в США. В ходе последней обеим противоборствовавшим сторонам пришлось прибегнуть к общей мобилизации. Раньше это сделали на Юге, людские ресурсы которого были ограничены — уже в апреле 1862 г. Позже — на Севере — в марте 1863 г. Но мобилизация служила лишь вспомогательным способом пополнения войск. Основным же всегда оставалось волонтерство. До самого конца Гражданской войны 1861—1865 гг. среди американцев находилось достаточно охотников стрелять в своих соотечествен-

---

[265] *Волков С.В.* Белое движение: Энциклопедия Гражданской войны. СПб.; М., 2002. С. 94.

ников. Общее число призванных по мобилизации в армию Юга составило не больше трети ее общей численности, а в армию Севера — всего 6 %[266].

Обе армии российской Гражданской войны довольно скоро были вынуждены перейти от добровольческой к принудительной системе комплектования. 22 апреля 1918 г. вводилось всеобщее воинское обучение (Всевобуч) для трудящихся Советской России. 26 июня 1918 г. наркомвоенмор Троцкий вошел в СНК с представлением объявить всеобщую воинскую обязанность для трудящихся и всеобщую трудовую обязанность для нетрудовых классов. На основании этого уже летом 1918 г. было издано несколько декретов о призывах различных категорий населения на военную службу в РККА и о мобилизациях на тыловые работы.

Что касается Белой армии, то еще весной 1918 г. на Дону был объявлен «сполох» — мобилизация казаков. Антибольшевистские правительства в Поволжье, на Урале и в Сибири также издавали указы о призыве на военную службу. Добровольческая армия, занимая казачьи области Северного Кавказа, призывала в свои ряды в обязательном порядке казаков и офицеров. В дальнейшем, когда ее операции вышли за пределы казачьих областей, пришлось прибегнуть к ограниченному призыву и других классов населения.

Боевая ценность всех этих элементов была различной. Наибольшей стойкостью в белых войсках отличались части с большим количеством кадровых офицеров, следом за ними шли казачьи. В Красной Армии выделялись своей стойкостью части, где был выше удельный вес рабочих крупных промышленных центров, а также части, сформированные из «интернационалистов» — латышей, эстонцев, военнопленных венгров. Для них только победа «мировой революции» давала шанс вернуться на родину. Когда же надежда на это миновала, они превратились в ландскнехтов на службе у большевиков. Конечно, из всякого правила бывают исключения: так, одними из самых боеспособ-

---

[266] *Маль К.* Гражданская война в США. 1861—1865. Минск; М., 2002. С. 51—56.

ных частей белогвардейских войск востока России были дивизии, сформированные из рабочих Ижевских и Воткинских заводов. Большинство же мобилизованных крестьян в обеих армиях приходилось распределять в основном по гарнизонным, тыловым и небоевым службам.

Понятно, что в армиях, общая численность боевого элемента в которых не превышала нескольких сотен тысяч человек, соответственными были и потери. За три года Гражданской войны из рядов РККА безвозвратно выбыло 1,3 млн человек[267]. Однако только небольшая доля этого числа приходится на прямые потери убитыми, которые составляют 134 тысячи человек. Еще 86 тысяч — это пропавшие без вести и не вернувшиеся из белогвардейского плена, которые вовсе не обязательно должны числиться среди погибших: многие из них, вероятно, эмигрировали вместе с остатками белых армий. В Красной Армии периода Гражданской войны был необычайно высок уровень смертности среди раненых на этапах санитарной эвакуации. С их учетом общее число красноармейцев, погибших от боевых причин в 1918—1920 гг., составляет четверть миллиона человек[268].

Обратим внимание, что данные цифры взяты по максимуму, вдобавок они включают также жертв русско-польской войны 1918—1920 гг., которая была все-таки частью Второй Отечественной, а не Гражданской войны. Что касается белых армий, то их численность (если брать только русскую Белую армию за вычетом армий интервентов и сепаратистов) всегда заметно уступала численности Красной Армии. Соответственно, были ниже и ее потери. Приняв во внимание всевозможные погрешности при вычислениях, мы вряд ли ошибемся, если определим наивысшее вероятное количество погибших военнослужащих Красной Армии и армий российской контрреволюции во время Гражданской войны в полмиллиона человек.

Для сравнения возьмем число потерь во время Гражданской войны в США 1861—1865 гг. В ней не было такого массового

---

[267] Россия и СССР в войнах XX века... С. 137.

[268] Там же. С. 135.

социального террора, как в большинстве известных нам гражданских войн, поэтому общее число ее жертв несущественно больше количества чисто военных потерь в ней. Американские историки традиционно определяют число погибших в ходе войны между Севером и Югом США в 600 тысяч человек. Население США в 1860 году составляло 31 млн человек. Следовательно, в ходе Гражданской войны в США было убито порядка 2 % всего населения.

Примерно такой же процент даст подсчет числа жертв других знаменитых гражданских войн. В ходе Гражданской войны в Англии в 40-е гг. XVII в. погибло, как обычно считают исследователи, порядка 100 тыс. человек из тогдашнего 5-миллионного населения Англии. Испанцы скорбят о гибели 0,5—1 млн своих соотечественников в Гражданской войне 1936—1939 гг. Население Испании в тот период насчитывало 26 млн человек. Можно предположить, что 2 % убитых от общей численности населения — «стандартный» итог гражданских войн в цивилизованных странах.

В Российской империи без Финляндии и Польши в 1914 г. проживало 155,4 млн человек[269]. Это означает, что жертвы Гражданской войны в армиях противоборствовавших сторон России составляли около 0,3 % населения страны — в относительных цифрах вшестеро меньше, чем в США. Конечно, это еще не дает оснований делать категорический вывод об относительной «гуманности» Гражданской войны в России по сравнению с гражданскими войнами в США и других западных странах. Здесь нужны более детальные подсчеты по категориям погибших и умерших. Но очевидно, что общераспространенное представление о большей жестокости и кровавости российской Гражданской войны по сравнению с Первой мировой войной, а также с аналогичными событиями в других странах, не может быть принято на веру и нуждается в строгой критической проверке цифрами и фактами.

---

[269] *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1813—1913). М., 1956. С. 25, 27.

Неблагодарное это дело — подсчитывать потери в Гражданской войне... Во избежание недоразумений сразу оговоримся, что мы ведем речь лишь о потерях армий воевавших сторон, а не об общем числе жертв Гражданской войны. Демографические методики могут дать примерную цифру общих потерь населения России за этот период. Однако, поскольку приводимые в разных изданиях подсчеты нередко исходят из априорных исходных данных, приведем более точные цифровые показатели этого рода.

Первая перепись населения СССР 1926 г. насчитала 147 млн человек. На той территории, которая вошла в состав СССР, в 1914 г. проживало примерно 142—143 млн человек (то есть спустя шесть лет после окончания Гражданской войны демографическая яма была уже с лихвой перекрыта). Обычный показатель демографического роста в мирное время можно рассчитать исходя из того, что в 1897 г. в России проживало 116,2 млн а в 1914 г., как уже сказано, 155,4 млн.

Как распределяются потери по категориям жертв — нельзя сказать точно. Ясно, что потери армий Гражданской войны составляют здесь незначительную долю. Как мы уже видели, она в четыре с половиной раза меньше, чем число погибших русских в Первой мировой войне. Какое-то количество приходится на долю эмигрантов. Эмигрировали не только представители элитных классов, но и целые этносы. Причем эмиграция была не всегда напрямую связана с революцией. Так, перепись 1897 г. насчитала 4,1 млн казахов (их тогда называли киргиз-кайсаками). По данным переписи 1926 г. казахи оказались единственным большим народом бывшей Российской империи, чья численность не возросла по сравнению с 1897 г. Массовый исход казахов в Китай начался во время национального восстания 1916 г., подавлявшегося всеми властями России, не исключая советской.

Общеизвестно, что значительный вклад в повышение смертности в годы революции и Гражданской войны внесло распространение эпидемических заболеваний. Как ни странно, именно этот вклад мы можем оценить достаточно точно, хотя и по косвенным показателям. В 1918—1920 гг. в Красной Армии

от инфекций умерло 283 тыс. человек[270], что составило 4,2 % общего числа служивших в ней за этот период. Экстраполировав эту пропорцию на все население России, получим, что только от заразных болезней в стране за три года умерло около 6 млн человек! Вряд ли смертность от эпидемий на «гражданке» была ниже, чем в армии — все-таки служат взрослые мужчины, а в тылу есть и старики, и дети...

Определение точного числа потерь России в 1914—1920 гг. — дело специалистов-демографов, не входящее в задачи данной книги. Ясно, однако, что эти подсчеты должны исходить из реальных показателей, а не из фантастических цифр 170—180 млн человек, якобы проживавших в России перед Первой мировой войной!

Заканчивая этот раздел, нельзя не упомянуть о трагическом венце жизни одного из главных героев нашей книги — последнего российского императора Николая II, убитого вместе с женой и всеми пятерыми детьми, а также несколькими слугами, в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. Это злодеяние многие считают не только главным преступлением большевиков, но и ключевым актом в процессе разрушения старой России, отношение к которому выявило истинное лицо многих политических деятелей и групп России и мира того времени.

Цареубийство не было новостью в России, но уже в XIX столетии происходило всего два раза. А насилие над малолетними особами царских кровей, как убийство царевича Димитрия в 1591 г. или заключение в тюрьму младенца Иоанна VI в 1741 г. (с последующим убийством уже взрослого в 1764 г.), и вовсе успело стать достоянием седой старины. Поэтому екатеринбургское злодеяние шокировало многих, кто о нем узнавал.

Что касается большевиков, то с ними-то как раз все совершенно ясно. В данном случае они всего лишь исполнили завещанное им столетней русской революционной традицией, начиная с декабристов Пестеля и Рылеева, считавших физическое истребление царствующей династии непременной гарантией упрочения республики в России. Но какова была позиция

---

[270] Россия и СССР в войнах XX века... С. 131.

российских либералов, ратовавших за законность и правовое государство, а также монарших дворов Европы?

Ни один династический дом — ни союзный, ни даже просто родственный — палец о палец не ударил, чтобы спасти Романовых от готовящейся участи, которая стала очевидной уже в 1917 г. Больше всего возможностей для этого имела английская королевская семья. В литературе давно утвердилось мнение, что британский король Георг V «не сделал ровно ничего, что могло бы облегчить участь поверженных венценосцев. У него не было ни малейшего желания бросать вызов публике, демонстрируя свои человеческие симпатии (если они у него и существовали)»[271].

Что же касается вождей российской буржуазии, то они, судя по всему, готовили суд над свергнутым монархом. Вариант эмиграции исключался. Иначе зачем Керенский в августе 1917 г. отослал царскую семью в Тобольск, откуда выехать из России, не привлекая к себе внимания, можно было разве что лишь Северным морским путем?! Зато в этой сибирской глубинке можно было избежать самосуда революционно настроенной толпы. Очевидно, готовился показательный процесс. Если бы буржуазии в 1917—1918 гг. удалось удержаться у власти в России, то ее положение все равно оставалось бы очень шатким. Суд над «гражданином Романовым» мог в этой обстановке стать той костью, которой буржуазные правители не колеблясь заткнули бы рот российскому пролетариату.

На необходимость суда и смертной казни над Николаем II и другими деятелями старого режима, как считает историк В.П. Булдаков, Керенский недвусмысленно намекнул, заявив как-то в российском судебном Сенате: «Две-три жертвы, пожалуй, необходимы»[272]. «Две-три» — очевидно, к суду привлекли бы и императрицу, так как она была главным объектом клеветнических нападок либералов, и кого-то из великих князей (княгинь) или приближенных царской семьи. Детей Николая II буржуазная российская Фемида, скорее всего, пощадила бы, но

---

[271] *Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997. С. 384.

[272] *Булдаков В.П.* Ук. соч. С. 61.

и то лишь из-за их несовершеннолетия, установив при этом над ними чью-нибудь унизительную опеку.

Можно быть уверенными, что выдающиеся либеральные правоведы России — В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, П.И. Новгородцев, тот же Керенский — постарались бы обставить процесс над императорской четой так юридически безукоризненно, что и сто лет спустя российский суд не нашел бы в обстоятельствах дела оснований для его пересмотра и для реабилитации императора. Это было бы политическое убийство, цинично обставленное ритуалом «торжества правосудия», совершенное с тщательным соблюдением всей буквы закона. К вящей посмертной славе последнего государя, дело до этого не дошло лишь потому, что власть оказалась у большевиков, не озабоченных юридическими тонкостями.

Живой Николай II летом 1918 г. мог представлять собой угрозу как советской власти, так и ее противникам. Белое движение не было монархическим, а действовавшие на Урале в тот период антибольшевистские силы вообще были республиканско-демократической направленности, поддерживая власть Учредительного собрания 1918 г. Именно последним обстоятельством, скорее всего, объясняется то, что они, отлично зная о местопребывании царской семьи, отнюдь не спешили ее освободить. Медлительность белогвардейцев при наступлении на Екатеринбург иначе как сознательным саботажем не объяснить. Челябинск оказался в руках белых еще 3 июня, а Екатеринбург, лежащий всего в 240 км к северу, — только 25 июля. За это время белые успели распространить свою власть по всей Транссибирской магистрали от Самары до Владивостока, а взять лежащий чуть в стороне крупный и важный промышленный центр не удосужились. Большевикам было предоставлено времени более, чем достаточно, чтобы решить участь семьи Николая II.

На Западном фронте — крутые перемены

Между тем Мировая война подошла к своей закономерной развязке. 1918 г. представлял собой последний срок, когда истощившая свои людские и экономические ресурсы Германия

могла принудить своих западных противников если не к капитуляции, то к почетному миру. Завершение активных боевых действий в России позволяло германскому командованию сконцентрировать на Западе превосходящие силы и постараться вырвать победу в последний остававшийся для этого момент. Это была ставка зарвавшегося игрока.

Впервые с начала войны численность германских войск на Западном фронте превысила численность войск западных держав. В марте 1918 г. там была сосредоточена 181 немецкая дивизия против 177 французских, английских, американских, бельгийских и португальских дивизий (в апреле обе уничтоженные немцами португальские дивизии были заменены двумя итальянскими). Наивысшей численности германская армия на Западе достигла в июле 1918 г. — 201 дивизия, однако к этому моменту союзники уже превосходили немцев по числу дивизий — 205.

В середине 1918 г. должно было возрасти количество американских войск на фронте. Жизненно важно для Германии было разбить Францию до прибытия этой массированной американской помощи. «Неограниченная» подводная война, с помощью которой германское руководство надеялось удушить экономической блокадой Британию и сорвать пополнение войск союзников во Франции, не давала ожидаемого эффекта. Правда, американский контингент во Франции рос медленно. Первая американская дивизия появилась на фронте в июле 1917 г. В сентябре 1917 г. там было две американские дивизии, в октябре — три, в декабре — 4, с нового, 1918 г. — 5. Но перед немецким наступлением там по-прежнему находились только пять американских дивизий. Лишь после начала германского наступления, когда союзники оказались на грани разгрома, США резко интенсифицировали присылку войск в Старый Свет, и уже в июле 1918 г. там было 25 американских дивизий, а к концу войны — 42.

Об относительном состоянии противников, наверное, ничто так наглядно не свидетельствует, как нормы довольствия в армиях. В 1918 г. величина суточного пищевого пайка германско-

го солдата сократилась до 2500 калорий, в то время как у французского солдата она составляла 3816 калорий, у британского — 4193, у американского — 4714 калорий[273]. Понятно, что такая разница в снабжении не могла не отражаться (конечно, не прямо пропорционально, но хотя бы косвенно) на боеспособности войск. При этом необходимо учесть, что гражданское население Германии потребляло в среднем намного меньше, чем солдаты на фронте. Это красноречиво говорит о состоянии германского тыла.

Кампания 1918 г. разительно отличалась от окопного сидения предыдущих трех лет войны на Западе. Своим динамизмом она напомнила кампанию 1914 г. Средства наступления наконец-то снова оказались сильнее средств позиционной обороны. По своему маневренному характеру, широкому использованию технических средств (танков, самолетов) кампания 1918 г. на Западном фронте во многом предвосхитила характер боевых действий будущей Второй мировой войны.

Первое германское наступление в 1918 г. имело целью прорвать оборону союзников в направлении Амьен — побережье Ла-Манша, прижать левый фланг союзных армий к морю и разгромить их, захватить берег Ла-Манша от Остенде до устья Соммы. Последнее было необходимо, чтобы лишить Францию важных портов, через которые шел приток пополнений и оружия из Англии, и создать в этих портах базы для немецких подводных лодок, а также авиабазы для бомбардировок Англии — на побережье. По мнению ряда немецких военных деятелей, если бы эту задачу Германия выполнила еще в 1914 г., то она выиграла бы войну.

Наступление началось 21 марта 1918 г. на участке, занятом английскими армиями. Оно сразу привело к такому успеху, какого обе стороны на Западном фронте не знали с 1914 г. С немецкой стороны впервые были задействованы танки. Хотя их

[273] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 720—723. Одна из самых высоких в Первой мировой войне суточных норм пищевого довольствия была поначалу в Русской армии — около 4500 калорий, однако она продержалась недолго.

был всего один десяток, но эффект, произведенный ими на англичан, был значительный. Англичане и французы, сами используя танки сотнями уже с 1916 г., почему-то полагали, что всегда будут обладать монополией на это техническое средство боя. Во всяком случае, своих солдат к возможной встрече с танками противника они не подготовили.

Успех немецкого наступления объясняется, конечно же, не только этим десятком танков. И не пистолетами-пулеметами прославленного впоследствии оружейника Хуго Шмайссера, впервые появившимися именно тогда, в 1918 г., но только во Вторую мировую ставшими основным видом стрелкового оружия. Была применена короткая шквальная артиллерийская подготовка — «огневой вал» — по типу того, под прикрытием которого Русская армия в 1916 г. прорвала австрийские позиции под Луцком.

Тактический прорыв быстро перерос в оперативный. За три дня на фронте в 100 км англичане были отброшены на 20—25 км. Германский натиск не ослабевал и в последующие дни. Какое-то время англичане, как в 1914 г., даже готовились к эвакуации своих войск на Британские острова, а французское правительство — к переезду из Парижа в Бордо. Но вскоре наступательный порыв немцев стал выдыхаться. В первых числах апреля фронт стабилизировался. Немцы одержали важную тактическую победу, но им не удалось не только разгромить стратегический фланг союзников, но даже взять Амьен.

Германская стратегия в этот период строилась на том, чтобы не давать противнику передышки. За одним наступлением следовало другое, в другом месте. Надо отметить также отличную работу германской разведки, благодаря которой немцы выбирали слабые места в обороне противника. Это особенно ярко проявилось в наступлении, начавшемся 9 апреля во Фландрии. Немцы нанесли удар там, где оборонялись две португальские дивизии. Англичане поставили их на участок, который считали спокойным и безопасным. Германского наступления они тут не ожидали. Вдобавок смежные участки были заняты английскими дивизиями, потрепанными в ходе предыдущего насту-

пления немцев. Британское командование отправило их сюда для отдыха и переформирования... К вечеру 9 апреля португальские дивизии перестали существовать, а за ними в общий отход устремились и англичане, на которых уже второй раз за месяц обрушивался немецкий шквал огня и стали. Но германский прорыв удалось локализовать подтянутыми резервами. К концу апреля наступление остановилось. Всех поставленных целей немцы не добились и здесь.

К началу лета германское командование перенесло главные усилия на центральный участок фронта. 27 мая началось наступление на реке Эна в стратегическом направлении на Париж. Снова жертвами первого немецкого удара стали те же злополучные британские дивизии, переведенные на этот участок из Фландрии в надежде на спокойную жизнь... Снова прорыв был стремительным и глубоким. За неделю немцы на фронте в 80 км вклинились в стратегическую оборону противника на 60 км, вдвое сократив расстояние, отделявшее их от Парижа. Союзники лишь большим напряжением сил смогли остановить немецкий натиск. 9 июня немцы атаковали на соседнем участке в том же направлении, но за неделю имели лишь тактический успех.

За три месяца последовательных наступательных операций германские войска нанесли ряд тактических поражений и чувствительные потери англичанам и французам, захватили значительную территорию. Для морального подавления противника немцы начали обстрел Парижа из специально сконструированного для этого дальнобойного орудия. Однако сокрушительной победы не было. Удлинение фронта в результате немецких вклинений больше истощало силы немцев, которые начинали заметно таять, тогда как к союзникам каждую неделю из-за океана прибывали крупные пополнения.

Германская пропаганда максимально использовала успехи весенних наступлений 1918 г. Газеты пестрели сообщениями о десятках тысяч пленных, многочисленных трофеях, захваченных городах. Многие начинали верить в скорую победу Германии. Некоторые российские правые и либералы, вроде Милюкова, в расчете на это принялись строить свои полити-

ческие планы. Однако от взора внимательного наблюдателя не могло укрыться, что, несмотря на переносимые удары, сопротивление союзников не ослабевает. Более того, от наступления к наступлению немецкие успехи становятся все меньше, а сами наступления с каждым разом выдыхаются все быстрее.

Тем не менее в июле германское командование предприняло последнюю попытку склонить чашу весов войны в свою пользу. А что ему еще оставалось делать? Но наступление, начатое 15 июля в районе Реймса, захлебнулось за три дня ожесточенных боев.

18 июля 1918 г. началось контрнаступление французов на Западном фронте. С этого момента стратегической инициативой окончательно овладела Антанта.

К 4 августа союзники отвоевали территорию, которую немцы захватили в двух предыдущих наступлениях, начиная с мая 1918 г. У французских историков эти события получили название Второй битвы на Марне (в отличие от битвы на Марне 1914 г.).

Вслед за этим 8 августа последовал новый мощный удар английских и французских армий восточнее Амьена. Он привел к отступлению немцев к началу сентября на те позиции (линию Гинденбурга), с которых начиналось германское наступление в марте. Меньше, чем за два месяца немецкие войска потеряли более полутора тысяч артиллерийских орудий и 135 тысяч человек одними лишь пленными.

Наступления союзников начинались по общей схеме. Под прикрытием «огневого вала», а иногда и вовсе без артиллерийской подготовки, массы пехоты двигались в атаку, обязательно предшествуемые множеством танков и сопровождаемые крупными силами авиации. 18 июля впереди десяти атакующих французских дивизий на участке шириной 26 км наступали 235 танков. 4 августа атаку одиннадцати английских дивизий на участке шириной 18 км поддерживали 420 танков. Прорыв фронта приводил к отходу германских дивизий на соседних участках. Устойчивость фронта рушилась, организовать оборону удавалось только на заблаговременно подготовленном рубеже, оторвавшись от наседавшего противника.

8 августа 1918 г. стало «черным днем» германской армии. По давно ставшему хрестоматийным свидетельству генерал-квартирмейстера германского главного полевого штаба генерала Эриха Людендорфа, в этот день «неприятель глубоко ворвался в наш фронт. Находившиеся там дивизии позволили себя совершенно опрокинуть. Штабы дивизий были захвачены врасплох на своих стоянках неприятельскими танками... От командиров дивизий и строевых офицеров я услышал о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые считал невозможными в германской армии: наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, части в сомкнутом строю складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: "Штрейкбрехеры! Вам еще мало войны? " Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния и плыли по течению».

Симптомы усталости и деморализации германской армии, усилившиеся от внезапной измены ей боевого счастья, стали угрожающими. 14 августа 1918 г. на совещании немецкой штаб-квартиры в Спа (Бельгия) кайзер Вильгельм II принял принципиальное решение добиваться приемлемого мира. Но как это было сделать?

Только спустя четыре недели, 11 сентября 1918 г. германское руководство предприняло практические шаги к перемирию. Оно обратилось к посредничеству нейтральных Нидерландов. Однако никакого ответа Германия получить еще не успела, как 14 сентября австрийский кайзер Карл I открыто обратился к Антанте с сепаратным предложением мира. Четверной союз начал раскалываться. Но союзники не ответили на эти обращения. Они сперва хотели добиться военных успехов, чтобы диктовать свои условия перемирия.

Большие потери войск Германия уже не могла восполнить: людские резервы были исчерпаны. Разбитые дивизии приходилось сливать по несколько штук в одну. Число немецких дивизий на Западном фронте с июля по ноябрь 1918 г. уменьшилось с 200 до 180, несмотря на переброску еще пяти дивизий с Укра-

ины. Количество войск союзников меж тем возросло с 205 до 222 дивизий.

Но и у Антанты далеко не все обстояло благополучно. Людские ресурсы Франции находились в таком же истощенном состоянии, как и у Германии. Правда, Франция могла черпать «пушечное мясо» из своих африканских колоний, что уже давно и делала. Но боевая ценность сенегальских и марокканских стрелков была все-таки ниже, чем коренных французов, воевавших за отечество. По мере наступления союзных войск к германской границе протяженность линии фронта сокращалась. А это позволяло немцам уплотнять боевые порядки и создавать более насыщенную оборону. Наращивание живой силы союзников могло происходить только за счет непрерывно прибывавших американских войск. Это создавало перспективу того, что США и Англия совместными усилиями могут по окончании войны лишить Францию многих желанных плодов победы. Британский премьер Ллойд-Джордж настаивал на том, чтобы до 1919 г. вообще уже не предпринимать никаких крупных наступательных операций.

В этих условиях французский маршал Фердинанд Фош решил торопиться. Еще 3 апреля 1918 г. в обстановке угрожающего германского наступления союзники впервые с начала войны создали наконец объединенное командование на Западном фронте. Главнокомандующим стал Фош. Однако и теперь командующие отдельных союзных армий, как американский генерал Джон Першинг, заявляли о своей независимости. С большим трудом Фошу удалось убедить союзников принять его план генерального наступления на осень 1918 г.

Главный удар в этом наступлении должна была наносить как раз 1-я американская армия из района Вердена в направлении на Мезьер. Фош предпочел бы, чтобы на этом направлении наступали более испытанные французские или английские войска. Однако данный участок фронта занимали американцы, а на крупные перегруппировки у союзников времени не было. Удар американцев должен был создать угрозу стратегическим коммуникациям германских войск, путям их отхода из Фран-

ции и Бельгии. Правда, если бы наступление было нацелено не на Мезьер, а восточнее — на Седан или Монмеди, это могло привести к еще более глубокому стратегическому охвату германского фланга. Но Фош, очевидно, счел такую задачу слишком сложной, чтобы возлагать ее выполнение на американцев.

Германские войска, согласно плану Фоша, должны были не окружаться, а вытесняться на территорию рейха серией коротких последовательных ударов. При этом командование союзников готовилось к тому, что война продлится еще долго. Возможно, придется воевать даже на территории Германии. На границе рейха союзники ожидали встретить мощную линию укреплений. Для их прорыва французские военные инженеры уже разработали, а французская промышленность построила гаубичный многопулеметный супертанк FCM 2C, до 1945 г. остававшийся самым тяжелым танком в мире (боевая масса 70 тонн!). Но принять участие в боях Первой мировой войны ему уже не пришлось.

Туманные стратегические перспективы Антанты внезапно прояснились в сентябре 1918 г. Решающий успех пришел не на главном, а на второстепенных фронтах. Там один за другим стали выпадать из строя союзники Германии.

15 сентября 1918 г. армии Антанты начали наступление на Балканском фронте. Здесь 32 дивизиям союзников (10 греческих — Греция вступила в войну в июне 1917 г.; 8 французских, 6 сербских, 4 британских, 4 итальянских) противостояли лишь 14 дивизий Четверного союза (12 болгарских, 1 германская, 1 австрийская). Решающую роль в прорыве сыграли сербские войска. За две недели союзные армии вбили глубокий клин в расположение противника. Сербы заняли Скопье (нынешняя столица Македонии). Болгары были совершенно разгромлены. 29 сентября 1918 г. Болгария подписала капитуляцию.

Согласно условиям перемирия, Болгария демобилизовала всю армию, за исключением трех дивизий. Все «лишнее» вооружение передавалось Антанте. Войска союзников к тому же получали право свободного передвижения через болгарскую территорию. В Болгарии начался серьезный внутриполитиче-

ский кризис. Уже 3 октября болгарский царь Фердинанд вынужден был отречься от трона.

Теперь, после разгрома Болгарии, армии Антанты могли наступать сразу в трех стратегических направлениях: 1) с юга через Сербию на Австро-Венгрию, 2) через Болгарию на Стамбул, 3) через Болгарию на Румынию с выходом в тыл германским и австрийским войскам на Украине. Все это союзники не преминули сделать. Стратегическая оборона теперь уже снова Тройственного союза стала рассыпаться как песочный зáмок.

Тем временем совершились решающие события и на фронтах Османской империи. 19 сентября началось наступление британских колониальных войск в Палестине и Иордании. Прорвав турецкий фронт, английское командование бросило на тылы турок всю свою конницу. Библейские места стали свидетелями одного из заключительных сражений Первой мировой войны. Уже 21 сентября, делая суточные переходы по 40 миль, английская кавалерия вошла в Назарет, в то время как основная масса турецких войск была еще у Наблуса. В Иордании восставшие арабские племена, поднятые британским агентом полковником Лоуренсом, отрезали пути отхода турок на родину. До конца сентября турецкие армии в этом районе были рассеяны. 1 октября англичане вошли в Дамаск. 7 октября французские военные корабли встали на рейде Бейрута. До конца октября вся Сирия была для турок потеряна. Еще раньше турки потеряли Месопотамию.

После ликвидации Балканского фронта союзники получили возможность наступать на Стамбул со стороны Европы. Турция оказалась в стратегическом окружении. Ее наиболее боеспособные войска завязли, оккупируя Закавказье. Сил у турок отразить движение союзников на Стамбул не было. Турция запросила перемирия. Оно было подписано 30 октября 1918 г. в бухте Мудрос острова Лемнос (ныне принадлежит Греции) в Эгейском море на борту английского крейсера «Агамемнон».

По условиям капитуляции турецкие войска оставляли все территории Османской империи, кроме Анатолии. При этом в Аравии, Месопотамии и Сирии они должны были сложить ору-

жис. Союзный военный флот получал право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. В залог безопасности этого прохода союзники оккупировали береговые укрепления в Проливах. Войска Антанты получали право свободных перевозок по турецким железным дорогам.

Еще 26 сентября 1918 г. союзники начали генеральное наступление на Западном фронте. Оно развивалось очень медленно. Немецкие войска под сильным нажимом противника отходили от рубежа к рубежу в полном порядке. Но их дух был сильно угнетен усталостью от войны, полной стратегической бесперспективностью, явной неизбежностью поражения, постоянным отступлением.

29 сентября 1918 г., в тот самый день, когда капитулировала Болгария, Людендорф в категорической форме заявил, что германская армия не может больше воевать. 5 октября германское правительство объявило о своем согласии заключить мир на основе «14 пунктов» президента США Вильсона. 8 октября был получен ответ: в качестве предварительного условия мирных переговоров германские войска должны очистить оккупируемые области Франции, Бельгии, а также Эльзас и Лотарингию, захваченные у Франции в 1871 г. Эти условия в тот момент были расценены в Берлине и германской военной штаб-квартире как неприемлемые.

К 20 октября немецкие войска отступили на позицию «Герман, Гундинг, Брунхильда, Кримхильда», шедшую от Гента вверх по Шельде до Валансьена, далее по дуге до Ретеля на Эне, вдоль Эны до Вузье, оттуда до Консенвуа на Маасе. При других условиях союзникам пришлось бы сильно потрудиться, чтобы взломать эту оборонительную линию. Но моральные ресурсы для сопротивления у немцев были исчерпаны. Главное было то, что Германия теперь по сути оставалась одна, без союзников.

Безнадежным стало стратегическое положение Австро-Венгрии. Со стороны Сербии и Болгарии на нее надвигались армии Антанты, а сил противостоять им там у Дунайской монархии не было. Уже 19 октября французы были в Видине на

болгаро-румынской границе в непосредственной близости от австро-венгерской территории. 25 октября 1918 г. началось наступление итальянцев. Фронт итальянской армии после ее разгрома в октябре — ноябре 1917 г. подпирали англо-французские войска. В мае 1918 г. австро-венгерская армия попыталась было снова сокрушить итальянцев, но потерпела неудачу. Теперь итальянцы оправились и осмелели настолько, что почувствовали себя в силах сами нанести удар.

26 октября ушел в отставку Людендорф. На следующий день германское руководство заявило о согласии на выдвинутые ранее Антантой предварительные условия. Но союзники снова не торопились заканчивать войну. Каждый день приносил им радостные известия, свидетельствовавшие о полном развале вражеской коалиции.

28 октября в Праге была провозглашена независимость Чехословакии, а 29-го в Загребе — независимость Хорватии. Двуединая империя стремительно рассыпалась. Ее чешские и югославянские солдаты отказывались воевать. В тот же день Австро-Венгрия запросила у Италии перемирия. 1 ноября сербская армия под ликование народа вступила в Белград. 3 ноября командование армии уже фактически несуществующей империи Габсбургов подписало акт о перемирии.

В тот же день восстали матросы германского ВМФ в Киле на Балтике. В Германии началась революция. 5 ноября германское командование под влиянием новых военных успехов союзников решило отвести войска на Антверпен-Маасский оборонительный рубеж.

Тем временем командование союзников решило поторопиться использовать сговорчивость немцев. Кто бы поручился, каким будет правительство, которое придет к власти в Германии после революции? 5 ноября союзники объявили, что согласны принять германскую делегацию, уполномоченную подписать условия перемирия. 7 ноября германские представители прибыли в Компьен в штаб-квартиру маршала Фоша.

9 ноября германский кайзер Вильгельм II выехал в Нидерланды (где только 28 ноября официально отрекся от трона).

11 ноября 1918 г., уже при новой власти в Германии, было заключено перемирие в Компьенс, завершившее войну в Европе.

Условия, подписанные германскими представителями во главе со статс-секретарем Матиасом Эрцбергером, были очень тяжелы. По существу, это была капитуляция. Германия была обязана выдать победителям все свои подводные лодки, 1700 боевых самолетов, 8000 артиллерийских орудий (из них 2500 — крупных калибров) и минометов, 25 тысяч пулеметов, большое количество автомобильного и железнодорожного транспорта, разоружить и интернировать надводные военные корабли. Кроме того, германские войска в течение 15 дней обязаны были оставить не только оккупированные ими территории Франции, Бельгии и Люксембурга, но также Эльзас и Лотарингию, входившие в состав Германской империи. В течение месяца должна была быть также очищена германская территория на левом берегу Рейна. Оставляемые германские территории оккупировались войсками Антанты. На правом берегу Рейна создавалась нейтральная полоса шириной 10 км.

Последние выстрелы Первой мировой войны смолкли 14 ноября 1918 г., когда в Богом забытой африканской глуши в Северной Родезии (ныне Замбия) англичанам сдался колониальный отряд легендарного немецкого полковника Леттова-Форбека, два года партизанивший в британских и португальских владениях в Восточной Африке.

Война, длившаяся четыре года и три с половиной месяца, закончилась. Германская армия не была разгромлена. Войска союзников не одержали на Западном фронте ни одной полноценной победы, не провели ни одной по-настоящему успешной стратегической наступательной операции. Все «победы» союзников на Западе, как-то Первая и Вторая битвы на Марне, были, по существу, неудачами выполнения стратегического замысла германских войск при несомненных тактических победах немцев. За всю Мировую войну солдаты неприятельских армий вступали на территорию Германии только в 1914 и начале 1915 гг. на границе Восточной Пруссии. Это были русские солдаты. Германская армия

на Западном фронте капитулировала, целиком находясь еще, на земле противников.

Главным фактором поражения Германии стало нарастание революционного кризиса в тылу ее союзников и ее самой. Важнейшим условием обострения этого кризиса явилась большевистская революция в России. Наступление кризиса было значительно ускорено таким последствием Брестского мира, как оккупация части территории России войсками Германии и ее союзников. Таким образом, решающий удар, сокрушивший кайзеровскую Германию на фоне ее общего истощения от войны, нанесла ей русская революция. К рассмотрению этого мы теперь непосредственно и переходим.

Конец кайзеровской Германии

Большевики загодя готовились к революции в Германии и походу на Запад. Через прозрачную российско-украинскую границу переправлялись деньги и оружие для коммунистического подполья. В демилитаризованной зоне на границе формировалась армия Украинской Советской республики во главе с Антоновым-Овсеенко. В Москве был образован Центральный военно-революционный комитет Украины. Осенью 1918 г. он перебрался поближе к театру будущих военных действий — в Курск.

Разложение германской армии на Востоке происходило быстрее, чем на Западе. Уже 1 мая 1918 г. немецкие солдаты и матросы попытались провести первомайскую манифестацию в прибалтийском Ревеле. 9 июля, в разгар германского наступления на Западе, Людендорф представил секретный доклад кайзеру, где говорилось о резком падении дисциплины в войсках, особенно в тех, которые перебрасываются на Запад с Востока. 5 августа в Севастополе по приговору германского военно-полевого суда были расстреляны 80 участников митинга, который немецкие солдаты и матросы устроили совместно со своими русскими «камрадами» из «армии» и «флота» марионеточного крымского правительства. В сентябре на Украине одно за другим следовали восстания немецких солдат, отправляемых

на Западный фронт. В Киеве, в Ровно солдаты отказывались грузиться в эшелоны, убивали своих офицеров. 29 сентября на вокзале Киев-товарный было застрелено 12 германских офицеров. По солдатам был открыт пулеметный огонь, после чего оставшихся в живых удалось загнать в вагоны.

Правящие круги Германии всю вину взваливали на большевистскую пропаганду. Не правда ли, знакомая картина? Точно так же годом раньше правящие круги России пытались объяснить работой кайзеровских агентов рост популярности большевистских лозунгов... 4 ноября германская полиция конфисковала весь дипломатический багаж миссии РСФСР под тем предлогом, что там находилась подрывная литература. 5 ноября посол Германии в Москве передал наркому иностранных дел Чичерину ноту о разрыве дипотношений кайзеровским правительством. Впрочем, жить этому правительству оставалось уже недолго.

7 ноября 1918 г., когда исход революции в Германии был еще неясен, Ленин с трибуны 6-го Всероссийского съезда Советов иронизировал над поведением кайзеровских властей: «Германское правительство превосходно знало, что в русском посольстве пользовались гостеприимством германские социалисты... которые сочувствовали Карлу Либкнехту... И если теперь правительство делает этот жест, то не потому, чтобы что-нибудь изменилось [в этом плане], а потому, что оно раньше считало себя более сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, зажженного на улицах Берлина, загорелась вся Германия. Германское правительство потеряло голову и, когда горит вся Германия, оно думает, что погасит пожар, направляя свои полицейские кишки на один дом»[274].

Здесь мы снова не можем не обратиться к гипотезе о якобы решающей роли «немецких денег» в приходе большевиков к власти в России, чтобы показать ее абсурдность. Делать ставку на большевистскую революцию в своем стремлении добиться поражения России было бы со стороны кайзеровских генералов и дипломатов самоубийственной глупостью. Они обязаны

[274] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 37. С. 150.

были понимать, что пропаганда революционного прекращения империалистической войны не может не затронуть германскую армию. Вряд ли они настолько переоценивали невосприимчивость немецкого солдата к революционным лозунгам. Максимум, чего они хотели бы от своей агентуры в России — подрыва обороноспособности России. Но так, чтобы мир с Германией заключало «нормальное» российское правительство, а не такое, которое провозгласило своей целью мировую революцию.

Чтобы привести к власти столь радикальную партию, как большевики, в такой стране, как Россия, кайзеровские стратеги должны были мастерски владеть политическими технологиями. Чтобы такое политическое искусство сочеталось у них с такой политической же глупостью, что они были не в состоянии предвидеть негативных последствий своих экспериментов для самих себя, — в это просто невозможно поверить. Остается лишь одно — считать, что большевистская революция произошла исключительно благодаря внутренним российским причинам (конечно, под влиянием фактора Мировой войны). На чем и строятся все наши рассуждения в этой книге.

Точно так же бессмысленно объяснять Ноябрьскую революцию 1918 г. в Германии происками большевиков или Антанты. Это был закономерный итог внутриполитического кризиса, развившегося в Германии в ходе затянувшейся бесперспективной войны.

9 ноября 1918 г. был образован Берлинский Совет рабочих депутатов. На следующий день он провозгласил создание правительства. В его названии — Совет народных уполномоченных — отчетливо слышалось эхо русской революции. В него вошли лидеры социал-демократической и независимой социал-демократической немецких партий — аналогов российских партий меньшевиков-оборонцев и меньшевиков-интернационалистов.

Компьенское перемирие объявляло лишенным силы Брест-Литовский мирный договор. Спустя два дня, 13 ноября 1918 г. Всероссийский ЦИК Советов своим декретом тоже аннулировал Брестский мир. Почему советское правительство не сдела-

ло этого раньше, до формального подписания Германией условий капитуляции на Западе, но когда уже шли переговоры и в Германии разворачивалась революция? Например, Румыния, заключившая весной 1918 г. сепаратный Бухарестский мир с Германией, 10 ноября 1918 г. разорвала его и приобрела право сидеть за столом послевоенной мирной конференции как один из победителей. Быть может, и Советская Россия получила бы туда доступ, если бы она до 11 ноября 1918 г. успела объявить войну Германии?

Конечно, главной причиной, почему большевики не ставили себе целью оказаться за этим столом, было их принципиальное неприятие участия в «сговоре империалистов», собиравшихся после войны грабить и делить побежденные ими Германию, Австрию, Венгрию, Болгарию, Турцию. Аннулирование Брестского мира было со стороны большевиков прежде всего пропагандистским актом. Тем более что и теперь Советская Россия не собиралась воевать с Германией. Больше похоже на то, что руководство большевиков планировало... революционный поход в Европу Красной Армии совместно с восставшей германской армией, в которой повсюду возникали Советы солдатских депутатов. И некоторое время ждало выявления политического лица нового германского правительства. Ждало, в частности, того, что оно (или будущее, которое сменит его в дальнейшем ходе революции) не признает Компьенское перемирие и объявит Антанте «революционную войну», в которой Советская Россия станет естественным союзником революционной Германии.

Об этом свидетельствуют строки декрета ВЦИК: «...Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал, таким образом, под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров… На место империалистического мира должен прийти социалистический мир, заключенный… трудящимися массами народов России, Германии и Австро-Венгрии… Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские Советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими Советами,

будут сотрудниками и союзниками трудящихся в осуществлении этих задач...»[275]

Политическая обстановка в Германии в конце 1918 и всю первую половину 1919 гг. характеризовалась крайним динамизмом. Временами казалось, что радикальные левые силы (коммунистическая партия Германии — КПГ — образовалась 1 января 1919 г.) вот-вот придут к власти и Германия последует по пути России. Но этого не произошло, хотя ситуация в Германии вплоть до конца 1923 г. оставалась еще очень нестабильной.

Главной объективной причиной, почему большевизм в Германии потерпел неудачу, обычно называют ту, что в Германии был шире, чем в России, «средний слой» населения, т.е. мелкая буржуазия, враждебная социалистической революции. Это не совсем так. Мелкая буржуазия в лице крестьянства была в России очень многочисленна (более 80 % населения). Но буржуазное по сути движение российского крестьянства против остатков феодального землевладения совпало с движением городского пролетариата. На какой-то момент то и другое стали историческими союзниками. Уникальное совпадение этих двух движений стало той социальной основой, на которой большевики пришли к власти. Немецкое крестьянство было расслоено сильнее, чем русское. Его верхи были социально близки к помещикам. В целом немецкое крестьянство, как указывал еще Карл Маркс, представляло собой консервативную силу, а потому и не могло стать союзником рабочего класса по революции.

Другую важную объективную причину, по которой германская революция не переросла в социалистическую, называют редко, хотя она не менее очевидна, чем первая. Это — исторически обусловленная политическая раздробленность Германии. Россия как единое государство существует с конца XV века. Германия объединилась только в 1871 г., меньше, чем за полвека до описываемых нами событий! Как ни странно, но в Германии значительно сильнее, чем в огромной России, сказывались социально-экономические различия между регионами.

---

[275] Документы внешней политики... Т. 1. С. 565—567.

В России политический централизм был традиционно силен. Поэтому революционные события в главных городах России — Петрограде и Москве — автоматически отражались и в значительной мере предопределяли ход политической жизни по всей стране. Провинция запаздывала по отношению к столицам, но общий тренд всегда происходил в одном и том же направлении. В этом отношении из европейских стран на Россию гораздо больше похожа Франция, чем Германия.

В Германии схожие революционные процессы происходили не одновременно в разных землях-государствах, из которых слагалась эта страна. Благодаря традиционной децентрализации Германии, радикальные политические подвижки находили выражение в переворотах чисто местного масштаба. Так, высший подъем германской революции — переход власти к Советам — имел место в разное время в таких регионах, как «вольный город» Бремен (январь 1919 г.) и «свободное государство» Бавария (апрель 1919 г.). В других землях Германии революционный процесс в эти моменты еще не достигал пика или уже шел на спад. Политическая децентрализация Германии существенно облегчила немецкой буржуазии подавление революции. В связи с этим нельзя не вспомнить, что еще в 50—60-е годы XIX века, когда шел процесс объединения Германии, К. Маркс и Фридрих Энгельс ратовали за создание централизованного, а не федеративного немецкого государства. По тем причинам, по которым немецкому пролетариату была выгодна государственная централизация, немецкой буржуазии она была невыгодна. События 1918—1919 гг. подтвердили правоту этого политического анализа основоположников социализма.

Помимо этих двух главных объективных причин остановки германской революции на полпути, имелась важнейшая субъективная причина — политическая стратегия имущих классов Германии. Немецкая буржуазия учла печальный опыт буржуазии российской и постаралась не повторить ее роковых ошибок. Конкретно это выразилось в следующих действиях:

1. Республиканское немецкое правительство поспешило завершить переговоры о перемирии, начатые кайзеровским пра-

вительством. Война закончилась, армия постепенно демобилизовалась и перестала (хотя не сразу) быть таким катализатором революционных событий, каким служила российская армия.

2. Немецкий аналог российских мелкобуржуазных демократов, «умеренных» социалистов — правые социал-демократы — не побоялся самостоятельно, без либерального «довеска», взять на себя всю полноту власти в первые месяцы после революции. Он также не побоялся провести некоторые важные социальные реформы (установление 8-часового рабочего дня и т.д.), не затрагивавшие основ капиталистических отношений, но серьезно выбивавшие почву из-под ног леворадикальной пропаганды.

3. Немецкие «меньшевики» не стали затягивать с окончательной институционализацией нового политического строя. Они не откладывали выборы в Учредительное собрание, а наоборот, постарались провести их как можно раньше. С 16 по 21 декабря 1918 г. в Берлине прошел 1-й Всегерманский съезд Советов рабочих депутатов. Формально он поступил как временный орган власти, назначив на 11 января 1919 г., уже через два месяца после революции, выборы в Учредительное собрание.

4. Далее, социал-демократы не стали созывать Учредительное собрание в Берлине или каком-то другом крупном политическом и промышленном центре Германии. Учредительное собрание открылось 6 февраля 1919 г. в тихом городке Веймар в Тюрингии, славном тем, что в нем жили Бах, Гёте и Шиллер. По его имени немецкое государство, учрежденное этим собранием и существовавшее в 1919—1933 гг., называется Веймарской республикой. В Веймаре Учредительное собрание могло работать без таких помех, как массовые демонстрации, вооруженные восстания и т.д. 31 июля 1919 г. Учредительное Национальное собрание приняло конституцию Германской федеративной республики.

5. Удачная стратегия немецких социал-демократов выразилась и в том, что они развели между собой рабочие и солдатские Советы, а потом интегрировали те и другие в структуру органов буржуазно-демократического государства, после чего

Советы самораспустились. Всегерманский съезд Советов солдатских депутатов состоялся отдельно от Съезда рабочих Советов, 4—6 февраля 1919 г. С 8 по 14 апреля 1919 г. проходил 2-й Всегерманский съезд Советов рабочих депутатов, на котором было принято решение о поддержке Учредительного Национального собрания.

6. Наконец, поскольку российская практика показала чрезвычайную важность наличия у революции смелых и дальновидных руководителей, германские либералы и социал-демократы поспешили обезглавить большевизм в Германии. Уже 15 января 1919 г. они устроили убийство вождей КПГ — Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

Революционный кризис на завершающем этапе Первой мировой войны и по ее окончании затронул все без исключения воевавшие страны Европы и Азии, а также их колониальные владения. И это не было происками чьей-то «агентуры». Конечно, трансграничная революционная агитация и пропаганда всегда имела место. Но семена этого агитпропа падали-то на благодатную почву. Это был всемирный революционный процесс, на неизбежность которого, как на закономерное следствие Мировой войны, вождь большевиков указал еще в 1914 г.

Лозунг «Сделаем как в России!» зазвучал на разных языках под разными широтами Северного полушария. Русское слово «Совет» вошло во все языки мира. Под влиянием русской революции стали создаваться Советы рабочих и солдатских депутатов и в других странах, помимо Германии. Никогда за всю тысячелетнюю историю России ее политический опыт не влиял столь сильно на политическую практику всего мира. И этого влияния Россия достигла единственно благодаря своей социалистической революции.

На месте Австро-Венгрии возник конгломерат новых независимых государств. Особенно далеко кризис зашел в Венгрии, где тяжелые условия мирного договора, предъявленные Антантой, привели к свержению буржуазных республиканцев. 21 марта 1919 г. возникла Венгерская Советская республика. Она продержалась до 1 августа 1919 г. Решающую роль в ее

свержении сыграли войска внешних интервентов — Чехословакии, Румынии и Югославии, — претендовавших на части венгерской территории. В момент наивысших своих успехов венгерские советские войска вторглись в Чехословакию, где на короткий срок была провозглашена Словацкая Советская республика. Военные поражения привели к очередному перевороту в Будапеште, в результате которого было свергнуто объединенное правительство коммунистов и социал-демократов. Весной и в начале лета 1919 г. существование Венгерской Советской республики оказывало серьезное влияние на выработку военной стратегии РСФСР.

Серьезный кризис поразил Турцию и Болгарию. В Турции, урезанной до этнографических границ, была ликвидирована власть султана-халифа, сначала светская, затем духовная. Турция стала буржуазной республикой. В Болгарии новый царь Борис в 1920 г. был вынужден назначить правительство из представителей Народного земледельческого союза — болгарского аналога российской партии эсеров.

Революционный кризис не миновал и страны-победительницы в войне. Особенно резко он проявился в Италии, где, правда, с запозданием — в 1920 г. — стали образовываться Советы рабочих депутатов. Итальянские социалисты не воспользовались этим движением для взятия власти. В результате многие рабочие и крестьяне отхлынули к фашистам, которые, использовав антикапиталистическую риторику, в конце 1922 г. пришли к власти — в Италии установилась первая в мире фашистская диктатура.

В такой консервативной стране, как Великобритания, еще во время войны правящим кругам пришлось ввести всеобщее избирательное право. В 1924 г. к власти там впервые пришли лейбористы. В США в 1920 г. избирательным правом были наделены женщины.

События Первой мировой войны и влияние российской революции послужили толчком к росту национально-освободительной борьбы в колониях. 13 апреля 1919 г. британские колонизаторы расстреляли в Амритсаре (Пенджаб, Индия) много-

тысячный митинг. Этот расстрел вошел в историю под именем «амритсарской бойни». В 1920 г. партия Индийский Национальный Конгресс во главе с махатмой Мохандасом Ганди объявила о начале кампании ненасильственного гражданского неповиновения британским властям.

По всему миру привычная власть элит была поколеблена. Расчет на социалистическую революцию в других странах, прежде всего — в Германии, вошел важным компонентом в политическую стратегию российских большевиков и оставался таковым по крайней мере до конца 1923 г.

Пакт Фоша — Гинденбурга

Статья 12 Компьенского перемирия предусматривала вывод германских войск со всех территорий, оккупированных ею в пределах бывшей Российской империи. Однако была сделана существенная оговорка: «Когда союзники решат, что для этого настал момент, принимая во внимание внутреннее состояние этих территорий». Это была формула продления германской оккупации России.

Аналогичный принцип был уже применен при подписании капитуляции Турции 30 октября 1918 г. Вывод турецких войск с Кавказа был сопровожден оговоркой: «Если союзники потребуют того при изучении положения на местах». Это означало, что турецкие войска будут продолжать оккупировать Аджарию, Азербайджан и Дагестан до тех пор, пока их реально не смогут сменить там войска Антанты. Главным для Антанты было, чтобы во время интермедии между двумя оккупациями там не оказались какие-либо российские войска, неважно — красные или белые.

Характерен термин, примененный в статье 12 Компьенского перемирия: «территории, составлявшие до войны Россию». Тем самым державы Антанты и Германия договаривались считать Российское государство де-юре упраздненным. Вместо него они видели некое построссийское пространство, на котором руководители Антанты собирались, как на чистом листе бумаги, чертить свои геополитические конфигурации.

Одновременно представители союзников и Германии согласовали между собой секретное дополнение к статье 12 опубликованного текста перемирия. «Момент», когда «союзники решат», что германские войска могут быть выведены из того или иного района России, наступал тогда, когда их могли сменить войска Антанты или войска правительства, признаваемого Антантой и находящегося с ней в дружественных отношениях.

Данное разъяснение статьи 12 было призвано не допустить занятия территорий, оставляемых немецкими войсками, Красной Армией. В равной степени, как показала практика, оно было направлено и против попыток Белого движения завладеть этими территориями. Под дружественными Антанте войсками подразумевались, как выяснилось позже, прежде всего войска национал-сепаратистских режимов.

Соглашение о России между Антантой и Германией, которое мы можем с полным основанием назвать, по фамилиям главнокомандующих войсками, секретным протоколом к пакту Фоша — Гинденбурга, создавало условия для расширения интервенции Антанты и расчленения России.

Уже 13 ноября 1918 г. англо-французский флот вошел в Босфор. 23 ноября корабли Антанты появились на рейде Новороссийска, занятого белогвардейской Добровольческой армией (ДА). 26 ноября англо-французская эскадра прибыла в Севастополь, где приступила к принятию капитуляции у немцев.

«На том основании, что русские суда находились в распоряжении германцев, старший адмирал союзного флота лорд Кольсорн, по распоряжению из Константинополя, отказался передать их русскому командованию. Лучшие из этих судов заняли иностранные команды и подняли на них флаги — английский, французский, итальянский и даже греческий. Все годные к плаванию корабли приказано было отвести в Измит[276] для интернирования. На просьбу Герасимова[277] отпустить хотя бы два-три миноносца в Новороссийск... сменивший Кольсорна

---

[276] Порт в Мраморном море, оккупированный Антантой.

[277] Вице-адмирал А.М. Герасимов — начальник военно-морского управления при главнокомандующем Добровольческой армии.

французский адмирал Леже ответил резким отказом... Французские и английские команды по приказанию Леже топили и взрывали боевые припасы, хранившиеся в севастопольских складах, рубили топорами аккумуляторы и баки подводных лодок, разрушали приборы управления и увозили замки орудий... В то же время началась перепись и реквизиция союзниками русских торговых судов под тем же фиктивным предлогом, что на них развевался временно германский или австрийский флаг»[278], — с горечью писал об этих событиях сам главнокомандующий ДА.

Но Белое движение было заинтересовано в получении конкретной военной помощи со стороны Антанты для борьбы с большевиками. Еще 16 ноября 1918 г. на совещании спецпредставителя ДА генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева (в Мировую войну командовал Румынским фронтом) в Бухаресте с французским генералом А. Бертело, носившим громкий титул «главнокомандующего союзными силами в Румынии, Трансильвании и на юге России», было решено, что союзники отправят в Россию 12 французских и греческих дивизий. Эти войска займут Киев, Харьков и Донецкий бассейн, чем создадут заслон против большевиков, «чтобы дать возможность Добровольческой и Донской армиям прочнее сорганизоваться и быть свободными для более широких активных операций»[279].

12 дивизий Антанты Деникину было мало, и в ответ он запросил Францию о присылке 22 дивизий. В своем подсчете главнокомандующий ДА исходил из того, что немцам и австрийцам требовалось 48 дивизий для оккупации юго-запада России. Войска союзников должны были занять фронт Ямбург — Псков — Орша — Рогачев — Белгород — Балашов — Царицын. Это, собственно, была линия германской оккупации и фронта между Донской и Красной армиями. Не имея возможности своими силами занять это обширное пространство, освобождающееся после ухода немецких войск, главнокомандую-

[278] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. М., 2003. С. 57.
[279] Там же. С. 54.

щий ДА хотел, чтобы союзники в первую очередь не позволили занять его большевикам.

Никуда не деться от такого фундаментального факта российской Гражданской войны: в то время как силы контрреволюции всячески и повсеместно искали (и часто находили) иноземную поддержку, большевики (сознательно или вынужденно — не суть важно) опирались исключительно на внутренние ресурсы самой России. То есть объективно большевики оказывались единственной национально ориентированной, независимой по отношению к обоим международным блокам, силой русской междоусобицы.

Деникин отводил от себя возможное обвинение в том, что он хочет свергнуть большевиков силами иноземных войск. «Силы эти, — писал он французскому командованию, — будут использованы исключительно для прикрытия линии нашего развертывания и для обеспечения наших формирований. Ни в каких активных действиях им участвовать не придется... Нам нужна не столько сила, сколько авторитет дружеской помощи»[280].

Но союзники были не в состоянии помочь белогвардейцам таким количеством войск на юге России. Вместо обещанных 12 дивизий в конечном счете прибыли едва пять. Причина была не столько в том, что они еще не определили для себя, выгодно ли им свергать советскую власть. Значительно важнее было то, что такую массированную интервенцию исключало внутреннее состояние в странах и армиях Антанты. Однако, не имея возможности оказать Белому движению непосредственную военную помощь, Англия и Франция, пользуясь зависимостью Белой армии от военных поставок союзников, стремились прочно экономически утвердиться на юге России.

Широкую известность получила попытка Франции побудить донского атамана Краснова в феврале 1919 г. подписать два кабальных договора. Согласно одному, Краснов должен был признать над собой высшую политическую и военную власть главнокомандующего союзников в районе Средиземно-

---

[280] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 55.

го и Черного морей генерала Л. Франше д'Эспере. Согласно другому, войско Донское обязывалось возместить французским предпринимателям все убытки, понесенные ими в результате перебоя в работе предприятий Донбасса, возникшего вследствие революции и Гражданской войны[281]. Краснов отказался и немедленно поставил о том в известность Деникина, а также Донской войсковой круг. Инцидент способствовал падению престижа союзников в антисоветском движении юга России. Явившийся с соответствующими предложениями к Краснову французский капитан Фуке, по-видимому, превысил полномочия, данные ему его правительством, так как вскоре был отозван.

Германо-турецкую оккупацию Закавказья сменила английская. Англичане, как и их предшественники из враждебной коалиции, поддерживали грузинских и азербайджанских националистов, извлекая материальную выгоду из эксплуатации края, препятствуя проникновению туда белогвардейских войск, конфискуя русское военное имущество, в частности, суда Каспийской флотилии. Единственными, кто протестовал, по свидетельству самого же Деникина, были… рабочие нефтепромыслов и в их числе, несомненно, большевики. «Всякое действие против российской армии, хотя бы и Добровольческой, и Каспийского флота бакинским пролетариатом рассматривается как действие против России»[282], — заявили их делегаты британскому командующему генералу Томсону.

При этом англичане еще запугивали Деникина тем, что в случае их ухода на их место придут итальянцы. «Италия — страна бедная, — доверительно говорил представителю Деникина британский генерал-губернатор Баку Шательворт, — и им нужно поправлять свои финансовые дела. Не знаю наверное, но возможно, что она даже получит мандат [Лиги Наций] на Закавказье». Деникин был вынужден неофициально просить о продлении английской оккупации Закавказья[283].

---

[281] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 106—107; *Краснов П.Н.* Ук. соч. С. 188—189.

[282] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 186.

[283] Там же. С. 255.

Если бы союзники даже ставили своей обязательной целью остановить распространение власти большевиков, то они в этом случае все равно находились в затруднении. Пестрота разнородных политических сил юга России, каждая из которых заявляла себя антибольшевистской, способна была сбить с толку любого наблюдателя. Деникин предъявлял претензии на руководство всем антисоветским движением на юге России. Но, кроме него, было Русское политическое совещание в Париже, созданное эмигрантами — дипломатами, отставными политиками и т.д., и на него ориентировался Совет государственного объединения России — сильная своими связями и капиталами организация консервативных политиков и олигархов, спасшихся от большевиков. Была украинская Директория во главе с Симоном Петлюрой, наследница Центральной рады. Директория воевала также и с большевиками. Французы искренне недоумевали, зачем они будут помогать одной антибольшевистской силе, то есть Белому движению, воевать против другой тоже антибольшевистской силы, то есть украинской Директории. Они настаивали на объединении сил Директории и ДА против большевиков... под французским командованием!

Войска Петлюры 11 декабря вошли в Одессу и заняли весь город, кроме небольшой портовой зоны, объявленной нейтральной. Там расположились экипажи французских кораблей, отряд польских легионеров, пробиравшийся на родину, и небольшой русский офицерский отряд А.Н. Гришина[284], объявивший себя частью Добровольческой армии. 18 декабря добровольцы совместно с подошедшим французским десантом выбили петлюровцев из Одессы.

В последующем зона интервенции несколько расширилась, включив города Херсон и Николаев. Силы союзников в Одесском районе в конечном итоге составили полторы французские, две греческие дивизии и польскую бригаду. Однако их действия не выходили за рамки обеспечения безопасности

[284] В литературе часто титулуется «генералом», так как до этого в Сибирской белой армии получил чин генерал-майора. В Русской императорской армии последний его чин — подполковник.

города и ближайших окрестностей. Политическая обстановка в Одессе оставалась очень сложной. Гришин, действуя от имени командования ДА, начал наводить порядок в городе, насыщенном уголовным и спекулянтским элементом. Против него перед союзниками интриговали деятели крупной российской буржуазии, тесно связанные с теневым капиталом. Французское командование препятствовало Гришину набирать пополнения в ДА.

Одесса не стала плацдармом антисоветских сил на юге России. Войска украинской Директории в январе — феврале 1919 г. были разбиты большевиками, восстановившими советскую власть на Украине. Части Красной Армии стали угрожать Одессе. Со дня на день выявлялось отсутствие боеспособности у союзников: в пригородах Одессы они сдавали позиции при приближении ничтожных красноармейских отрядов. В эту обстановку начальник французского контингента генерал д'Ансельм, действуя про приказанию своего высшего руководства, внес еще больше сумятицы. 13 марта он произвел переворот, официально вступив в командование всеми вооруженными силами в районе Одессы, включая русские, и выслал Гришина в распоряжение Деникина. Переворот предшествовал окончательной эвакуации союзников, которая произошла 6 апреля 1919 г.

Еще 20 марта в Одессу приезжал французский главнокомандующий Франше д'Эспере, одобрил все действия своего подчиненного, после чего выехал в Крым. По словам Деникина, «прием им [русских] военно-морских начальников и членов [крымского антисоветского] правительства отличался грубостью. Он говорил раздраженно о "постыдном поведении русских офицеров, особенно за границей", о русской интеллигенции и буржуазии, которая "прячется за спины армии союзников"... Мы, русские, сами знали хорошо свои вины, но что... давало право им быть нашими судьями?»[285] Большевики, не пользовавшиеся ничьей иноземной помощью для решения задач Гражданской войны, были соответственно избавлены от необходимости выслушивать подобные нотации в свой адрес.

[285] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 430.

Войска союзников в Крыму ожидала та же участь — они были вынуждены окончательно эвакуироваться 28 апреля 1919 г. До этого в Севастополе происходили революционные митинги французских солдат и матросов, требовавших скорейшей отправки на родину. В них участвовали в основном коренные французы, тогда как греки, а также колониальные войска (алжирцы, вьетнамцы и сенегальцы), выполняя приказы командиров, стреляли в митингующих... Так закончилась прямая интервенция Антанты на юге России — неуклюжая попытка одну иностранную оккупацию заменить другой.

Она закончилась так же, как и предыдущая — революционным разложением оккупационной армии. Невозможно было объяснить французскому солдату и матросу, почему, после капитуляции Германии, он и дальше обязан тянуть лямку военной службы на чужбине. Еще неохотнее этот солдат стал бы жертвовать собой в войне против рабочих и крестьян далекой холодной России, к которой не испытывал ни симпатий, ни антипатий, но точно знал, что Советская Россия его родине никак не угрожает.

Немалое число французских военных и политиков считали вредным всякое вмешательство в русскую междоусобицу. Их влиянием Деникин пытался объяснить, почему Франция так и не поддержала решительно Белое движение против большевиков. Между тем те доводы, которые Деникин влагает в уста этой прослойки французской элиты, вполне разумны: «Красные в занимаемых ими пунктах водворяют и поддерживают строжайший порядок. Французов особенно поразил тщательно, по их словам, проверенный факт, что в Киеве, после царившей там анархии, полный порядок был восстановлен в 24 часа. Советские генералы собирают на своем пути офицеров и предлагают им вступить в Русскую армию, сражающуюся за восстановление единой, великой России»[286]. Последнее наблюдение особенно показательно. Оно отражает объективный характер действий Красной Армии зимой 1918/19 г. и весной 1919 г.

[286] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 439.

Иностранная интервенция не оправдала всех тех надежд, какие возлагало на нее Белое движение. Только поэтому Деникин отзывается о ней резко негативно. Здесь он явно пристрастен. Интервенция оказала значительное воздействие на консолидацию антисоветских сил юга России. Только благодаря политическому нажиму западных держав донской атаман Краснов 8 января 1919 г. признал над собой власть генерала Деникина. Так образовались Вооруженные силы юга России (ВСЮР) — крупнейшее военно-политическое формирование Белого движения. Причем это не спасло Краснова, и вследствие дальнейших интриг Деникина против него в феврале 1919 г. ему пришлось уйти с должности донского атамана.

По Компьенскому перемирию Германия должна была предоставить свободный проход судам Антанты из Северного моря в Балтийское и обратно. Зимой 1918/19 г. военные корабли Антанты появились также и у берегов Прибалтики. Здесь они сыграли свою роль в поддержке национал-сепаратистов против Советской России.

Красная Армия идет на Запад

Секретное соглашение Фоша — Гинденбурга о России оказалось мертворожденным. Обе стороны были не в состоянии выполнить его до конца. Антанта не могла полностью заменить своими войсками немцев на всех оккупированных теми землях России. Новые правители Германии после Ноябрьской революции 1918 г. не могли дольше держать силы своей армии так далеко от фатерлянда. Не дожидаясь подхода армий Антанты, они вынуждены были сдавать территорию Красной Армии.

Дальнейшее пребывание германской армии на оккупированной территории грозило ее полным разложением идеями большевизма. Поэтому германское командование приступило к отводу войск. Оно, в целях обеспечения беспрепятственного отхода, заключало на местах соглашения с командованием Красной Армии. Немецкие войска забирали с собой оружие и снаряжение. Советская сторона следила за тем, чтобы немцы уходя не грабили местное население, не расхищали российское

достояние. На практике соглашения соблюдались не всегда. Иногда и красноармейские начальники стремились овладеть немецкими складами оружия, пытались силой подтолкнуть немцев к скорейшему уходу, а чаще даже — к их переходу на сторону Красной Армии «для совместного участия в мировой пролетарской революции». Местами вспыхивали бои. Но по большей части ликвидация германской оккупации была мирной. Это была не чисто военная, а военно-дипломатическая операция.

Даже теперь Советская Россия при всем желании не могла бы принудить немцев одною силой к оставлению занятой территории. В Прибалтике, Белоруссии, Украине, Крыму находились 28 германских дивизий — около 250—300 тысяч штыков. Советские силы «западной завесы», преобразованные в Западную армию и Украинский фронт, насчитывали не более 130 тысяч активных бойцов — вдвое меньше. Понятно, что наступать при таком неравенстве сил советские войска могли лишь с... согласия противника. Но совсем без силового давления с советской стороны немецкие войска могли не сдать российскую территорию Красной Армии, а дожидаться, в соответствии с пактом Фоша — Гинденбурга, своей замены на войска Антанты. Поэтому советская стратегия по вытеснению оккупационных войск заключалась в сочетании мер дипломатических, агитационно-пропагандистских и чисто военных, включая действия партизанских отрядов. Так, уже 25 ноября 1918 г. Красная Армия заставила немцев очистить Псков, 29 ноября — Нарву.

Германская армия, несмотря на революционное разложение, представляла собой грозную силу на Восточно-Европейском ТВД. Одно дело — война на Западном фронте за непонятные солдату цели правящей верхушки. Другое дело — защищать собственные жизни для того, чтобы уйти домой, в фатерлянд. С оружием в руках германский солдат готов был отстоять любые посягательства на свою свободу и честь, с чьей бы стороны они не исходили. Решимость тем более актуальная, что, сразу после Компьенской капитуляции, на оккупированных террито-

риях начались восстания. Чаще всего они происходили под национальными лозунгами.

На Волыни восстание против режима немецкого ставленника Скоропадского поднял Симон Петлюра. Движение, которое он возглавлял, ставило задачей создание независимой Украины. Социальная ориентация петлюровского движения была эсеровской. Восстание, будучи направлено не столько против оккупантов, сколько против власти местной крупной буржуазии и помещиков, ширилось. Это было продолжение русской социальной революции, которая на Украине развертывалась с запозданием и имела свою специфику. На первых порах Петлюра пользовался поддержкой значительной части населения Правобережной Украины. Уже в конце ноября 1918 г. отряды петлюровского атамана Коновальца подошли к Киеву.

Гетман, видя крах своего покровителя — кайзеровской Германии, в новых условиях попытался заручиться дипломатической поддержкой победителя в Мировой войне — Франции. Одновременно, чтобы привлечь на свою сторону русское офицерство (больше защищать гетмана-самостийника было некому), он заявил себя сторонником федерации Украины с Россией, выпустив по этому поводу 15 ноября 1918 г. соответствующий «универсал». Немецкое командование объявило о своем нейтралитете, не желая защищать прогнивший режим Скоропадского. 14 декабря 1918 г. «сечевики» Коновальца вошли в Киев. Взятие Киева сопровождалось массовыми убийствами офицеров-«москалей», имевших несчастье записаться в армию гетмана. Когда же летом 1919 г. Украину начали занимать войска Деникина, то уцелевшие от этой резни пали под подозрение на том основании, что они... служили в войске немецкого ставленника! И им, прежде чем поступить на службу в ВСЮР, приходилось долго очищать себя от обвинений в нелояльности к Белому движению...

Германская армия, как видим, не вмешивалась больше в события Гражданской войны на Украине. Но она еще могла показать зубы. Паустовский оставил в «Повести о жизни» яркое описание одной такой демонстрации:

«Петлюра решил воспользоваться слабостью немцев и разоружить их. Немцы узнали об этом. Утром, в день, назначенный для разоружения немцев, я проснулся от ощущения, будто стены нашего дома мерно качаются... По Фундуклеевской улице молча шли тяжелым шагом немецкие полки. От марша кованых сапог позвякивали стекла. Предостерегающе били барабаны. За пехотой также угрюмо, дробно цокая подковами, прошла кавалерия, а за ней, гремя и подскакивая по брусчатой мостовой, — десятки орудий. Без единого слова, только под бой барабанов, немцы обошли по кругу весь город и вернулись в казармы. Петлюра тотчас отменил свой секретный приказ о разоружении немцев».

После таких «прощальных парадов» германских войск у самостийников надолго пропадала охота с ними сталкиваться.

Между тем немцы очищали русскую территорию. Этому способствовало также то, что советское правительство охотно предоставляло немцам возможность эвакуироваться не через Украину, охваченную восстанием, а через РСФСР. Так, уже 12 декабря 1918 г. было заключено соглашение об эвакуации через РСФСР немецких войск, занимавших город Белгород. Еще 9—10 декабря части Красной Армии вошли в города Минск и Двинск (ныне Даугавпилс). До конца 1918 г. в пределах Прибалтики и Белоруссии они достигли тех рубежей (и даже кое-где перешли их), которые удерживались русскими войсками в 1915—1917 гг. и с которых в феврале 1918 г. начиналось последнее отступление старой Русской армии... Часто это были те же солдаты, которые в ту пору воевали против немцев в этих же самых местах. Это относится, например, целиком к латышским частям РККА.

В новом 1919 г. наступление Красной Армии продолжалось. На Украине оно велось под флагом Украинской ССР, а правительство РСФСР в переговорах с петлюровской Директорией по прямому проводу делало вид, что это — внутреннее дело Украины, в которое оно не вмешивается. В Минске была провозглашена Белорусская ССР. После занятия Красной Армией 6 января Вильно там была (27 февраля) провозглашена объеди-

ненная Литовско-Белорусская ССР. 3 января 1919 г. российские советские войска освободили Ригу. 15 января 1919 г. там была образована Латвийская ССР. Еще раньше в Нарве было провозглашено создание Эстляндской «Трудовой коммуны».

Все эти новые советские республики были независимыми лишь номинально. На деле, подчиненные Москве через руководство партии большевиков, они были частями формировавшегося единого Союза Советских республик. Вооруженные силы Советских республик также были объединены общим главным командованием. Российская держава воссоздавалась на новых основаниях.

Иным путем шло Белое движение, отрицавшее за национальными окраинами и даже за казачьими областями право на автономию. В результате оно восстановило против себя многие потенциально антисоветские силы. «Кто не с нами — тот против нас» — таким на деле оказался принцип Белого движения, его сгубивший. Большевики в самый тяжелый для них период Гражданской войны действовали гибче. «Кто не против нас — тех не трогаем» — таким императивом они руководствовались и победили.

Германское командование и руководство Антанты, видевшее в немецких войсках на Востоке заслон против Советской России, рассчитывало задержать наступление Красной Армии силами прибалтийских, белорусских и украинских националистов, которых спешно вооружали из захваченных немцами русских запасов. Но белорусская Центральная рада оказалась пустым звуком. Солдаты украинской Директории толпами переходили на сторону Красной Армии. Самым боеспособным формированием контрреволюции в Прибалтике оказалась русская белогвардейская Северо-Западная армия во главе с бывшим полководцем Отечественной войны (начальником штаба, фактическим командующим Кавказского фронта) Н.Н. Юденичем.

Быстрое продвижение российских советских войск в Прибалтике встревожило Антанту, которая и в этом районе начала прямую вооруженную интервенцию, послав в Балтийское море военные корабли и транспорты с оружием для национал-

сепаратистов. Уже 12 декабря 1918 г. в гавань Ревеля прибыла британская эскадра. Британское правительство пыталось добиться от буржуазного правительства Эстонии согласия на бессрочную передачу в аренду одного из островов Моонзундского архипелага. Попытки Англии создать свой «Гибралтар на Балтике» были, однако, неодобрительно встречены Францией, опасавшейся такого одностороннего усиления своей союзницы. В Эстонию для борьбы с большевиками началась также переброска финляндских войск.

В соответствии с пактом Фоша — Гинденбурга, Антанта отдала распоряжение германскому командованию не выводить полностью войска с занятой российской территории, а удержаться по крайней мере на линии Либава (Лиепая) — Ковно (Каунас) — Гродно. На этой линии предполагалось остановить продвижение российских советских войск, дать организоваться националистам, а затем перейти в контрнаступление. Эту задачу должен был выполнить добровольческий корпус немецкого генерала Р. фон дер Гольца, составленный главным образом из кайзеровских офицеров и остзейских немцев. Более того, Антанта не препятствовала прибытию сюда добровольцев из Германии, закрывая глаза на это вопиющее нарушение Компьенского перемирия. Руководители Антанты вместе с новыми правителями Германии больше всего боялись появления Красной Армии у ворот революционно бурлившей Германии, на границе Восточной Пруссии.

Под прикрытием немецких добровольческих войск происходило развертывание вооруженных сил Польши. Первые бои Красной Армии с ними вспыхнули на территории Западной Белоруссии уже в первые дни нового, 1919 г. Спустя полтора года польский фронт станет главным для Советской России.

Российские советские войска зимой 1918/19 г. добились крупных успехов на западном направлении. Они овладели большей частью территории Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, взяли Ригу, Вильно, стояли в 30 км от Ревеля. Одно время буржуазное правительство Латвии даже было вынуждено бежать на корабль, приведенный англичанами в порт Ли-

бавы (причем то был конфискованный англичанами у немцев русский корабль). Однако советское наступление не было подчинено единому стратегическому плану, происходило неравномерно и несогласованно на разных направлениях.

Так, уже в январе 1919 г. силам националистов, интервентов и белогвардейцев удалось переломить ход боевых действий в Эстонии. В феврале 1919 г. советские войска были вытеснены за пределы Эстонии. В Латвии и Литве советское наступление продолжалось до весны, когда противник, усилившись, перехватил инициативу. Антанта свои авторитетом сумела обеспечить примирение и более-менее согласованные действия разнородных антисоветских сил на данном участке. 19 апреля польские войска взяли Вильно. 22 мая немецкие добровольческие части овладели Ригой.

События, наступившие весной — летом 1919 года на других фронтах Гражданской войны, вынудили советское командование уделить больше внимания им. 4 марта 1919 г. генеральное наступление на центр Советской России начали белогвардейские армии востока России под руководством вице-адмирала[287] А.В. Колчака, провозглашенного 18 ноября 1918 г. с подачи Антанты «верховным правителем России». Летом 1919 г. развернулось наступление ВСЮР под главнокомандованием Деникина. Эти действия угрожали господству большевиков как таковому, тогда как польские и прибалтийские националисты вовсе не имели намерения идти до Москвы. Поэтому советское руководство могло пренебречь этим фронтом как отныне второстепенным и даже вступило в переговоры с буржуазными правителями Польши и стран Прибалтики. Задачи освобождения Прибалтики и Белоруссии российскими советскими войсками в начале 1919 г. оказались недовыполненными в силу: 1) прямой интервенции Антанты, 2) сохранения, по указанию

[287] В чин полного адмирала Колчака произвел угодливый Совет министров, из которого были предварительно удалены эсеры, сразу после переворота. Последний чин Колчака в императорском флоте — вице-адмирал.

Антанты, в этом регионе реорганизованных боеспособных германских войск, 3) активизации белогвардейских сил.

Успешнее шло освобождение Украины от оккупационных и националистических войск. Уже 3 января 1919 г. Красной Армией был взят Харьков, провозглашенный, как и в конце 1917 года, столицей Советской Украины. 12 января советские войска вошли в Чернигов. 5 февраля 1919 г. петлюровцы были выбиты из Киева. Освобождение Украины и Крыма завершилось весной 1919 г., когда из Одессы и Севастополя ушли французские интервенты. Только на Волыни и в Подолии удержались петлюровские войска. Там они с течением времени были вынуждены войти в подчинение полякам. Продолжение боев на Украине и в Белоруссии составит предмет последней главы книги. Мы тем временем оставим советские фронты и обратимся к международным дипломатическим хитросплетениям вокруг России.

Проект «Принкипо» и миссия Буллита

Принцевы острова, или Принкипо, — небольшой архипелаг в Мраморном море между Европой и Азией, на полпути между Босфором и Дарданеллами в Турции. После Первой мировой войны он был оккупирован войсками Антанты. В начале 1919 г. эти непримечательные острова могли отметиться важным событием в истории России.

18 января 1919 г. в Париже открылась международная мирная конференция. 22 января 1919 г. там же на заседании союзного Совета десяти[288] президент США Вильсон огласил свое «Обращение к русским политическим группировкам»:

«Союзные представители подчеркивают невозможность заключения мира в Европе в случае продолжения борьбы в России. Поэтому союзники приглашают к 15 февраля с.г. все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней, в Европейской России и в Сибири, не более

[288] В него входили президент и госсекретарь США, премьер-министры и министры иностранных дел Англии, Франции и Италии, два представителя Японии с полномочиями министров.

трех представителей от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморное море для предварительных переговоров, где будут присутствовать и представители союзников... Союзники считают, однако, необходимым до переговоров заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий...»

Однако при этом ни одно правительство — ни советское, ни белогвардейские, ни национальные — персональных приглашений на конференцию не получили. Такое приглашение означало бы, что данное правительство признается союзниками де-факто, чего Антанта старалась избежать.

Реакция белогвардейских правительств на инициативу Вильсона была дружной и резко отрицательной: мы за один стол переговоров с большевиками не сядем! Так (в разных вариациях) заявили и Деникин в Екатеринодаре, и Колчак в Омске, и эмигрантское Русское совещание, пытавшееся играть роль координатора Белого движения в самом Париже. Отклики национальных правительств были различными. А вот правительство Советской России однозначно высказалось за участие в конференции.

4 февраля 1919 г. в обращении по радио, адресованном правительствам пяти держав Антанты, правительство РСФСР заявило, что «не получив никакого приглашения» на конференцию, но «узнав, опять-таки из радиотелеграфных обзоров печати, что отсутствие ответа с его стороны истолковывается как отказ дать ответ на это приглашение, Русское Советское Правительство хочет устранить всякое ложное толкование его образа действий». Далее шло обращение непосредственно к великим державам как к подлинным вдохновителям и организаторам контрреволюции в России: «Принимая во внимание, что враги, против которых ему приходится бороться, черпают свою силу сопротивления исключительно из той помощи, которую им оказывают державы Согласия, и что поэтому последние являются единственным действительным противником Русского Советского Правительства, последнее обращается именно к державам Согласия».

Правительство РСФСР выражало готовность рассмотреть на конференции с участием представителей Антанты вопросы,

связанные с уплатой Советской Россией внешнего долга царского и Временного правительств, в том числе натуральными продуктами и сырьем, предоставлением иностранным компаниям концессий на разработку природных богатств России. Правительство РСФСР также не исключало рассмотрения на конференции вопросов о территориальных уступках вновь возникшим на территории России государствам, поскольку таковые «содержатся правительствами Согласия или пользуются их... поддержкой». Ответ заканчивался изъявлением готовности немедленно начать переговоры и просьбой немедленно сообщить правительству РСФСР способ, сроки и пути направления представителей на предстоящие переговоры[289].

В этом ответе отчетливо выражено намерение вести переговоры не с самим Белым движением, а именно с державами Антанты как с равными. Тем самым правительство РСФСР собиралось использовать идею созыва конференции «по примирению в России» как шаг к официальному признанию советского правительства со стороны Антанты. Любые территориальные и экономические уступки новообразованиям и иностранным государствам советское правительство также намеревалось делать как правопреемник прежних российских правительств, на законных основаниях распоряжающийся историческим достоянием России. Вместе с тем четко прослеживается готовность к далеко идущим преференциям, платой за которые должно было стать все то же признание РСФСР де-факто, а потом и де-юре.

Ленин никогда не скрывал, что рассматривал «перемирие» в Гражданской войне как своего рода аналог Брестского мира, только теперь в отношениях с Антантой. В начале 1919 г. Советская Россия по-прежнему находилась в очень тяжелом экономическом и стратегическом положении. Военные успехи зимы 1918/19 г. не ликвидировали смертельной опасности для Российской Советской Республики. Армия Деникина, закончив завоевание Северного Кавказа, могла теперь начать поход на Москву. Колчак справился с кризисом в белогвардейских арми-

[289] Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 2. С. 57—60.

ях востока России и сумел остановить их отступление. В ближайшее время в борьбе на востоке России мог произойти перелом в пользу белых. Активность интервентов на Украине, где наступали советские войска, пока еще оставалась неизвестной величиной.

В этих условиях руководители Советского государства хотели использовать любой шанс для мирной передышки. Они понимали, что такая передышка только укрепит советскую власть. Она пойдет больше на пользу красным, чем белым. Объяснять здесь причины этого явления — значит пуститься в долгие рассуждения о движущих силах Гражданской войны, социальной базе сторон и т.д., а это явно выходит за рамки нашей книги. Поэтому ограничимся констатацией лишь одного, но весьма важного факта.

Свои основные военные успехи белые одерживали на окраинах России, на территориях, существенно отличавшихся от центра по своим социально-экономическим условиям. Конкретно, это были казачьи области юга России и Сибирь. Как только белые армии захватывали слишком большую территорию европейской части России, они начинали испытывать непреодолимые трудности, связанные с организацией нормального управления. Неустройство тыла подтачивало белые армии на волне их военных успехов. Это была закономерность, одинаково проявлявшаяся как на юге, так и на востоке России. Только быстрое движение вперед и взятие Москвы могло дать Белому движению шанс на победу. Белое движение оказалось не способно к практическому государственному строительству. Почему — совершенно отдельный разговор[290]. Просто примем это как подтвержденное практикой правило. Белое движение жило и питалось Гражданской войной. Любая мирная передышка сама по себе его губила. Сами белые это тоже хорошо понимали. Только поэтому они и заявили об отказе от участия в переговорах с большевиками.

---

[290] См. по этой теме, напр.: *Бутаков Я.А.* Белое движение на юге России: концепция и практика государственного строительства (конец 1917 — начало 1920 гг.). М., 2000.

Что касается готовности правительства РСФСР к территориальным уступкам, то оно исходило из того, что значительная часть территории России уже фактически аннексирована иностранными державами — непосредственно или косвенно, путем захвата армиями белогвардейцев и национал-сепаратистов. Поэтому «уступки» означали на деле расширение зоны, находящейся под контролем советского правительства. Выдвигая такое предложение, руководство большевиков исходило, конечно, прежде всего из представления о Советской России как о «плацдарме» для будущей «мировой революции». Но объективно оно вело к укреплению в России единого государственного центра.

Выражая готовность к переговорам, советское правительство прямо указывало на западные державы как на основных виновников длящейся Гражданской войны, в чьих руках реально находится вопрос о ее прекращении. Вместе с тем оно не дало повода обвинить себя в бескомпромиссности позиции, в затягивании Гражданской войны.

Чем руководствовались руководители западных держав, выдвигая проект «Принкипо»? Понятно, что в первую очередь это была уступка общественному мнению их государств. Тем более что в «Обращении» Вильсона содержались заверения в «дружественных чувствах» союзников «к России и русской революции». Для победителей, собиравшихся на Парижской конференции делить завоеванный мир, было важно соблюсти видимость приличия по отношению к России, повисшей на краю бездны по их, союзников, вине в первую очередь.

Но конференция не могла состояться ни при каких обстоятельствах. Запад позаботился о том, чтобы выставить совершенно неприемлемые для советского правительства условия, одновременно свалив на него же ответственность за срыв конференции. Встретив готовность большевиков к уступкам, Антанта выдвинула к ним особые требования: в одностороннем порядке прекратить военные действия против белогвардейцев и националистических правительств и отвести свои войска на всех участках фронта на расстояние 5 км. И лишь тогда Антан-

та обратится с соответствующим требованием к антибольшевистским правительствам[291].

Этим ответом правители Запада полностью обнажили свою роль и намерения в «процессе мирного урегулирования» в России. Во-первых, было подтверждено, что именно они являются подлинными руководителями антисоветского движения. Во-вторых, главной их задачей было воспрепятствовать государственному объединению всей России под красным знаменем. В принципе они были против ее объединения и под бело-сине-красным флагом, но в тот момент такая перспектива вырисовывалась не столь явно.

И все-таки в правящих кругах США и Англии в это время явно наметилось течение к заключению соглашения с большевиками. Речь не шла о признании Советской России. Просто капитал англосаксонских стран стремился использовать трудное положение России для ее экономической эксплуатации. Западных капиталистов не могли не заинтересовать предложения Ленина о концессиях и т.п., содержавшиеся в ноте от 4 февраля 1919 г. Это можно было использовать для широкого экономического проникновения в Россию. Большевиками же эти преференции рассматривались как возможность прорвать кольцо экономической блокады вокруг РСФСР.

В марте 1919 г. в Москву с особой миссией приехал спецпредставитель одновременно президента США и премьер-министра Великобритании Уильям Буллит. Этот тогда еще совсем молодой (28 лет) человек оказался тесно связанным в своей судьбе с Россией. Впоследствии он стал (в 1933 г.) первым послом США в СССР и пробыл на этом посту до 1936 г. Буллит был рупором самых антисоветски настроенных кругов США. Во время Второй мировой войны, вплоть до декабря 1941 г. (объявления нацистской Германией войны США), он призывал к «оружию против СССР». Но он умел хорошо выполнять поручения своих заказчиков. Тогда, в 1919 г., в Москве он встречался с Чичериным и Лениным, обговорил условия мирного

---

[291] *Черчилль У.* Мировой кризис. 1918—1925. (пер. с англ.). М., 1932. С. 110—111.

соглашения с Советской Россией. Меморандум об этом, составленный Лениным и Буллитом, был привезен американским дипломатом в Париж.

Документ, датированный 12 марта 1919 г., содержал в себе как те предложения, которые Буллит привез от имени британского и американского правительств, так и ряд новых, добавленных Лениным. В окончательном виде меморандум предусматривал:

1. Перемирие в Гражданской войне на условиях владения де-факто занимаемыми территориями, отказ на период действия перемирия от любых подрывных действий в отношении противника и от военных перегруппировок, демобилизацию армий.

2. Немедленную обоюдостороннюю политическую амнистию и размен военнопленными.

3. Снятие ограничений на перемещение гражданских лиц и товаров между территориями разных фактических правительств России, а также между Россией и внешним миром, гарантии безопасности для иностранных бизнесменов в России.

4. Обмен полномочными представителями, обладающими дипломатическим иммунитетом.

5. Вывод всех иностранных войск за пределы России.

6. Доступ Советской России к пользованию всеми российскими железными дорогами и морскими портами.

7. Равномерное распределение внешнего долга России между всеми де-факто российскими правительствами сообразно находящимся в их обладании материальным ресурсам, причем вывезенная белогвардейцами из Казани в 1918 г. часть золотого запаса России должна рассматриваться в зачет уплаты Советской Россией своей доли долга.

8. Открытие мирной конференции на нейтральной территории об окончательном урегулировании вопросов, связанных с прекращением Гражданской войны[292].

Категорические требования о выводе иностранных войск, о доступе к железным дорогам и портам и о зачете золотого за-

[292] Документы внешней политики... Т. 2. С. 91—95.

паса в уплату долга были добавлены Лениным к предложениям Вильсона и Ллойд-Джорджа, привезенным Буллитом. В беседе вождя большевиков с эмиссаром союзников было решено, что согласованный меморандум должен быть официально представлен правительствами США и Англии правительству РСФСР до 10 апреля 1919 г.

Однако к моменту возвращения Буллита в Париж намерения его заказчиков изменились. Вильсон отказался принять доклад своего спецпредставителя, а Ллойд-Джордж, ознакомившись с меморандумом, в Палате общин публично открестился вообще от «слухов» о том, будто он пытался установить контакт с большевиками. В советской историографии причиной этому всегда назывались обозначившиеся в это время успехи белых армий в Гражданской войне. Это-де окончательно подвинуло лидеров США и Англии в тот момент сделать ставку на силовое устранение советской власти.

В качестве главного фактора называли успешное наступление армии Колчака. Здесь необходимо сделать существенную поправку. У держав Антанты не могло быть уверенности, что наступление Колчака окажется успешным. И вот почему. Дело в том, что с самого момента своего прихода к власти в ноябре 1918 г. и до мая 1919 г. армия Колчака была лишена возможности получать помощь от союзников. Сразу после провозглашения Колчака «верховным правителем» России забайкальский атаман Г.М. Семенов отказался ему подчиняться и перерезал сообщение по Транссибирской железнодорожной магистрали. Первые транспорты от союзников прибыли к Колчаку только в июне 1919 г. по Северному морскому пути в Обдорск (ныне Салехард) в устье Оби. И только в это время снова восстановилось сообщение по Транссибу, так как Семенов согласился все-таки признать власть Колчака. До этого момента белогвардейские войска востока России были вынуждены пользоваться внутренними ресурсами, а также тем, что еще раньше, летом — осенью 1918 г. было доставлено им из Владивостока. Необходимостью наладить снабжение объясняется, почему главное направление наступления Колчака проходило не на со-

единение с армией Деникина, а на Пермь — Вятку — Вологду: только так он мог получить сообщение с портом Архангельска. И однозначной ставки на успех действий Колчака державы Антанты весной 1919 г. делать не могли.

По-видимому, решение «переиграть» миссию Буллита сложилось у лидеров Англии и США под влиянием трех причин. Первая: критика внутри их стран, осложняемая ходом Парижской конференции. Вторая: неприемлемость требования о полном выводе интервенционистских войск. Третья: необходимость, для открытия успешного переговорного процесса, признать себя стороной, ведшей необъявленную войну против России. Эти причины не были непреодолимыми. Но тогда, весной 1919 г., руководители США и Англии решили, что заключение формального соглашения с большевиками может подождать. Наступление Колчака давало Антанте надежду не на окончательную победу белых, а на затягивание Гражданской войны. А это и было основой стратегии Запада в отношении нашей страны.

Суета вокруг Версаля

Мирный договор, формально прекративший состояние войны между Антантой и Германией, был подписан 28 июня 1919 г. в Зеркальном зале Версальского дворца. Именно там 18 января 1871 г. во время победной для немецкого оружия войны с Францией было провозглашено создание Германской империи. Поэтому-то Парижская конференция, которой предстояло подвести черту под существованием этой империи, открылась в годовщину того дня. Выбирая место для подписания договора, французские политики лишний раз пытались ударить по национальной гордости немцев. Слово Версаль после 1919 г. стало прочно ассоциироваться с периодом между двумя мировыми войнами — периодом весьма зыбкого мира. Оно стало синонимом мира, условия которого почти неизбежно порождают новую войну.

Пять веков назад Никколо Макиавелли писал: «Людей следует или ласкать, или истреблять, так как они мстят за легкие

обиды, а за тяжелые мстить не могут; поэтому оскорбление, которое наносится человеку, должно быть таково, чтобы уже не бояться его мести»[293]. Очевидно, то же самое — в отношении общностей людей, т.е. наций. Победители в Первой мировой войне действовали с точностью до наоборот. Они не оказались настолько великодушными, чтобы простить своих побежденных врагов, позволить им легкой ценой заплатить за свое поражение и не вызвать у них жажды реванша. В то же время та степень ограбления и эксплуатации побежденных, которая была предусмотрена Версальским и другими договорами из той же серии[294], не подрывала до основания возможности Германии восстановить со временем свою военную мощь и силой оспорить навязанный ей мир. В условиях Версальского договора был изначально заложен механизм возникновения новой Мировой войны.

В истории Европы уже была конференция, перед которой стояли те же задачи, что и перед Парижской конференцией 1919—1920 гг.: подвести черту под долгой Мировой войной и не допустить развязывания новой. Это Венский конгресс 1814—1815 гг., завершавший эпоху войн Европы с революционной, потом с наполеоновской Францией. Сравнивая эти два мероприятия, объективный историк не может не отдать пальму первенства политической мудрости вождям «феодально-аристократической реакции» начала XIX века перед буржуазными политиками начала XX столетия. Правда, что многие решения Венского конгресса тоже были продиктованы силой и эгоистическими интересами победителей. Тем не менее они позволили побежденной Франции остаться одной из великих держав и сравнительно легко заплатить за поражение. И хотя отдельные войны в Европе после 1815 г. вспыхивали неоднократно, но новая большая европейская война разразилась только спустя

---

[293] «О государе». Гл. III.

[294] Кроме Версальского договора с Германией, в 1919—1920 гг. на той же Парижской конференции были заключены договоры: Сен-Жерменский с Австрией, Нейиский с Болгарией, Трианонский с Венгрией, Севрский с Турцией.

век — в 1914-м. Это был уникальный период, особенно для России, столетие не знавшей войн на своей западной границе.

О сути Версальского мира как грабительского написано много. О том, что, не уничтожая Германию до конца, победители рассчитывали использовать ее как заслон против большевизма в Европе, тоже написано достаточно. Для нас в данном случае важно, что победители спекулировали на допуске России к участию в Парижской конференции и в подписании Версальского договора. И в конце концов не допустили.

Нельзя точно доказать, что, будь Россия в числе формальных победителей в Первой мировой войне, условия Версальского мира оказались бы более справедливыми, более снисходительными к побежденным, а сам мир вследствие этого — более прочным. И что Второй мировой войны тогда не возникло бы. Ведь все бы зависело от того, в каком состоянии Россия пришла бы к победе. Она могла присутствовать на Парижской конференции в ореоле силы и славы, заняв своими войсками Константинополь. Но она могла оказаться там и как второстепенный союзник, едва дотянувший до победы. И тогда голос России там бы ничего почти не значил. После Февраля 1917 г. у России в лучшем случае оставалась только вторая перспектива. Ну а третья, осуществившаяся в действительности, заключалась в том, что судьбы послевоенного мира решались без участия России.

Вожди Белого движения, однако, долго питали иллюзию (всячески подпитываемую политиками Антанты) того, что, снисходя к их неоднократным заявлениям о «верности союзникам», Россию в их лице все-таки пригласят на мирную конференцию. Едва ли не через все дипломатические акции Белого движения, национал-сепаратистских правительств, российских политических партий (кроме большевиков) в конце 1918—1-й половине 1919 г. красной нитью проходит стремление, вместе или порознь, добиться участия в Парижской конференции. Даже когда условия Версальского мира были выработаны, даже когда они были уже подписаны, инерция продолжала довлеть над сознанием антисоветских лидеров. Вопрос о

допуске на мирную конференцию плавно превратился в вопрос о дипломатическом признании «белой» России. Естественно, и этого не удалось добиться российской контрреволюции у своих западных покровителей.

Зимой 1918/19 г. в Париж потянулись многочисленные делегации: из Омска, из Екатеринодара, из Архангельска, из Ревеля, Риги, Вильны, Киева, Симферополя, Тифлиса, Еревана, Баку — со всех концов необъятной России. Бывшей России... Каждое антисоветское правительство, сепаратистское или выступавшее за «единую неделимую Россию», пыталось выторговать у победителей признание фактическое, а то и юридическое, обнести перед «хозяевами мира» своих соседей и конкурентов, заручиться гарантиями границ, выклянчить помощь, наперебой предлагая за это природные богатства, инвестиционные льготы, базы для размещения войск... Западные политики поначалу были ошеломлены таким неожиданным наплывом огромного количества добровольных вассалов с того Востока, который до войны представлял собой грозную Россию. Теперь же России не было. Она распылилась. Во всяком случае, политики Антанты какое-то время могли тешить себя этой иллюзией и упиваться внезапно открывшимся могуществом.

В обстановке этого невиданного «паломничества» к победителям строились нереальные планы, которые вошли в собрание политических курьезов и наивностей. Для иллюстрации приведем выдержку из далеко не самого фантастического среди этих планов — наказа Деникина представителю ДА в Париже, данного еще 25 октября 1918 г.:

«1. Единство представительства России на мирной конференции, с исключением из него делегатов большевистских и тех территориальных образований, которые в своих основных принципах расходятся с целями Добровольческой армии, то есть по вопросу об единой, неделимой России.

2. Упразднение договоров, заключенных с Германией или ее союзниками. Восстановление нарушенных такими договорами прав, возмещение причиненных этим путем убытков (возврат

золота, военного и торгового флота, предметов вооружения, подвижного состава железных дорог и проч.) …»[295]

Мы видели, как союзники поступили с прежним русским имуществом, доставшимся им, как трофей, от Германии…

Венцом всей этой «суеты вокруг Версаля» стало т.н. «признание Колчака Верховным правителем России» всеми белогвардейскими региональными правительствами. Борьбу за это признание с конца 1918 г. вели, поощряемые в этом отношении союзниками, представители Омска в Париже и Русское политическое совещание там же. Последнее добивалось также того, чтобы оно стало при этом верховным заграничным органом по руководству Белым движением.

Основных аргументов в пользу формального акта о подчинении Колчаку выдвигалось два: 1) только объединенной «белой» России союзники предоставят право участия в мирной конференции; 2) только в этом случае «белая» Россия получит международное дипломатическое признание. Впоследствии, когда постепенно отпали, за их явной нереальностью, как первый, так и второй аргумент, остался третий, самый неотразимый: это необходимое условие, при котором союзники согласны оказывать материальную помощь Белым армиям.

Акт о признании Колчака формальным главой всего Белого движения западные державы использовали для получения от белых, в случае их победы, обязательств за будущую Россию. 26 мая 1919 г. от Верховного совета пяти держав Антанты Колчаку было направлено обращение[296], которое требовало обещаний Колчака: признать независимость фактически существующих правительств в Прибалтике, Средней Азии и на Кавказе, а также аннексию Бессарабии Румынией, согласиться на арбитраж Лиги Наций при определении границ будущей России со всеми отколовшимися государствами.

Это был фактически ультиматум Антанты Белому движению, так как от его выполнения ставилось в зависимость про-

---

[295] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 69.

[296] *Черчилль У.* Ук. соч. С. 116—118.

должение военных поставок Белым армиям. Колчак был вынужден формально согласиться на все требования Антанты. Единственная оговорка, которую он сделал в официальном ответе (3 июня), касалась того, что окончательное решение всех вопросов, связанных как с признанием независимости новых государств, так и с пограничным размежеванием, зависит также от воли будущего российского Учредительного собрания[297].

12 июня 1919 г. Деникин издал акт о своем подчинении «верховному правителю» России Колчаку. Еще раньше аналогичные акты издали командующие белыми войсками на севере и северо-западе России.

В западных столицах и в Токио торжествовали: они добились от Белого движения того, чего хотели. Теперь, после свержения большевиков, будущая Россия должна была скукожиться до размеров Великороссии. Ведь не факт, что, после состоявшегося отделения Прибалтики, Закавказья и Средней Азии, Запад не потребовал бы еще признания независимости Украины и Белоруссии. Сценарий «суверенной демократической Российской федерации» в границах 1991 г. мог осуществиться еще… в 1919 г. Конечно, если бы белогвардейцы победили.

Вместе с тем подписание Версальского мира лишало оправдания присутствие войск Антанты в России. Внутренняя обстановка в странах Антанты также требовала отправки солдат домой. В июле 1919 г. Верховный совет Антанты принял решение об эвакуации войск из России. Только на Дальнем Востоке еще остались интервенты — под предлогом обеспечения эвакуации Чехословацкого корпуса. Да Япония, преследуя свои захватнические цели, отказалась подчиниться решению союзников. Прямая интервенция закончилась, но помощь Белым армиям стала оказываться в еще большем размере.

Правда, осенью 1919 г., когда, казалось, армия Деникина неудержимо движется на Москву, а армия Юденича вот-вот возьмет Петроград, эта помощь внезапно перестала поступать. Запад не был заинтересован в таком быстром окончании Граж-

[297] *Гинс Г.К.* Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. II. С. 234.

данской войны, даже победой белых. Зато когда Белые армии стали откатываться назад, с помощью западных держав им удалось отсрочить свое окончательное поражение и еще на год затянуть Гражданскую войну.

В 1920 г. на передний план у России вышла новая внешняя война, в каком-то смысле ставшая последним отголоском Второй Отечественной.

Глава седьмая

ПОСЛЕДНЯЯ КАМПАНИЯ ВОЙНЫ

«Польша от моря до моря»

Значение Брестского мира как «пирровой победы» Германской империи особенно наглядно выявилось летом 1920 г. Кайзер уже второй год как жил в изгнании за границей. Германия была урезана территориально, ограблена контрибуцией, лишена вооруженных сил. А Россия вновь становилась геополитическим фактором в Европе, и ее армия, теперь уже под красным знаменем, готовилась вступить на немецкую землю...

Русско-польская война 1918—1920 гг. стала для России заключительным актом Второй Отечественной войны, начавшейся летом 1914 г. Мы говорим именно о русско-польской, а не о советско-польской войне, и берем за ее начало 1918 год. Первые бои между Красной и польской армиями произошли в январе 1919 г. в Западной Белоруссии. Но еще раньше, осенью 1918 г., польские войска начали завоевание русских земель — Червонной Руси (Западной Украины) и Белой Руси.

11 ноября 1918 г. в Варшаве было объявлено о создании независимой Польши. Ее фактическим главой стал сотрудничавший с австрийцами и немцами в годы Мировой войны Юзеф Пилсудский. Одной из первых задач нового государства стала территориальная экспансия во всех направлениях.

Возродившаяся Польша претендовала на восстановление ее в границах 1772 г., то есть с Литвой, Белоруссией, Правобережной Украиной. Польская националистическая печать шла

еще дальше и требовала создания «Польши от моря до моря». На севере поляки хотели получить выход к Балтийскому морю, чего и добились очень скоро. По Версальскому миру Польше передавался «коридор» к морю с портом Гдыня, а в южной части Восточной Пруссии должен был пройти референдум о государственной принадлежности. Попутно к Польше от Германии перешел округ Познани и часть Верхней Силезии. А вот Данциг (Гданьск) поляки не получили: хотя город был отторгнут от Германии, но объявлен «вольным» под опекой Лиги Наций.

Самая грандиозная программа приобретений стояла перед Польшей на востоке. «От моря до моря» означало завоевание выхода к Черному морю. Здесь поляки рассчитывали овладеть всей полосой между нижним Днепром и Днестром с портами Одесса, Николаев, Херсон. Они были не против того, чтобы включить в свою державу и Киев, а также всю Белоруссию, если не больше. Ведь принадлежали же когда-то, в XVII веке, Польше и Смоленск, и Чернигов, и Полтава!

«Начальник польского государства» (его официальный титул) Пилсудский понимал, что в век «самоопределения наций» присоединение территорий должно находить какое-то оправдание в этом модном лозунге. Он выступал за создание федерации отпавших от России национальных государств от Балтики до Кавказа. В такой федерации, как он рассчитывал, Польше будет естественным образом принадлежать доминирующее положение, а независимость этих государств станет фикцией. Западный историк польского происхождения наделяет Пилсудского такими замыслами:

«Замкнутая в пределах границ времен XVI в., отрезанная от Черного и Балтийского морей, лишенная земельных и ископаемых богатств Юга и Юго-Востока, Россия могла бы легко перейти в состояние второсортной державы, неспособной серьезно угрожать новообретенной независимости Польши. Польша же, как самое большое и сильное из новых государств, могла бы легко обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор»[298].

---

[298] Цит. по: *Пайпс Р.* Русская революция (пер. с англ.). В 3 кн. М., 2005. Кн. 3. С. 116.

Гегемония Польши от Финляндии до Кавказа — масштабная задача. Недавно возникшее государство отнюдь не отличалось геополитической скромностью. Больше столетия поляки были разделенной нацией под чужеземной властью. А теперь они сами считали себя вправе и в силах навязывать свое господство другим народам, прежде всего русскому. Потому что именно он был главным препятствием на пути новой Польши к указанной цели.

На заре польской государственности, в 1017 (под другим датировкам — в 1018) г. польский король Болеслав I, прозванный Храбрым, воспользовавшись усобицами русских князей, овладел Киевом. Власть его в Киеве была недолгой. Вскоре киевляне восстали против иноземных притеснителей, и Болеслав с польским войском вынужден был бежать из Руси. Спустя девять веков его путь с тем же конечным результатом повторил «маршал» Пилсудский со своими войсками…

Еще летом 1919 г. Польша аннексировала территорию Западно-Украинской народной республики (ЗУНР), возникшей в ноябре 1918 г. на территории бывшей австрийской Галиции. Петлюра, угрожаемый с востока как белогвардейцами, так и большевиками, пошел на соглашение с Пилсудским. Правда, ему пришлось заплатить за него признанием не только Галиции, но и Волыни польскими территориями. Он также признал захват Буковины Румынией. В сентябре 1919 г. Петлюра подписал с Пилсудским перемирие, а 21 апреля 1920 г. — «союзный договор» с Польшей, по которому петлюровская армия временно становилась 7-й (украинской) армией Войска Польского. Еще раньше, 21 ноября 1919 г., Верховный совет Антанты официально предоставил Польше «мандат на управление» бывшей австрийской Галицией сроком на 25 лет.

Используя военные трудности Советской России, ее необходимость отбиваться сразу на нескольких фронтах, поляки летом 1919 г. захватили бóльшую часть Белоруссии, включая Минск и Бобруйск. Однако осенью 1919 г. Пилсудский приостановил наступление. В Микашевичах (Белоруссия) между представителями сторон начались переговоры. Официальное

перемирие не было объявлено, но как поляки, так и большевики взаимно воздерживались от активных военных действий.

Стремление большевиков вступить в переговоры было объяснимо. Красная Армия в это время вела ожесточенные бои, пытаясь остановить наступления белогвардейских армий Деникина и Юденича, угрожавшие самому существованию Советского государства. Казалось, еще немного, маленький нажим — и советская власть рухнет окончательно. Но переговорный процесс отвечал и желанию Пилсудского.

Белоэмигрантские мемуаристы и историки не могли простить Пилсудскому того, что в критический для советской власти момент — осенью 1919 г. — он помог ей удержаться тем, что прекратил против нее военные операции и вступил в переговоры. События следующего, 1920 г., когда Красная Армия едва не взяла Варшаву, и более поздние — осени 1939 г. — они считали справедливой расплатой Польши за ее предательство Белого движения. Деникин еще в середине 20-х годов, как бы провидя то, что случится в 1939-м, писал о походе Красной Армии на Польшу в 1920-м: «Завершила ли этим бедствием историческая Немезида суд свой над деяниями вождей неповинного народа, или это лишь гром перед грозою?»[299] По логике этих рассуждений выходит, что тогда, в конце 1919 г., Пилсудскому следовало поднажать на красных со своего фронта, и в Москву обязательно вступили бы победоносные белогвардейские войска. Но какая выгода была бы от этого Пилсудскому и новой Польше?

По этому вопросу много и верно написано в том духе, что Пилсудский опасался «белой» России куда сильнее, чем России «красной». Первая прочно ассоциировалась с Российской империей, вторая была во многом еще неизвестной величиной. Как бы ни старались вожди Белого движения изобразить себя «демократами», их политика в отношении того же Петлюры доказывала: «единую неделимую» Россию они мыслят только вместе со всей Украиной, Белоруссией, Литвой… Победа белых однозначно клала предел захватническим устремлени-

---

[299] *Деникин А.И.* Ук. соч. Т. 4—5. С. 581.

ям Пилсудского на востоке. За свои цели — Польша как гегемон между Балтикой и Кавказом — ему пришлось бы воевать. Правда, ему и так пришлось воевать в 1920 г. — с Советской Россией. Но победившая «белая» Россия представлялась ему врагом опаснейшим. А «белая» Россия не отдала бы Польше так просто Галицию.

Вдобавок в декабре 1919 г. министр иностранных дел Великобритании Джордж Керзон выступил с декларацией о восточной этнографической границе Польши, названной с тех пор «линией Керзона». Современная восточная граница Польши, установленная после Второй мировой войны, как раз и проходит в основном по «линии Керзона» (с отступлениями кое-где на 5—8 км в пользу Польши). Декларация эта была рассчитана в первую очередь на мирное урегулирование между Польшей и будущей Россией, когда в ней победят белые. То, что она была оглашена уже после того, как пик успехов войск Деникина был пройден и они начали отступление, следует, видимо, отнести на счет обычной «заторможенности» дипломатических кругов. Декларация готовилась в иной обстановке, а когда ее огласили, обстановка уже изменилась, но не пропадать же трудам?

Спрашивается, а как же с декларацией Керзона сочетался мандат, выданный чуть ранее Польше на управление Западной Украиной сроком на 25 лет? Похоже на то, что у политики западных держав в Восточной Европе было две руки, при этом одна не знала, что делает другая. Но это, скорее всего, поверхностное суждение. Более вероятно, что лидеры Антанты обдуманно давали взаимоисключающие обещания, чтобы потом, смотря по выгоде, отказаться от одних под тем предлогом, что они противоречат другим, более приоритетным.

Тогда, осенью 1919 г., Пилсудский рассудил, что Советская Россия для новой Польши — более удобный оппонент, чем «белая», идет ли речь о войне или о переговорах. Да и в социальном плане бывшему революционеру-подпольщику Пилсудскому вожди большевиков были ближе и понятнее, чем бывшие царские генералы (хоть Деникин и был внуком крепостного крестьянина, да и родился в Польше от матери-полячки). Для

большевиков переговоры с поляками были важным тактическим шагом, дававшим необходимую передышку на одном из участков борьбы.

Странно было бы ожидать от Пилсудского, чтобы он руководствовался российскими интересами, пусть даже интересами одной из сторон российской Гражданской войны. С ними его интересы могли лишь временно совпадать. Тогда Пилсудский решил, что выгоды Польши ближе к выгодам красных, чем белых. Его действия можно оценивать лишь с точки зрения польских национальных интересов. В Польше Пилсудский до сих пор считается национальным героем. Во всем ли справедлива ли такая оценка?

Коль скоро Пилсудский ставил своей целью создание Польши «от моря до моря», то он не избежал бы войны ни с какой Россией — ни с большевистской, ни с антибольшевистской. Поэтому оправдан с его стороны был путь наименьшего сопротивления — лучше приобрести переговорами, чем войной. Победившие белые не стали бы обсуждать с Пилсудским вопрос о государственной принадлежности Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины. А перед большевиками, как показывал опыт брестских переговоров, можно было ставить такие вопросы. Вот Пилсудский ставил, причем не однажды, и в итоге решил.

Для достижения поставленной цели действия Пилсудского в 1919—1920 гг. были единственно правильными. Но эта цель… явно превышала возможности Польши на перспективу. Польшу, возродившуюся после Первой мировой войны, в 1939 г. сгубило вовсе не соседство с государством большевиков. А только то, что Пилсудский сумел в значительной мере выполнить свои захватнические цели. Польша в своих этнографических границах, не зарящаяся на украинские и белорусские земли, имела абсолютно все шансы иметь добрым соседом любую Россию — Советскую или антисоветскую. Но это-то как раз поляки в обозримом будущем вряд ли признают…

Перерыв в военных действиях оказался недолгим. В декабре 1919 г. переговоры прервались по инициативе польской сторо-

ны. На это решение повлияли два фактора: 1) предупреждение Франции, что она будет вооружать лишь воюющую польскую армию; 2) низкая оценка польскими военными боеспособности РККА, уверенность их в том, что войной они вернее добьются своего, чем переговорами. Уже в январе 1920 г. польская армия возобновила наступление в Белоруссии. Однако до весны 1920 г. военные действия между Польшей и советской Россией все еще носили ограниченный характер. Процесс строительства вооруженных сил Польши еще не завершился, а главные силы Красной Армии были заняты на других фронтах. События до апреля 1920 г. обычно рассматривают лишь как прелюдию к масштабной русско-польской войне.

Решающий этап русско-польской войны, продолжавшийся с конца апреля до конца октября 1920 г., в известном смысле приближался к «нормальной» войне, если таковой считать Первую мировую. Плотность войск, насыщенность фронта огневыми средствами боя не достигали уровня русско-германского фронта Первой мировой, но превышали таковые на большинстве театров российской Гражданской войны. Сражались между собой две национальные регулярные армии.

К весне 1920 г. Красная Армия стала по факту единственной подлинно всероссийской государственной армией. Армия Колчака в Сибири была уничтожена, сам Колчак взят в плен и расстрелян. Только за Байкалом еще продолжалось сопротивление, опиравшееся на иноземную (главным образом японскую) помощь и не способное преследовать цели общегосударственного размаха. Остатки армии Деникина, командование над которыми принял Врангель, окопались в Крыму. Шансов на победу в общероссийском масштабе они не имели, и их сопротивление лишь затягивало Гражданскую войну, разоряя и истощая Россию. Белое движение окончательно проиграло. Главным фронтом для Красной Армии становился теперь внешний, польский.

В руководстве партии большевиков, как обычно, боролись две тенденции. Разгром Белых армий позволял перейти к мирному строительству социалистической России, чем Ленин со-

бирался заняться еще весной 1918 г. Эта политика нашла выражение в заключении мирных договоров Советской России с соседними государствами, которые могли служить плацдармом антисоветских сил. Еще в феврале 1920 г. РСФСР подписала договор о мире и границе с Эстонией, признав ее независимость. Мирные переговоры начались с Финляндией и Латвией (в течение 1920 г. с ними также были подписаны аналогичные договоры).

Но Советская Россия не отказывалась от своих державных прав и восстанавливала их там, где было возможно. Так, в конце апреля 1920 г. была установлена советская власть в Азербайджане. В августе 1920 г. советские войска вошли на территорию Бухарского эмирата, завершив покорение Средней Азии, начатое царской Россией. В ноябре 1920 г. Советская Россия взяла под защиту от турок Армению. Конечно, это и там сопровождалось свержением националистов.

Расширение сферы советской власти в Закавказье и Средней Азии не было частью стратегии мировой революции, хотя там Красная Армия приближалась к границам традиционной сферы влияния Англии. Но даже Энзелийская операция в Северном Иране (май 1920 г.), закончившаяся провозглашением Гилянской Советской республики (1920—1921 гг.), была лишь восстановлением присутствия Российской империи в этом регионе, который еще по секретному договору с Англией 1907 г. признавался сферой влияния России.

Что касается Польши, то еще 22 декабря 1919 г. нотой наркома иностранных дел Чичерина РСФСР предложила правительству Польши «немедленно начать переговоры, имеющие целью заключение прочного и длительного мира между обеими странами»[300]. Это предложение нельзя рассматривать в отрыве от неоднократно повторявшихся в течение 1919—1920 гг. предложений РСФСР странам Антанты, как вместе, так и порознь, заключить всеобъемлющее соглашение о мире и экономическом сотрудничестве. Советская дипломатия в отношениях с Польшей, как и при заключении договоров с другими

---

[300] Документы внешней политики... Т. 2. С. 312.

соседними странами, посягавшими на русские земли, начиная с Брестского мира, допускала принцип «территории в обмен на мир». Ленин, зная о «линии Керзона», лично дал указание Чичерину обещать Польше более крупные территориальные приобретения[301].

О размере тех уступок, которыми Ленин зимой 1919/20 г. рассчитывал купить мир с Польшей, может дать представление его реплика спустя год по поводу заключения мира с Польшей, по которому к Польше отходили Западная Белоруссия и Западная Украина: «Мы в 1920 году предложили польским помещикам и буржуазии мир на условиях более выгодных, чем они имеют сейчас»[302]. Вполне возможно, что тогда большевики были готовы окончательно примириться с Польшей на условиях «кто чем владеет, то у него и остается». А у поляков это была вся Белоруссия к западу от Днепра и Западной Двины, Волынь и Подолия. Если так, то Пилсудский, безусловно, совершил ошибку с точки зрения империалистических интересов Польши, решив в начале 1920 г. продолжать войну.

Государственническая, прагматическая сторона натуры Ленина в это время ратовала за скорейший мир с буржуазно-помещичьей Польшей. И лишь под влиянием сильного внешнего толчка он мог склониться на сторону перманентного революционера Троцкого. Такой толчок был дан самими поляками. В конце апреля 1920 г. они перешли в наступление с решительными целями на Украине.

Почему Польша не прибегла к столь активным действиям раньше, когда главные силы Красной Армии были связаны на фронтах Гражданской войны? Мы уже видели, что важную роль играла боязнь Пилсудского сыграть этим на руку Белому движению, победы которого в Гражданской войне он опасался больше, чем победы большевиков. Но не только. Поражение Белых армий побудило западные державы сменить адреса в поставках военной помощи антисоветским силам. Если прежде они перестали снабжать армию Деникина по той причине, что

---

[301] Гражданская война в СССР. В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 256.

[302] *Ленин В.И.* ППС. Т. 42. С. 359.

не желали ее полной и скорой победы, то зимой 1919/20 г. присылаемая ей помощь могла в самом скором времени оказаться в руках большевиков. Зачем Антанта стала бы выбрасывать деньги на ветер? Главным получателем помощи от Антанты стала теперь армия Пилсудского, занимавшая стабильный фронт и не выказывавшая признаков разложения. В стратегии Антанты, направленной на истощение России, теперь, после выявившейся победы красных, главным становился внешний по отношению к России фронт, то есть польский. Правда, Белой армии Врангеля, сумевшей удержаться в Крыму, с весны 1920 г. тоже стало кое-что перепадать от союзников. Но она все равно не могла иметь такого стратегического значения, как польская армия.

Зима 1919/20 г. была временем интенсивного вооружения и строительства польской армии. Как обычно в таких случаях, весьма сложно установить точные размеры иностранной помощи поставками оружия, боеприпасов и т.п. Некоторые цифры, приводимые в старых советских изданиях, явно не заслуживают доверия. Так, в одной из книг утверждалось, будто одни лишь США до апреля 1920 г. поставили в Польшу 25 тыс. пулеметов, 200 танков, 700 аэропланов[303]. Если это так, то где же эти танки и самолеты у поляков были, когда шла ожесточенная борьба на фронте? Более заслуживающими доверия считаются у современных историков следующие цифры. Правда, они относятся лишь к одной Франции. Но известно, что именно Франция была главным арсеналом Пилсудского. В течение всего 1920 г. из Франции в Польшу было поставлено полторы тысячи артиллерийских орудий разных калибров, почти триста аэропланов, 2600 пулеметов, 327 тыс. винтовок[304].

В апреле 1920 г. общая численность польской армии определялась в 738 тыс. человек, а в ходе войны к концу года она

[303] *Зуев Ф.* Международный империализм — организатор нападения панской Польши на Советскую Россию. М., 1954. С. 99—100.

[304] *Какурин Н., Меликов В.* Гражданская война в России: Война с белополяками. М.; СПб., 2002. С. 70.

достигла 1,2 млн[305] Однако далеко не вся она представляла собой активную боевую силу. Все армии, возникавшие на просторах бывшей Российской империи, в силу общего упадка государственной организации, испытывали огромный дисбаланс между боевым и небоевым элементом в пользу последнего. «Штыков и сабель» во всей польской армии в апреле 1920 г. насчитывалось 148,8 тыс.[306], т.е. 1: 5 от общей численности. Пропорция примерно такая же, что установленная нами в предыдущей главе для Красной Армии (1: 6). Что же касается войск, действовавших против Советской России, то тут доля боевого элемента была выше. На примерно половину всех польских вооруженных сил, которая была брошена на Восточный фронт, приходилось 114,2 тыс. «штыков и сабель»[307], т.е. 31 % ее общей численности и ¾ всего боевого элемента польской армии.

Характерно, что половина всей польской армии, в том числе ¼ «штыков и сабель», была оставлена против других вероятных противников Польши — Германии и Чехословакии, а также для подавления народных волнений внутри страны. В предыдущей главе мы приводили цифры численности Красной Армии, в том числе действующей и боевого элемента в ней. Из них выходило, что две трети РККА было занято в тылу для обеспечения порядка и безопасности государства. Отсюда легко было бы сделать вывод, что советская власть держалась главным образом «на штыке». Однако здесь нельзя усмотреть никакого существенного отличия ни от главного противника большевиков в Гражданской войне — Белого движения (см. там же), ни от «демократической» Польши. То, что в советском тылу находилась не половина, как у поляков, а две трети всей армии, легко объясняется огромными размерами России.

Приводимое там же соотношение боевого элемента к небоевому как 1: 1 в целом по действующей Красной Армии в 1920 г. вызывает сомнения, учитывая, что в действующей польской армии «штыки и сабли», т.е. реальные бойцы, состав-

[305] *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 67—68.

[306] Там же. С. 102.

[307] Там же. С. 93.

ляли всего лишь 30 % ее численности. Данные по советским войскам, действовавшим в 1920 г. против Польши, дают примерно такую же картину. Так, в боевом составе Юго-Западного фронта на 20 марта 1920 года из общего количества 82,9 тыс. человек насчитывалось лишь 28,6 тыс. «штыков и сабель», т.е. 34,5 %. В боевом составе Западного фронта на 1 апреля 1920 г. из 128,4 тыс. «едоков» было всего 58,8 тыс. бойцов, т.е. 45,8 %. 29 апреля 1920 г. в составе армий Юго-Западного фронта, действовавших против Польши, насчитывалось лишь 15,6 тыс. «штыков и сабель» при общей численности 55 тыс., т.е. только 28,4 %[308].

В конце войны с Польшей и Гражданской войны в европейской России, по состоянию на 15 октября 1920 г., доля боевых войск Западного и Юго-Западного фронтов, действовавших против Польши, в общей численности войск этих двух фронтов составляла 35,1 и 37,2 % соответственно, а всего достигала 262 тыс. «штыков и сабель»[309]. Если экстраполировать эту пропорцию на всю действующую армию, то в Красной Армии того периода насчитывалось не более 650—700 тыс. реальных бойцов. Это включая врангелевский, дальневосточный, закавказский, среднеазиатский фронты, а также потенциальные фронты на всех прочих границах Советской России.

Очевидно, что ни в какой период кампании 1920 г. Красная Армия не могла обладать подавляющим численным преимуществом над польской армией[310], о котором пишут многие зарубежные и даже некоторые отечественные историки. Что же касается соотношения сил перед началом активных военных действий весной 1920 г., то тут точные цифры таковы. Непосредственно на фронте находилось 97 тыс. польских «штыков и сабель», которым противостояли 109 тыс. активных бойцов РККА. При этом в Белоруссии войска советского Западного фронта имели небольшое численное преимущество над войсками польского Северо-Восточного фронта. Тогда как на

[308] *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 590, 592, 608—609.

[309] Россия и СССР в войнах XX века… С. 121.

[310] См. Приложение 1. Таблицы 3—6.

Украине армии польского Юго-Восточного фронта превосходили силы двух армий Юго-Западного фронта РККА.

Сложившаяся группировка сил отражала намерение польского командования наносить главный удар на Украине в направлении на Киев и план Главного командования РККА организовать наступление силами Западного фронта. Поляки успели раньше. 25 апреля 1920 г. польская армия перешла в наступление. С началом ее операции был согласован мятеж двух галицийских бригад РККА, перешедших в нее ранее из состава армии ЗУНР. 1-я галицийская бригада, однако, осталась верна Российской Советской республике. Польские войска прорвали фронт. 12-я и 14-я советские армии были совершенно разгромлены. 6 мая Красная Армия оставила Киев.

За три недели поляки далеко продвинулись по Украине, выйдя на линию Чернобыль, восточнее Киева, Белая Церковь, Гайсин, Ямполь. В их руках целиком оказалась рокадная железная дорога Киев — Жмеринка. Советским войскам на Украине было нанесено серьезное поражение.

14 мая в наступление перешли войска советского Западного фронта в Белоруссии. Они имели некоторое продвижение, но не смогли добиться решительного успеха и прекратили операцию. Польским контрударом в конце мая — начале июня они были отброшены почти на исходные позиции. В общем, весенние сражения сложились в пользу польской армии, прочно державшей в своих руках стратегическую инициативу.

Россия встрепенулась вновь

Нашествие Польши на Украину и Белоруссию, неприкрытое стремление захватить исторические русские земли не могло не всколыхнуть патриотические чувства русских людей независимо от их отношения к большевикам. Все русские, за исключением совсем уж ослепленных классовой враждой и социальной местью, понимали, что советская власть ведет войну с Польшей за русское достояние.

Эта война — уже не классовая, а целиком национальная по содержанию — потребовала от большевиков определенного

изменения по крайней мере политической риторики. Советская власть воззвала к национальным чувствам, максимально использовав при этом авторитет вождей бывшей Русской императорской армии. В мае 1920 г. в советских газетах появилось «Воззвание ко всем бывшим офицерам», подписанное генералами Брусиловым, Клембовским, Поливановым, Гутором, Зайончковским и др.:

«...Мы все обязаны по долгу совести работать на пользу, свободу и славу своей родной матери России. В особенности это необходимо в данное, грозное время, когда братский и дорогой нам польский народ, сам изведавший тяжелое иноземное иго, теперь вдруг захотел отторгнуть от нас земли с искони русским, православным населением и вновь подчинить их польских угнетателям.

Под каким бы флагом и с какими бы обещаниями поляки ни шли на нас и Украину, ...настоящая главная цель их наступления состоит исключительно в выполнении польского захватнического поглощения Литвы, Белоруссии и отторжения части Украины и Новороссии с портом на Черном море («от моря до моря»).

В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности к Родине и взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды... и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию, на фронт или в тыл, куда бы правительство Советской рабоче-крестьянской России вас ни назначило, и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить ее расхищения...»

Брусилов писал, что некоторые советские газеты при публикации этого воззвания исключили упоминание о «православном» населении, а некоторые, случайно или намеренно, оставили. До 14 тыс. бывших офицеров откликнулись на призыв[311]. Генералы, подписавшие письмо, и ряд других вошли в состав

---

[311] *Брусилов А.А.* Ук. соч. С. 363—364.

образованного большевиками при Главнокомандующем Вооруженными силами Республики (б. полковник С.С. Каменев) Особого совещания «по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции».

Конец мая — начало июня было периодом борьбы за стратегическую инициативу на Украине. Перелом, хотя и не сразу, наступил с прибытием в состав Юго-Западного фронта 1-й Конной армии под командованием старшего унтер-офицера царской службы, полного Георгиевского кавалера С.М. Буденного. Армия весной 1920 г. завершала разгром войск Деникина на Северном Кавказе, а на Украину прибыла походным порядком. Вместе с 1-й Конной войска Юго-Западного фронта, правда, по-прежнему уступали противнику в живой силе, но зато получили заметное превосходство в кавалерии[312]. При низкой плотности боевых порядков во время Гражданской и русско-польской войн кавалерия была грозным средством оперативного прорыва. Эту задачу теперь и предстояло выполнить опытной, закаленной в боях армии Буденного.

5 июня 1920 г. 1-я Конная армия прорвала фронт противника в направлении Казатин — Бердичев — Житомир. Ее удар упредил и сорвал готовившееся наступление польских войск[313]. Армия вышла на тылы киевской группировки поляков. Польское командование не стало дожидаться окружения и отдало приказ на отход. В ночь с 10 на 11 июня 1920 г. поляки оставили Киев, по ходу дела взорвав губернаторский дом и несколько мостов и увозя с собой немало награбленного имущества. Польские войска вынуждены были пробивать себе дорогу для отступления через уже вышедшие им в тыл разъезды 1-й Конной армии. Во многих местах бои шли с перевернутым фронтом. Основная часть польских войск на Украине спаслась от окружения и пленения. Но инициатива была теперь в руках российских советских войск.

В эти дни на 13-ю армию Юго-Западного фронта, державшую фронт на крымских перешейках, обрушился удар бело-

---

[312] См. Приложение 1. Таблица 4.

[313] *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 211.

гвардейской армии Врангеля. 6 июня 1920 г. она начала наступление с целью захвата Северной Таврии и расширения своей базы снабжения.

К лету 1920 г. остатки белогвардейских войск, спасшихся в Крыму, вряд ли уже могли свергнуть большевиков в масштабах всей России (если те, конечно, сами не перестали бы сопротивляться). Но Белое движение еще было в состоянии надолго затянуть Гражданскую войну, к вящей радости западных держав. Наступление Врангеля было составной частью плана Антанты, направленного на максимальное ослабление России путем продления в ней междоусобной смуты. Оно оказало крайне неблагоприятное влияние на ведение Красной Армией войны против Польши. Тем, что Польша в 1920 г. не была окончательно разгромлена и сохранила за собой часть захваченной русской территории, она обязана в первую очередь белогвардейцам Врангеля.

Какое-то время советское руководство не считало нужным ломать установившиеся планы из-за, как представлялось, всего лишь «диверсии» Врангеля. Война с Польшей развертывалась успешно, и этот фронт по-прежнему считался для Советской России приоритетным. Полагалось, что с Врангелем справится одна 13-я армия и создаваемая ей в помощь 2-я Конная армия.

Однако успехи Врангеля летом 1920 г. заставляли советское руководство уделять все большее внимание этому фронту, пока наконец в августе 1920 г. он не был окончательно признан главным[314]. После своего поражения на подступах к Варшаве (см. ниже) Красная Армия была бы еще в состоянии добиться окончательной победы над Польшей. Но активность Врангеля вынуждала большевистское руководство сосредоточить главные усилия на окончательном разгроме белогвардейцев в Крыму. Здесь сыграл ведущую роль тот же фактор, который весной 1919 г. заставил советское командование приостановить поход на Запад. Буржуазные правительства соседних стран, в том числе польское, не собирались сбрасывать власть большевиков

[314] Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 19 августа 1920 г. См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 51. С. 446.

в России. Максимум, чего они хотели добиться от большевиков — территориальных уступок и гарантий независимости. А Белое движение претендовало на всероссийскую власть. С Пилсудским большевики могли договориться. С Врангелем, как прежде с Колчаком и Деникиным, у советской власти могла быть борьба только на уничтожение.

Ослабления усилий Красной Армии в борьбе против Польши и перенацеливания их на борьбу с Врангелем следовало ожидать. Армия Врангеля тогда была обречена. Единственная историческая роль, которую реально сыграл Врангель тем, что в 1920 г. затянул Гражданскую войну — та, что он помешал государственному воссоединению русских земель. Западная Украина и Западная Белоруссия почти на два десятилетия остались в составе Польши — таков был главный результат эпопеи Врангеля, этой «лебединой песни» Белого дела. Вместо воссоздания «единой неделимой России» Белое движение в 1920 г. объективно помогло отторжению от России части ее земель. Такова историческая правда. Конечно, имелись и другие причины тому, что освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии не было доведено до конца. Но «диверсия» Врангеля — первая из них.

Летом 1920 г. основные свои операции советское командование вело пока еще против польских войск. Наступление Юго-Западного фронта продолжалось. С 4 по 10 июля шли ожесточенные бои в районе города Ровно. Город в итоге остался за российскими советскими войсками. 9 июля был освобожден Проскуров (ныне Хмельницкий). Войска фронта вышли к старой австро-русской границе. 4 июля в наступление перешел и Западный фронт. 11 июля был освобожден Минск, 14 июля — Вильно.

Большевики учли кое-какие свои ошибки прошлого. Когда части Красной Армии вступили на территорию Литвы, они, по указанию Ленина, воздержались от советизации края, в отличие от того, что было год назад. Еще 31 марта 1920 г. буржуазное правительство Литвы в Каунасе обратилось к РСФСР с предложением о военном союзе против Польши. 9 мая 1920 г.

в Москве начались переговоры, завершившиеся 12 июля подписанием договора, согласно которому Литве возвращалась Виленская область, а литовские войска совместно с советскими начинали военные действия против Польши. Через два дня советские войска освободили столицу Литвы.

10 июля 1920 г. Польша заявила о своем согласии признать линию Керзона в качестве основы для будущего мирного урегулирования с Советской Россией. 11 июля британский министр иностранных дел Керзон направил правительству РСФСР ноту с требованием остановить наступление Красной Армии в 50 км к востоку (!) от этой линии и заключить перемирие с Польшей, а также (!) с войсками Врангеля.

Для выработки дальнейшей стратегии и ответа на ноту Керзона Главное командование РККА представило в ЦК РКП(б) обстоятельный доклад о советских военных возможностях. По мнению военспецов, Советская Россия была в состоянии выдержать еще два месяца напряженной борьбы на обоих главных фронтах. Однако если за это время не будет достигнут решающий успех ни на одном из них, то дальнейшее активное ведение борьбы, в силу недостатка боевых припасов и снабжения, представлялось проблематичным. Поэтому Главком С.С. Каменев советовал сосредоточить все силы на решении одной из задач «хотя бы ценою временных неудач в других районах борьбы»[315].

Пленум ЦК РКП(б) 16 июля 1920 г., изучив доклад Главного командования, постановил развивать наступление попрежнему в первую очередь против Польши. На следующий день Совнарком официально отклонил ноту Керзона на том основании, что польское правительство не обращалось непосредственно к советскому с предложением о перемирии. Важным, хотя и невысказанным, мотивом отказа являлось то, что британский министр требовал прекращения военных действий не только против Польши, но и против белогвардейцев Врангеля.

В свете разыгравшихся затем событий остается пожалеть, что советское руководство упустило благоприятный момент

---

[315] Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 284.

для замирения с Польшей на более выгодных условиях, чем те, на которых пришлось мириться впоследствии. Но в то время не одним лишь большевикам казалось, что дело идет к полному разгрому Польши.

Успехи Красной Армии летом 1920 г. были впечатляющими. К началу августа она освободила от польских войск всю Белоруссию и почти всю Украину. Бои велись уже на территориях этнографической Польши и бывшей австрийской Галиции. Уже второй раз в ходе войны против иностранных интервентов в 1919—1920 гг. русский солдат-красноармеец выходил на те рубежи, где разворачивались сражения Отечественной войны в 1915—1916 гг. Теперь он даже перешагнул их.

Впечатлял перечень освобожденных западнорусских городов, которые русские войска оставили еще в ходе Великого отступления 1915 г. и только теперь впервые отвоевали заново: Гродно, Беловеж, Брест, Ковель, Владимир-Волынский... Казалось, еще небольшое усилие — и Россия окончательно вернет себе эти земли, утраченные в прежние годы лихолетья...

Перед Главным командованием Красной Армии и советским руководством открывались блестящие перспективы. Важно было правильно их использовать, не ошибиться в их оценке, не поддаться иллюзиям. Самая успешно веденная война может быть загублена неправильной стратегией, погоней за ложными, недостижимыми целями. Увы, именно это и произошло в 1920 г. в русско-польской войне, которую Россия однозначно выигрывала.

Если бы Ленин в 1920-м послушал Сталина

В свете той катастрофы (или, для поляков, «чуда на Висле»), которая случилась с Красной Армией на подступах к Варшаве в августе 1920 г., вспоминается истина, что «нет пророка в своем Отечестве». В большевистском руководстве летом 1920 г. таким отвергнутым пророком оказался... Иосиф Сталин.

Общепризнано теперь, что поражение российских советских войск на Висле стало следствием авантюрного стратегического плана красного командования, вытекавшего, в свою

очередь, из авантюрной политической установки партийного руководства РКП(б). Бывает, однако, что авантюре не противопоставляется разумная альтернатива. И принятие порочного плана к исполнению становится неизбежным.

Но в случае с советским стратегическим планом летом 1920 г. такой неизбежности не было. В руководстве большевиков высказывалась оптимальная точка зрения на стратегию войны. К сожалению, она не была оформлена как альтернативный план. Да и не могла, так как она исходила из, по сути своей, не-большевистских, не-революционных предпосылок. Она осталась частным мнением одного человека в верхах РКП(б), к которому коллеги, в силу своего доктринерства, не прислушались. Хотя, как задним числом очевидно, именно этот человек и предлагал ту единственную стратегию, которая могла обеспечить Красной Армии в 1920 г. наилучшие результаты войны с Польшей. Разумеется, из реально возможных, поскольку цель — установить во всей Польше советскую власть — была явно нереальной. Этим прозорливым стратегом-реалистом и был Сталин.

В мае 1920 г. он, руководя сразу двумя российскими народными комиссариатами — государственного контроля и по делам национальностей, был назначен еще и членом Революционного военного совета (РВС) Юго-Западного фронта. Должность политического комиссара фронта не была новой для Сталина в Гражданскую войну. Пребывав в 1918—1919 гг. на такой должности в Царицыне против войск атамана Краснова, в Петрограде против Юденича, в Белоруссии против поляков в 1919 г., на Южном фронте против Деникина, Сталин обрел немалый военно-стратегический опыт.

25 и 26 мая 1920 г., перед отъездом на Юго-Западный фронт, Сталин выступил в газете «Правда» со статьей «Новый поход Антанты на Россию». В ней он высказал некоторые свои соображения насчет войны с Польшей:

«Громадное большинство населения Польши[316] ...состоит из непольских крестьян, терпящих гнет польских помещиков...

[316] Сталин здесь имеет в виду — территории, занятой польскими войсками, т.е. Белоруссии и Западной Украины.

Этим, собственно и объясняется, что лозунг советских войск "Долой польских панов! " находит мощный отклик среди большинства населения указанных районов, что крестьяне этих районов встречают советские войска как освободителей от помещичьего ярма». В то же время «тыл польских войск[317] является однородным и национально спаянным... Отсюда стойкость польской армии... Если бы польские войска действовали в районе собственно Польши, с ними, без сомнения, трудно было бы бороться».

В течение июня — июля 1920 г. Сталин еще не единожды возвращался к этой теме в интервью советской прессе и каждый раз называл «недостойным бахвальством» призывы немедленно идти на Варшаву[318]. Однако эти предостережения Сталина, его анализ и прогноз, верные на 100 %, не были услышаны верховными вождями большевиков ни тогда, ни потом.

По сути, Сталин предостерегал от увлечения идеей привнесения революции в Польшу, и вообще куда бы то ни было, на штыках. Его прагматизм подсказывал необходимость сосредоточения усилий на освобождении от польской власти западных областей Белоруссии и Украины, где Красная Армия могла рассчитывать на поддержку местного населения.

Когда в июле 1920 г. в Москве решался вопрос о дальнейших действиях против Польши, РВС Юго-Западного фронта направил Главкому С.С. Каменеву телеграмму, в которой предлагал утвердить овладение Львовом в качестве основной задачи фронта. Части Красной Армии к этому времени уже вошли в пределы Западной Украины, где 16 июля была провозглашена Галицийская Советская республика. Сначала Каменев утвердил это предложение, рассчитывая взять Варшаву силами одного Западного фронта. Во исполнение распоряжения Главкома Юго-Западный фронт 25 июля начал Львовскую опера-

[317] Здесь, наоборот, имеется в виду глубокий тыл — земли, населенные почти одними поляками, Польша в точном этнографическом смысле слова.

[318] Цит. по: *Емельянов Ю.В.* Сталин. Путь к власти. М., 2003. С. 317—318.

цию. Но уже 2 августа Политбюро ЦК РКП(б) дало указание объединить почти все войска, действующие против Польши, в одном Западном фронте, нацелив его на Варшаву...

Очень соблазнительно сейчас представить, как могли дальше пойти процессы, если бы Ленин в 1920 г. послушал Сталина... Сосредоточив основные свои усилия на Юго-Западном фронте, Красная Армия легко завершила бы освобождение Западной Украины и при этом избежала бы катастрофы на варшавском направлении. Заключенный с Польшей мир оказался бы гораздо более выгодным для Советской России, чем тот, который пришлось подписывать впоследствии. Скорее всего, Польше пришлось бы согласиться с границей по линии Керзона. Вся Украина и Белоруссия уже тогда, в 1920 г., стали бы советскими.

А это означает, что и события 1939 г., предшествовавшие Второй мировой войне в Европе, явно происходили бы по иному сценарию, чем в действительности. По какому именно — в двух словах не опишешь, да и книга наша посвящена другому времени. Но совершенно точно Западная Украина в этом случае гораздо больше походила бы на всю остальную Украину. А значит, не было бы сейчас на Украине такой галицийской «москвофобии». Возможно, и Бандеры бы во Вторую мировую войну не было. А если рассуждать последовательно — то и Украина сейчас оставалась бы в государственном союзе с Россией... Во всяком случае, даже при самом неблагоприятных тенденциях в позднем СССР, даже при его распаде, Россия бы сейчас не имела таких сложностей в отношениях ни с Польшей, ни особенно с Украиной.

Существуют проблемы, для решения которых выпадает только краткий благоприятный момент, коим нужно пользоваться. Откладывание решения неизбежно усложняет эту проблему. Такой проблемой в начале XX века было собирание Украины воедино. Оно было отложено на 20—25 лет по сравнению с тем временем, когда могло произойти. Позднее решение (а остаться нерешенной данная проблема просто не могла) породило новые сложности, от которых страдает прежде всего тот народ, который вынужден был еще на срок целого поколения остаться разделенным государственными границами.

Утверждать, что недооценка Лениным и всем вообще руководством большевиков, кроме Сталина, в 1920 г. первостепенной важности воссоединения Украины для всего будущего Советского государства стала фатальной и что именно она привела в итоге к разрушению СССР в конце XX века, наверное, было бы преувеличением. Но очевидно, что оставление этого вопроса нерешенным тогда, в 1920-м, завязало тот довольно сложный узел противоречий, который политики и народы трех соседних, этнически родственных, современных государств не могут распутать по сей день.

Кто подставил наши армии на Висле?

Прежде, чем рассказывать о тех событиях, которые роковым образом сказались на ходе польской кампании 1920 г., следует сразу отмести все обвинения в адрес рядового и большей части командного составов Красной Армии. Говорить, будто Красная Армия оказалась просто неспособна выполнить те задачи, которые перед ней летом 1920 г. поставило руководство РКП(б) и Главное командование, значит утверждать, что какая-то другая армия с подобными задачами при всех прочих аналогичных условиях справилась бы. Такое утверждение должно представляться любому объективному наблюдателю нелепым и даже клеветническим в отношении РККА, как бы к ней самой не относиться.

Армия — инструмент государства. Любой инструмент выполняет ту работу, для которой предназначен. Никто в здравом уме не станет перепиливать толстое бревно лобзиком или колоть дрова молотком. Красная Армия, победившая в Гражданской войне силы российской контрреволюции, превосходно справилась со своей основной задачей. Очевидно, что задачи, поставленные перед ней в войну с Польшей, не соответствовали прежде всего ее материальным возможностям. Но какая другая армия, находясь в таких же условиях, справилась бы?!

В поражении Красной Армии на Висле решающую роль сыграли два обстоятельства: 1) грубейшая стратегическая ошибка командования, 2) крайнее переутомление войск после длинно-

го безостановочного марша. Некомпетентностью своего высшего командования наши войска были подставлены под удар. Спастись от катастрофы в таких условиях можно было бы лишь при наличии подавляющего превосходства над противником либо в силах, либо в мобильности. Ни того ни другого у РККА в 1920 г., разумеется, быть не могло.

Не Красная Армия как инструмент оказалась не на высоте предъявленных к ней требований, а ее высшее руководство — политическое и военное — расписалось в своей профнепригодности. Оно поставило армии заведомо невыполнимые задачи. Поражение Красной Армии на Висле — один из классических в мировой военной истории примеров того, как порочный стратегический план обрекает на разгром армию, которая ничуть не уступает противнику в боевых качествах.

Что касается Красной Армии в 1920 г., то мы должны констатировать даже известное ее моральное и боевое превосходство над противником. Во всяком случае, пока война шла на территории Украины и Белоруссии, она успешно наступала и била врага, не имея численного над ним преимущества. Здесь действовали те факторы, о которых говорил Сталин. Когда Красная Армия вступила на территорию собственно Польши, те же самые факторы должны были оказать обратное воздействие. Однако менее значительное. Потому что у Красной Армии имелось одно постоянное преимущество над польской.

Красная Армия в 1920 г. однозначно превосходила польскую в опытности и боевой выучке. Ведь уже два года она воевала против одной из лучших армий мира того времени — против Русской Белой армии. И воевала успешно. До весны 1920 г. против Польши действовали главным образом второсортные дивизии, потому что сам этот фронт считался большевиками второстепенным. С мая 1920 г., когда на него стали прибывать войска, одержавшие перед тем победы над Белыми армиями на востоке и юге России, положение сразу изменилось. Эти закаленные в боях против сильного противника — тоже русских войск, испытанные дивизии имели над поляками такое же не-

сомненное превосходство, какое ветеран всегда имеет над новичком.

Где до 1920 г. воевали поляки? На том же фронте против второразрядных войск Советской России, да немного против деморализованных немцев и чехов, основная боевая сила которых (Чехословацкий корпус в России) еще не вернулась на родину. Правда, был у поляков ветеранский костяк — польские легионеры Мировой войны, но с началом общей мобилизации он должен был раствориться в массе мобилизованных. Конечно, свою роль в обучении и спайке новых частей он играл. Но тут полякам противостояли не отдельные кадры, а целые дивизии, корпуса, армии (как 1-я Конная) обстрелянных, испытанных бойцов.

Были, конечно, у поляков еще значительные кадры французских военных советников: около 3 тысяч ветеранов Мировой войны в разных чинах — от рядового до генерала. Они тоже сыграли важную роль в организации польской армии. Но право же, нет причины ставить французских участников Великой войны по своей компетентности выше своих русских коллег. На страницах этой книги мы сравнили ведение войны теми и другими и пришли к выводу, что французская армия на фоне своих противников смотрелась не лучше, чем русская — на фоне своих. А РККА строили не случайные люди, а ветераны той же Первой мировой!

Попыткой оправдать свои неудачи был целиком продиктован следующий отзыв о польской армии М.Н. Тухачевского — одного из главных виновников катастрофы на Висле:

«Управление у противника отличное: как состав штабов, так и способ ведения войны обращает на себя внимание в смысле подготовленности и постановки дела на масштаб регулярной маневренной войны... Тактическая подготовка у противника также хорошая. Отдельные единицы — дивизии, полки и батальоны прекрасно маневрируют. Все это указывает на тактическую слаженность частей и высокий уровень командного состава... От польской армии веет европеизмом»[319].

---

[319] Цит. по: *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 73.

Совершенно не красит военного специалиста такой абстрактный обывательский термин в его устах, как «европеизм» противника, которым вдобавок еще и «веет». Более же конкретная оценка им противника полностью противоречит характеристике, данной польской армии изнутри одним из ее дотошных наблюдателей:

«1) Привычка многих войсковых начальников к системе и приемам Великой мировой войны (позиционной) и неприспособленность их к требованиям и условиям маневренной войны.

2) Отсутствие органической связи между пехотой и артиллерией.

3) Неумение применить маневр при обороне.

4) Неумение организовать и использовать войсковую разведку»[320].

Конечно, категорично критический отзыв польского офицера объяснялся тем, что он болел душой за эту армию, поэтому рельефно выделил те ее недостатки, на которые командующий с другой стороны мог и не обратить внимания. Но со стороны Тухачевского мы видим явный крен в сторону преувеличения способностей неприятеля, что не мог не отметить даже протеже и апологет Тухачевского — тот советский военный историк, из книги которого мы взяли приведенные цитаты.

Итак, летом 1920 г. Красная Армия представляла собой весьма исправный инструмент для успешного завершения войны с Польшей выгодным для России миром. Увы, этот инструмент заставили делать заведомо невыполнимую работу...

Решение советского руководства от 16 июля 1920 г. добиваться в первую очередь победы над Польшей требовало соответствующей концентрации военных усилий. Если большевистский ЦК счел невозможным побеждать сразу на двух ТВД, то логично было, что и на главном из них нельзя наступать с решительными целями сразу на двух направлениях. Необходимо было выбрать какое-то одно из них. Оно зависело от тех целей, которые ставились в этой войне большевиками. Без сомнения,

---

[320] Цит. по: *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 72.

кратчайший путь к победному миру пролегал через Галицию. Для того чтобы заставить Польшу замириться на условиях проведения границы по линии Керзона, нужно было, прежде всего достичь этой линии в реальности. На варшавском направлении части Красной Армии уже перешли эту линию, тогда как в Галиции, наоборот, не дошли до нее.

Однако приоритетным для большевистской стратегии стало варшавское направление. Еще готовясь к летнему наступлению 1920 г., Главное командование РККА усиливало прежде всего Западный фронт. Теперь, когда он вступил на территорию этнографической Польши, цели большевиков вырисовались явственно.

26 июля части РККА овладели Белостоком. 30 июля в городе был образован Временный революционный комитет Польши (Польревком), которому отводилась роль польского большевистского правительства. Одним из его членов был назначен Ф.Э. Дзержинский. Польревком стал действовать как орган власти, издавая многочисленные декреты и воззвания, приступив к формированию Польской Красной Армии.

Намерения большевиков были совершенно ясны — советизация Польши, создание Польской Советской Социалистической Республики. Коль скоро была поставлена такая политическая цель, все военные мероприятия должны были быть направлены на ее достижение. Но тут уже в конце июля 1920 г. мы видим явное несоответствие военной стратегии заявленным политическим задачам.

Политический приоритет варшавского направления требовал окончательного признания за львовским направлением второстепенного значения. Между тем основная ударная сила РККА — 1-я Конная армия — находилась на Юго-Западном фронте. Напрашивалось решение об ее передислокации на Западный фронт. Между тем Главком Каменев, определяя в директивах 22 и 23 июля задачи фронтам, ставил перед обоими наступательные задачи и оставлял 1-ю Конную в составе Юго-Западного фронта. Более того, как мы видели, он утвердил представление члена РВС Юго-Западного фронта Сталина, в соответствии с чем войска фронта 25 июля начали операцию

по овладению Львовом. Таким образом, первая стратегическая ошибка была совершена Главкомом Каменевым.

2 августа Политбюро ЦК РКП(б) высказалось за объединение почти всех войск, действующих против Польши, в одном Западном фронте под командованием Тухачевского. Стратегически это решение не было обоснованным. Войска Юго-Западного фронта можно было перенацелить с львовского направления на варшавское не меняя порядка подчинения. Очевидно, это было чисто политическое решение, направленное на удовлетворение честолюбия Тухачевского, за которым отчетливо вырисовывался Троцкий.

В действиях С.С. Каменева заметно сопротивление решению Политбюро. Не сразу он отдал соответствующий приказ. Только 6 августа он издал наконец директиву, по которой 1-я Конная и 12-я армии переподчинялись командованию Западного фронта.

Между тем 1-я Конная еще в последних числах июля стала испытывать трудности. В сражении под городом Броды полякам удалось задержать ее продвижение. В Галиции действовала крупная группировка польских и петлюровских войск, и наступление Красной Армии здесь замедлилось. Нужно отметить, что все пополнения, направляемые центром на войну с Польшей, с июля получал лишь Западный фронт. Пополнения, шедшие на Юго-Западный фронт, расходовались его армиями, действовавшими против Врангеля. Игнорирование Кремлем важности львовского направления привело к фактической остановке наступления советских войск на нем.

Здесь мы видим вторую ошибку Главкома, заключавшуюся в том, что он не обратил своевременно внимания на возросшие трудности наступления на Львов. При заявленном приоритете варшавского направления обстановка требовала скорейшей передислокации на него дополнительных сил. Возросшее сопротивление польских войск в Галиции делало бесцельным продолжение наступления на Львов. 1-я Конная армия не добилась успехов тут, а под Варшаву запоздала. Не имея достаточного духа и авторитета, чтобы протестовать против стратегиче-

ски ненужных распоряжений партийного начальства, Главком Каменев в то же время не нашел в себе сил вовремя настоять перед ним на прекращении активных действий в Галиции с тем, чтобы войска могли выполнить главное задание ЦК. Но на этом ошибки Каменева заканчиваются. Взятые сами по себе, они еще не были фатальными и не могли бы привести к той катастрофе, которая постигла советские войска. Здесь вступили в действие факторы другого рода.

В намерения советского руководства летом 1920 г. входила конечная советизация Польши. Однако это не было еще конечной целью самой войны. Революция в Польше должна была стать лишь ступенькой к революции в Германии.

Наступление Западного фронта, при внимательном рассмотрении, нацеливалось не на Варшаву, а немного в сторону от нее. Направление главного удара шло севернее Варшавы, по касательной к линии польско-германской границы. Действовавшие здесь дивизии 4-й советской армии втискивались между Восточной Пруссией и большой излучиной нижнего течения Вислы, как бы нависая над всем левым стратегическим флангом поляков, но и в свою очередь рискуя получить фланговый удар (что и произошло). К 15 августа три дивизии этой армии (10-я и 15-я кавалерийские, 53-я стрелковая) вышли к Висле у Влоцлавека. Они оторвались от основных сил фронта на 60 км, т.е. на 2—3 перехода! Так можно воевать только с противником, который уже почти прекратил сопротивление! В ином случае неизбежен тяжелейший разгром!

«Гениальный» стратегический замысел «Наполеона»[321] Тухачевского очевиден: не задерживаясь в Польше (Чего уж! С ней все ясно! Со дня на день восстанут польские рабочие и крестьяне и прогонят Пилсудского и панов!), нести знамя победившей пролетарской революции сразу в Германию! Военный авантюризм такой «стратегии» не нуждается в пояснениях. Странно только, что после всего этого кто-то еще продолжает называть Тухачевского «талантливым полководцем».

---

[321] Прозванного так не за военные таланты, а за малый рост и непомерное честолюбие.

Понятно, конечно, что Тухачевский вряд ли действовал здесь целиком на свой страх и риск, хотя очевидно, что он по-своему и достаточно вольно трактовал директивы Каменева. Впрочем, Тухачевский вообще не хотел ни с кем делить лавры будущей победы. Переподчинение себе двух армий Юго-Западного фронта он затеял с той же целью. В ходе Варшавской операции он практически избавился от контроля со стороны Главкома. Не исключено, что Тухачевский получал, минуя Главкома, и выполнял директивы непосредственно от наркомвоенмора и Председателя РВС РСФСР Троцкого.

Что произошло дальше — достаточно подробно описано в литературе. 14 августа собранные в кулак польские войска под Варшавой начали контрнаступление, нанося последовательные удары по разбросанным в пространстве советским дивизиям. Разгром был полный. 4-я советская армия перестала существовать. 15-я армия также была почти целиком уничтожена. Огромные потери понесли 3-я и 16-я армии Западного фронта. К концу августа поляки не только отбили утраченные районы Польши, но и снова вступили на территорию Белоруссии.

Победа поляков на Висле отразилась на ходе операции в Галиции. Здесь командование и РВС Юго-Западного фронта только с 14 августа согласились передать 12-ю и 1-ю Конную армии Западному фронту. Задержка мотивировалась тем, что эти армии уже ввязались в бои под Львовом. Впоследствии это стало поводом для многочисленных обвинений в адрес Сталина, что его саботаж приказов Главкома не позволил вовремя перебросить 1-ю Конную армию под Варшаву и взять польскую столицу.

Однако приказ Каменева о переподчинении двух армий не упоминал об их передислокации, которую к тому же было невозможно осуществить за короткое время. Речь шла только о том, чтобы 12-я и 1-я Конная армии в оперативном отношении подчинялись командованию Западного фронта. Принять участие во взятии Варшавы они бы в ближайшее время никак не смогли.

В то же время нежелание Сталина отдавать две армии в распоряжение Тухачевского было стратегически оправданно, осо-

бенно в свете того, что случилось потом. Действуя на львовском направлении, они бы еще могли одержать успех. Если бы их в конечном итоге оставили в составе Юго-Западного фронта, то — как знать? — быть может, взятие Львова Красной Армией в стратегическом отношении частично уравновесило бы неудачу под стенами Варшавы. Во всяком случае, события подтвердили не только правоту стратегического анализа и прогноза, проделанного Сталиным, но и обоснованность его действий на посту члена РВС Юго-Западного фронта в период августовского военного кризиса. В полководческом отношении Сталин уже тогда оказался на голову выше Троцкого и «Наполеона» Тухачевского.

Решение Политбюро об объединении сил, действующих против Польши, в одном фронтовом командовании, не имело стратегической подоплеки. Это явствует из телеграммы Ленина Сталину 2 августа, в которой сообщалось о принятом решении: «Только что провели в Политбюро разделение фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врангелем. В связи с восстаниями, особенно на Кубани, а затем и в Сибири, опасность Врангеля становится громадной, и внутри Цека растет стремление тотчас заключить мир с буржуазной Польшей»[322].

Обратим внимание: Ленин писал это тогда, когда большевистское руководство на самом деле стремилось к советизации Польши, а не к миру с ее буржуазным правительством! Правда, 10 августа через посредничество Англии действительно начались контакты о перемирии. Однако советское правительство выставило заведомо неприемлемые условия. Так, оно требовало участия «рабочих и батрацких организаций» Польши в мирных переговорах, не шло на размен военнопленных, указывая, что пленные польские офицеры должны являться «заложниками за польских коммунистов». Польская армия, как после тяжелого поражения, должна была демобилизоваться до 50 тыс. человек, передав все оружие, сверх необходимого для вооружения этого числа, Советской России. Как бы в компенсацию большевики выражали согласие провести границу восточнее

[322] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 51. С. 247.

линии Керзона[323]. Победа польской армии под Варшавой сместила акценты в переговорах…

Почему Ленин лукавил, объясняя Сталину мотивы принятого решения? Зная о точке зрения Сталина на стратегию войны с Польшей, он желал сразу предотвратить любые возражения с его стороны. Ленин знал, что такая мотивировка скорее найдет поддержку прагматически мыслящего «Кобы». Узнав затем истинные мотивы решения ЦК, Сталин среагировал болезненно. Он не соблазнился участием в разгроме «последнего гнезда контрреволюции», несмотря на то что фронт против Врангеля был объявлен главным для РСФСР. В конце августа Сталин попросил отставки с должности члена Реввоенсовета фронта, мотивируя это крайней занятостью на других постах. Просьба была удовлетворена.

В заявлении Сталин, между прочим, писал о распространении порочащих его слухов о том, что это он якобы сорвал Варшавскую операцию, затянув передачу армий Западному фронту[324]. Легенду этого рода усиленно создавал, в свое оправдание, Тухачевский при поддержке Троцкого. Не к этому ли эпизоду восходят истоки конфликта, спустя 17 лет трагически закончившегося для Тухачевского?..

Почему Ленин в этом споре оказался на стороне авантюристов Троцкого и Тухачевского? Что, политическое предвидение изменило на сей раз вождю пролетарской революции? Нужно помнить, что Ленин, при всем его недюжинном практическом уме, был сторонником мировой революции. В заочном диспуте о трактовке ленинского теоретического наследия между Сталиным и Троцким формально, с точки зрения буквы учения, прав был Троцкий. Ленин подчеркивал: «Существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов либо одно, либо другое победит»[325]. Путь к победе мировой революции лежал через революцию в Германии, а к ней — через революцию

---

[323] *Какурин Н., Меликов В.* Ук. соч. С. 374—375.

[324] *Емельянов Ю.В.* Ук. соч. С. 322.

[325] *Ленин В.И.* ПСС. Т. 38. С. 139.

в Польше. Цель казалась уже близкой. Между советизацией всей Польши и советизацией одной Галиции Ленин однозначно выбирал первую. Это оказалось тактическим промахом Ленина, подобным тому, какие у него случались и в 1917 г.

Окончание войны

В апреле 2010 г. председатель Правительства России Владимир Владимирович Путин впервые публично на государственном уровне затронул вопрос о судьбе советских военнослужащих, взятых в плен Польшей в 1919—1920 гг.[326] По сильно разнящимся количественно (но не качественно) оценкам историков, в польском плену от нечеловеческих условий содержания и целенаправленных актов насилия погибло от 16 тыс. до 80 тыс. красноармейцев[327]. Путин назвал цифру в 32 тысячи, которую следует считать некой «золотой серединой». В любом случае, речь идет о массовой гибели пленных, размерами превышающей трагедию в Катыни в 1940 г. Поэтому любые претензии Польши к нынешней России, клонящиеся к компенсации и «покаянию» за Катынь, в каковой трагедии к тому же далеко не все однозначно[328], могли бы быть встречены контрпретензиями относительно погибших в польском плену десятков тысяч российских, украинских, белорусских граждан…

К счастью, многим из состава разбитых под Варшавой советских войск удалось избежать польского плена. Они были оттеснены на территорию Восточной Пруссии, где сложили оружие. Германское правительство проявило максимум лояльности к советскому (уже тогда закладывались основы будущего соглашения в Рапалло; см. Заключение), вскорости вернув интернированных красноармейцев. Их снова влили в ряды РККА.

В начале сентября Тухачевский, усилив войска фронта новыми пополнениями и за счет возвращенных из Германии ин-

---

[326] Сообщение РИА «Новости» от 07.04.2010.

[327] *Памятных А.* Пленные красноармейцы в польских лагерях // Новая Польша. 2005, № 10.

[328] http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/katyn_pravda_i_krivda_2010-07-08.htm

тернированных солдат, почувствовал себя в состоянии переломить ход войны. На 12 сентября было назначено наступление. В нем Тухачевский действовал так же «умело», как и под Варшавой. Красная Армия потерпела сокрушительную неудачу в первый же день и возобновила отступление. До конца сентября войска Западного фронта были еще раз основательно разгромлены — под Гродно. 12 октября 1920 г. польские войска второй раз в ходе войны захватили Минск.

Новые успехи польских войск на время оживили совсем потухшие было надежды Белого движения. Генерал Врангель начал договариваться с поляками о создании на территории Польши при содействии Франции еще одной антибольшевистской армии — из осколков белогвардейских отрядов, оказавшихся в разное время на территории Польши. Но главную силу армии должны были составить пленные красноармейцы, а также репатриируемые в Россию бывшие военнопленные и солдаты русских Особых бригад за границей. Понятно, что для них «добровольное» согласие на вступление в эту армию было единственным «билетом» на Родину и шансом избежать голода и издевательств в лагерях для военнопленных и перемещенных лиц.

Формируемая армия должна была занять положение на правом фланге польского фронта и наступать на Одессу. Навстречу ей через Днепр собирались ударить войска Врангеля. Врангель предлагал, чтобы командование русскими и польскими войсками на этом участке фронта осуществлял французский генерал. Он надеялся также привлечь к операции по взятию Одессы корабли французского военного флота[329]... Нет, никак не могли белогвардейцы воевать и держаться без помощи интервентов! Наверное, и миф о «немецком золоте» большевиков так усиленно поддерживался белоэмигрантами только для того, чтобы со своим тотальным коллаборационизмом не выглядеть столь неприглядно на фоне своих противников... Но этим новым планам не суждено было исполниться — русско-польская война скоро завершилась.

---

[329] *Врангель П.Н.* Ук. соч. Ч. 2. С. 320, 325.

Нет сомнения, что, не будь у Советской России Южного фронта — против Врангеля, война с Польшей даже после сокрушительного поражения под Варшавой еще вполне могла закончиться победой Красной Армии. Но политические соображения диктовали большевистскому руководству ликвидацию последних очагов Белого движения прежде всего. Все свежие силы РККА сосредотачивались между Азовским морем и низовьями Днепра. Там разворачивалась последняя битва Гражданской войны в европейской России. С Польшей же возобновились переговоры. Они завершились подписанием в Риге перемирия и, одновременно, предварительных условий мирного договора в тот самый день, 12 октября 1920 г., когда польские войска вступали в Минск.

Предварительный мир превратился в окончательный там же в Риге 18 марта 1921 г. В результате Польша стала на треть состоять из областей с непольским населением. Вспоминая о «пакте Молотова — Риббентропа» 1939 г. и предъявляя на этом основании претензии к России, поляки «забывают», что территориями, отторгнутыми осенью 1939 г. от Польши, ныне обладают суверенные Украина, Белоруссия и Литва. Нынешняя Россия не получила оттуда ни клочка земли.

Заключением прелиминарного Рижского мира в октябре 1920 г. окончилась война России со своими соседями на Западе. Она длилась шесть лет и три месяца.

На территориях, где в 1914—1920 гг. происходили военные действия Второй Отечественной войны, расположились в итоге новые независимые государства: Польша, Эстония, Латвия, Литва, Западная Украина (тут же захваченная Польшей). Другие возникшие тогда же независимые государства (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Армения, Грузия) в тот период воссоединились с Россией в одну державу под эгидой интернациональной коммунистической идеологии. Ее победа стала исторически обусловленной (хотя, наверное, не единственно возможной) реакцией русского народа на все те испытания, которые ему пришлось вынести в ходе этой войны.

Заключение

Решаясь на войну сразу на двух фронтах, германское руководство рассчитывало прежде всего «молниеносно» разгромить Францию. Но еще на стадии планирования ударная мощь правого крыла германского фронта была ослаблена выделением из него четырех корпусов для защиты Эльзаса и Лотарингии[330]. В результате сил у немцев для стратегического окружения всей французской армии не хватало. Это повлекло незапланированные трудности, вызвавшие дальнейшие неудачные решения германского верховного командования, в своей совокупности приведшие к поражению на Марне в 1914 г.

Однако самым фатальным стратегическим просчетом германского руководства за всю войну явился Брестский мир. Да, он формально предоставил в руки Германии значительные средства для ведения войны. Но ведь эти средства надо было еще и обеспечить. Для этого пришлось выделить до 50 дивизий. Дивизии эти, близко соприкоснувшись с русской революцией, разложились первыми и стали рассадником «заразы большевизма» для германской и австрийской армий.

У Германии в этот период был выбор более оптимальных способов действия. Во время первого раунда брестских переговоров следовало ограничиться более скромными требованиями и попытаться получить ресурсы для продолжения войны на Западе путем экономических соглашений с Совет-

[330] *Зайончковский А.М.* Ук. соч. С. 73—74.

ской Россией. Мир был бы заключен раньше. У Германии оставалось бы больше времени на решение военных проблем на Западе. Если бы большевики в лице Троцкого и в этом случае не пошли бы на подписание мира, можно было, в конце концов, вообще воздержаться от наступления. Советы не нарушили бы перемирие в ближайшее время просто по причине отсутствия у них армии. Но коль скоро германское руководство решилось на силовое давление, наиболее рациональным способом в этом случае было идти до конца. Следовало поставить у власти в Москве или Петрограде марионеточное правительство, опиравшееся на прогерманские настроения значительной части российской буржуазии, и с ним заключать мир. Подобие «Скоропадии» возникло бы в масштабах всей европейской части России. Германия же остановилась на полпути, не развязав Брестским миром свои руки полностью для действий на Западе.

Впрочем, упорство Германии на брестских переговорах в стремлении урвать у России как можно больше, не считаясь с задачами скорейшего нанесения удара на Западе, только подтверждает, что главные захватнические цели Германии в Мировой войне 1914—1918 гг. лежали на Востоке. И германский удав подавился, пытаясь заглотнуть непомерно большую для себя добычу.

Если бы не Октябрьская революция в России и последующая оккупация немецкими войсками значительной части российской территории, то очевидно, что Германия могла дольше продержаться в войне. В 1919 г. истощившая свои людские ресурсы в еще большей степени, чем Германия, Франция могла пойти на сепаратный мир, опасаясь чрезмерного усиления после войны своих англосаксонских союзников. Этому помешала Ноябрьская революция в Германии, а она была эхом русской революции. И если кайзеровское правительство действительно финансировало большевиков до их прихода к власти, то исключительно себе же на погибель...

В апреле 1922 г. на Генуэзской международной конференции, куда была приглашена и делегация Советской России, большевики в одну ночь, неожиданно для западных дипломатов, подписали договор с Германией, урегулировавший все взаимные вопросы[331] и заложивший основу для прочных и взаимовыгодных отношений, продолжавшихся до 1933 г., т.е. до прихода к власти Гитлера. Это было сделано в условиях, когда и Россия, и Германия находились фактически в состоянии международной изоляции и были противопоставлены всему окружающему миру. Этакий вариант «стран-изгоев» 20-х годов прошлого века.

Но если бы старая Россия нашла свой путь к победе в войне, Запад постарался бы максимально урезать ее плоды. На мирном конгрессе Россия столкнулась бы с противостоявшим ей фронтом бывших союзников, весьма не желавших ее усиления. И сближение с Германией должно было стать в такой обстановке тоже единственным логическим шагом.

Две крупнейшие нации Европы обречены жить рядом. Столетний период между Венским конгрессом и Первой мировой войной дал всему миру пример мирного и плодотворного соседства русских и немцев. В 1922—1933 гг. СССР и Веймарская республика, подобно Российской и Германской империям на протяжении долгих десятилетий, снова демонстрировали успех мирных отношений. Договор в Рапалло как бы зачеркивал войну 1914 г. и открывал историю этих отношений заново. Жить бы так всегда и дальше народам обеих великих стран... Но кое-кого на Западе это не устраивало.

С изгнанием из СССР в конце 1920-х гг. Троцкого и разгромом троцкистской оппозиции исчезала непосредственная угроза «экспорта коммунизма» из России. Теперь в СССР уже ничто не угрожало будущим советско-германским связям на благо обеих наций. Значит, надо было создать такую

---

[331] Документы внешней политики СССР. М., 1961. Т. 5. С. 223—224.

угрозу из Германии. Несмотря на кое-что уже написанное по этой теме[332], историкам еще предстоит дать во всей полноте исчерпывающее объяснение, почему Гитлер сумел прийти к власти, когда и популярность его партии, и экономический кризис явно шли на убыль. Впрочем, это уже другая история... Но она является продолжением только что рассказанной, частью Великой Тридцатилетней войны 1914—1945 гг.

[332] См. напр.: *Кремлев С.* Россия и Германия: стравить! М., 2003.

Приложение 1

СООТНОШЕНИЕ БОЕВЫХ СИЛ И СРЕДСТВ СТОРОН В НЕКОТОРЫХ БИТВАХ ВТОРОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Таблица 1

Соотношение сил перед началом и во время Лодзинской операции 29 октября — 15 ноября (11—28 ноября) 1914 г.

Общее кол-во в тыс.	Русские	Германцы	Соотношение сил (рус./герм.)
Штыков, тыс.	322	238	1,4: 1
Сабель, тыс.	31	33,2	1: 1,1
Пулеметов	770	650	1,2: 1
Орудий	1320	1424	1: 1,1
Из них в районе Влоцлавск			
Штыков, тыс.	25	45	1: 1,8
Сабель, тыс.	2,5	8	1: 3,2
Пулеметов	48	100	1: 2,1
Орудий	106	324	1: 3,1
В районе Кутно			
Штыков, тыс.	33,9	60	1: 1,8
Сабель, тыс.	3,4	5	1: 1,5
Пулеметов	88	170	1: 1,9

Общее кол-во в тыс.	Русские	Германцы	Соотношение сил (рус./герм.)
Орудий	131	350	1: 2,7
Под Лодзью изначально			
Штыков, тыс.	130	110	1,2: 1
Сабель, тыс.	15	15	1: 1
Пулеметов	350	300	1,2: 1
Орудий	600	800	1: 1,3
Под Лодзью по мере развития операции			
Штыков, тыс.	150	130	1,2: 1
Сабель, тыс.	20	15	1,3: 1
Пулеметов	450	350	1,3: 1
Орудий	800	900	1: 1,1
На решающем участке под Бржезинами			
Штыков, тыс.	38	30	1,3: 1
Сабель, тыс.	7	4,5	1,6: 1
Пулеметов	100	100	1: 1
Орудий	180	200	1: 1,1

Кавалерия подсчитана отдельно от пехоты ввиду ее важной роли в тот период маневренной войны.

Источник: Зайончковский А.М.. Первая мировая война. СПб., 2000. С.856—858.

Пояснение к таблице 1

Замысел операции. Германское командование, сосредоточив главные силы на своем левом фланге, намеревалось окружить 2-ю русскую армию.

Ход и итоги сражения. В районе Влоцлавск немцы, пользуясь заметным превосходством в силах, прорвали русский фронт и начали успешно развивать наступление.

Однако уже в бою под Кутно они натолкнулись на переброшенные сюда дополнительные русские силы, и хотя и потеснили их, тем не менее сила немецкой ударной группировки оказалась ослаблена, а ее части начали веером разбрасываться по фронту вслед за отступающими русскими войсками.

В результате у Лодзи немцы уже не имели решающего превосходства в силах. Пытаясь окружить русские войска, они сами оказались в окружении (20-й корпус). Лишь ценой больших потерь (40 тысяч одними пленными) и благодаря нерасторопности русского командования немцы избежали более крупной катастрофы и вырвались из «котла», который готовили для русских.

На решающем участке сражения, где была одержана победа, русские имели лишь незначительный перевес в живой силе, а по огневым средствам боя силы сторон были равны.

Общим итогом стал захват немцами небольшой территории, но без улучшения собственных позиций.

Таблица 2

Соотношение сил перед началом наступления русского Юго-Западного фронта (Брусиловского прорыва) 22 мая (4 июня) 1916 года

Общее кол-во в тыс.	Русские	Австрийцы и германцы	Соотношение (рус./австр.-герм.)
Бойцов, тыс.	636	478	1,3: 1
Орудий, шт.	1779	1844	1: 1
Из них: в полосе 8-й армии ЮЗ фр.			
Бойцов, тыс.	170	116	1,5: 1
Орудий, шт.	582	548	1,1: 1
В полосе 11-й армии ЮЗ фр.			
Бойцов, тыс.	119	166	1: 1,4
Орудий, шт.	382	471	1: 1,2

Окончание табл. 2

Общее кол-во в тыс.	Русские	Австрийцы и германцы	Соотношение (рус./австр.-герм.)
В полосе 7-й армии ЮЗ фр.			
Бойцов, тыс.	167	84	2: 1
Орудий, шт.	326	325	1: 1
В полосе 9-й армии ЮЗ фр.			
Бойцов, тыс.	180	112	1,6: 1
Орудий, шт.	489	500	1: 1

При этом необходимо отметить, что противник имел более чем трехкратное превосходство в общем количестве тяжелой артиллерии.

Составлено автором на основании: Зайончковский А.М. Ук. соч. С. 542—544; Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 196.

Пояснение к таблице 2

Вывод. Русские армии Юго-Западного фронта нигде не имели решающего численного превосходства над противником, а местами и уступали ему в силах и средствах. Тем не менее наступление увенчалось редким для той эпохи позиционной войны успехом.

Тактический результат операции. 8-я армия за первых десять дней наступления прорвала оборону противника на 80 км по фронту и до 40 км в глубину. 11-я армия, уступавшая в силах противнику, по существу не сдвинулась с места, кроме отдельных участков. 7-я армия взяла первую линию обороны противника, но остановилась перед второй. 9-я армия за десять дней на фронте 80 км отбросила противника в центре на 50 км, одними пленными взяв 38 тыс. чел.

Стратегический результат операции. Прочность австро-германского фронта была поколеблена. В последовавшем общем наступлении русский Юго-Западный фронт за три летних ме-

сяца в полосе шириной более 400 км продвинулся в разных местах от 40 до 100 км.

Сравнение с операциями этого периода на Западе Европы. За четыре с половиной месяца сражения на р. Сомме англо-французские войска на фронте шириной 45 км имели максимальное продвижение до 12 км.

Таблица 3

Соотношение сил перед началом активных боевых действий на русско-польском фронте 25 апреля 1920 г.

Общее кол-во в тыс.	Русские	Поляки	Соотн. (рус./пол.)
Штыков	100,6	86,2	1,2: 1
Сабель	8,6	10,5	1: 1,2
Всего бойцов	109,2	96,7	1,1: 1
Пулеметов	3534	2280	1,5: 1
Орудий	719	688	1: 1
Из них: **в Белоруссии**	Русские	Поляки	Соотн. (рус./пол.)
Штыков	87,2	51,9	1,7: 1
Сабель	6	5,5	1,1: 1
Всего бойцов	93,2	57,4	1,6: 1
Пулеметов	2302	1440	1,6: 1
Орудий	483	340	1,4: 1
на Украине			
Штыков	13,4	34,3	1: 2,6
Сабель	2,6	5	1: 1,9
Всего бойцов	16	39,3	1: 2,5
Пулеметов	1232	840	1,5: 1
Орудий	236	348	1: 1,5

Составлено автором на основании: по русской Красной Армии — Какурин Н., Меликов В. Гражданская война в России:

Война с белополяками. М.; СПб., 2002. С. 608—609, 612[333]*; по польской армии — Гражданская война в СССР. М., 1986. Т. 2. С. 255.*

Пояснение к таблице 3

Начатое польскими войсками 25 апреля наступление на Украине привело к стратегическому прорыву фронта и продвижению за две недели в полосе шириной 400 км на глубину от 100 до 250 км. Начатое российскими советскими войсками в середине мая наступление в Белоруссии привело к локальным успехам.

Обращает на себя внимание значительное (в разы) снижение насыщенности фронта живой силой и огневыми средствами по сравнению с периодом русско-германской войны.

Таблица 4

Соотношение сил перед началом контрнаступления русского Юго-Западного фронта против польских войск 26 мая 1920 г.

Кол-во в тыс.	Русские	Поляки	Соотн. (рус./пол.)
Штыки	22,4	69,1	1: 3
Сабли	24	8,9	2,7: 1
Всего бойцов	48,4	78	1: 1,6
Пулеметов	1440	1897	1: 1,3
Орудий	245	412	1: 1,7

Источник: Гражданская война в СССР. Т. 2. С. 270.

---

[333] Количество русских войск на Украине (Юго-Западный фронт) подсчитано по состоянию на 29 апреля. Автор полагает, что по инерции оно отражает состояние дел перед наступлением польских войск, так как во время начавшегося разгрома частей Красной Армии на Украине произвести точный подсчет не было возможности. Численность русских войск в Белоруссии (Западный фронт) подсчитана по состоянию на 1 мая с учетом частей, перевозившихся к фронту, предполагая, что к середине мая они прибыли на фронт и приняли участие в наступлении. Данные по фронту, непосредственно относящиеся к 15 мая, неполны.

Пояснение к таблице 4

С прибытием в состав Юго-Западного фронта одного из наиболее боеспособных и опытных соединений РККА — 1-й Конной армии — русские войска получили заметное качественное превосходство над противником. Удачные действия 1-й Конной армии, несмотря на общее неблагоприятное соотношение сил, создали угрозу стратегического прорыва и привели к отходу польских войск за три недели на позиции, исходные перед началом весеннего польского наступления.

Таблица 5

Соотношение сил перед броском русского Западного фронта на Варшаву 1 августа 1920 г.

Кол-во в тыс.	Русские	Поляки	Соотн. (рус./пол.)
Штыки	93,8	45	2,1: 1
Сабли	7,5	5,6	1,3: 1
Всего бойцов	101,3	51,6	2: 1
Пулеметов	2573	2292	1,1: 1
Орудий	598	464	1,3: 1

Источник: Какурин Н., Меликов В. Ук. соч. С.692—693.

Пояснение к таблице 5

Соотношение сил позволяло полностью разгромить противостоящие польские войска и сорвать сосредоточение польских резервов в районе Варшавы. Однако планом командования Западного фронта российские советские войска были нацелены не на военные, а на географические и политические цели — быстрее достичь границ Германии, чтобы поднять там революцию. Это позволило польскому командованию избежать разгрома и сосредоточить под Варшавой ударную группировку для флангового контрнаступления.

Таблица 6

Соотношение живой силы перед контрнаступлением польских войск в районе Варшавы 15 августа 1920 г.

Всего бойцов пехоты и кавалерии (тыс.)	Русские	Поляки	Соотн. (рус./пол.)
На всем фронте	154,7	148,5	1: 1
В т.ч.: на варшавском направлении	90,7	114,5	1: 1,3
на львовском направлении	64	34	1,9: 1

Источник: Какурин Н., Меликов В. Ук. соч. С.415.

Пояснение к таблице 6

Польские войска не имели решающего преимущества в силах под Варшавой. Однако растянутость российских советских войск по фронту позволяла бить их по частям во фланг и в тыл маневренным кулаком. Эту перспективу, в отличие от командующего советским Западным фронтом Тухачевского, прекрасно видели Пилсудский и особенно его главный французский советник генерал Вейган. Чем они не преминули воспользоваться.

Обращает на себя внимание огромный численный перевес наших войск над противником в полосе нашего Юго-Западного фронта. Уже один этот факт должен был побудить советское главное командование своевременно переключить основные наступательные усилия в полосу этого фронта на окончательное овладение и закрепление за собой всей Галиции.

Приложение 2

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ ОСНОВНЫХ ВОЕВАВШИХ СТРАН В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Основным источником для нас служит классический, выдержавший несколько переизданий труд советского исследователя Б.Ц. Урланиса «Войны и народонаселение Европы», а конкретно — § 2 «Первая мировая война», глава III, часть II.

Данные, полученные исследователем, сведены нами в следующей таблице (цифры указаны в млн человек, округленно до сотни тысяч, как правило):

Страна	Убитые на поле боя и безвозвратно пропавшие без вести	Умершие от ран и химического оружия	Умершие в армии от небоевых причин	Погибшие в армии суммарно	Умершие в плену	Общее число погибших
Россия	1,6	0,25	0,2	2,05	0,2	2,25
Германия	1,5	0,3	0,2	?	0,06	2
Австро-Венгрия	0,7	0,3	?	?	0,07	1,1
Франция (без колоний)	0,9	0,2	0,2	?	0,02	1,3

Окончание табл.

Страна	Убитые на поле боя и безвозвратно пропавшие без вести	Умершие от ран и химического оружия	Умершие в армии от небоевых причин	Погибшие в армии суммарно	Умершие в плену	Общее число погибших
Англия (без колоний и доминионов)	0,7	?	?	0,7	?	0,7
Италия	0,4	0,05	0,1	?	0,06	0,6

Прежде всего, исследователь сам допускает сомнение в окончательности цифр потерь Австро-Венгрии[334]. Действительно, сразу бросается в глаза несоразмерно большое количество умерших от ран сравнительно с числом убитых и пропавших без вести, если исходить из аналогичной пропорции в других армиях. Также удивляет относительно небольшое количество умерших в плену — лишь чуть больше, чем у гер-

[334] Он пишет: «По данным, сообщенным Керхнаве, к концу войны было зарегистрировано 905 тыс. убитых и умерших солдат австро-венгерской армии. Кроме того, к концу 1919 г. продолжали еще числиться пропавшими без вести 181 тыс. человек. Прибавив их к числу зарегистрированных случаев смерти, Керхнаве получил 1,1 млн погибших. По-видимому, эта цифра наиболее правильно отражает размер потерь австро-венгерской армии. 300 тыс. из этого числа умерло от ран и болезней, 70 тыс. умерло в плену, 3 тыс. — от отравления газами. Следовательно, количество убитых на полях сражений определится в 727 тыс. человек. Все же цифра Керхнаве в 1,1 млн убитых и умерших требует дополнительной проверки, так как сравнительно с Германией потери Австро-Венгрии представляются слишком малыми. Если Германия потеряла свыше 2 млн человек, то Австро-Венгрия пропорционально населению должна была потерять около 1,6 млн человек, т.е. на 0,5 млн больше, чем указывает Керхнаве».

манской армии. Однако известно, что военнослужащих армии двуединой монархии попало в плен (особенно русский) значительно больше, чем военнослужащих германской армии. Поэтому количество потерь Австро-Венгрии придется перепроверить по другим данным.

Урланис указывает общее количество убитых и раненых в австро-венгерской армии за всю Первую мировую войну в 4,6 млн Головин приводит обычное соотношение между числом убитых и умерших от ран и общим числом убитых и раненых в армиях Первой мировой войны. Для французской армии это соотношение составляло 1: 3,39, для германской — 1: 3,35[335]. Взяв пропорцию 1: 3,4, получим, что австро-венгерская армия могла потерять погибшими 1,35 млн человек. Включив сюда погибших в плену и от небоевых причин, мы вряд ли преувеличим, определив допустимую цифру погибших в Первую мировую войну военнослужащих двуединой монархии в 1,4 млн

Сколько из них погибло на Восточном фронте? Известно распределение потерь австро-венгерской армии убитыми и ранеными по фронтам. На Восточный фронт приходилось 59,5 % общего их количества. От 1,4 млн погибших это будет круглым числом 800 тысяч. Именно столько австро-венгерских военнослужащих, по нашим минимальным подсчетам, погибло на Восточном фронте.

Как распределяются по фронтам погибшие германские военнослужащие? По неполным данным: 1 214 тыс. на Западном фронте, 317 тыс. на Восточном. Общее же количество потерь немецкой армии погибшими — 2,04 млн, из которых 56 тыс. умерли в плену. Какое-то (незначительное) количество погибло на Итальянском и Балканском фронтах.

Имеющееся неполное количество погибших, для получения искомой цифры в 1,98 млн, необходимо увеличить на 29,3 %. Получим: 1,57 млн для Западного фронта (из них не менее 1,1 млн до конца 1917 г.) и 0,41 млн для Восточного.

---

[335] *Головин Н.Н.* Военные усилия России... С. 127.

Количество потерь турецкой армии устанавливается лишь приблизительно. К общему числу примерно 250 тыс. погибших следует прибавить 68 тыс. умерших от ран. Больше половины потерь турецкой армии убитыми пришлось на Русский фронт. Число погибших болгар незначительно.

Таким образом, в книге мы решили исходить из следующего окончательного (конечно, весьма приблизительного) числа военнослужащих армий Четверного союза, погибших в военных действиях против России: Германия — 0,4 млн, Австро-Венгрия — 0,8 млн, прочие — 0,2 млн Всего — 1,4 млн

2. Необходимо, однако, отметить, что итоговые подсчеты Урланисом потерь Русской армии основаны на допущении, что реальное количество убитых непосредственно на поле боя превышает зарегистрированную цифру на 300 тыс. Это превышение на 0,3 млн введено им для того, чтобы сравнять соотношение потерь по этому показателю между Русской армией и ее противниками с соотношением потерь сторон на Западном фронте (4: 3). Соответственно, итоговая цифра погибших в Русской армии включает это произвольное допущение.

Если это допущение исследователя неверно, соответственным образом на 300 тыс. уменьшаются итоговые цифры потерь России. Общее количество погибших тогда не превышает 2 млн, из них на фронте — 1,8 млн Это выше потерь противника только в 1,3 раза, а не в полтора раза, как с допущением. Но в принципе эта пропорция не отличается существенно от той, которую мы привели ранее в книге. Она не позволяет окончательно судить, что соотношение потерь на Русском фронте было менее благоприятным для Центральных держав, чем на Западном. Точно так же, как ранее приведенная не позволяет делать обратный вывод. Обе они — в пределах статистического отклонения.

Косвенным подтверждением тому, что истинные потери Русской армии завышены на 300 тыс., может служить соотно-

шение между числом убитых непосредственно и числом умерших от ран. В Русской армии, согласно цифрам Урланиса, оно намного больше, чем в других армиях. Если же мы возьмем число убитых на поле боя и пропавших без вести не 1,6 млн, а 1,3 млн, данная пропорция приближается к той, что имеет место в германской и французской армиях (см. таблицу).

То, что на Восточном фронте относительные потери блока Центральных держав могли быть выше, чем на Западном, вполне правдоподобно. Ведь на Западном фронте с их стороны воевала только армия Германии (в самом конце войны там появились две австрийские дивизии). На Восточном фронте от одной до двух третей составляли австрийские и турецкие войска. Неудивительно, если бы они в боях с русскими несли значительно бóльшие относительные потери, чем немцы в боях с французами.

Данная поправка не влияет на конечные выводы нашей книги, но показывает вероятность коррекции окончательного числа потерь Русской армии в сторону уменьшения.

3. Сводка потерь на Западноевропейском ТВД за всю войну, приведенная нами в главе 10, дана с учетом: 1) умерших от ран и небоевых безвозвратных потерь, 2) войск британских и французских колоний и британских доминионов. Количество британских потерь исчислено следующим образом. По данным, приводимым Урланисом, армии Британской империи понесли 90 % своих потерь на Западноевропейском ТВД. Исходя из общего числа потерь Британской империи — 0,9 млн, устанавливается цифра их потерь во Франции — 0,8 млн

До конца 1917 г. германская армия на Западном фронте, с учетом поправки на пропавших без вести, безвозвратно потеряла 1,1 млн человек. Союзники за то же время, исходя из установленной нами в гл. 10 пропорции 1,4: 1, — не менее полутора миллионов человек. В последний год войны, после заключения Брестского перемирия на Востоке, потери германской армии погибшими на Западе составили полмиллиона человек, союзников — около 700 тысяч.

4. Число военнопленных армий Центральных держав в России историк Керсновский указывает[336] в 2,2 млн, статья в Википедии — 2,9 млн. Мы воспользовались для наших подсчетов более осторожной цифрой Керсновского, приведенной им на основе опубликованных тогда, вскоре после войны, западных источников. Тем более что в ней есть важное для нас распределение числа военнопленных по армиям Четверного союза: Австро-Венгрия — 1,85 млн, Германия — 0,25 млн, Турция — 0,1 млн.

Общее число военнопленных Центральных держав статья в Википедии указывает в 3,5 млн, из них: 2,2 млн — Австро-Венгрия, 1 млн — Германия, 0,25 млн — Турция. Следовательно, из всех них на долю пленных, взятых союзниками России на всех фронтах, остается лишь 600 тыс. Очевидно, однако, что эта цифра должна быть выше, так как в других источниках[337] для одной Турции указывается, например, почти полмиллиона попавших в плен на всех фронтах.

Поэтому для наших подсчетов возьмем число пленных, взятых союзниками России, по максимуму. Для этого вычтем цифры, приводимые Керсновским для каждой страны, из соответствующих цифр статьи в Википедии. Получим: 0,15 млн турецких, 0,35 австро-венгерских и 0,75 млн германских пленных. Последнее число будем считать общим количеством военнопленных, взятых союзниками на Западноевропейском ТВД.

Цифра в 750 тысяч германских военнопленных на Западном фронте также находит косвенное подтверждение здесь[338], где общее число германских пленных указано в 1 млн Вычтя из них четверть миллиона немцев, взятых в плен Русской армией, мы получим те же 750 тысяч немцев, попавших в плен на Западе Европы.

В то же время Франция потеряла пленными 0,5 млн, Англия — 170 тыс. Очевидно, что почти все эти потери францу-

[336] *Керсновский А.А.* История Русской армии. С. 666.

[337] Россия и СССР в войнах… С. 106.

[338] Там же.

зов и около 90 % английских потерь (т.е. минимум 150 тыс.) приходятся на Западный фронт.

Обращает на себя внимание, что общее число военнопленных как с той, так и с другой стороны на Восточном фронте превышало количество убитых. Ситуация, обратная той, которая имела место на Западном фронте. Большое взаимное количество пленных характерно для маневренной войны. Оно свидетельствует, что кампании на Восточном фронте были более динамичными и событийно насыщенными, чем боевые действия на Западном фронте.

Содержание

Научно-популярное издание

Военный архив

Бутаков Ярослав Александрович

БРЕСТСКИЙ МИР
ЛОВУШКА ЛЕНИНА ДЛЯ КАЙЗЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*
Корректор *Б.И. Тумян*
Верстка *А.Ю. Киселев*
Подготовка к печати
художественного оформления *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 26.09.2012. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 14. Тираж 2000 экз. Заказ № 1395.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ООО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 7.
Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.
Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

Военный Архив

Книга представляет собой оригинальную версию событий Первой мировой войны и иностранной интервенции в России, которые автор рассматривает как единую Вторую Отечественную войну России 1914—1920 гг.

Основная сюжетная линия — возникновение, ход и итог революции 1917 года на фоне всемирной катастрофы. Автор ярко показывает политическую изоляцию Николая II в государственной элите Российской империи. Обосновывается тезис о том, что Гражданская война в России стала неизбежной задолго до прихода большевиков к власти, по причине близорукой и эгоистичной политики либеральной элиты, устранившей царя.

В книге разоблачаются домыслы о Брестском мире как о якобы добровольной уступке Ленина немецкому кайзеру Вильгельму II. В обстановке развала государства и армии любое российское правительство, оказавшееся на месте большевиков, тоже было бы вынуждено заключить сепаратный мир с Германией. Убедительно раскрыто влияние Брестского мира на последующие события. Для России он не имел долгих пагубных последствий. Зато благодаря ему русская революция бумерангом ударила по кайзеровской Германии. Революционное разложение немецкой армии, оккупировавшей западные области России, значительно ускорило падение кайзеровского режима и поражение Германии в Первой мировой войне.

ISBN 978-5-9533-6333-4

9 785953 363334

ВЕЧЕ